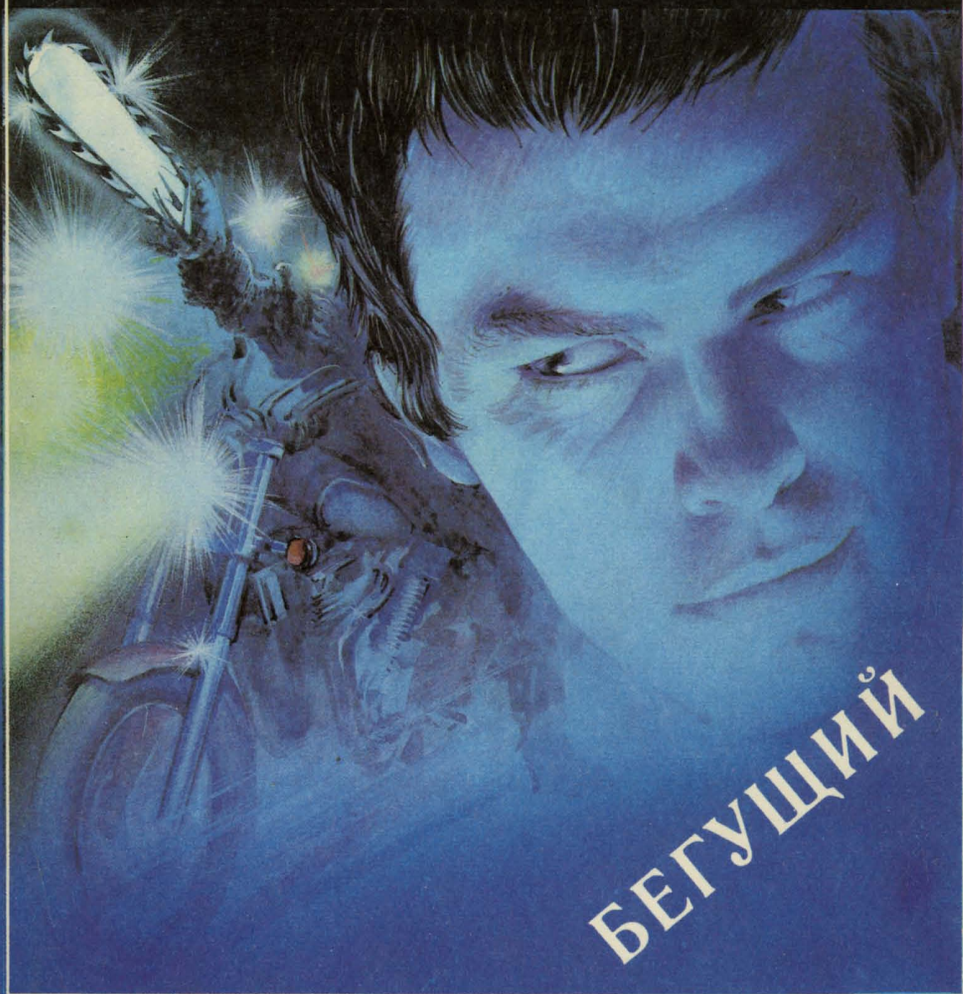

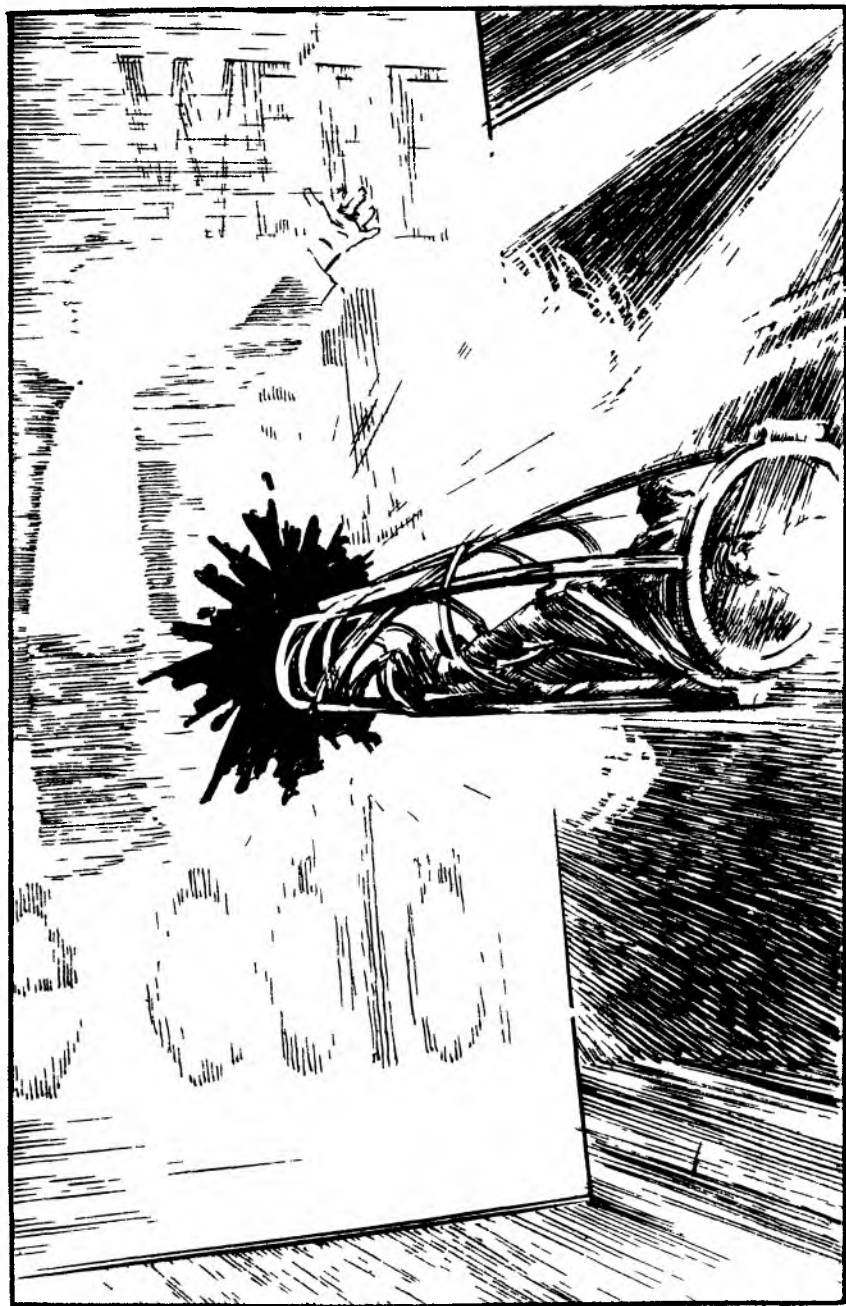
СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

БЕГУЩИЙ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

А. Н. НУРОВА 93

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг
БЕГУЩИЙ

Жуковский
КЭДМЭН
1993

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 12

Stephen King
THE RUNNING MAN

Художник А.Н.Миронов
Главный редактор Б.И.Самарханов

Стивен Кинг
Бегущий: Повести и рассказы

ISBN 5-85743-015-1

Copyright © by Stephen King

© А.Н.Миронов, 1993, оформление суперобложки, иллюстрации

© Издательство «КЭДМЭН», 1993, перевод

БЕГУЩИЙ

БЕГУЩИЙ

...Минус 100
счет открыт...

Она прищурилась на термометр в белом свете, проникающем сквозь окно. За окном под мелким дождем другие вершины Ко-Оп Сити возвышались, как серые тюремные башни. Внизу в вентиляционной шахте хлопало от ветра ветхое белье на веревке. Крысы и откормленные уличные коты сновали среди мусора.

Она взглянула на мужа. Он сидел за столом, уставившись в экран Фри-Ви с упорной безучастной сосредоточенностью. Он смотрел так уже несколько недель. Это было на него не похоже. Он это ненавидел, всегда ненавидел. Само собой разумеется, каждая квартира Развития имела свой Фри-Ви — таков был закон, но пока еще позволялось выключать их. Закон о Принудительном Благе 2021 года не набрал необходимого большинства в две трети с недостаточей шести голосов. Обычно они никогда не смотрели Фри-Ви. Но с тех пор, как Кэти заболела, он постоянно смотрел викторины с раздачей больших призов. Это наполняло ее тошнотворным ужасом.

На фоне натужных выкриков, сообщающих последние сплетни в перерыве между таймами, Кэти все скулила и скулила охрипшим от гриппа голосом.

— Сколько? — спросил Ричардс.

— Не так много.

— Не обманывай меня.

— Тридцать девять и восемь.

Он с силой опустил оба кулака на стол. Пластмассовая тарелка подпрыгнула в воздух и шлепнулась вниз.

— Мы найдем врача. Постарайся не волноваться так сильно. Послушай, — она начала что-то отчаянно лепетать, чтобы отвлечь его, он отвернулся и вновь принялся смотреть Фри-Ви. Перерыв закончился, и игра продолжалась. Это была, конечно, не крупная игра, а просто одна из дешевых ежедневных приманок под названием «Золотая Мельница». В нее брали только страдающих хроническими заболеваниями сердца, печени или легких, иногда для большего комического эффекта запуская калеку. Каждую минуту, которую участник конкурса мог продержаться на мельнице (поддерживая при этом постоянный поток болтовни ведущего), он выигрывал десять долларов. Каждые две минуты ведущий задавал Призовой Вопрос (парень с шумами в сердце, находившийся на кругу в настоящий момент, отвечал какую-то чушь из истории Америки), который стоил пятьдесят долларов. Если конкурсант, задыхаясь от головокружения, с сердцем, выделяющим акробатические номера в его груди, пропускал вопрос, пятьдесят долларов высчитывалось из его выигрыша, а колесо раскручивалось быстрее.

— Мы справимся, Бен. Непременно. Справимся. Правда. Я...

— Что — ты? — Он жестко посмотрел на нее. — Шарлатан? Нет, Шейла, ей нужен настоящий врач. Никаких кварталных акушеров с грязными руками и запахом перегара. Современное оборудование. Я позабочусь об этом.

Он пересек комнату, в то время как глаза его, как загипнотизированные, поворачивались к экрану Фри-Ви, превратившему стену над раковиной в один огромный глаз. Он сдернул с крючка свой дешевый холщовый пиджак и раздраженным рывком натянул его на себя.

— Нет! Нет, я... я этого не позволю. Ты не пойдешь...

— А почему бы и нет? В худшем случае ты получишь несколько олд-баксов как глава осиротевшей семьи. Так

или иначе, у тебя будет достаточно денег, чтобы вылечить ее.

Она никогда не была вполне привлекательной женщиной, а за те годы, что ее муж был без работы, стала чересчур худой, но сейчас она выглядела прекрасной... величественной.

— Я не приму их. Пусть это говеное правительство убирается прочь со своими грязными иудинными деньгами. Я не возьму премии за жизнь моего мужа!

Он повернулся к ней, угрюмый и мрачный, несущий в себе что-то, сразу выделяющее его, что-то невидимое, но безошибочно определяемое Системой. Для своего времени он был динозавром. Не слишком страшным, но все же анахронизмом, вызывающим неловкость. Может быть, даже чреватым опасностью. Большие тучи собираются вокруг маленьких частиц.

Он показал в сторону спальни.

— Ты хочешь, чтобы она кончила жизнь в безымянной могиле для бедных? Тебе это больше нравится?

Это было последним доводом. Ее лицо сморщилось и растаяло в слезах.

— Бен, это именно то, чего они хотят, для таких, как мы, как ты...

— Возможно, меня не примут, — сказал он, открывая дверь. — Возможно, я не обладаю тем, что им надо.

— Если ты пойдешь, они убьют тебя. А я здесь буду смотреть на это. Ты хочешь, чтобы я видела это в то время, как она лежит в соседней комнате? — Ее было едва слышно сквозь слезы.

— Я хочу, чтобы она жила. — Он попытался закрыть дверь, но она мешала ему своим телом.

— Тогда поцелуй меня, прежде чем ты уйдешь.

Он поцеловал ее. В конце коридора миссис Дженнер открыла дверь и высунулась. Густой дразнящий запах солонины с капустой достиг их. Дела у миссис Дженнер шли хорошо — она помогала в местном комитете, предоставлявшем скидку на наркотики, и почти безошибочно умела определять обладателей фальшивых справок.

— Ты возьмешь деньги? — спросил Ричардс. — Ты не станешь делать глупости?

— Возьму, — прошептала она. — Ты знаешь, что возьму.

Он неловко сжал ее, потом быстро отвернулся и неуклюже нырнул в уходящий вниз колодец лестничного проема.

Она стояла в дверях, сотрясаясь от беззвучных рыданий, пока не услышала, как пятью этажами ниже равнодушно хлопнула дверь, и тогда закрыла фартуком лицо. Она все еще сжимала градусник, которым мерила температуру дочери.

Миссис Дженнер подкралась неслышно и потянула за фартук.

— Дорогуша, — зашептала она. — Я достану пенициллин на черном рынке как только у вас появятся деньги... совсем дешево... отличного качества...

— Убирайтесь! — закричала Шейла.

Миссис Дженнер отпрянула, инстинктивно оскалив почерневшие гнилые зубы.

— Я просто пытаюсь помочь, — пробормотала она и засемила в свою комнату.

Едва заглушаемые тонкой пластиковой стеной, стоны Кэти все продолжались. Фри-Ви в комнате миссис Дженнер орал и улюлюкал. Конкурсант «Золотой Мельницы» только что не ответил на Призовой Вопрос и одновременно получил инфаркт. Его выносили на резиновых носилках, а публика аплодировала.

Шевеля верхней губой, миссис Дженнер записывала имя Шейлы Ричардс в свою записную книжку.

— Мы еще посмотрим, — говорила она, ни к кому не обращаясь. — Мы еще посмотрим, миссис Чистоплюйка.

Она захлопнула записную книжку со зловещим звуком и уселась смотреть следующую игру.

...Минус 099
счет продолжается...

Мелкий дождь превратился в ливень, когда Ричардс вышел на улицу. Огромный термометр на стене с надписью «Кури и колись — улетишь ввысь» показывал плюс десять. (Самый подходящий градус, чтобы уколоться и улететь в энную степень!) У них в квартире могло быть шестнадцать. А у Кэти грипп.

Крыса лениво и неторопливо переходила по растрескавшемуся цементу мостовой. Через дорогу древний заржавленный скелет «Хамбера» образца 2013 года стоял на сгнивших осях. Он был ободран до основания, но полицейские не убрали его. Они теперь редко осмеливались заходить южнее Канала. Ко-Оп Сити превращался в огромный крысиный заповедник из автостоянок, заброшенных магазинов, Городских Центров и мощеных детских площадок. Банды на колесах творили здесь свой закон, а все эти колонки новостей о неустрашимой квартальной полиции Южного Города были не более чем кучей дерьма. Улицы были призрачны и безмолвны. Если нужно было выйти из дома, садились в пневмобус или брали с собой газовый баллончик.

Он шел быстро, не оглядываясь по сторонам, не думая. Воздух был наполнен серными испарениями. Четыре мотоцикла с ревом промчались мимо, и кто-то швырнул обломком асфальта. Ричардс легко увернулся. Два пневмобуса проехали мимо, обдав его сжатым воздухом, но он не проголосовал. Выданное на эту неделю пособие по безработице в двадцать долларов было истрачено. Денег на талон не было. Он подозревал, что бродячие банды чувствовали, как он беден. На него никто не нападал.

Высотные дома, блоки Развития, провололочные заборы, пустые автостоянки с разобранными остовами брошенных машин, похабщина, нацарапанная мелом на асфальте и расплывающаяся под дождем. Разбитые окна, крысы, мокрые мешки мусора, валяющиеся на тротуарах и в

канавках. Граффити, неровно разбегающиеся по крошащимся серым стенам: «КОЗЕЛ НЕ ДАЙ СЕБЯ КИНУТЬ, СЛЫШЬ. БОТАЙ НА ФЕНЕ ШИРЯЙ ПО ВЕНЕ. ТВОЯ ЖОПА СВЕРБИТ. ЗАЛУПИ СВОЙ БАНАН. ТОММИ ТОЛКАЕТ ТРАВКУ. ГИТЛЕР БЫЛ КРУТ. МЭРИ. СИД. БЕЙ ЖИДОВ». Старые фонари, поставленные еще в семидесятые, разбитые камнями и кусками асфальта. Службы технического обеспечения никогда их здесь не заменят; они сидят на кредите нью-долларов. Техники работают в Городе, детка. В Городе спокойно. Кругом тишина, не считая нарастающего и уходящего свиста пневмобусов и гулкого эха шагов Ричардса. Это поле битвы освещается ночью. Днем это пустынное серое молчание, где нет движения — лишь кошки, крысы и жирные белые личинки, копошащиеся в мусоре. Лишь смрадный запах разложения славного года 2025. Кабель Фри-Ви упрятан глубоко под землю, и никто кроме идиотов и революционеров не захочет посягнуть на него. Фри-Ви — это пища для грез, за хлеб жизни. Героин идет за двенадцать олд-баксов пакет, Фриско Пуш — за двадцать таблетка, а Фри-Ви окрутит тебя бесплатно. Далеко отсюда, на другой стороне Канала, машина грез работает двадцать четыре часа в сутки... но она работает на нью-доллары, а они есть только у тех, кто работает. Еще четыре миллиона, почти все безработные, живут к югу от Канала в Ко-Оп Сити.

Ричардс прошел три мили, и случайные магазины спиртного, поначалу густо зарешеченные, становились все более многочисленными. Поэтому Дома Икс (двадцать четыре Извращения — Сосчитай 24!!), Закладни, Торговые Центры Крови. Смазчики на мотоциклах на каждом углу, канавы засыпаны снегом Богатые Кварталы Курят до Отвала!

Он видел теперь небоскребы, поднимающиеся до облаков, высокие и чистые. Выше всех было Здание Системы Игр, сто этажей, верхняя часть которых терялась в тучах и смоге. Он сосредоточил взгляд на нем и прошел еще милю. Более дорогие кинотеатры и магазины травок

без решеток на окнах (наемные полицейские стояли снаружи со своими электрическими дубинками, свисавшими с ремней). Городской полицейский на каждом углу. Народный Фонтанный Парк: вход 75 центов. Хорошо одетые мамы следят за детьми, резвящимися на астродерне за проволочным забором. По полицейскому с каждой стороны ворот. Крошечный, патетический уголок фонтана.

Он пересек Канал.

По мере того как он приближался к Зданию Игр, оно становилось все выше и невероятней с его безликими рядами офисных окон, с его полированной каменной отделкой. Полицейские, наблюдающие за ним, были готовы протолкнуть его дальше или прибить, если он попытается замешкаться. Здесь, в Городе, человек в мешковатых серых брюках с дешевой стрижкой под ежик и с опухшими глазами мог оказаться лишь с одной целью. Этой целью была Игра.

Отборочный экзамен начинался ровно в полдень, и, когда Бен Ричардс встал за последним в очереди, он почти вошел в тень от Здания Игр. Но само здание было еще в девяти кварталах и более чем в миле отсюда. Очередь протянулась перед ним как бесконечная змея. Вскоре другие выстроились за ним. Полиция наблюдала за ними, не выпуская из рук пистолетов или дубинок. Они улыбались безразличной презрительной улыбкой.

— Вон тот похож на полоумного, а Фрэнк? Так мне сдается.

— Тот парень спросил меня, где здесь уборная. Ну вооще!

— Сукины дети, а...

— Готовы мать родную убить за...

— От него воняло, как будто он не мылся...

— Самый класс это зрелище, я всегда...

Опустив головы под дождем, они бесцельно топтались, пока через некоторое время очередь не стала двигаться.

...Минус 098
счет продолжается...

Был пятый час, когда Бен Ричардс оказался перед конторкой и был отправлен к Девятому Столу (буквы О — Р). Женщина, сидящая за грохочущим классификатором, выглядела усталой, жестокой и равнодушной. Она взглянула на него и никого не увидела.

— Зовут, фамилия-имя-второе имя.

— Ричардс, Бенджамин Стюарт.

Ее пальцы побежали по клавишам. Клик-клик-клик — заговорила машина.

— Возраст-рост-вес.

— Двадцать восемь, шестьдесят два, сто шестьдесят пять.

Клик-клик-клик.

— Зарегистрированный Интеллектуальный Коэффициент по Вешлеру, если знаете, и возраст регистрации.

— Сто двадцать шесть, возраст 14.

Клик-клик-клик.

Огромный вестибюль был гробницей звуков, отражающихся и отскакивающих. Вопросы и ответы. Люди, которых выводили в слезах. Люди, которых выкидывали. Хриплые протестующие голоса. Один или два выкрика. Вопросы. Все время вопросы.

— Последняя школа?

— Ремесленное училище.

— Закончили?

— Нет.

— Сколько классов закончили, в каком возрасте бросили?

— Два класса. Шестнадцать лет.

— Причина ухода?

— Я женился.

Клик-клик-клик.

— Фамилия и возраст супруги, если имеется.

— Шейла Кэтрин Ричардс, двадцать шесть.

— Имена и возраст детей, если имеется.

— Кэтрин Сара Ричардс, восемнадцать месяцев.

Клик-клик-клик.

— Последний вопрос, мистер. Не трудитесь врать: это выяснят на экзамене на физическое состояние и дисквалифицируют вас. Употребляли ли вы когда-нибудь героин или галлюциногенный синтетический амфетамин, известный как Сан-Франциско Пуш?

— Нет.

Клик.

Пластиковая карточка выпрыгнула, и она протянула ее ему.

— Не потеряйте это, дружище. Если потеряете, придется начать все сначала на следующей неделе.

Теперь она смотрела на него, замечая его лицо, злые глаза, долговязое тело. Довольно привлекателен. По крайней мере, хоть какой-то интеллект. Хорошие данные. Она неожиданно взяла назад его карточку и пробила правый верхний угол, придав ей странный перфорированный вид.

— Для чего это?

— Не беспокойтесь. Вам скажут об этом потом. Возможно.

Она указала ему на длинный коридор, ведущий к лифтам. Десятки людей, только что от столов, останавливались, показывали свои пластиковые удостоверения и двигались дальше. На глазах Ричардса полицейский остановил дрожащего, с желтым лицом калеку и указал ему на дверь. Калека заплакал, но пошел.

— Жестокий мир, дружище, — сказала женщина за столом без всякого сочувствия. — Проходите.

Ричардс прошел. За его спиной уже снова начиналась литания.

...Минус 097
счет продолжается...

Жесткая мозолистая рука хлопнула его по плечу в начале коридора, когда он отошел от стола. Карточка, приятель.

Ричардс показал. Полицейский обмяк, лицо его приняло непроницаемое выражение от разочарования, став похожим на лицо китайца.

— Что, нравится вышвыривать их отсюда? — спросил Ричардс. — Жизнь приобретает смысл, а?

— Хочешь отправиться назад, вонючка?

Ричардс прошел мимо, и полицейский не шевельнулся. Он остановился на полпути к лифтам и оглянулся.

— Эй, мусор!

Полицейский злобно взглянул на него.

— У тебя есть семья? На следующей неделе на моем месте можешь быть ты.

— Двигай! — яростно заорал полицейский.

С улыбкой Ричардс двинулся дальше.

У лифтов стояла очередь примерно из двадцати претендентов.

Ричардс предъявил свою карточку одному из дежурных полицейских, и тот пристально посмотрел на него.

— Крутой, сынок?

— Достаточно крутой, — улыбаясь ответил Ричардс.

Полицейский вернул ему карточку.

— Это они из тебя выбьют. Посмотрим, как ты будешь умничать с дыркой в башке, сынок.

— Блесну умом не хуже, чем ты без этой пушки на ляжке и если спустить с тебя штаны, — все еще улыбаясь, сказал Ричардс. — Хочешь попробовать?

Мгновение ему казалось, что полицейский бросится на него.

— Они тебе вправят мозги, — сказал полицейский. — Ты еще будешь ползать на коленях, прежде чем тебя прикончат.

Полицейский чванливо обратился к троем вновь прибывшим и потребовал карточки.

Человек, стоящий впереди Ричардса, обернулся. У него было нервное несчастное лицо и выющиеся волосы, спускавшиеся вдовьим клинышком.

— Послушай, парень, не настраивай их против себя. Они все связаны между собой.

— Правда, — Ричардс ласково взглянул на собеседника. Тот отвернулся.

Внезапно двери лифта раскрылись. Полицейский в черном с огромным пузом загораживал ряд кнопок. Другой полицейский сидел на низкой табуретке и читал трехмерный порножурнал в маленькой пуленепробиваемой будке, похожей на телефонную, в глубине кабины лифта. Короткоствольный автомат лежал у него на коленях. Патроны были под рукой.

— Шаг назад! — заорал жирный полицейский со скупающей важностью. — Шаг назад! Шаг назад!

Они столпились в глубине, где невозможно было дышать. Печальная плоть обступала Ричардса со всех сторон. Они поднялись на третий этаж. Двери раскрылись. Ричардс, бывший на голову выше всех остальных в лифте, увидел огромный зал ожидания с множеством стульев, над которыми доминировал огромный Фри-Ви. В углу сиял автомат по продаже сигарет.

— Выходите! Выходите! Предъявляйте ваши карточки!

Они выходили, предъявляли свои удостоверения перед линзами безразличной телекамеры. Рядом стояли трое полицейских. По каким-то причинам на десятке карточек прозвучала сирена, их предъявителей вытащили из очереди и поволокли прочь.

Ричардс показал свое удостоверение и прошел. Он двинулся к автомату с сигаретами, получил пачку «Блэмс» и сел как можно дальше от Фри-Ви. Он зажег сигарету, затянулся и закашлялся. Он не выкурил ни единой сигареты за последние шесть месяцев.

...Минус 096
счет продолжается...

Букву «А» вызвали почти сразу для экзаменов на физическое состояние, около двух дюжин человек поднялись и прошли в дверь рядом с Фри-Ви. Большая надпись над дверью гласила «ПРОХОДИТЕ СЮДА». Под надписью была нарисована стрелка, указывающая на дверь. Претенденты на игру славились своей безграмотностью.

Новую букву вызывали через каждые пятнадцать минут. Бен Ричардс сел около пяти, он рассчитал, что до него дойдут без четверти девять. Он пожалел, что не взял с собой книгу, но решил, что и так сойдет. К книгам относились подозрительно, особенно в руках тех, кто жил к югу от Канала. Порножуры были безопаснее.

Он беспокожно посмотрел шестичасовые новости (бои в Эквадоре разгорались, новые восстания каннибалов произошли в Индии, «Детройтские Тигры» выиграли у «Хардинговских Рысей» со счетом 6:2, а когда в шесть тридцать началась первая из вечерних игр на большие деньги, он подошел к окну, не найдя себе места, и выглянул. Теперь, когда он решился, Игры вновь наводили на него скуку. Большинство присутствовавших, однако, следили за «Гонкой с Оружием» с замороженным ужасом.

На следующей неделе они сами, возможно, окажутся ее участниками. Снаружи день постепенно таял в сумерки. Поезда надземки со стуком проносились на огромной скорости сквозь энергетические кольца на уровне третьего этажа, а их мощные фары рассекали серый сумрак. Внизу на тротуарах толпы мужчин и женщин (большинство которых составляли, конечно, техники или служащие Системы) начинали свою вечернюю охоту за развлечениями. Толкач с лицензией вывешивал свой товар на углу улицы напротив. Внизу прошел мужчина, держа под руки двух куколок в соболях; трио над чем-то рассмеялось.

Его неожиданно залила волна тоски по дому, по Шейле и Кэти, и он пожалел, что не может позвонить им. Он не думал, чтобы это было позволено. Он все еще мог выйти отсюда; уже несколько человек сделали это. Они пересекали комнату, неопределенно ухмыляясь, и направлялись к двери с надписью «НА УЛИЦУ». Назад в квартиру, где в соседней комнате его дочь сгорала в лихорадочном жару? Нет. Невозможно. Невозможно.

Он постоял еще немного у окна, потом отошел и сел. Начиналась новая игра «Выкопай себе могилу».

Парень, сидевший рядом, озабоченно дернул его за рукав.

— Это правда, что они отсеивают более тридцати процентов только по физическому состоянию?

— Не знаю, — ответил Ричардс.

— Боже мой, — простонал парень. — У меня бронхит. Разве что — «Золотая Мельница»...

Ричардс не знал, что сказать. Дыхание бедняги звучало, как отдаленный грузовик, пытающийся взобраться на крутой склон.

— Я заикаюсь, — произнес сосед с тихим отчаянием.

Ричардс смотрел Фри-Ви, как будто его очень интересовала игра. Долгое время сосед молчал. Когда в половине восьмого программа сменилась, Ричардс услышал, как он спрашивает мужчину, сидящего с другой стороны, о физическом тесте.

Снаружи было уже совсем темно. Ричардс подумал, не кончился ли дождь. Вечер казался очень долгим.

...Минус 095 счет продолжается...

Когда буква «Р» стала входить в дверь под красной стрелкой в экзаменационную комнату, было уже больше половины десятого. Почти все первоначальное возбужде-

ние рассеялось, и люди или с жадностью смотрели Фри-Ви, или просто дремали. Парень с шумами в легких имел фамилию на «Л», и его вызвали больше часа назад. Ричардс лениво размышлял, срезался ли он.

Длинный облицованный кафелем экзаменационный зал освещался флюоресцентными трубками. Он напоминал сборочный конвейер, а скучающие врачи отмечали остановки на его пути.

«Почему никто из вас не осмотрит мою малышку?» — с горечью подумал Ричардс.

Претенденты предъявили свои карточки еще одной камере, вмонтированной в стену, и получили приказ остановиться у крючков для одежды. Врач в длинном белом халате приблизился к ним, неся под мышкой папку.

— Раздевайтесь, — произнес он. — Повесьте одежду на крючки. Запомните номер под крючком и скажите его санитару в конце зала. Не беспокойтесь о ценностях. Здесь они никому не нужны.

Ценности. Сильно сказано, подумал Ричардс, расстегивая рубашку. У него был пустой бумажник с фотографиями Шейлы и Кэти, квитанция от сапожника за смену подметки полгода назад, кольцо для ключей с единственным ключом от двери, детский носок, который он не помнил, как попал туда, и пачка сигарет «Блэмс», которую он получил из автомата.

На нем было драное белье, потому что Шейла упрямо не позволяла ему ходить без белья, но многие под брюками были в чем мать родила.

Вскоре они все стояли обнаженные и безымянные, их пенисы болтались между ног как забытые боевые дубинки. У каждого в руке была карточка. Некоторые переминались с ноги на ногу, будто пол был холодным, хотя это было не так. Легкий, неопределенно-ностальгический запах алкоголя проносился через зал.

— Стойте в очереди, — инструктировал врач с папкой. — Каждый раз предъявляйте свою карточку. Точно выполняйте указания.

Очередь двинулась вперед. Ричардс заметил, что рядом с каждым врачом стоял полицейский. Он опустил глаза и стал безучастно ждать.

— Карточка.

Он протянул свою карточку. Первый врач отметил его номер, затем сказал:

— Откройте рот.

Ричардс открыл рот. Ему нажали на язык.

Следующий врач заглянул в его зрачки тонким лучом яркого света, потом осмотрел уши.

Следующий поместил холодный кружок стетоскопа ему на грудь.

— Кашляйте.

Ричардс кашлянул. Вдали полицейские тянули из очереди человека. Ему нужны деньги, они не могут так поступить, он обратится к своему юристу.

Доктор подвинул стетоскоп.

— Кашляйте.

Ричардс кашлянул. Доктор повернул его и приставил стетоскоп к его спине.

— Сделайте глубокий вдох и задержите дыхание. Стетоскоп двигался. — Выдохните.

Ричардс выдохнул.

— Проходите.

Кровяное давление ему измерял ухмыляющийся врач с повязкой на глазу. Его внимательно осмотрел лысый медик с большими коричневыми веснушками, похожими на пятна плесени, на макушке. Он сунул холодную руку ему между ног.

— Кашляйте.

Ричардс кашлянул.

— Проходите.

Ему измерили температуру. Взяли мокроту в чашку. Уже половина пути по залу. Двое или трое уже прошли осмотр, и санитар с мучнистым лицом и зубами кролика нес им одежду в проволочных корзинах. Еще полдюжины были вытолкнуты из очереди и выведены на лестницу.

— Нагнитесь вперед и раздвиньте ягодицы.

Ричардс нагнулся и раздвинул. Палец, обернутый в пластик, вошел в его задний проход, ощупал, удалился.

— Проходите.

Он вступил в кабину с занавесками с трех сторон, похожую на старые кабины для голосования, — с кабинками для голосования было покончено, когда 11 лет назад ввели электронные выборы, — и помочился в голубую мензурку. Врач взял ее и положил в проволочный ящик.

На следующей остановке он оказался перед глазной таблицей.

— Читайте, — сказал врач.

— Е-А, Л-Д, М, Ф-С, П, З-К, Л, А, Ц, Д-Ю, С, Г, А...

— Достаточно. Проходите.

Он вошел в другую псевдокабинку для голосования и надел на голову наушники. Ему велели нажимать на белую кнопку, когда он слышал звуки, и на красную, когда он ничего больше не слышал. Звук был очень высоким и слабым, как посвист собаке, расщепленный до уровня, едва различимого человеческим слухом. Ричардс нажимал кнопки, пока ему не сказали прекратить.

Его взвесили. Исследовали ребра. Он стоял перед флюороскопом в свинцовом фартуке. Врач, жуя жевательную резинку и напевая что-то неразборчивое себе под нос, сделал несколько снимков и отметил номер его карточки.

Ричардс вошел в зал в числе группы, состоящей примерно из тридцати. К концу зала пришло двенадцать. Некоторые были уже одеты и ждали лифта. Еще около дюжины вытащили из лифта. Один из них попытался напасть на врача, отсеявшего его, и был жестоко избит полицейским, размахивавшим дубинкой изо всех сил. Парень повалился как подкошенный.

Ричардс стоял перед низким столом и отвечал на вопросы о перенесенных болезнях. Больше всего интересовали заболевания дыхательных путей. Врач пронзительно взглянул на него, когда Ричардс сказал, что в его семье был случай гриппа.

- Жена?
- Нет. Дочь.
- Возраст?
- Полтора года.

— Вам делали прививку? Не пытайтесь врать! — врач закричал так, как будто Ричардс уже пытался соврать. — Мы проверим данные о вашем здоровье.

— Привит в июле 2023 года. Ревакцинация в сентябре 2033 года. Квартальная поликлиника.

— Проходите.

Ричардс почувствовал неожиданное желание перегнуться через стол и свернуть гаду шею. Вместо этого он пошел дальше.

На последней остановке сурового вида женщина со слуховым прибором в ухе спросила его, не гомосексуалист ли он.

- Нет.
- Привлекались к уголовной ответственности?
- Нет.
- Имеются ли устойчивые фобии. Я имею в виду...
- Нет.

— Выслушайте лучше определение, — произнесла она с едва заметным оттенком снисходительности в голосе. — Я имею в виду...

— Имеются ли у меня неизвестные или известные страхи, такие, как акрофобия или клаустрофобия? Нет.

Ее губы плотно сжались, и мгновение казалось, что она не воздержится от резкого комментария.

— Употребляете галлюциногены или другие наркотики?

— Нет.

— Привлекался ли кто-либо из ваших родственников к уголовной ответственности за преступления против правительства или Системы?

— Нет.

— Подпишите эту клятву верности и разрешение Комиссии Игр, мистер... мм-м Ричардс.

Он нацарапал свою подпись.

— Покажите санитару свою карточку и скажите ему номер...

Он остановил ее в середине предложения и поманил пальцем санитар с торчащими зубами.

— Номер 26, приятель.

Санитар принес вещи. Ричардс медленно оделся и вышел к лифту. Его задний проход горел, и было неловко от постороннего вторжения и немного скользко от смазки, которой пользовался врач.

Когда они все столпились, открылась дверь лифта. Пуленепробиваемая нора была на этот раз пуста. Полицейский был костлявым, с большим жировиком у носа. «Идите в глубину, — протянул он. — Идите в глубину».

Когда двери закрывались, Ричардс увидел, как в дальнем конце зала входила буква С. Врач с папкой подходил к ним. Потом двери захлопнулись, оборвав зрелище.

Они поднялись на четвертый этаж, и двери открылись в огромную полуосвещенную спальню. Ряды узких железных кроватей с натянутым на них холстом, казалось, простирались в бесконечность. Двое полицейских проверяли их при выходе из лифта, раздавая номера кроватей. Номер Ричардса был 940. На кровати было одно коричневое одеяло и тощая подушка. Ричардс лег на кровать и скинул ботинки на пол. Его ноги болтались над краем кровати, с этим ничего нельзя было поделать.

Он положил руки под голову и уставился в потолок.

...Минус 094 счет продолжается...

На следующее утро ровно в шесть его разбудил очень громкий вой сирены. На мгновение он потерял ориентацию, как в тумане, недоумевая, зачем Шейла купила будильник. Потом он вспомнил и сел на кровати.

Группами по пятьдесят человек их повели в большую промышленную ванную комнату, где они предъявили свои карточки перед камерой, охраняемой полицейским. Ричардс вошел в облицованную голубым кафелем кабинку с зеркалом, раковиной, душем, унитазом. На полке над раковиной стоял ряд зубных щеток, обернутых в целлофан, электробритва, кусок мыла и наполовину использованный тюбик зубной пасты. Надпись в углу зеркала гласила: «УВАЖАЙ СОБСТВЕННОСТЬ!» Пониже кто-то нацарапал: «А Я УВАЖАЮ ТОЛЬКО СВОЙ ХЕР!»

Ричардс принял душ, вытерся полотенцем, которое лежало верхним в стопке на бачке унитаза, побрился и почистил зубы.

Их провели в кафетерий, где они вновь показали свои удостоверения. Ричардс взял поднос и толкнул его вниз по планке из нержавеющей стали. Он получил пачку кукурузных хлопьев, жирную тарелку чего-то жареного, кусок яичницы, холодный и твердый, как мраморная плита, тост, полпинты молока, чашку грязноватого кофе (без сливок), упаковку сахара, упаковку соли и комок искусственного масла на крошечном квадратике промасленной бумаги.

Он проглотил всю еду, как и все остальные. Для Ричардса это была первая настоящая еда Бог знает за сколько времени — не то, что сальные клинья пиццы и выдаваемые правительством продуктовые пилюли. И все же еда была странным образом бесплотной, как будто какой-то повар-вампиры на кухне высосал из нее весь вкус и оставил только свойства насыщения.

Что ели они сегодня утром? Пилюли из водорослей. Искусственное молоко для младенцев. Внезапное чувство отчаяния охватило его. Боже, когда же они увидят деньги? Сегодня? Завтра? На следующей неделе? А может быть, это тоже был просто трюк, яркая приманка. Может быть, и не было никакой радуги, не говоря уже о горшке с золотом. Он сидел, уставившись в пустую тарелку, пока не завывала семичасовая сирена и их не повели в лифт.

...Минус 093
счет продолжается...

На пятом этаже их группу из пятидесяти человек загнали, как стадо, в большую комнату без мебели, с прорезями вокруг стен, как для писем. Они вновь показали свои карточки, и двери лифта со свистом закрылись за ними.

В комнату вошел изможденный мужчина с редкими волосами и эмблемой Игр (силуэт человеческой головы на фоне факела) на лацкане халата.

— Прошу раздеться и вынуть все ценности из одежды, — произнес он. — Бросайте вашу одежду в прорези печи. Вам будет выдана одежда Игр. — Он многозначительно улыбнулся. — Одежда сохраняется за вами независимо от результатов вашей игры.

Послышалось ворчание, но все подчинились.

— Прошу поторопиться, — сказал изможденный. Он дважды хлопнул в ладоши, как учитель первого класса, давая знать, что время для развлечений закончилось. — Нас еще многое ждет впереди.

— Вы тоже участвуете в конкурсе? — спросил Ричардс.

Изможденный одарил его изумленным выражением лица. Кто-то сзади фыркнул от смеха.

— Не важно, — с этими словами Ричардс переступил через брюки.

Он вынул свои бесценные ценности и опустил рубашку, брюки и белье в прорезь. Откуда-то издалека показалась короткая голодная вспышка пламени.

Дверь на другом конце открылась (на другом конце всегда была дверь; они были как крысы в огромном идущем вверх лабиринте. Американском лабиринте, подумал Ричардс), и люди вкатили большие корзины на колесиках, помеченные размерами S, V, L и XL. Ричардс выбрал XL из-за его длины, ожидая, что комбинезон мешком повиснет на его сухощавом теле, но он пришелся по размеру. Ткань была мягкой, облегающей, почти как

шелк, но более плотной, чем шелк. Впереди комбинезоны застегивались на молнию. Они все были синими, и у всех на правой стороне груди красовалась эмблема Игр. Когда вся группа оделась, Бену Ричардсу показалось, что он утратил свое лицо.

— Сюда, пожалуйста, — сказал изможденный, и провел их в другой зал ожидания. Неизбежный экран Фри-Ви ослепительно светился и гоготал. — Вас будут вызывать группами по десять.

Дверь рядом с Фри-Ви была снабжена надписью «СЮ-ДА», дополненной стрелкой.

Они сели. Через некоторое время Ричардс встал, подошел к окну и выглянул. Они были теперь выше, но дождь шел по-прежнему. Улицы были гладкими, черными и мокрыми. Он попытался представить, что делает сейчас Шейла.

...Минус 092 счет продолжается...

Он прошел в дверь, на этот раз в составе группы из десяти, в четверть одиннадцатого. Они прошли гуськом. Их карточки были просвечены. Здесь было десять трехсторонних кабинок, но эти выглядели более внушительно. Стены были сделаны из звукопроницаемых пробковых панелей с просверленными отверстиями. Свет над головой был мягким и рассеянным. Музыка лилась из скрытых микрофонов. На полу лежал плюшевый ковер: ноги Ричардса непривычно ощущали поверхность, которая не была цементом.

Их сопровождающий что-то сказал ему.

Ричардс моргнул.

— А?

— Кабинка №6, — неодобрительно повторил тот.

— А-а.

Он вошел в кабинку №6. Внутри стоял стол и большие стенные часы сбоку. На столе лежали заточенный карандаш IBM и стопка нелинованной бумаги. Дешевый материал, отметил про себя Ричардс.

Рядом со всем этим стояла ослепительная жрица компьютерной эры — высокая, похожая на Юнону, блондинка в блестящих коротких шортах, отчетливо обрисовывающих дельтовидную возвышенность ее лобка. Розовые соски дерзко торчали сквозь редкий шелк блузки.

— Пожалуйста, садитесь, — сказала она. — Я Ринда Ворд, ваш экзаменатор. Она протянула руку.

В испуге Ричардс пожал ее.

— Бенджамин Ричардс.

— Могу я называть вас Беном?

Улыбка была соблазнительной, но безразличной. Он почувствовал именно тот прилив желания, который должен был почувствовать к этой хорошо сложенной самке с ее хорошо откормленным телом, выставленным напоказ. Это разозлило его. Ему пришло в голову, что она ловила кайф таким образом, выставляясь перед червяками, предназначенными всеперемалывающей мясорубке.

— Разумеется, — ответил он. — Симпатичные сиськи.

— Спасибо, — невозмутимо отреагировала она. Теперь он сидел так, что ему приходилось смотреть вверх в то время, как она смотрела сверху вниз, что придавало сцене еще большую неловкость. — Сегодняшнее испытание — то же для ваших умственных способностей, что вчерашнее было для вашего тела. Тест будет достаточно долгим, обед получите в три — допуская, что вы выдержите. — Улыбка появлялась и исчезала.

— Первый раздел — словесный. В вашем распоряжении час с того момента, как я дам вам брошюру с тестом. Во время экзамена вы можете задавать вопросы, и я отвечу на них, если это позволено. Я не дам вам ответов на вопросы теста. Вы меня поняли?

— Да.

Она протянула ему книжечку. На обложке была напечатана большая красная рука ладонью наружу. Большие красные буквы под ней говорили:

«СТОП!»

Еще ниже значилось: «Не переворачивайте страницу, пока вам не укажут».

— Тяжеловато, — заметил Ричардс.

— Простите? — Великолепно вылепленные брови поднялись на отметку выше.

— Ничего.

— Вы найдете листок с вопросами, когда откроете книжку, — заученно говорила она. — Пожалуйста, делайте ваши отметки жирно и отчетливо. Если вы решили изменить ответ, стирайте полностью. Если вы не знаете ответа, не гадайте. Вы поняли?

— Да.

— Тогда, пожалуйста, переверните первую страницу и начинайте. Когда я скажу «стоп», положите карандаш. Можете начинать.

Он не начинал. Он медленно, вызывающе разглядывал ее тело.

Через минуту она покраснела. «Ваш час пошел, Бен. Лучше бы вы...»

— Почему, — спросил он, — все полагают, что, имея дело с живущим к югу от Канала, они имеют дело с дремучим умственно неполноценным?

Теперь она была в совершенном смятении.

— Я... Я никогда...

— Нет, вы никогда. — Он улыбнулся и взял карандаш. — Боже мой, ну и глупы же вы.

Он наклонился над тестом, в то время как она все еще пыталась найти ответ или просто причину его выпада, вероятно, она действительно не понимала.

В первом разделе от него требовалось выбрать правильный вариант ответа и обвести нужную букву.

1. Одна _____ весны не делает.
- а. мысль
 - б. кружка пива
 - в. ласточка
 - г. драка
 - д. ни одно из названных слов

Он заполнил свой листок быстро, редко когда останавливаясь, чтобы задуматься или дважды прочитать вопрос. Задание вставить пропущенные слова сменилось вопросами на словарный запас, а затем словами-контрастами. Когда он закончил, до конца отведенного часа оставалось еще пятнадцать минут. Она заставила его держать его тест — официально она не могла принять его, пока не истек час — поэтому Ричардс откинулся назад и безмолвно пожирал глазами ее почти обнаженное тело. Молчание становилось тягостным, подавляющим, бросающим вызов. Он видел, что ей хочется накинуть на себя что-нибудь, и это доставляло ему удовольствие.

Когда время подошло, она дала ему следующее задание. На первой странице был изображен бензиновый карбюратор. Под ним:

- Вы поставите это на
- а. косилка для газонов
 - б. Фри-Ви
 - в. электрогамак
 - г. автомобиль
 - д. ни одно из названных слов

Третье задание было на знание математики. Он не так хорошо ладил с цифрами и начал слегка потеть, увидев, что время уходит. Под конец это была уже почти смертельная гонка. Он не сумел закончить последний вопрос. Ринда Ворд улыбнулась чуть слишком широко, когда она забирала у него тест и листок с ответами.

— С этим так быстро не удалось, Бен.

— Но они все будут правильными, — он ответил ей улыбкой. Он наклонился вперед и слегка похлопал ее по заду. — Прими душ, детка. Ты хорошо поработала.

Она покраснела от ярости.

— Я могла бы вас дисквалифицировать.

— Чушь. Тебя бы просто уволили, вот и все.

— Убирайтесь. Убирайтесь в свою очередь. — Она была почти на грани истерики.

Он почувствовал нечто вроде сострадания и задушил его.

— Желаю тебе приятно провести вечерок сегодня, — сказал он. — Сходи в ресторан и съешь ужин из шести блюд, с кем ты там спишь на этой неделе, и вспомни о моем ребенке, умирающем от гриппа в вонючей трехкомнатной квартире Развития.

Он оставил ее с побелевшим лицом, глядящей ему вслед.

Его группа сократилась до шести человек, и они проследовали в следующую комнату. Было половина второго.

...Минус 091 счет продолжается...

Врач, сидящий на другой стороне стола в маленькой кабинке, носил очки с крошечными толстыми линзами. У него была та отвратительная довольная ухмылка, которая напомнила Ричардсу полоумного из его детства. Тот парень любил скорчиться под школьной скамьей и заглядывать под юбки, избивая при этом свою собаку. Ричардс начал усмехаться.

— Что-нибудь приятное? — спросил доктор, выбирая первую картинку с чернильной кляксой. Отвратительная ухмылка еще расширилась.

— Да. Вы напомнили мне давнего знакомого.

— Кого же?

— Неважно.

— Прекрасно. Что вы здесь видите?

Ричардс взглянул. Манжета для измерения давления крепилась к его правой руке. Множество электродов располагалось на голове, а провода от головы и руки тянулись к корпусу компьютера рядом с врачом. Волнистые линии двигались на экране компьютера.

— Две негритянки. Целуются.

Он выбрал другую картинку.

— А это?

— Спортивный автомобиль. Похоже, «Ягуар».

— Вам нравятся газовые автомобили?

Ричардс пожал плечами.

— У меня в детстве была коллекция моделей.

Врач сделал пометку и поставил следующую картинку.

— Больная. Лежит на боку. Тень на ее лице похожа на тюремную решетку.

— А вот эта последняя?

Ричардс разразился смехом.

— Похожа на кучу дерьма.

Он представил себе врача в его белом халате ползающим под скамьями и заглядывающим девушкам под юбки, а потом удирающим, и снова рассмеялся. Врач сидел, улыбаясь своей отвратительной улыбкой, делая видение более реальным и оттого более смешным. Наконец его смех сошел на нет. Ричардс пару раз фыркнул, один раз икнул и замолчал.

— Полагаю, вы поделитесь со мной...

— Нет, — отрезал Ричардс. — Не поделюсь.

— В таком случае мы продолжим. Словесные ассоциации.

Он потрудился разъяснить. Ричардс полагал, что слова он подберет отлично, это спасет его.

— Готовы?

— Да.

Врач извлек секундомер из внутреннего кармана, нажал на рабочий конец своей шариковой ручки и стал изучать список, лежащий перед ним.

- Доктор.
- Нигер, — отозвался Ричардс.
- Пенис.
- Член.
- Красный.
- Черный.
- Серебряный.
- Кинжал.
- Винтовка.
- Убийство.
- Выиграть.
- Деньги.
- Секс.
- Тест.
- Ударить.
- Наотмашь.

Список продолжался; они испробовали более пятидесяти слов, прежде чем врач остановил секундомер и бросил ручку.

— Хорошо, — он сложил руки и серьезно посмотрел на Ричардса. — У меня есть последний вопрос, Бен. Не скажу, что я распознаю ложь, но машина, у которой вы на крючке, покажет то или другое. Вы решили претендовать на квалификационный статус в Игре по причинам суицидальным?

— Нет.

— Каковы ваши причины?

— Моя маленькая дочь больна. Ей нужен врач. Лекарства. Помещение в больницу.

Ручка царапала бумагу.

— Что-нибудь еще?

Ричардс уже готов был сказать нет (их это не касалось) и вдруг решил выложить все. Может быть, потому что врач был похож на почти забытого грязного мальчишку его юности. Может быть, потому что нужно было однажды произнести это, чтобы заставить срастись и принять конкретную форму — так происходит, когда человек заставляет себя перевести в слова неоформившиеся эмоции.

— Я много лет без работы. Я хочу снова работать, пусть даже болваном в нечистой игре. Я хочу работать и содержать мою семью. У меня есть гордость. У вас есть гордость, доктор?

— Это случается перед падением, — ответил врач. Он щелкнул ручкой, убирая ее. — Если вам нечего добавить, мистер Ричардс... — Он поднялся. Это, а также возвращение к обращению по фамилии давало понять, что интервью закончено, хотел ли Ричардс что-нибудь добавить или нет.

— Нет.

— Дверь в конце зала направо. Желаю удачи.

— Не волнуйтесь, — ответил Ричардс.

...Минус 090 счет продолжается...

Группа, с которой вошел Ричардс, теперь сократилась до четырех человек. Новый зал ожидания был гораздо меньше, а общее количество людей также уменьшилось примерно на шестьдесят процентов. Разбросанные остатки последних букв алфавита появились в половине пятого. В четыре санитар обнес всех подносом с безвкусными бутербродами. Ричардс взял два и сел, жуя и слушая парня по имени Реттенмунд, который потчевал его и еще нескольких соседей, по всей видимости, неистощимым запасом непристойных историй.

Когда вся группа была в сборе, их отвели в лифт и подняли на шестой этаж. Их жилье состояло на этот раз из большой общей комнаты, общей уборной и неизбежной фабрики-спальни с ее рядами коек.

Им сообщили, что в семь часов им подадут еду в кафетерии.

Несколько минут Ричардс сидел спокойно, потом встал и подошел к полицейскому, стоящему у двери, через которую они вошли.

— Есть здесь телефон, приятель?

Он не ожидал, что им позволят звонить, но полицейский резким движением выбросил большой палец в сторону коридора.

Ричардс с шумом толкнул дверь и выглянул в щель. Действительно, вот он. Телефон-автомат.

Он снова взглянул на полицейского.

— Послушай, если ты одолжишь мне пятьдесят центов на телефон, я...

— Отье...сь, чучело.

Ричардс сдержал гнев.

— Я хочу позвонить жене. Наш ребенок болен. Поставь себя на мое место, ради Христа.

Полицейский расхохотался: короткий, лающий, грубый звук.

— Все вы одинаковы. Каждый день новые враки.

— Сволочь, — бросил Ричардс, и что-то в его глазах и в развороте плеч заставило полицейского отвести взгляд к стене.

— Ты не женат? Ты что, никогда не был на мели, так что приходится одалживать, даже если тебе кажется, что наелся дерьма?

Полицейский вдруг засунул руку в карман куртки и вытащил ее с пригоршней пластмассовых монет. Он швырнул Ричардсу два новых четвертака, запихнул остальные деньги в карман и схватил Ричардса за грудки. — Если ты пришлешь сюда еще кого-нибудь, чтобы разжалобить Чарли Грэйди, я из тебя, сукин ты сын, мозги вышибу, вонючка.

— Спасибо, — невозмутимо ответил Ричардс, — что одолжил.

Чарли Грэйди рассмеялся и отпустил его. Ричардс вышел в коридор, снял телефонную трубку и бросил деньги в отверстие. Они звякнули в пустоте — о, Боже, все напрасно, — но вот появился гудок. Он медленно набрал номер коридорного телефона шестого этажа в надежде, что сука Дженнер в конце коридора не ответит первой. Узнав его голос, она медленно завизжит «Вы не туда попали», и деньги будут потеряны.

Телефон прозвонил шесть раз, потом незнакомый голос ответил: «Алло?»

— Я хотел бы поговорить с Шейлой Ричардс из квартиры 5С.

— Мне кажется, она вышла, — произнес голос. Он звучал оскорбительно. — Она, видите ли, гуляет по панели. У них болеет ребенок, а муж у нее растяпа.

— Постучите в дверь, — попросил он, в то время как рот у него будто заполнился ватой.

— Подождите.

Трубка на другом конце стукнулась о стену, когда обладатель незнакомых голоса отпустил ее. Далеко, еле различимо, как будто во сне он слышал стук в дверь и выкрики незнакомых голоса: «Телефон! К телефону, миссис Ричардс!»

Полминуты спустя незнакомый голос был снова у телефона.

— Ее нету. Я слышу, как орет ребенок, а ее нету. Говорю же, она всегда начеку, как подует попутный ветер. — Голос захихикал.

Ричардс представил, как он телепортируется по телефонному проводу и выскакивает на другом конце подобно джинну из бутылки и душит незнакомый голос до тех пор, пока у него не вылезут глаза и не покатаются по полу.

— Напишите записку, — попросил он. — Напишите на стене, если надо.

— Карандаша нету. Кладу трубку. Пока.

— Подождите! — в крике Ричардса звучала паника.

— Я... минуточку. — Голос неохотно продолжил, — Она поднимается по лестнице.

Ричардс, весь в поту, почти без сознания прислонился к стене. Минуту спустя голос Шейлы звучал в его ушах, вопросительный, утомленный, немного испуганный:

— Алло?

— Шейла. — Он закрыл глаза, ощущая спиной поддержку стены.

— Бен. Бен, это ты? У тебя все в порядке?

— Да. Отлично. Кэти. Как она...

— Так же. Температура не такая уж высокая, но кашель такой хриплый. Бен, мне кажется, у нее в легких мокрота. Что, если у нее воспаление легких?

— Все будет хорошо. Все будет хорошо.

— Я... — Она сделала длинную паузу. — Я ненавижу уходить от нее, но я должна была. Бен, я провела двоих сегодня утром. Прости меня. Я купила ей лекарства в лавке. Хорошие лекарства. — Ее голос обрел страстную библейскую мелодичность.

— Это все дерьмо, — сказал он. — Послушай: не делай этого больше, Шейла. Пожалуйста. Я думаю, я принят. Они не могут исключать нас и дальше, потому что у них слишком много программ. Для них требуется пушечное мясо. Думаю, что они дают аванс. Миссис Апшо...

— Она выглядела ужасно в трауре, — перебила Шейла голосом, лишенным выражения.

— Не волнуйся об этом. Оставайся с Кэти, Шейла. Не надо больше этих штук.

— Хорошо. Я больше не выйду.

Но он не поверил ее голосу.

— Даешь слово, Шейла?

— Я люблю тебя, Бен.

— И я тебя лю...

— Три минуты закончились, — раздался голос телефонистки. — Если вы хотите продолжать, опустите один Нью-Квотер или три старых монеты по 25 центов.

— Подождите секунду! — закричал Ричардс. — Не прерывай разговор, сука. Ты...

Пустое жужжание прерванной связи.

Он бросил трубку. Она пролетела длину серебряного провода, подскочила, ударившись в стену, и стала медленно раскачиваться из стороны в сторону, как неизвестная науке змея, которая кусает один раз и умирает.

Кто-то должен заплатить. Кто-то должен.

...Минус 089
счет продолжается...

Их разместили на шестом этаже до десяти утра следующего дня, и Ричардс чуть не сошел с ума от гнева, беспокойства и бессилия, когда молодой и немного неряшливый парень в облегающей униформе с эмблемой Игр пригласил их пройти в лифт. Их было всего около трехсот: более шестидесяти из их числа были бесшумно и безболезненно удалены накануне. Один из удаленных был тот самый малыш с неистощимым запасом непристойных баек.

Их привели в небольшую аудиторию на седьмом этаже группами по пятьдесят человек. Аудитория была роскошной, отделанной красным плюшем. В подлокотниках сидений, сделанных из настоящего дерева, были вмонтированы пепельницы, и Ричардс выудил свою помятую пачку «Блэмс». Он стряхивал пепел на пол.

Впереди располагалась небольшая сцена, а в центре ее — возвышение. На нем стоял кувшин с водой.

Около пятнадцати минут одиннадцатого парень неряшливого вида приблизился к возвышению и произнес:

— Хочу представить вам Артура М. Бернса, Заместителя Директора Игр.

— Ура, — сказал кто-то позади Ричардса кислым голосом.

Тучный мужчина с лысиной, окруженной седыми волосами, зашагал к возвышению, остановившись и подняв голову по прибытии как будто для того, чтобы встретить только ему одному слышный взрыв аплодисментов. Потом он улыбнулся им широкой сияющей улыбкой, превратившей его в пухлого стареющего Купидона в деловом костюме.

— Поздравляю вас, — сказал он. — Вы достигли цели.

Раздался глубокий вздох, а вслед за ним смех и похлопывание по спине. Стали закуривать.

— Ура, — повторил кислый голос.

— Вскоре вам раздадут назначения на программы и номера комнат на восьмом этаже. Исполнительный директор вашей программы в дальнейшем точно объяснит вам, что от вас требуется. Но перед этим я хочу еще раз принести свои поздравления и сказать, что вы группа мужественных способных людей, не желающих мириться с общей долей, раз в вашем распоряжении есть средства утвердиться в качестве настоящих мужчин и, позволю добавить от себя лично, в качестве настоящих героев нашего времени.

— Дерьмо собачье, — прокомментировал кислый голос.

— Более того, я говорю от имени всей Системы, когда желаю вам удачи в неземной скорости. — Артур М. Бернс сально захихикал и потер руки. — Ну-с, я знаю, что вы с нетерпением ждете своих назначений, потому избавлю вас от своей болтовни.

Боковая дверь распахнулась, и дюжина служащих Игр в красной форме вошла в аудиторию. Они начали выкрикивать имена. Были розданы белые конверты, которые затем усыпали пол как конфетти. Пластиковые карточки с назначениями были прочитаны, обсуждены с новыми знакомыми. Раздавались подавленные стоны, возгласы радости, визг. Над всем этим возвышался Артур М. Бернс, доброжелательно улыбаясь со своего подиума.

— ...эта проклятая «Сможешь ли Погорячее», Боже мой, я ненавижу жару...

— ...эта программа чертовски отвратительна и начинается сразу за расшибателями, Господи сохрани...

— ...«Золотая Мельница», черт возьми, я и не знал, что мое сердце...

— ...даже не надеялся...

— ...эй, мужик, ты видел когда-нибудь «Поплавай с Крокодилами»? Я думал...

— ...не ожидал ничего подобного...

— ...не думаю, что ты сможешь...

— ...дьявольское проклятье...

— Эта «Гонка с Оружием»...

— Бенджамин Ричардс! Бен Ричардс!

— Здесь!

Ему дали простой белый конверт, и он его разорвал. Его пальцы слегка дрожали, и только со второй попытки он вынул маленькую пластмассовую карточку. Он нахмурился, ничего не понимая. На ней не было выбито назначения. На карточке значилось только: ЛИФТ ШЕСТЬ.

Он положил карточку в нагрудный карман вместе с удостоверением и вышел из аудитории. Первые пять лифтов в конце коридора сновали туда сюда, доставляя претендентов следующей недели на восьмой этаж. У закрытых дверей Лифта №6 стояло еще четыре человека, и Ричардс узнал в одном из них обладателя кислого голоса.

— Что это значит? — спросил Ричардс. — Мы что, вылетаем?

Парень с кислым голосом, довольно привлекательный, был лет двадцати пяти. Высохшая рука, вероятно, от полиомиелита, вспышка которого была в 2005 году. Он особенно свирепствовал в Ко-Оп Сити.

— Нам не так повезло, — он опустошенно рассмеялся. — Думаю, мы получили назначение на большие призы. Там дело не ограничивается тем, что тебя отвозят в больницу с ударом или удаляют тебе глаз или отрезают одну-две руки. Там тебя убивают. Главные программы, детка.

К ним присоединился шестой парень, симпатичный малыш, который удивленно моргал на все увиденное.

— Привет, сосунок, — приветствовал его владелец кислого голоса.

В одиннадцать, после того, как увезли всех остальных, двери Лифта №6 раздвинулись. В норе снова сидел полицейский.

— Видишь? — спросил парень с кислым голосом. — Мы опасны. Враги общества. Они должны нас вычистить. Он сделал крутое гангстерское лицо и полил пуленепробиваемую кабинку очередь из воображаемого авто-

мата. Полицейский уставился на него деревянными глазами.

**...Минус 088
счет продолжается...**

Зал ожидания на девятом этаже был очень маленьким, очень плюшевым, очень домашним, очень интимным. Он был в полном распоряжении Ричардса.

После путешествия на лифте трое полицейских быстро увлекли троих из них по покрытому плюшевым ковром коридору. Ричардс, парень с кислым голосом и моргающий малыш остались здесь.

Девушка за конторкой, которая смутно напомнила Ричардсу одну из старых телевизионных секс-звезд (Лиз Келли? Грейс Тейлор?), виденных им еще в детстве, улыбнулась всем троим, когда они вошли. Она сидела за столом в алькове, окруженная таким количеством растений в горшках, как будто находилась в джунглях Эквадора.

— Мистер Джански, — произнесла она с ослепляющей улыбкой. — Пожалуйста, войдите.

Моргающий малыш вошел во внутреннее святилище. Ричардс и парень с кислым голосом, которого звали Джимми Лоулин, вяло беседовали. Ричардс обнаружил, что Лоулин жил всего в трех кварталах от него на Док Стрит. До прошлого года он работал на полставки в «Дженерал Атомикс», где чистил моторы, после чего был уволен за то, что принимал участие в сидячей забастовке, протестуя против плохой защиты от радиации.

— Ну, по крайней мере я жив, — продолжал он. — Если послушать этих вонючек, только это и имеет значение. Разумеется, я бесплоден. Плевать на это. Небольшой риск, на который идешь ради королевского вознаграждения в размере семи нью-долларов в день.

Когда «Дженерал Атомикс» выгнала его за ворота, ему нелегко было найти работу с его высохшей рукой. За два года до этого его жена заболела тяжелой формой астмы и теперь была прикована к постели.

— Наконец и я решился потянуть за большое бронзовое кольцо, — закончил он с горькой улыбкой. — Может быть, мне удастся столкнуть несколько подонков сверху из окна прежде, чем ребята Маккоуна доберутся до меня.

— Ты действительно думаешь это...

— «Бегущий»? Бьюсь об заклад на твою задницу. Дай-ка мне одну из этих гадких сигарет, приятель.

Ричардс протянул сигарету.

Дверь открылась, и моргающий малыш вышел под руку с очаровательной куколкой, несущей два носовых платка и молитвенник. Когда они проходили мимо, малыш улыбнулся им робкой неуверенной улыбкой.

— Мистер Лоулин, будьте добры войти.

Итак, Ричардс остался один, если не считать девушки за конторкой, которая уже вновь скрылась в своей лисьей норе.

Он поднялся и подошел к бесплатному автомату с сигаретами в углу комнаты. Возможно, Лоулин прав, размышлял он. Автомат выдавал травку. Похоже, что они вошли в первую лигу. Он получил пачку «Блэмс», сел и зажег сигарету.

Двадцать минут спустя вышел Лоулин под руку с пепельной блондинкой.

— Моя подружка с автобазы, — указав на блондинку, бросил он Ричардсу. Блондинка с готовностью захихикала. У Лоулина был страдальческий вид. — По крайней мере, сукин сын говорит прямо, — заметил он Ричардсу. — Пока.

Он вышел. Девушка за конторкой высунула голову из своей норы.

— Мистер Ричардс? Прошу вас войти.

Он вошел.

Внутренний офис был таким большим, что можно было играть в нем в килбол. Над всем преобладало огромное окно во всю стену, из которого открывался вид на запад, на дома среднего класса, склады при доках и нефтехранилища, на само озеро Хардинг. И небо, и вода были жемчужно-серого цвета, все еще шел дождь. Вдали справа-налево пытел нефтяной танкер.

Человек за письменным столом был среднего роста и очень черен. Настолько черен, что на мгновение Ричардс замер, пораженный его неправдоподобностью. Казалось, он только что сошел со сцены негритянского шоу.

— Мистер Ричардс, — он встал и протянул свою руку над столом. Он не особенно смутился, когда Ричардс не пожал ее. Он просто убрал руку назад и сел.

Рядом со столом стоял раскладной стул. Ричардс сел и выстрелил своей сигаретой в пепельницу с эмблемой Игр.

— Я Дэн Киллиэн, мистер Ричардс. Наверное, вы уже догадались, почему вас сюда привели. Наши досье и ваши результаты в тестах свидетельствуют о том, что вы умны.

Ричардс сложил руки и стал ждать продолжения.

— Вас наметили кандидатом в «Бегущего», мистер Ричардс. Это наше важнейшее шоу, оно самое прибыльное — и опасное — для участников. Здесь у меня на столе документ о вашем окончательном согласии. Я не сомневаюсь, что вы его подпишете, но сначала я хочу рассказать вам, почему вас выбрали, чтобы вы полностью осознали, на что вы идете.

Ричардс ничего не произнес.

Киллиэн положил досье на девственную поверхность своего письменного стола. Ричардс заметил, что на обложке было напечатано его имя. Киллиэн раскрыл крышку.

— Бенджамин Стюарт Ричардс. Двадцать восемь лет, родился 8 августа 1997 года, город Хардинг. Посещал

Ремесленное училище Южного Города с сентября 2011 по декабрь 2013 года. Дважды отчислялся за неуважение к начальству. Кажется, вы ударили заместителя директора в верхнюю часть бедра, когда он повернулся к вам спиной.

— Фуфло, — бросил Ричардс. — Я врезал ему по жопе.

Киллиэн кивнул.

— Как скажете, мистер Ричардс. Вы женились на Шейле Ричардс, урожденной Гордон, в возрасте шестнадцати лет. Старинный брачный договор на всю жизнь. Бунтарь во всем, а? Не являетесь членом союзов из-за отказа подписать Союзную Клятву Верности и Договор о Контроле Доходов. Насколько мне известно, вы отзывались о губернаторе Джонсбери как о «блудливом сукином сыне».

— Да, — ответил Ричардс.

— Ваш послужной список очень пестрый, и вас увольняли... дайте-ка взглянуть... в общей сложности шесть раз за такие нарушения, как несоблюдение субординации, оскорбление вышестоящих и оскорбительная критика властей.

Ричардс пожал плечами.

— Короче, вы признаны не подчиняющимся властям и антисоциальным. Вы отщепенец, достаточно умный для того, чтобы не попадать за решетку и избегать серьезных неприятностей с властями, и вы ни в чем особенном не замечены. Наш штатный психолог сообщил, что вы увидели в чернильных кляксах лесбиянок, экскременты и загрязняющий воздух газовый автомобиль. Он также отмечает высокую, ничем не объяснимую степень веселости...

— Он напомнил мне парнишку, которого я когда-то знал. Он любил прятаться под школьными скамьями и подглядывать. Тот парнишка, я имею в виду. Не знаю, что любит ваш врач.

— Понятно, — Киллиэн коротко улыбнулся, так что белые зубы блеснули в глухой черноте, и вернулся к

своей папке. — Вы давали расистские ответы, запрещенные Расовым Законом 2004 года. Вы позволили себе несколько очень грубых ответов в духе насилия в тесте на словесные ассоциации.

— Я здесь по поводу насилия, — заметил Ричардс.

— Это так. И все же мы — и здесь я говорю в более широком смысле, чем Администрация Игр, я говорю от лица нации — рассматриваем эти ответы с крайним беспокойством.

— Бойтесь, что кто-нибудь нацепит вам ярлык ирландца на систему зажигания однажды ночью? — усмехаясь, спросил Ричардс.

Киллиэн задумчиво послунывил палец и перевернул следующую страницу. — К счастью — для нас — вы стали заложником судьбы, мистер Ричардс. У вас есть дочь по имени Кэтрин, восемнадцати месяцев. Что это, ошибка? — он улыбнулся ледяной улыбкой.

— Запланировано, — сказал Ричардс без злобы. — Я работал тогда на «Дженерал Атомикс». Каким-то образом моя сперма выжила. Божественный знак, возможно. При этом состоянии мира, какой он есть, мы, должно быть, сели не в свой вагон.

— Во всяком случае, вы здесь, — Киллиэн продолжал улыбаться своей холодной улыбкой. — А в следующий вторник вы появитесь в «Бегущем». Вы видели эту программу?

— Да.

— Тогда вам известно, что это величайшая программа Фри-Ви. Она дает шансы поучаствовать зрителям как косвенно, так и реально. Я исполнительный директор программы.

— Это просто замечательно, — отозвался Ричардс.

— Эта программа — одно из самых надежных средств, с помощью которых Система избавляется от потенциальных возмутителей спокойствия, подобных вам, мистер Ричардс. Мы существуем шесть лет. До сих пор у нас никто еще не выжил. Если хотите жестокую правду, мы надеемся, что таковых не будет.

— В таком случае, вы играете краплеными картами, — без выражения заметил Ричардс.

Киллиэн казался более удивленным, чем возмущенным.

— Вовсе нет. Вы все время забываете, что вы анахронизм, мистер Ричардс. Люди не соберутся в барах и отелях, не пойдут на холод к витринам магазинов постоять за то, чтобы вам удалось бежать. Великий Боже! Ничего подобного. Они хотят видеть, как вас сотрут с лица земли, и, если смогут, помогут. Чем больше крови, тем лучше. И вам придется сражаться с Маккоуном. Эваном Маккоуном и его Охотниками.

— Похоже на название модной группы, — сказал Ричардс.

— Маккоун никогда не проигрывает, — сказал Киллиэн.

Ричардс хмыкнул.

— Вы появитесь в прямом эфире во вторник вечером. Более поздние программы склеены из магнитофонных записей, отснятых заранее пленок и прямых включений, когда это возможно. Мы же известны тем, что прерываем запланированные передачи, если особенно выдающийся претендент стоит на грани своего... как бы это выразиться, личного Ватерлоо.

Наши правила — сама простота. Вы — или оставшиеся в живых ваши родственники — получают сотню нью-долларов за каждый час, что вы на свободе. Мы выдаем вам на текущие расходы сумму в четыре тысячи восемьсот долларов при условии, что вы сможете скрываться от охотников в течение сорока восьми часов. Разумеется, в случае, если вы погибнете до истечения этого срока, разница подлежит возврату. Вам дается стартовое преимущество в двенадцать часов. Если вы продержитесь тридцать дней, вы выигрываете Большой Приз. Один миллиард нью-долларов.

Ричардс откинул голову и рассмеялся.

— Испытываю те же чувства, — сухо улыбнувшись, заметил Киллиэн. — У вас есть вопросы?

— Всего один, — Ричардс наклонился вперед. Следы насмешки полностью исчезли с его лица. — Как бы вам понравилось быть тем, на беговой дорожке?

Киллиэн расхохотался. Он держался за живот, и его жирный смех, как шары, раскатился по комнате.

— О... Мистер Ричардс... извините м-меня, — и снова сотрясался от смеха.

Наконец, промокнув глаза большим белым носовым платком, Киллиэн, казалось, взял себя в руки.

— Видите, не только вы обладаете чувством юмора, мистер Ричардс. Вы... Я... — Он задушил новый приступ смеха. — Пожалуйста, извините меня. Вы наступили на мою мозоль смеха.

— Вижу.

— Еще вопросы?

— Нет.

— Очень хорошо. Перед передачей состоится встреча всего персонала. Если в вашем удивительном мозгу возникнут вопросы, оставьте их до этой встречи. — Киллиэн нажал кнопку на письменном столе.

— Избавьте меня от дешевой закуски, — сказал Ричардс. — Я женат.

Брови Киллиэна поползли вверх.

— Вы вполне уверены? Верность достойна восхищения, мистер Ричардс, но от пятницы до вторника пройдет много времени. И принимая во внимание тот факт, что вы можете никогда больше не увидеть вашу жену...

— Я женат.

— Отлично. — Он кивнул девушке в дверях, и она исчезла. — Мы можем сделать что-нибудь для вас? У вас будет отдельный номер на десятом этаже, заказы на еду принимаются в пределах разумного.

— Бутылка хорошего бурбона. И телефон, чтобы я мог разговаривать с моей же...

— О нет, извините, мистер Ричардс. Бурбон мы вам доставим. Но как только вы подписываете этот документ, — он подтолкнул его к Ричардсу вместе с ручкой, — вы ни с кем не можете общаться до вторника.

Может быть, вы пересмотрите вашу точку зрения на девушку?

— Нет, — ответил Ричардс, нацарапав свое имя на указанном месте. — Но не забудьте две бутылки бурбона.

— Конечно. — Киллиэн встал и вновь предложил свою руку для рукопожатия.

Ричардс вновь проигнорировал ее и пошел к выходу.

Киллиэн смотрел ему вслед без выражения. Он не улыбался.

...Минус 086 счет продолжается...

Девушка за конторкой проворно выскочила из своей норы, когда Ричардс шел через комнату, и вручила ему конверт. На конверте было написано:

«Мистер Ричардс,

Подозреваю, что во время нашего интервью вы умолчите о том, что остро нуждаетесь в деньгах прямо сейчас. Не так ли?

Вопреки всем слухам, Администрация Игр не выдает авансов. Вы не должны рассматривать себя как конкурсанта во всем блеске, который влечет за собой это слово. Вы не Фри-Ви-звезда, а всего лишь рабочая лошадь, которой чрезвычайно хорошо платят за опасную работу.

Однако правила Администрации Игр не запрещают мне предложить вам личное одолжение. В этом конверте вы найдете десять процентов вашего первоначального жалования — не в нью-долларах, хочу вас предупредить, а в сертификатах Игр, подлежащих обмену на доллары. Если вы решите послать эти сертификаты вашей жене, как вы, полагаю, сделаете, она обнаружит, что у них есть одно преимущество перед нью-доллара-

ми: респектабельный врач примет их в качестве официального вознаграждения, а шарлатан — нет.

*Искренне ваш,
Дэн Киллиэн.»*

Ричардс открыл конверт и вытащил пухлую чековую книжку с эмблемой Игр на пергаментной обложке. В ней было сорок восемь купонов достоинством в десять нью-долларов каждый. Ричардс почувствовал, как его заливают волна абсурдной благодарности к Киллиэну, и сокрушил ее. Он не сомневался, что Киллиэн вычтет эти четыреста восемьдесят долларов из его аванса, и, кроме того, это была чертовски дешевая страховка за большое шоу, постоянное счастье клиента и высокооплачиваемую работу самого Киллиэна.

— Дерьмо, — произнес он.

Девушка за конторкой внимательно взглянула из своей норы.

— Вы что-то сказали, мистер Ричардс?

— Нет. Как пройти к лифту?

...Минус 085
счет продолжается...

Номер был роскошным.

Ковры, пушистые и глубокие настолько, что в них можно было плавать брассом, от стены до стены устилали все три комнаты: гостиную, спальню и ванную. Фри-Ви был выключен, царил благословенное молчание. В вазах стояли цветы, а на стене у двери помещалась кнопка, деликатно обозначенная «Услуги». «Услуги будут предоставлены быстро», — цинично подумал Ричардс. Двое полицейских стояли за дверями его номера, предупреждая его возможное желание побродить по этажу.

Он нажал на кнопку, и дверь открылась.

— Слушаю, мистер Ричардс, — откликнулся один из полицейских. Ричардс живо представил себе кислый вкус этого «мистера» в его рту. — Бурбон, который вы заказали, будет...

— Я не о том, — сказал Ричардс. Он показал полицейскому чековую книжку, оставленную ему Киллиэном. — Я хочу, чтобы вы это кое-куда доставили.

— Напишите только имя и адрес, мистер Ричардс, и я позабочусь о том, чтобы это было доставлено.

Ричардс нашел квитанцию от сапожника и написал свой адрес и имя Шейлы на обратной стороне. Он передал рваную бумажку и чековую книжку полицейскому. Тот повернулся, когда еще одна мысль пришла в голову Ричардсу.

— Эй! Минутку!

Полицейский повернулся назад, и Ричардс вытащил у него из рук чековую книжку. Он открыл ее на первом купоне и оторвал одну десятую часть по перфорации. Достоинство: один нью-доллар.

— Знаешь полицейского по имени Чарли Грэйди?

— Чарли? — Полицейский утомленно посмотрел на него. — Да, я знаю Чарли. Он дежурит на шестом этаже.

— Отдай ему это. Ричардс вручил полицейскому секцию от купона. — Скажи ему, что лишние пятьдесят центов — его процент.

Полицейский снова повернулся, и Ричардс еще раз позвал его назад.

— Принесешь мне расписки от моей жены и от Грэйди, слышишь?

На лице полицейского открыто выразилось отвращение.

— Не слишком-то вы доверчивы.

— Еще бы, — Ричардс криво улыбнулся. — Ваши ребята научили меня. Всему научили к югу от Канала.

— Вот будет здорово, — заметил полицейский, — смотреть, как они гонятся за тобой. Я просто приклеюсь к Фри-Ви с кружкой пива в каждой руке.

— Принеси мне расписки, — повторил Ричардс и мягко закрыл дверь перед носом полицейского.

Бурбон появился двадцать минут спустя, и Ричардс сообщил изумленному посыльному, чтобы ему прислали пару толстых романов.

— Романов?

— Книги. Ну, знаешь. Читать. Слова. Печатный пресс. — Ричардс изобразил жестами перелистывающиеся страницы.

— Слушаю, сэр, — с сомнением ответил посыльный. — Вы хотите заказать ужин?

Иисусе, дерьмо все прибывает. Он тонет в нем. Неожиданно в воображении Ричардса возникла живая картина: человек проваливается в дыру отхожего места и тонет в розовом дерьме, пахнущем духами Шанель-5. Самое поразительное: на вкус это все то же дерьмо.

— Бифштекс. Зеленый горошек. Картофельное пюре. — Боже, что там сейчас у Шейлы? Протеиновая пилюля и чашка эрзац-кофе? — Молоко. Яблочный пирог со сливками. Запомнил?

— Да, сэр. Не хотите ли...

— Нет, — Ричардс почувствовал неожиданное смещение. — Нет. Ступай.

Он не испытывал голода. Совершенно.

...Минус 084 счет продолжается...

С язвительным удивлением Ричардс подумал, что мальчик-посыльный буквально воспринял его просьбу о романах: при выборе их единственным, чем он пользовался, была, должно быть, линейка. Подходило все, что толще шести сантиметров. Он принес Ричардсу три книги, о которых тот никогда не слышал: две старых книги с золотым обрезом под названием «Бог был англичанином» и «Не как чужой» и огромный том, написанный три года назад и озаглавленный «Радость служения». Ричардс су-

нулся в него первым делом и наморщил нос. Бедный юноша хорошо проявляет себя в «Дженерал Атомикс». Поднимается от вытиральщика моторов до торгового агента. Ночью посещает курсы (интересно, на какие деньги, — подумал Ричардс, — от игры в Монополию?). Влюбляется в красивую девушку (очевидно, ее нос еще не провалился от сифилиса) на квартальной оргии. Выдвинут на должность младшего техника благодаря потрясающим способностям. Заключается трехлетний брачный договор и...

Ричардс швырнул книгу через всю комнату. «Бог был англичанином» был несколько лучше. Он налил себе бурбона со льдом и принялся за роман.

К тому времени, как раздался деликатный стук в дверь, он погрузился в книгу на триста страниц и при этом неплохо набрался. Одна из бутылок бурбона была пуста. Он подошел к двери, держа другую бутылку в руке. За дверью стоял полицейский.

— Ваши расписки, мистер Ричардс, — с этими словами он захлопнул дверь.

Шейла ничего не написала, зато прислала одну из младенческих фотографий Кэти. Он взглянул на нее и почувствовал, что пьяные слезы щиплют его глаза. Он засунул фотографию в карман и посмотрел другую расписку. Чарли Грэйди черкнул несколько слов на обороте билета на транспорт:

«Спасибо, вонючка. Обжирайся.

Чарли Грэйди.»

Ричардс фыркнул и выпустил бумажку, она кружась опустилась на ковер.

— Спасибо, Чарли, — сказал он пустой комнате. — Я нуждался в этом.

Он снова взглянул на фотографию Кэти: крошечный краснолицый младенец четырех дней от роду, когда сделали эту фотографию, вопящий до одурения, утопающий в своем белом платице, сделанном руками Шейлы. Он

почувствовал подступающие слезы и заставил себя вспомнить о записке доброго старины Чарли. Интересно, сможет ли он прикончить вторую бутылку бурбона прежде, чем отрубится. Он решил выяснить.

Он почти допил ее.

...Минус 083 счет продолжается...

Всю субботу Ричардс переживал глубокое похмелье. К вечеру оно почти прошло, и он заказал к ужину еще две бутылки бурбона. Он выпил их обе и проснулся в бледном свете раннего воскресного утра, а по дальней стене его спальни медленно сползали огромные гусеницы с безразличными глазами убийц. Тогда он решил, что не в его интересах полностью разрушить свои реакции ко вторнику, и прекратил пьянствовать.

Похмелье медленно растворялось. Его вырвало порядочным количеством съеденного, а когда уже ничего не оставалось, позывы рвоты продолжались. Прекратились они около шести часов вечера в воскресенье, и он заказал суп на ужин. Никакого бурбона. Он попросил десяток дисков с записью нового рока, чтобы прослушать на аудиосистеме, и быстро устал от них.

Он рано лег спать. И спал плохо.

Большую часть понедельника он провел на крошечной застекленной террасе, выходящей из его спальни. Он находился очень высоко над водой, солнце сменялось ливнями, и это было достаточно приятно. Он прочитал два романа, опять рано лег спать и спал немного лучше. Ему приснился дурной сон: Шейла умерла, и он присутствовал на ее похоронах. Кто-то приподнял ее высоко на подушках в гробу и запихнул чудовищный пучок нью-долларов ей в рот. Он попытался прорваться к ней и убрать эту непристойность, чьи-то руки схватили его сзади. Десяток полицейских держали его. Один из них

был Чарли Грэйди. Он ухмылялся и говорил: «Вот что случается с проигравшими, вонючка». Они приставляли пистолеты к его голове, когда он проснулся.

— Вторник, — сказал он, ни к кому не обращаясь, и скатился с кровати. Модные настенные часы в виде солнца с расходящимися лучами показывали пять минут восьмого. Меньше чем через одиннадцать часов вся Северная Америка будет смотреть прямое включение — «Бегущего». Он ощутил горячий приступ страха в животе. Через двадцать три часа игра с ним начнется.

Он принял долгий горячий душ, надел комбинезон, заказал на завтрак яичницу с ветчиной. Он послал дежурного мальчика принести ему пачку «Блэмс».

Остаток утра и первую половину дня он провел тихо за чтением. Было почти два, когда раздался официальный одиночный стук в дверь. Трое полицейских и Артур М. Бернс, очень несолидный и более чем смехотворный в фирменной майке Игр, вошли в комнату. Все полицейские были вооружены дубинками.

— Настало время для последнего опроса, мистер Ричардс, — произнес Бернс. — Не хотите ли...

— Разумеется, — ответил Ричардс. Он заложил то место в книге, где он читал, и положил ее на журнальный столик. Он вдруг пришел в ужас, близкий к панике, и был рад, что в пальцах не было заметно дрожи.

...Минус 082 счет продолжается...

Одиннадцатый этаж Здания Игр сильно отличался от нижних, и Ричардс понял, что выше он не попадет. Иллюзия продвижения наверх, начавшаяся в мрачном вестибюле первого этажа, закончилась здесь, на одиннадцатом. Здесь размещались средства вещания.

Проходы были широкими, белыми и пустынными. Ярко-желтые тележки, моторы которых питались энер-

гией солнечных батарей, сновали туда-сюда, перевоза группы техников в студии и комнаты проверки.

Тележка уже поджидала их, когда лифт остановился и все пятеро — Ричардс, Бернс и полицейские — залезли на борт. Шеи поворачивались в их сторону, и на Ричардса несколько раз во время поездки указывали. Одна женщина в желтых шортах и узкой повязке на груди подмигнула Ричардсу и послала воздушный поцелуй. Он ответил непристойным жестом.

Казалось, они проехали несколько миль, пересекли десятки соединяющихся коридоров. Ричардсу удалось заглянуть по крайней мере в десяток студий, в одной из которых он увидел знаменитый круг из «Золотой Мельницы». Группа туристов из города пробовала его, хихикая.

Наконец они остановились перед дверью с надписью: — «БЕГУЩИЙ»: ВХОД ЗАПРЕЩЕН. Бернс помахал охраннику в пуленепробиваемой кабинке у двери и взглянул на Ричардса.

— Суньте ваше удостоверение в прорезь между кабинкой и дверью, — сказал Бернс.

Ричардс сделал это. Его удостоверение исчезло в прорези, а в будке охранника зажегся огонек. Охранник нажал на кнопку, и дверь раздвинулась. Ричардс сел в тележку, и она вкатила их в комнату за дверью.

— Где моя карточка? — спросил Ричардс.

— Она вам больше не нужна.

Они оказались в комнате проверки. Секция у стены была пуста, если не считать лысого техника, сидевшего перед пустым экраном монитора и читавшего в микрофон числа.

Слева напротив вокруг стола с хрустальными бокалами сидели Дэн Киллиэн и двое мужчин, которых Ричардс раньше не встречал. Лицо одного из них было смутно знакомо, слишком смазливое, чтобы принадлежать технику.

— Здравствуйте, мистер Ричардс. Здравствуй, Артур. Не желаете ли выпить, мистер Ричардс?

Ричардс понял, что хочет пить — здесь, на одиннадцатом этаже, было жарко, несмотря на множество кондиционеров, которые он видел.

— Я выпью Рути-Тут, — ответил он.

Киллиэн поднялся, подошел к холодильнику и содрал крышку с пластиковой бутылки. Ричардс сел, кивком головы поблагодарив за бутылку.

— Мистер Ричардс, джентльмен справа от меня — Фред Виктор, режиссер «Бегущего». Второй, как вы наверняка знаете, Бобби Томпсон.

Разумеется, Томпсон. Хозяин и ведущий «Бегущего». На нем была кокетливая зеленая туника, слегка переливающаяся, а грива серебристых волос была настолько привлекательной, что выглядела подозрительно.

— Вы их красите? — задал вопрос Ричардс.

Безукоризненные брови Томпсона поползли вверх.

— Прошу прощения?

— Не важно.

— Вы должны быть снисходительны к мистеру Ричардсу, — улыбнулся Киллиэн. — Он, по-видимому, страдает крайней формой грубости.

— Вполне понятно, — отозвался Томпсон, зажигая сигарету. Ричардс почувствовал, как его заливают волна нереальности происходящего. — Учитывая обстоятельства.

— Подойдите, пожалуйста, сюда, мистер Ричардс, — вступил в разговор Виктор. Он подвел Ричардса к ряду экранов на другой стороне комнаты. Техник уже закончил со своими числами и покинул комнату.

— Мы не устраиваем прогонов, — сказал Виктор. — Нам кажется, это лишает спонтанности. Бобби просто импровизирует и отлично справляется. Мы начинаем в шесть, время Хардинга. Бобби в центре сцены на этом голубом помосте. Он делает вступление, и камера переходит на вас. Монитор покажет пару крупных планов. Вы будете на сцене справа, с охранниками по бокам. Они войдут вместе с вами, вооруженные автоматами. Дубинки были бы практичнее, если бы вы захотели причинить нам

неприятности, но автоматы нужны для театрального эффекта.

— Разумеется, — вставил Ричардс.

— Публика будет свистеть и кричать. Мы помещаем ее сюда для зрелищности. Как в матчах килбола.

— Они будут стрелять в меня поддельными пулями? — спросил Ричардс. — Можно спрятать на мне несколько мешочков с кровью и разбрызгивать вместо реплик. Тоже очень зрелищно.

— Пожалуйста, не отвлекайтесь, — сказал Виктор. — Вы с охранниками подойдете, когда назовут ваше имя. Бобби, возьмет у вас... э-э... интервью. Чувствуйте себя свободно и выражайтесь как угодно красочно. Все это хорошо для зрелища. Затем, примерно в шесть десять, как раз перед первой рекламой, вы получите ваши деньги и выйдете — без охранников — слева от сцены. Вы поняли?

— Да. А как же Лоулин?

Виктор нахмурился и зажег сигарету. «Он выходит на сцену после вас, в шесть пятнадцать. Мы проводим два конкурса одновременно, потому что часто один из конкурсантов оказывается... э-э-э... неспособным удержать дистанцию между собой и Охотниками».

— А малыш — для страховки?

— Мистер Джански? Да. Но все это вас не касается. Когда вы уйдете налево со сцены, вам дадут записывающее устройство размером примерно с пачку попкорна. Оно весит шесть фунтов. Вместе с ним вы получите шестьдесят пленок для клипов, каждая примерно по четыре дюйма. Все оборудование уместится в кармане пальто, не оттопыривая его. Это триумф современной технологии.

— Говно.

Виктор сжал губы.

— Как уже сказал вам Дэн, вы являетесь конкурсантом только для масс. На самом деле вы простой рабочий и должны видеть себя в этом свете. Капсулы с пленкой можно бросать в любой почтовый ящик, они будут до-

ставлены нам экспресс-почтой и могут быть пущены в эфир в тот же вечер. Если вам не удастся отправлять два клипа в день, это повлечет приостановку платежа.

— Но за мной будут продолжать охотиться.

— Верно. Поэтому лучше посылайте пленки. Они не выдадут вашего местопребывания: охотники работают независимо от отдела трансляции.

У Ричардса были сомнения на этот счет, но он промолчал.

— После того, как вы получите снаряжение, вас проведут к уличному лифту. Он вывезет вас прямо на Рэмпарт Стрит. С этого момента вы предоставлены себе. — Он помолчал. — Есть вопросы?

— Нет.

— Тогда мистер Киллиэн хотел бы уточнить с вами еще одну маленькую денежную подробность.

Они вернулись назад, туда, где Дэн Киллиэн беседовал с Артуром М. Бернсом. Ричардс попросил еще Рути-Тут и получил его.

— Мистер Ричардс, — сказал Киллиэн, сверкая зубами. — Как вам известно, вы покидаете студию без оружия. Но это не означает что вы не можете вооружиться честными или нечестными способами. Боже упаси! Нет. Вы — или ваши наследники — получают дополнительно по сто долларов за каждого Охотника или представителя закона, с которым вам случится разделаться...

— Знаю, можете не рассказывать, — сказал Ричардс. — Это очень зрелищно.

Киллиэн удовлетворенно улыбнулся.

— Как вы проникательны. Да. Однако постарайтесь не продырявить невинных прохожих. Это не этично.

Ричардс ничего не ответил.

— Другой аспект программы...

— Доносчики и независимые операторы. Знаю.

— Они не доносчики, они добропорядочные граждане Северной Америки. — Трудно было сказать, подлинной или ироничной была боль в голосе Киллиэна. — Во всяком случае, каждого, кто заметит вас, ждет вознаграж-

дение. Наводчик со свидетелями получает сто нью-долларов. Наводка, в результате которой происходит убийство, оплачивается тысячью. Независимым операторам мы платим по десять долларов за фут и выше...

— Удалиться на живописную Ямайку на деньги, полученные за кровь, — воскликнул Ричардс, широко раскинув руки. — Ваша фотография появится в стереоеженедельнике. Вы станете кумиром миллионов. Просто собственноручно напишете все подробности.

— Довольно, — спокойно отпарировал Киллиэн. Бобби Томпсон полировал ногти; Виктор вышел, и было слышно, как он кричал на кого-то по поводу угла наклона камеры.

Киллиэн нажал кнопку.

— Мисс Джонс? Он готов для вас, моя сладкая. — Он встал и вновь предложил свою руку. — Теперь грим, мистер Ричардс. Потом будет установка освещения. Вас поместят за кулисами, и мы не увидимся до вашего выхода. Итак...

— Все было великолепно, — ответил Ричардс. Руку он отверг.

Мисс Джонс вывела его. Было 2.30.

...Минус 081 счет продолжается...

Ричардс стоял сбоку в окружении двух полицейских, слушая, как публика в студии отчаянно аплодировала Бобби Томпсону. Он нервничал. Он осмеивал себя за это, но факт оставался фактом. Насмешки не уменьшали нервозности. Было 6.01.

— Сегодняшний претендент, находчивый и сильный, живет к югу от Канала в нашем родном городе, — говорил Томпсон. Кадр сменился фотографией Ричардса в мешковатой серой блузе, сделанной скрытой камерой несколько дней назад. Фон был похож на зал ожидания

на шестом этаже. Фотография отретуширована, подумал Ричардс, чтобы глаза казались более глубоко посаженными, лоб ниже, щеки более впалыми. Его рту было придано глумливое выражение кистью какого-то техника. В целом Ричардс на экране вызывал ужас — урбанистический ангел смерти, грубый, не слишком умный, но обладающий примитивной звериной хитростью. Пугало для обитателя хороших кварталов Города.

— Это Бенджамин Ричардс, двадцать восемь лет. Запомните его лицо! Через полчаса он будет рыскать по городу. Подтвержденное свидетельство о его местопребывании принесет вам сто нью-долларов! Если ваше свидетельство приведет к убийству, это принесет вам тысячу нью-долларов!

Мысли Ричардса были далеко, реальность мощно обрушилась на него.

— ... а вот женщина, которая получит вознаграждение Бенджамина Ричардса, если и когда он погибнет!

Изображение сменилось фотографией Шейлы... но и здесь поработала кисть, водимая на этот раз более тяжелой рукой. Результат был ужасен. Милое, не слишком красивое лицо превратилось в лицо грубой безвкусной неряхи. Толстые надутые губы, глаза, блестящие от жадности, намек на двойной подбородок, спускающийся на обнаженную грудь.

— Сволочь! — проскрежетал Ричардс. Он рванулся вперед, но сильные руки удержали его.

— Не кипятись, приятель. Это всего лишь картинка.

Через минуту его наполовину вывели, наполовину вытащили на сцену.

Реакция публики была мгновенной. Студия наполнилась визгливыми выкриками

— Вон! Накрутить ему хвост!

— Убирайся, подонок!

— Убить его! Убить сволочь! На, выкуси! Убирайся вон!

Бобби Томпсон успокаивающе поднял руки и ласково попросил тишины.

— Давайте слушаем, что он может нам сказать.

Публика успокоилась, хотя и неохотно.

Ричардс стоял под ярким светом, как бык с опущенной головой. Он знал, что излучает именно тот ореол ненависти и вызова, который от него ожидали, но ничего не мог поделать.

Он уставился на Томпсона тяжелым взглядом своих покрасневших глаз.

— Кто-то съест свои яйца за фотографию моей жены, — произнес он.

— Говорите громче, говорите громче, мистер Ричардс! — воскликнул Томпсон с должным оттенком презрения. — Никто вас не тронет... По крайней мере, пока.

Из публики полетели новые выкрики и истерическая брань.

Ричардс вдруг резко развернулся лицом к ним, и они замолчали, как от удара. Женщины глазели на него с испуганным, смешанным с желанием выражением. Мужчины усмехались с кровной ненавистью во взгляде.

— Сволочи! — Он закричал. — Если вам нравится видеть, как умирают такой страшной смертью, почему бы вам не перерезать друг друга?

Его последние слова потонули в воплях. Некоторые люди из публики (возможно, им заплатили) пытались прорваться на сцену. Их сдерживала полиция. Ричардс стоял к ним лицом, сознавая, как это выглядело.

— Спасибо вам, мистер Ричардс, за урок мудрости. — Презрение стало более ощутимым, и толпа, почти смолкнувшая, жадно пожирала его. — Не поделитесь ли вы с публикой, сидящей здесь в студии и у себя дома, сколько вы рассчитываете продержаться?

— Я хочу сказать всем здесь в студии и у себя дома, что это не моя жена! Это была дешевая подделка...

Толпа заглушила его. Вопли ненависти достигли почти лихорадочного накала. Томпсон подождал минуту, чтобы они утихли, и повторил:

— Сколько вы надеетесь продержаться, мистер Ричардс?

— Я надеюсь протянуть все тридцать дней, — холодно ответил Ричардс. — Не думаю, что у вас есть кто-нибудь, чтобы справиться со мной.

Снова вопли. Поднятые кулаки. Кто-то бросил помидор.

Бобби Томпсон вновь обратился к публике:

— С этими последними словами дешевой бравады мистер Ричардс сойдет со сцены. Завтра в полдень охота начинается! Запомните его лицо! Оно может оказаться рядом с вами в пневмобусе... на самолете... перед стереовитриной... на местном килбольном стадионе. Сегодня он в Хардинге. Может быть, завтра — в Нью-Йорке? В Бойсе? В Альбукерке? В Колумбусе? Тайком прокрадывается в ваши дома? Донесите на него!

— ДАА!!!

Ричардс вдруг сделал непристойный жест — обеими руками. На этот раз никак нельзя было подумать, что рывок на сцену симулирован. Ричардса быстро вытолкали через левый выход прежде, чем они успели разорвать его на куски перед камерой, лишив таким образом Систему предстоящего пикантного репортажа.

...Минус 080
счет продолжается...

В боковом помещении Киллиэн корчился от удовольствия.

— Прекрасное выступление, мистер Ричардс! Прекрасное! Черт, если бы я мог дать вам премию. Этот жест... великолепно!

— Наша цель доставлять удовольствие, — сказал Ричардс. Изображение на мониторах растворялось, уступая место рекламе. — Дайте мне проклятую камеру и идите на...

— Последнее не обещаю, — осклабился Киллиэн, — а камера вот.

Он взял ее из рук техника, ласково баюкающего ее.

— Со всем оборудованием и готова для съемки. А здесь пленки. — Он протянул Ричардсу маленькую, на удивление тяжелую продолговатую коробочку, завернутую в промасленную ткань.

Ричардс бросил камеру в один карман, пленки — в другой.

— О'кей. Где лифт?

— Не так быстро, — остановил его Киллиэн. — У вас есть минута... даже двенадцать, строго говоря. Ваш двенадцатичасовой дрейф начинается официально в шесть тридцать.

Снова раздались вопли ненависти. Оглянувшись через плечо, Ричардс увидел на экране Лоулина. Его сердце забилося в сочувствии.

— Вы мне нравитесь, Ричардс, и я думаю, вы себя хорошо покажете, — начал Киллиэн. — У вас есть некий грубый стиль, которым я бесконечно восхищаюсь. Видите ли, я коллекционер. Пещерное искусство и древнейшая культура Египта — область моих интересов. Вы больше напоминаете пещерное искусство, чем мои египетские урны, но дело не в этом. Я хотел бы сохранить вас — для коллекции, если угодно, — как собирают и хранят пещерные рисунки Азии.

— Беги, хватай запись колебаний моего мозга, сволочь. Она есть в досье.

— Я хотел бы дать вам небольшой совет, — продолжал Киллиэн, не обращая внимания на его слова. — У вас нет никакого реального шанса, его и не может быть, когда вся нация охотится за одним человеком, а Охотники обладают невероятно сложным оборудованием и подготовкой. Но если вы затаитесь, вы протянете дольше. Используйте лучше свои ноги, чем любое оружие, которое вам удастся заполучить. И держитесь поближе к своим. Он поднял палец, чтобы подчеркнуть значение своих слов. — Добропорядочные граждане, сидящие там, ненавидят вас за смелость. Вы для них символ нашего темного и расколотого времени. То, что происходило там,

было не только шоу и специально подобранная публика. Они ненавидят вас за смелость. Чувствуете это?

— Да, — ответил Ричардс. — Я-то понял. Я их тоже ненавижу.

Киллиэн улыбнулся.

— Поэтому они вас убивают. — Он взял Ричардса за локоть; пожатие было неожиданно крепким. — Сюда.

Позади них Бобби Томпсон ошпыливал Лоулина к полному удовлетворению публики.

Вниз по белому коридору, шаги эхом отдавались в пустоте — один. Совсем один. Один лифт в конце коридора.

— На этом месте мы расстанемся, — произнес Киллиэн. — Скоростной лифт на улицу. Девять секунд.

Он предложил руку — в четвертый раз, и вновь Ричардс отверг ее. Все же он помедлил.

— Что если я поднимусь наверх? — он указал кивком головы на потолок и восемьдесят этажей над ним. — Кого мне убивать там, наверху? Кого мне убить, если я доберусь до самого верха?

Киллиэн мягко рассмеялся и нажал кнопку рядом с лифтом, двери раздвинулись.

— За что вы мне нравитесь, Ричардс, — вы широко мыслите.

Ричардс вошел в лифт. Двери стали сближаться.

— Затаитесь, — повторил Киллиэн, и Ричардс остался один.

У него перехватило дыхание, когда лифт ринулся вниз.

...Минус 079
счет продолжается...

Лифт выходил прямо на улицу. Полицейский стоял у двери лицом к Мемориальному Парку Никсона, но он не взглянул на выходящего Ричардса; он только задумчиво

побарабанил по дубинке и уставился в мелкую изморось, стоявшую в воздухе.

Мелкий дождь принес в город ранние сумерки. Огни загадочно мерцали в темноте, а люди, идущие по Рэмпарт Стрит в тени Здания Игр, казались бесплотными тенями, так же, как и сам Ричардс. Он глубоко вдохнул влажный, с привкусом серы воздух. Было приятно, несмотря на привкус. Казалось, что он только что вышел из тюрьмы на волю, а не из одной сообщающейся камеры в другую. Воздух — это хорошо. Воздух — это прекрасно.

Держитесь поближе к своим, сказал Киллиэн. Конечно, он был прав. Не нужно быть Киллиэном, чтобы понимать это. Или сознавать, что самая жаркая охота будет в Ко-Оп Сити, как только закончится передышка. Но к тому времени он будет за горами и далеко отсюда.

Он прошел три квартала и помахал такси. Он надеялся, что Фри-Ви в машине будет сломан — как в большинстве из них, — но этот был в рабочем состоянии и включен на канал А-1, где ярко светились заключительные кадры «Бегущего». Дерьмо.

— Куда, приятель?

— Робард Стрит. Это было в пяти кварталах от его цели; когда такси подбросит его, он сядет на экспресс в обратном направлении, чтобы доехать до Моли.

Такси прибавило скорость, древний газовый мотор звучал какофонией из канонады выхлопов и разнообразных шумов. Ричардс откинулся назад на виниловые подушки, где тень казалась гуще.

— Эй, я тебя только что видел на Фри-Ви! — воскликнул таксист. — Ты тот тип, Причард.

— Причард. Верно, — безропотно согласился Ричардс. Здание Игр уменьшалось за их спиной. Психологическая тень тоже, казалось, уменьшалась в его душе, несмотря на неудачу с таксистом.

— Черт возьми, у тебя есть яйца, приятель! Говорю тебе. Честное слово, есть. Они убьют тебя, знаешь? Убьют, мать твою. У тебя и вправду есть яйца.

— Верно. Даже два. Как и у тебя.

— Даже два, — повторил таксист. Он был в экстазе. — Черт возьми, здорово! Смачно! Не возражаешь, если я расскажу жене, что подвез тебя? Она кипятком ссыт от этих Игр. Мне бы тоже настучать, только, черт возьми, кто меня послушает. Таксисту нужен хоть один свидетель. Никто не видел, как ты влез — вот непруха!

— Обидно, — сказал Ричардс. — Жаль, что ты не можешь помочь убить меня. Может, мне записку оставить, что я был здесь?

— Черт, можешь? Это было б...

Они как раз пересекли Канал.

— Выпусти меня здесь, — резко оборвал Ричардс. Он вытащил нью-доллар из конверта, врученного ему Томпсоном, и бросил его на переднее сиденье.

— Фу ты, чего я сказал? Я и не думал...

— Нет, — сказал Ричардс.

— Ну что, не дашь записку...

— Обожрешься, вонючка.

Он стремительно выпрыгнул и пошел по направлению к Драммонд Стрит. Ко-Оп Сити, как огромный солдат, поднимался в сгущающейся темноте перед ним. Крик таксиста все еще преследовал его:

— Тебя скоро достанут, мать твою так!

...Минус 078 счет продолжается...

Через задний двор, через рваную дыру в проволочном заборе, отделяющем одну асфальтовую пустыню от другой; переждать в глубокой тени, пока мимо с ревом проносится банда мотоциклистов, их фары сияют в темноте, как безумные глаза ночных оборотней. Потом — через последний забор (одна рука порезана), и вот он стучится в заднюю дверь Моли Джернигана — она же и есть главный вход.

Моли был владельцем ссудной кассы на Док Стрит, где — будь у тебя достаточно баксов, чтобы швыряться ими, — каждый мог купить специальную полицейскую дубинку, автомат с полным запасом патронов, противотанковое ружье, героин, Пуш, кокаин, маскировочные средства, искусственную бабу из стирофлекса или настоящую шлюху, если ты слишком измотан, чтобы пользоваться стирофлексовой, адреса нескольких подпольных казино, адрес Клуба Извращений и еще сотню других запрещенных вещей. Если у Моли не было нужной вещи, он заказывал ее для тебя.

В том числе фальшивые документы.

Когда он открыл глазок и увидел стоящего за дверью, он улыбнулся широкой улыбкой:

— Почему бы тебе не убраться, дружок? Я тебя не видел.

— Нью-доллары, — произнес Ричардс, обращаясь в воздух. Последовала пауза. Ричардс изучал манжету своей рубашки, как будто впервые ее видел.

Затем затворы и замки отворились поспешно, как будто Моли боялся, что Ричардс изменит решение. Ричардс вошел. Они стояли в подсобке магазина, которая представляла собой крысиный заповедник полный старых журналов, краденых музыкальных инструментов, краденых фотоаппаратов и товаров черного рынка. Моли был по необходимости Робин Гудом; ростовщик к югу от Канала недолго продержался бы на плаву, будь он слишком жадным. Моли драл три шкуры с богатых вонючек из Города, а в своих кварталах продавал почти по закупочным ценам — иногда даже ниже, если кого-то сильно припекало. Поэтому он пользовался превосходной репутацией в Ко-Оп Сити и первоклассной защитой. Если полицейский расспрашивал стукача из Южного Города (а их были сотни) о Моли Джернигане, информатор сообщал, что Моли — слегка слабоумный старик, приторговывавший по мелочам левым товаром. Любая шишка из Города с порочными сексуальными наклонностями могла бы много чего порассказать, но время чисток

полиции нравов прошло. Все понимали, что порок создает неблагоприятную среду для революционных настроений. Тот факт, что Моли также занимался торговлей поддельными документами, приносящей ему умеренный доход, строго для местных клиентов, был в Городе неизвестен. Все же Ричардс знал, что изготовление документов для такого жареного клиента, как он, было крайне опасным.

— Какие бумаги? — Моли глубоко вздохнул и зажег старинную настольную лампу с выгнутой шеей, которая залила ярким белым светом рабочую поверхность его письменного стола. Он был стар, почти семидесяти пяти лет, и под льющимся светом его волосы были похожи на серебряную канитель.

— Водительское удостоверение. Военный билет. Уличное удостоверение личности. Карточка полицейского учета. Пенсионное удостоверение.

— Просто. Работа стоит шестьдесят баксов для любого, кроме тебя, Бенни.

— Сделаешь?

— Я сделаю это для твоей жены, не для тебя. Для тебя — нет. Я не сую голову в петлю ради чокнутого сукина сына, вроде Бенни Ричардса.

— Сколько этр займет времени?

Глаза Моли сардонически вспыхнули.

— Зная твое положение, я потороплюсь. Час на каждую.

— Боже, пять часов... Можно мне пойти...

— Нет, нельзя. Ты сбрендил, Бенни? На прошлой неделе к твоей хозяйке приехал полицейский с конвертом. Он прибыл на черной тачке с еще шестерыми ребятами. Флэппер Донниган и Джерри Ханрахан точили зубы на углу, когда они проезжали. Флэппер мне все рассказал. Парень не камень, сам знаешь.

— Я знаю, что Флэппер не камень, — нетерпеливо перебил Ричардс. — Я послал деньги. Она...

— Кто знает? Кто видел? — Моли пожал плечами и закатил глаза, кладя ручки и незаполненные бумаги в

центр освещенного лампой пространства. — Они землю носом роют вокруг твоего дома, Бенни. Любой, кто выразит свое сочувствие, закончит в камере среди резиновых дубинок. Даже хорошим друзьям не нужно это, даже с бабками твоей хозяйки. Хочешь какое-нибудь определенное имя?

— Все равно, только англосаксонское. Боже, Моли, ей нужно выходить за продуктами. И врач...

— Она послала парнишку Баджи О'Санчеса. Как там его?

— Уолт.

— Да, вот именно. Не могу больше удержать концов. Выживаю из ума, Бенни. Пора на покой. Он вдруг вскинул глаза на Ричардса. — Я помню те времена, когда был знаменит Мик Джеггер. Ты ведь даже не знаешь, кто это, а?

— Я знаю, кто это, — рассеянно ответил Ричардс. Он повернулся к окну, выходящему на уровень тротуара, он был испуган. Все оказалось хуже, чем он думал. Шейла и Кэти тоже были в клетке. По крайней мере, до тех пор, пока...

— С ними все в порядке, Бенни, — ласково сказал Моли. — Держись только подальше. Ты для них теперь смерть. Чуешь?

— Да, — ответил Ричардс. Его неожиданно охватило отчаяние, глухое и страшное. Я хочу домой, подумал он с изумлением, и более того, хуже того. Вещи вырвались из-под контроля, казались нереальными. Сама материя бытия трещала по швам. Водоворот лиц: Лоулин, Бернс, Киллиэн, Джански, Моли, Кэти, Шейла...

Содрогнувшись, он заглянул в черноту. Моли погрузился в работу, мурлыкая какую-то забытую песню из своего далекого прошлого, что-то о глазах Бет Дэвис, кто бы, черт возьми, это мог быть?

— Он был ударник, — вдруг произнес Ричардс. — Ударник в английской группе «Битлс». Мик Маккартни.

— Эх, молодежь, — пробормотал Моли, согнувшись над своей работой. — Вот и все, что вы, молодежь, знаете.

...Минус 077
счет продолжается...

Он ушел от Моли в десять минут первого, облегчившись на тысячу двести долларов. Ростовщик продал ему скудный, но достаточно надежный маскарадный набор: седой парик, очки, ватные шарики за щеки, пластмассовые накладные зубы, изменившие линию его рта.

— Попробуй немного хромать, — посоветовал Моли. — Не слишком, чтобы не привлекать внимания. Чуть-чуть. Помни, что ты обладаешь силой туманить людям рассудок, если захочешь. Не помнишь эту строчку, а?

Ричардс не помнил.

Согласно новым документам в его бумажнике, он был Джон Гриффен Спрингер, продавец из Хардинга. Вдовец сорока трех лет. Без статуса техника, но это и лучше. У техников был свой язык.

Ричардс вновь вышел на Робард Стрит в 12.30, подходящий час, чтобы быть скрученным, ограбленным или убитым, но не самый подходящий час для того, чтобы скрыться незамеченным. И все же он прожил к югу от Канала всю свою жизнь.

Он пересек Канал двумя милями дальше к западу, почти на краю озера. Он встретил компанию подвыпивших пьянчуг, сидящих вокруг чахлого костра, несколько крыс, но ни одного полицейского. В час пятнадцать ночи он пересек дальний край ничейной земли среди складов, дешевых кабаков и корабельных контор на северной стороне Канала. В час тридцать вокруг него было достаточно жителей Города, чтобы благополучно остановить такси.

На этот раз водитель даже не взглянул на него.

— Джетпорт, — сказал Ричардс.

— В твоём распоряжении, приятель.

Движение на магистрали поглотило их. В аэропорту они были в час пятьдесят. Ричардс прошел хромающей походкой мимо нескольких полицейских и агентов служ-

бы безопасности, не проявивших к нему никакого интереса. Он купил билет в Нью-Йорк, потому что это первым пришло ему в голову. Проверка удостоверения личности была чисто формальной и ничем не примечательной. Он взошел на скоростной «Шаттл», вылетающий в Нью-Йорк в 2.20. На борту было всего около сорока пассажиров, в основном дремавших бизнесменов и студентов. Полицейский в кабине клевал носом на протяжении всего полета. Через некоторое время Ричардс тоже задремал.

Они коснулись земли в 3.06, Ричардс сошел с самолета и без приключений покинул аэропорт.

В 3.15 его такси спустилось по спирали Линдсей Овервей. Они пересекли по диагонали Центральный Парк, и в 3.20 Бен Ричардс растворился в величайшем городе земли.

...Минус 076 счет продолжается...

Он вынырнул в «Брант-Отеле», средней руки заведении на Ист Сайд. Эта часть города постепенно вступала в новую эру шика. Однако «Брант» находился на расстоянии меньше мили от внутренних трущоб Манхэттена — также величайших в мире. Зарегистрировавшись, он вновь вспомнил прощальные слова Бена Киллиэна: «Держитесь поближе к своим».

Выйдя из такси, он отправился на Таймс Сквер, не желая поселяться в гостинице в столь ранний час. Он провел пять с половиной часов с 3.30 до 9.00 в ночном порношоу. Он отчаянно хотел спать, но, задремав дважды, каждый раз резко просыпался, разбуженный прикосновением легких пальцев у себя меж ног.

— На сколько вы остановитесь, сэр? — спросил служащий отеля, посмотрев на удостоверение Джона Г. Спрингера.

— Не знаю, — Ричардс пытался придать себе скромное и любезное выражение. — Видите ли, все зависит от клиентов.

Он заплатил шестьдесят нью-долларов за комнату на два дня и поднялся на лифте на двадцать четвертый этаж. Из комнаты открывался мрачный вид на грязные берега Ист Ривер. В Нью-Йорке тоже шел дождь.

Комната была чистой, но скучной; к ней примыкала ванная комната, где унитаз издавал постоянные зловещие звуки, которые Ричардс не смог устранить, даже подергав клапан в бачке.

Он заказал завтрак в номер — вареное яйцо с поджаренным хлебом, апельсиновый напиток и кофе. Когда мальчик с подносом появился, он дал ему на чай мелкую монету.

Покончив с завтраком, он вынул видеокамеру и стал ее рассматривать. Маленькая металлическая пластинка с надписью «Инструкция» крепилась прямо под объективом. Ричардс прочитал:

1. Поместите кассету с пленкой в прорезь А и подождите щелчка.
2. Установите объектив с помощью видоискателей на нужном объекте.
3. Нажмите кнопку В для записи изображения и звука.
4. После сигнала об окончании кассета с пленкой выбрасывается автоматически. Время записи 10 минут.

Хорошо, подумал Ричардс, пусть смотрят, как я сплю. Он установил камеру на стол рядом с гидеоновой Библией и сфокусировал объектив на кровать. Стена за ней была неопределенного вида и пустой; он не думал, что можно определить его местонахождение по кровати или стене. Уличный шум был на этой высоте еле различим, но на всякий случай он включил душ.

Даже продумав все заранее, он едва не нажал кнопку и не встал в поле зрения камеры во всем своем гриме. Часть его можно было убрать, но седой парик приходи-

лось оставить. Он натянул на голову наволочку. Затем он нажал на кнопку, подошел к кровати и сел лицом к камере.

— Ку-ку, — глухим голосом сказал Бен Ричардс всей гигантской аудитории, которая будет слушать и смотреть его вечером с любопытством и ужасом. — Вам не видно, но я смеюсь над вами, говноеды.

Он лег, закрыл глаза и попытался ни о чем не думать. Когда записанная кассета выскочила через десять минут, он крепко спал.

...Минус 075 счет продолжается...

Он проснулся в начале пятого — следовательно, охота уже началась. Учитывая разницу во времени, она шла уже три часа. От этой мысли у него похолодело внутри.

Он поставил новую кассету в камеру, взял гидеонову Библию и прочитал Десять Заповедей снова и снова, пока не прошло десять минут, с наволочкой на голове.

В ящике стола лежали конверты, но на них было название и адрес отеля. Сначала он не мог решиться, но понял, что это неважно. Приходилось принять на веру слова Киллиэна, что его местопребывание, определяемое по маркам и обратному адресу, не сообщат Маккоуну и его ястребам. Он вынужден был пользоваться почтой. Ему не выдали почтовых голубей.

Ящики для почты стояли у лифтов, и Ричардс бросил кассеты в щель для междугородной корреспонденции, полный дурных предчувствий. Хотя почтовое ведомство не получало никаких денег от Администрации Игр за сообщения о местонахождении конкурсантов, это все равно казалось страшно рискованным. Но единственной альтернативой была приостановка платежа, а на это он пойти не мог.

Он вернулся в свою комнату, перекрыл кран (в ванной стоял пар, как в тропических джунглях) и лег на кровать, чтобы подумать.

Как бежать? Что лучше всего делать?

Он попытался поставить себя на место среднего курсанта. Первым импульсом, разумеется, было чисто животное желание: уйти в землю. Вырыть берлогу и забиться в нее.

Так он и сделал. «Брант-Отель».

Ждут ли этого Охотники? Да. Они будут искать совсем не бегущего. Они будут искать прячущегося.

Смогут ли найти его в его берлоге?

Ему смертельно хотелось ответить нет, но он не мог. Его маскарад был хорош, но составлен слишком поспешно. Наблюдательных людей немного, но они всегда найдутся. Может быть, его уже засекли. Портъе. Мальчик-посыльный, который принес ему завтрак. Может быть, даже кто-то из безымянных посетителей порношоу на Сорок второй улице.

Маловероятно, но возможно.

А как же его настоящая защита, фальшивое удостоверение личности, сделанное Моли? На сколько его хватит? Таксист, который вез его от Здания Игр, мог доставить его только в Южный Город. Охотники чудовищно хорошо знали свое дело. Они будут давить на всех, кого он знал. От Джека Крейгера до этой суки Эйлин Дженнер в конце коридора. Земля под ногами горит. Сколько времени пройдет прежде, чем кто-нибудь вроде придурковатого Флэппера Доннигана обмолвится, что Моли подделывает документы по случаю? И если они найдут Моли, ему конец. Ростовщик продержится, пока ему не накинут петлю на шею. Он был достаточно благоразумен, чтобы понимать, что для его репутации в окрестностях ему не повредят несколько славных боевых шрамов. Хотя бы для того, чтобы его лавка не сгорела однажды ночью. А потом? Простая проверка трех аэропортов Хардинга обнаружит ночной рейд Джона Г. Спрингера в Город Контрастов.

Если они доберутся до Моли.

Допустим, доберутся. Ты должен допустить, что доберутся.

Тогда бежать. Куда?

Он не знал. Он провел всю свою жизнь в Хардинге. На Средний Запад. Он не знал Восточного Побережья, здесь не было ни одного уголка, куда бы он мог бежать и чувствовать себя на родной почве. Итак, куда? Куда?

Его замученный, истощенный мозг погрузился в нездоровый дневной сон. Они без всякого труда разыскали Моли. Легко за пять минут вытянули из него имя Спрингера после того, как выдернули у него два ногтя, залили его пупок горючей жидкостью и пригрозили зажечь спичку. Они узнали номер самолета с помощью одного визита (привлекательные мужчины с незаметной внешностью, в габардиновых пальто одинакового покроя) и прибыли в Нью-Йорк к 2.30 по местному времени. Высланные вперед люди уже узнали адрес «Брант-Отеля» по компьютерному списку всех гостиниц Нью-Йорка, заполняемому день за днем. Теперь они были снаружи, окружив дом. Лифтеры, разносчики, дежурные и бармены были заменены Охотниками. Полдюжины их поднималось по пожарной лестнице. Еще полсотни блокировали все лифты. Все больше и больше их поднималось в воздухолетах вокруг здания. Они уже были в холле, через минуту дверь будет разбита в щепки и они ворвутся, сопровождаемые радостным стрекотом кинокамеры на колесиках, записывающей для потомства, как они будут делать из него гамбургер с кровью.

Ричардс сел весь в поту. Даже пистолета еще не достал. Бежать. Быстро.

Бостон сойдет, для начала.

...Минус 074
счет продолжается...

Он вышел из номера в 5.00 пополудни и спустился в вестибюль. Дежурный широко улыбнулся, возможно, в ожидании своего скорого освобождения.

— День добрый, мистер э-э...

— Спрингер. — Ричардс улыбнулся в ответ. — Похоже, я нашел жилу, друг мой. Трое клиентов выглядят... обнадеживающе. Я займу ваше превосходное жилище еще на два дня. Можно заплатить вперед?

— Разумеется, сэр.

Доллары перешли из рук в руки. Все еще сияя, Ричардс снова поднялся в свою комнату. Холл был пуст. Ричардс повесил табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ» на дверную ручку и быстро прошел к пожарной лестнице.

Удача ему сопутствовала, он никого не встретил. Он проделал весь путь до первого этажа и выскользнул через боковой вход незамеченным.

Дождь прекратился, но тучи все еще низко висели над Манхэттеном. Воздух пах, как протухший аккумулятор. Ричардс шел быстрым шагом, отменив хромоту, к автовокзалу Порт Оторите. На автобус дальнего следования можно был купить билет, не регистрируясь.

— Бостон, — сказал он бородатому продавцу билетов.

— Двадцать три бакса, приятель. Автобус отходит в шесть пятнадцать ровно.

Он передал деньги. У него оставалось меньше трех тысяч нью-долларов. Нужно было убить еще час, а вокзал был забит народом, среди которого было много солдат Добрармии в голубых беретах с пустыми грубыми мальчишескими лицами. Он купил порножур, сел и закрыл им лицо. Целый час он сидел, уставившись в журнал и переворачивая время от времени страницу, чтобы не быть похожим на статую.

Когда автобус подкатил к остановке, он двинулся к открытым дверям вместе с остальным серым сбродом.

— Эй! Эй, вы!

Ричардс оглянулся: полицейский службы безопасности бегом приближался к нему. Он застыл, не в силах бежать. Дальняя часть его мозга кричала, что его прикончат прямо здесь, в этом дерьмовом автовокзале с плевками жвачки на полу и случайной похабенью, нацарапанной на засаленных стенах; он станет незаслуженной добычей какой-нибудь тупой полицейской свиньи.

— Остановить! Остановить этого парня!

Полицейский изменил направление. Это совсем не за ним, понял Ричардс. Неряшливого вида юнец бежал к лестнице, размахивая дамской сумочкой и сбивая прохожих, как кегли.

Он и его преследователь исчезли из вида, перескакивая огромными прыжками по три ступеньки. Клубок прибывающих, отъезжающих и встречающих наблюдал за ними со сдержанным интересом минуту, а затем все вернулись к своим занятиям, как будто ничего не произошло.

Ричардс стоял в очереди, дрожа от озноба.

Он рухнул на сиденье в конце автобуса, и несколько минут спустя машина с рокотом вползла вверх по склону, остановилась и влилась в поток транспорта. Полицейский и его жертва исчезли в большой толпе человечества.

Если бы у меня был пистолет, я бы убил его на месте, думал Ричардс. Боже. Боже мой.

А вслед за этим: в следующий раз это будет не карманный вор. Это будешь ты.

Он достанет пистолет в Бостоне. Так или иначе.

Он вспомнил слова Лоулина, что он столкнет хотя бы нескольких из них из окна, прежде чем его возьмут.

Автобус катил на север в сгущающейся темноте.

...Минус 073
счет продолжается...

Здание ИМКА находилось в верхней части Ханнингтон Авеню. Оно было огромным, почерневшим от времени, старомодным и неуклюжим. Оно стояло в одном из лучших некогда, в середине прошлого века, кварталов Бостона. Оно возвышалось здесь как стыдливое напоминание о другой эпохе, другом времени, все еще мигая своими старомодными неоновыми буквами в сторону порочного театрального квартала. Оно напоминало скелет убитой идеи.

Когда Ричардс вошел в вестибюль, портье ругался с маленьким грязным негретенком в килбольной майке, такой огромной, что закрывала до середины его голубые джинсы. Спорной территорией был автомат по продаже жевательной резинки, стоявший между дверями вестибюля.

— Я потерял никель, болван! Я потерял мой никель!

— Если ты не уберешься отсюда, я позову здешнего детектива, малыш. Кончено. Я устал с тобой разговаривать.

— Но эта проклятая машина съела мой никель!

— Прекрати ругаться, маленький мерзавец! — Портье, на вид лет тридцати, но высохший и преждевременно постаревший, протянул руку и затряс майку. Она была слишком большой, чтобы он мог затрясти и мальчишку внутри. — Теперь убирайся отсюда. Разговор окончен!

При этих словах почти комическая маска ненависти и неповиновения на черном круглом лице сменилась оскорбленной агонией непонимания.

— Слышь, мой последний никель! Дерьмовая машина съела мой никель! Эта...

— Я немедленно зову сыщика. — Портье направился к пульту. Его пиджак, беженец с дешевой распродажи, устало трепыхался вокруг его тощего зада.

Мальчишка пнул корпус машины и бросился наутек.

— Дерьмовая-белая-свинья-сукин-сын!

Портье проследил за ним глазами, так и не нажав реальную или вымышленную кнопку вызова службы безопасности. Он улыбнулся Ричардсу, показав старую клавиатуру с недостающими клавишами.

— Невозможно стало разговаривать с цветными. Я бы держал их в клетке, если бы я управлял Системой.

— Он, правда, потерял никель? — спросил Ричардс, регистрируясь как Джон Диган из Мичигана.

— Если и так, все равно он его украл, — сказал портье. — Думаю, что да. Но если бы я дал ему никель, то к вечеру здесь было бы две сотни попрошаек, утверждающих то же самое. Где они учатся этим выражениям? Хотел бы я знать. Почему их родителям все равно, чем они занимаются? На сколько вы остановитесь, мистер Диган?

— Еще не знаю. Я здесь по делу. — Он попробовал изобразить сальную улыбку и, когда почувствовал, что это удалось, сделал ее шире. Портье немедленно признал ее (может быть, по своему собственному отражению, смотревшему на него из глубины стойки из искусственного мрамора, отполированной миллионом локтей) и улыбнулся в ответ.

— С вас пятнадцать пятьдесят, мистер Диган. — Он подтолкнул через стойку ключ, привязанный к потертому деревянному номерку. — Номер 512.

— Спасибо. — Ричардс заплатил наличными. Никакого удостоверения. Слава Богу, что существует ИМКА.

Он перешел к лифтам и заглянул в коридор, где была Библиотека Христианской Литературы. Она была тускло освещена засиженными мухами желтыми шарами; старик в пальто и галошах изучал трактат, медленно и методично переворачивая страницы дрожащим смоченным пальцем. Ричардс слышал затрудненный свист его дыхания от своего места у лифтов и испытывал смесь печали и ужаса.

Лифт, бренча, остановился, и двери с одышкой раздвинулись. Когда он входил внутрь, портье громко сказал:

— Это грех и позор. Я бы всех их в клетку посадил.

Ричардс поднял глаза, думая, что портье обращается к нему, но тот не глядел ни на кого конкретно.

Вестибюль был пуст и очень безмолвен.

...Минус 072 счет продолжается...

Пятый этаж вонял мочой.

Коридор был достаточно узким, чтобы вызвать у Ричардса приступ клаустрофобии, а ковер, который когда-то был красным, вытерся посередине до отдельных нитей. Двери были грязно-серого цвета, а некоторые из них хранили следы свежих ударов, пинков или попыток взлома. Надписи через каждые двадцать шагов сообщали, что **«КУРИТЬ В ХОЛЛЕ ЗАПРЕЩАЕТСЯ РАСПОРЯЖЕНИЕМ НАЧАЛЬНИКА ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ»**. В центре располагался общий туалет, и зловоние стало еще более острым. Этот запах автоматически ассоциировался для Ричардса с отчаянием. Люди беспокойно металась за серыми дверями, как звери в клетках — звери, слишком уродливые и страшные, чтобы их видеть. Кто-то протяжно пел пьяным голосом снова и снова то, что должно было означать «Аве Мария». Странные булькающие звуки раздавались из-за другой двери. За следующей — мелодия в стиле кантривестерн («Позвонить нет денег. О, как я одинок...»). Шаркающие звуки. Одинокий скрип постельных пружин — должно быть, кто-то играет в карманный бильярд. Рыдания. Смех. Истерические проклятия пьяного спора. А за всем этим — молчание. Молчание. Молчание. Человек с устрашающе впалой грудью прошел мимо Ричардса, не взглянув на него, в одной руке он нес кусок мыла и полотенце, на нем были пижамные штаны, подвязанные веревкой. На ногах надеты бумажные шлепанцы.

Ричардс отпер свой номер и вошел. С внутренней стороны был засов, и он запер его. В комнате стояла кровать с почти белыми простынями и списанным армейским одеялом. Стол с недостающим ящиком. Изображение Иисуса на стене. Стальной стержень с двумя крючками для одежды, задвинутый в угол. Больше ничего не было, кроме окна с видом в пустоту, Было 10.15.

Ричардс повесил пиджак, сбросил ботинки и лег на кровать. Он почувствовал, каким отверженным, никому не известным и ранимым был он в этом мире. Вселенная вопила и грохотала, и редела вокруг него, как огромный и безразличный драндулет, несущийся с горы к краю бездонной пропасти. Его губы задрожали, и он заплакал.

Он не стал снимать это на пленку. Он лежал и смотрел на потолок, покрытый мириадами причудливых трещин, как плохая горшечная глазурь. Они искали его уже восемь часов. Он заработал восемьсот долларов из своей закладной суммы. Боже, даже не высунул голову из норы.

Он пропустил себя по Фри-Ви. Да, черт возьми. Театр-с-мешком-на-голове.

Где они сейчас? Еще в Хардинге? В Нью-Йорке? Или на пути в Бостон? Нет, сюда они не могли отправиться, не так ли? Автобус не проезжал никаких постов. Он покинул самый большой город в мире анонимно, а здесь был под вымышленным именем. Они не могли взять его след. Никак не могли.

Бостон может быть безопасен по крайней мере два дня. После этого он может двинуться на север в Нью-Гемпшир или Вермонт, или на юг в Филадельфию, или даже Атланту. Дальше на восток был океан, а за ним Британия и Европа. Это была заманчивая идея, но, вероятно, недостижимая. Перелет на самолете требовал удостоверения личности, так как Франция находилась в состоянии войны, и если бегство и было возможно, то обнаружение означало бы быстрый и решительный конец всего предприятия. А Запад был исключен. Охота на Западе была самой жаркой.

Если не выносишь жары, выйди из кухни. Кто это сказал? Моли, наверное, знает. Он усмехнулся и почувствовал себя лучше.

Бесплотный звук радио достиг его слуха.

Хорошо бы достать пистолет сегодня, сейчас, но он слишком устал. Поездка утомила его. Быть беглецом он утомился и чувствовал животным инстинктом, более глубоким, чем рассудок, что скоро ему, возможно, придется спать в по-октябрьскому холодной дренажной трубе или в канаве с мусором и пеплом.

Пистолет завтра вечером.

Он выключил свет и заснул.

...Минус 071 счет продолжается...

Было время выхода в эфир.

Ричардс стоял, повернувшись задницей к видеокамере, мурлыкая музыкальную тему из «Бегущего». Наволочка ИМКА была у него на голове, вывернутая наизнанку, чтобы не видно было названия.

Камера вдохновила Ричардса на творческое остроумие, которого он в себе не подозревал. Он всегда представлял себя довольно угрюмым человеком без всякой веселости на людях. Перспектива приближающейся смерти освободила одинокого комедианта, скрывавшегося внутри.

Когда клип был готов, он решил оставить второй на более позднее время. Одинокая комната была скучна, и может быть, что-то другое придет ему в голову.

Он медленно оделся, подошел к окну и выглянул.

Транспорт оживленно двигался вверх и вниз по Ханингтон Авеню в это утро. Оба тротуара были полны медленно идущими пешеходами. Некоторые изучали ярко-желтые факсы — Требуется Помощь. Большинство просто шли. На каждом углу стояли полицейские. Ри-

чардс слышал их в своем воображении: «Проходи. Тебе что, идти куда? Шевелись, вонючка».

И так вы шли до следующего угла, который ничем не отличался от предыдущего, и вас опять гнали дальше. Можно было попробовать сойти с ума, но в основном страдали ноги.

Ричардс обдумывал риск пройти по коридору и принять душ. В конце концов он решил, что это можно сделать. Он прошел с полотенцем на плече, никого не встретив, и вошел в ванную.

Здесь смешивались запахи мочи, экскрементов, рвоты и дезинфекции. Все дверцы были, конечно, сорваны. Кто-то нацарапал «СИСТЕМУ НА Х...» аршинными буквами над писсуаром. Похоже было, он был зол, когда писал. В одном из писсуаров была куча фекалий. Кто-то, должно быть, сильно напился, подумал Ричардс. Несколько вялых осенних мух ползали по ней. Он не испытывал отвращения; зрелище было слишком распространенным; но он был рад, что надел ботинки.

Душевая также была в его полном распоряжении. Пол из потрескавшейся керамики, выдолбленный кафель на стенах с потеками разложения внизу. Он до конца вывернул горячий кран и терпеливо ждал, пока вода стала чуть теплой, после чего быстро вымылся. Он использовал обмылок, который нашел на полу; в ИМКА не выдавали мыла или же горничная унесла его кусок.

На обратном пути ему попался мужчина с заячьей губой.

Ричардс заправил рубашку в брюки, сел на кровать и зажег сигарету. Он был голоден, но ждал, пока стемнеет, чтобы выйти поесть.

Скука снова погнала его к окну. Он стал считать марки машин — «Форды», «Шеви», «Винты», «Фольксвагены», «Плимуты», «Студебекеры», «Рэмблер-Супром». Первый, кто наберет сотню, выигрывает. Скучная игра, но лучше, чем никакая.

Дальше вверх по Ханингтон Авеню располагался Северо-Восточный Университет, а через дорогу прямо на-

против здания ИМКА — большой автоматизированный книжный магазин. Пока он считал машины, Ричардс видел, как входили и выходили студенты. Они составляли разительный контраст бродягам на улице: все коротко стриженные и в клетчатых куртках, которые считались в кампусах последним писком сезона. Они проходили через крутящуюся дверь внутрь и делали покупки с видом снисходительности и превосходства, оставляющим у Ричардса во рту вкус изумления. Пятиминутная стоянка перед магазином постоянно пополнялась все новыми и новыми броскими спортивными автомобилями самых экзотических марок. У большинства из них на заднем стекле красовались наклейки колледжей: Северо-Восточный, Массачусетский Технологический Институт, Бостонский Колледж, Гарвард. Большинство зевак не обращали никакого внимания на эти машины, как на часть пейзажа, но некоторые смотрели с глухой злобной завистью.

«Винт» выехал со стоянки перед магазином, а «Форд» въехал, остановившись в дюйме от тротуара: стриженный под ежик владелец его курил огромную сигару. Машина слегка присела, когда пассажир, хлыщ в коричневой с белым охотничьей куртке, вышел, хлопнув дверью.

Ричардс вздохнул. Подсчет машин был плохой игрой. «Форды» опережали своих ближайших соперников со счетом 78 на 40. Исход был предрешен, как на выборах.

Кто-то забарабанил в дверь, и Ричардс окаменел.

— Фрэнки? Ты здесь, Фрэнки?

Ричардс не отвечал. Застыв от ужаса, он стоял, как статуя.

— Поешь говна, Фрэнки-детка. — Раздался сдавленный пьяный смех, и шаги двинулись дальше. Стук в следующую дверь. — Ты здесь, Фрэнки?

Сердце Ричардса медленно откатилось от горла.

«Форд» уехал, другой «Форд» занял его место. Номер 79. Дерьмо.

День перекатился за полдень, потом пробил час. Ричардс понял это по звону отдаленных колоколов. По

иронии судьбы, у человека, живущего по минутам, не было часов.

Теперь он стал играть в другой вариант автомобильной игры.

Каждый «Форд» — два очка, «Студебекер» — три, «Винт» — четыре. Первый, кто наберет пятьсот, выигрывает.

Быть может, через пятнадцать минут он заметил, что молодой человек в коричневой с белым охотничьей куртке, облокотившись на столб у магазина, читает концертную афишу. Его никто не прогонял; более того, полиция, казалось, его не замечала.

Ты шарахаешься от теней, вонючка. Скоро они будут мерещиться тебе по углам.

Он прибавил «Винт» с вмятиной на крыле. Желтый «Форд». Старый вихляющий «Студебекер» с дребезжащим вентилятором. «Фольксваген» — ничего хорошего, у них нет шансов. Еще «Винт». «Студебекер».

Человек, куривший огромную сигару, с беспечным видом стоял на остановке автобуса. Он был там один. По одной причине. Ричардс видел, как подходили автобусы, и знал, что следующий будет не раньше чем через сорок пять минут.

Ричардс почувствовал холодные мурашки в паху.

Старик в поношенном черном пальто лениво прошел по тротуару и как бы случайно прислонился к зданию.

Два парня в клетчатых куртках вылезли из такси, оживленно переговариваясь, и принялись изучать меню в окне ресторана «Стокгольм».

Полицейский пересек улицу и поговорил с человеком на автобусной остановке. Потом полицейский отошел.

Ричардс отметил с глухим нарастающим ужасом, что множество бродяг с газетами слишком медленно тащились по тротуару. Их одежда и походка казались странным образом знакомыми, как будто он видел их раньше много раз и лишь сейчас начинал осознавать это — так ощупью и с трудом узнаешь во сне голоса умерших.

Полицейских также становилось больше.

Меня окружают, подумал он. Эта мысль вызвала бес-
сильный заячий страх.

Нет, поправил его мозг. Ты уже окружен.

...Минус 070 счет продолжается...

Ричардс быстро прошел в ванную, спокойный, игнорируя свой страх, как человек на высокой скале игнорирует возможность падения. Если ему и удастся выбраться, то только сохраняя спокойствие. Если он впадет в панику, он быстро погибнет.

В душе был кто-то, напевающий популярную песенку слабым скрипучим голосом. У писсуаров и раковин никого не было.

Трюк без усилия всплыл в его мозгу, когда он стоял у окна, наблюдая их зловеще бесцеремонное передвижение. Если бы это не пришло ему в голову, он, наверное, все еще стоял бы там, как Алладин, наблюдающий за дымом лампы, из которого складывался всемогущий джинн. Они использовали его в детстве для кражи газет из подвалов Развития. Моли покупал их по два цента за фунт.

Сильным ударом руки он сорвал со стены одну из проволочных подставок для зубных щеток. Она была слегка заржавевшей, но это не имело значения. Он пошел к лифту, на пути выпрямляя проволоку.

Он нажал кнопку вызова лифта и целую вечность ждал, пока кабинка ползла с восьмого этажа. Она была пуста. Слава Богу, пуста.

Он вошел в лифт, еще раз быстро оглядев коридоры, и повернулся к панели с кнопками. Рядом с кнопкой подвала была прорезь. Сторож вставляет в нее специальный жетон. Электронное устройство сканирует жетон, после чего сторож нажимает на кнопку и спускается в подвал.

Что, если не получится?

Не думай об этом. Не думай об этом сейчас.

Сморщившись от предвкушения возможного удара током, Ричардс пропихнул проволоку в прорезь и одновременно нажал на кнопку подвала.

Из глубины панели раздался шум, похожий на короткое электронное проклятие. Вверх по руке прошло легкое щиплющее сотрясение. Минуту ничего не происходило. Затем двери заскользили и закрылись, и лифт, покачиваясь, неохотно двинулся вниз. Маленькое колечко голубого дыма показалось из прорези.

Ричардс отошел от двери и смотрел, как зажигались номера этажей. Когда загорелся номер первого этажа, мотор наверху издал скрежещущий звук, и кабина казалось, готова остановиться. Мгновение спустя (решив, по-видимому, что она достаточно напугала Ричардса) она возобновила спуск. Через двадцать секунд двери раздвинулись, и Ричардс вышел в огромный, тускло освещенный подвал. Где-то текла вода, возилась потревоженная крыса. Помимо этого, он был один. Пока один.

...Минус 069 счет продолжается...

Огромные заржавленные трубы отопления, облепленные паутиной, расползались по потолку. Когда печь неожиданно загудела, Ричардс едва не закричал от страха. Прилив адреналина к сердцу и конечностям на минуту заставил его потерять способность двигаться от боли.

Здесь тоже были газеты, заметил Ричардс. Тысячи газет, сложенных стопками и перевязанных веревками. Крысы тучами гнездились среди них. Целые семьи их уставились на пришельца недоверчивыми рубиновыми глазами.

Он пошел по подвалу, остановившись на полпути через потрескавшийся цементный переход. Здесь стояла коробка предохранителей, привинченная болтами к основанию, а за ней — ящик инструментов. Ричардс взял лом и продолжал путь, не отрывая глаз от пола.

У дальней стены слева он обнаружил главный люк канализации. Он приблизился и осмотрел его, постоянно думая, догадались ли они уже, что он здесь.

Люк был закрыт толстой стальной решеткой. Она была трех футов в поперечнике, и с другой стороны была щель, чтобы вставить лом. Ричардс просунул его в щель, нажал на рычаг, приподняв крышку люка, и наступил ногой на лом. Он засунул обе руки под край крышки, напрягся и опрокинул ее. Она упала на цементный пол с грохотом, от которого в смятии запищали крысы.

Труба уходила вниз под углом в сорок пять градусов, и Ричардс предположил, что ее глубина не может быть больше двух с половиной футов. В ней было очень темно. Клаустрофобия вдруг наполнила его рот ватой. Слишком мало места, чтобы двигаться, даже чтобы дышать. Но это было необходимо.

Он перекатил крышку назад и положил ее на край люка таким образом, чтобы он мог схватить ее, когда спустится вниз. Потом он вернулся к коробке предохранителей, сбил ломом висячий замок и раскрыл ее. Он собирался уже начать вынимать предохранители, когда ему в голову пришла другая идея.

Он подошел к газетам, наваленным грязными желтыми кучами по всему восточному краю подвала. Затем он выудил смятый коробок спичек, которыми он зажигал свои сигареты. Оставалось три спички. Он оторвал кусок газеты и свернул его в кулек; засунул его под локоть, как бумажный колпак, и зажег спичку. Первая спичка погасла от сквозняка. Вторая выпала из его дрожащих пальцев и зашипела на мокром бетоне.

Третья спичка зажглась. Он поднес ее к бумажному фитилю, и тот расцвел желтым пламенем. Крыса, почув-

ствовав, должно быть, что происходит, пробежала по его ноге и бросилась в темноту.

Страшная необходимость действовать срочно наполнила его, и все же он дождался, пока пламя не разгорелось. Спичек больше не было. Он осторожно сунул горящий фитиль в расщелину бумажной стены, которая доходила ему до груди, и смотрел, как пламя распространяется.

Огромный нефтяной резервуар, обслуживающий здание ИМКА, примыкал к соседней стене. Он мог взорваться, во всяком случае, Ричардс на это надеялся.

Уже бегом он вернулся к коробке предохранителей и стал выдергивать длинные трубчатые предохранители. Он успел выдернуть почти все, пока не погасли огни в подвале. Он ощупью нашел дорогу к люку канализации, освещаемому теперь только дрожащим светом горящей бумаги.

Он сел на край, свесив ноги, а затем медленно сполз вниз. Когда его голова опустилась ниже уровня пола, он уперся коленями в края шахты, чтобы удержаться, и вытянул руки над головой. Работа шла медленно. Двигаться было тесно. Свет от огня стал ослепительно ярким, а треск пожара наполнял его уши. Вот его пальцы нащупали край отверстия и двинулись дальше, пока не схватили решетчатую крышку люка. Он медленно потянул ее на себя, удерживая ее тяжесть мышцами спины и шеи. Когда, по его расчету, дальний край крышки был готов встать на место, он сделал последний отчаянный рывок.

Крышка упала на место со звоном, больно ударив Ричардса по запястьям. Ричардс расслабил колени и скатился вниз, как мальчишка с горы. Труба была покрыта слизью, и он беспрепятственно проехал около двенадцати футов до того места, где труба поворачивалась горизонтально. Удачно ударившись ногами, он встал, как пьяница, прислонившийся к фонарному столбу. Но попасть в горизонтальную часть он не мог. Изгиб трубы был слишком крутым.

Клаустрофобия разрасталась, наполняла рот, душила. «В западне», стучало в мозг. «В западне, в западне, в западне».

Пронзительный крик поднимался в горле, и он подавил его.

«Успокойся. Конечно, это очень банально, очень избито, но нужно сохранять спокойствие здесь, внизу. Спокойствие. Поскольку мы тут, внизу трубы, и мы не можем подняться вверх, и не можем спуститься, а если проклятый нефтяной бак взорвется, из нас получится замечательное фрикасе, и...»

Он стал медленно крутиться вокруг себя, пока не уперся в трубу грудью. Покрывавшая трубу слизь облегчала его движения. В трубе было теперь очень светло и становилось теплее. Решетчатая крышка отбрасывала тень, как от тюремной решетки, на его напряженное лицо.

Лежа теперь на груди, животе и чреслах, с коленями, согнутыми в нужном направлении, он смог скользнуть чуть ниже, так что его ступни и лодыжки вошли в горизонтальную часть колена трубы, а сам он оказался в коленопреклоненной позе. Все равно недостаточно. Его ягодицы упирались в твердое керамическое покрытие над входом в горизонтальную часть.

Ему слышались смутные выкрики команд за мощным треском огня, но это могло быть воображение, обостренное и разгоряченное сверх всякого предела.

Он стал двигать мышцами бедра и голени в утомительном раскачивающемся ритме, и мало-помалу колени стали отъезжать из-под него. Он вновь протиснул руки вверх, чтобы освободить себе место, и теперь лицо его лежало прямо на слизи. Он вот-вот мог пролезть. Он как мог изогнул спину и начал отталкиваться руками и головой, единственным, чем он мог действовать в качестве рычага.

Когда он уже стал думать, что места недостаточно и что он так и останется растянутым здесь, не в состоянии двинуться ни в одну сторону, его бедра и ягодицы вдруг

проскочили в отверстие горизонтальной части, как пробка от шампанского сквозь узкое бутылочное горлышко. Он мучительно больно оцарапал поясницу, когда его колени ушли из-под него, а рубашка задралась до самых лопаток. Он оказался в горизонтальной трубе — за исключением головы и рук, выгнутых назад под выворачивающим суставами углом. Извиваясь, он просунулся весь и застыл, задыхающийся, с потеками слизи и крысиного помета на лице, с содранной и кровоточащей спиной.

Эта труба была еще уже; его плечи задевали стенки каждый раз, как грудь поднималась при дыхании.

Слава Богу, что я недоедал.

Задыхаясь, он стал пятиться в черную неизвестность трубы.

...Минус 068 счет продолжается...

Он продвигался медленно, как крот, примерно пятьдесят ярдов по горизонтальной трубе, пятясь вслепую. В этот момент нефтяной бак в подвале ИМКА взорвался с ревом, вызвавшим такую вибрацию сочувствия в трубах, что его барабанные перепонки едва не лопнули. Возникла мертвенно-желтая вспышка, как будто воспламенилась куча фосфора. Она побледнела, отбрасывая мерцающий розовый отблеск. Несколько минут спустя волна горячего воздуха ударила его в лицо, заставив болезненно поморщиться.

Видеокамера в кармане куртки подпрыгивала и раскачивалась, когда он попытался пятиться быстрее. Труба вбирала жар яростного взрыва и огня, бушевавшего где-то над ним, как кастрюля вбирает жар газовой конфорки. Ричардс не чувствовал никакой потребности быть испеченным здесь, как картофель в духовке.

Пот катился по его лицу, смешиваясь с уже лежащими на нем черными полосами грязи и делая его похожим в восковом угасающем мерцании отраженного огня на индейца, вышедшего на тропу войны. К стенкам трубы было горячо прикоснуться.

Как кальмар, Ричардс проталкивался на локтях и коленях, а его ягодицы при каждом движении шлепались о верх трубы. Дыхание вырывалось резкими, по-собачьи короткими всхлипами. Воздух был горячим, полным масляного вкуса нефти, затруднявшим дыхание. Головная боль разлилась по черепу, отдаваясь острой болью в глазах.

«Я здесь зажарюсь. Я зажарюсь».

Вдруг его ноги повисли в воздухе. Ричардс попытался заглянуть через свои ноги назад и увидеть, что там, но сзади было слишком темно, а глаза были слишком ослеплены светом впереди. Надо было рисковать. Он пытался, пока колени его не оказались у конца трубы, а потом осторожно перегнул их.

Его ноги вдруг очутились в воде, шокирующе холодной после жара в трубе.

Новая труба шла под прямым углом к той, по которой только что пролез Ричардс, и была гораздо шире — достаточно широкой, чтобы стоять согнувшись. Густая, медленно текущая вода поднималась выше щиколоток. Он задержался на минуту, чтобы оглянуться на крошечный мягко светящийся отраженным отблеском пожара круг трубы. То обстоятельство, что хоть какой-то отблеск был виден на этом расстоянии, говорило, что это, действительно, был очень большой взрыв.

Ричардс с неохотой заставил себя признать, что в их обязанности входило допустить, что он скорее выжил, чем погиб в аду подвала, но, может быть, они не обнаружат, каким образом он выбрался, до того, как пожар будет взят под контроль. Это выглядело как разумное допущение. Но раньше казалось разумным и допущение, что они не могли выследить его в Бостоне.

Может быть, они и не выследили. В самом деле, что ты видел?

Нет. Это были они. Он знал. Охотники. От них исходил даже запах зла. Он вознесся к его пятому этажу на незримых душевных потоках.

Мимо него по-собачьи проплыла крыса, сверкнув глазами.

Неловко шлепая, Ричардс направился за ней в том направлении куда текла вода.

...Минус 067 счет продолжается...

Ричардс стоял у лестницы, глядя наверх, ошеломленный светом. Уличного движения не было, это уже кое-что, но свет...

Свет поразил его, потому что ему казалось, что он путешествовал по сточным трубам многие и многие часы. В темноте, без зрительных ориентиров и без звуков, за исключением бормотания воды, случайного тихого всплеска плывущей крысы и глухих ударов в трубах (что, если кто-нибудь выльет горшок мне на голову, с мрачным юмором подумал Ричардс), чувство времени им полностью утратилось.

Теперь, глядя сквозь дыру в крышке в пятнадцати футах над головой, он увидел, что дневной свет еще не померк. В крышке было несколько круглых отверстий для воздуха, и карандашные лучи света чеканили солнечные монеты на его груди и плечах.

Ни один аэробус не проехал по крышке с тех пор, как он попал сюда; лишь отдельные тяжелые машины да стайка велосипедов. Это заставляло его предполагать, что более благодаря удаче и закону средних чисел, чем внутреннему чувству направления, ему удалось найти дорогу в сердце города — к своим.

Тем не менее он не решался выйти до наступления темноты. Чтобы убить время, он достал камеру, вставил кассету и стал снимать свою грудь. Он знал, что пленка

была сверхчувствительной, способной улавливать слабо различимый свет, и не хотел выдавать слишком много из того, что его окружало. Он не стал болтать и дурачиться на этот раз. Он слишком устал.

Когда запись была сделана, он положил ее вместе с другим отснятым клипом. Он хотел бы избавиться от назойливого подозрения — почти уверенности, — что кассеты выдают его местонахождение. Должен же быть способ бороться с этим. Должен быть.

Он устало сел на третью ступеньку лестницы, дожидаясь темноты. Он бежал уже почти тридцать часов.

...Минус 066 счет продолжается...

Мальчик семи лет, черный, курящий сигарету, подвинулся ближе к концу аллеи, наблюдая за улицей.

На улице в том месте, где до этого ничего не было, возникло неожиданное легкое движение. Тени поползли, застыли, опять поползли. Крышка люка поднималась. Потом она замерла, и что-то — глаза? — блеснуло. Вдруг крышка со звоном откатилась в сторону.

Кто-то (или что-то, подумал мальчик, охваченный страхом) выбирался оттуда. Может быть, дьявол выходит из ада, чтобы забрать Кэсси, решил он. Ма сказала, что Кэсси отправится на небо к Дики и другим ангелам. Мальчик думал, что все это чушь собачья. После смерти все отправляются в ад, и дьявол колет их вилами в зад. Он видел изображение дьявола в книжках, которые Брэдли стянул из Бостонской Публичной Библиотеки. Небеса открывает Пуш. Дьявол же был Человек.

Это может быть дьявол, подумал он, когда Ричардс вытащил себя из люка и на секунду прижался к потрепавшемуся разбитому цементу, чтобы перевести дыхание. Нет хвоста и рогов, не такой красный, как в той же

книжке, но морда выглядит достаточно безумной и злобной.

Теперь он толкает крышку на место, а теперь — теперь, святой Господи Иисусе, бежит по направлению к аллее.

Мальчик застонал, попытался бежать и упал, зацепившись за собственные ноги.

Он пытался подняться, барахтаясь и роняя вещи, когда дьявол вдруг схватил его.

— Не коли меня ею! Крик застрял у него в гортани. — Не коли меня своей вилкой, сукин сын...

— ШШШ! Заткнись! Заткнись! — Дьявол затряс его так, что зубы, как мраморные шарики, загрохотали у него в голове, и мальчик заткнулся. Дьявол озирался вокруг в величайшем ужасе. Выражение его лица казалось почти комическим от крайнего страха. Мальчик вспомнил смешных парней из игры «Поплавай с крокодилами». Он рассмеялся бы, если бы сам не был так напуган.

— Ты не дьявол, — сказал мальчик.

— Увидишь, что да, если завопишь.

— И не подумаю, — с презрением ответил мальчик. — Думаешь, я хочу, чтобы мне отрезали яйца? Иисусе, я еще даже не достаточно большой, чтобы кончать.

— Знаешь какое-нибудь тихое местечко, куда можно пойти?

— Не убивай меня, приятель. У меня ничего нет. — Глаза мальчика, белые в темноте, уставились на него.

— Я не собираюсь убивать тебя.

Держа Ричардса за руку, мальчик вел его из одной извилистой замусоренной аллеи в другую. В самом конце, перед тем местом, где аллея выходила в открытое пространство между двумя безликими высотными зданиями, мальчик подвел его к приземистому строению из краденых досок и кирпичей. Оно было рассчитано на четырехфутовый рост, и Ричардс стукнулся головой при входе.

Мальчик отодвинул грязную черную тряпку, закрывавшую проход, и стал с чем-то возиться. Через минуту

слабый свет озарил их лица; мальчик прицепил маленькую электрическую лампу к разбитому аккумулятору.

— Я сам спер этот аккумулятор, — произнес мальчик. — Брэдли сказал мне, как его починить. У него книги есть. У меня тоже есть мешочек никелей. Я дам его тебе, если ты меня не убьешь. Лучше не пробуй. Брэдли в Головорезах. Если убьешь меня, он заставит тебя обделаться и есть свое дерьмо.

— Я не убиваю, — нетерпеливо перебил Ричардс. — По крайней мере, малыш.

— Я не малыш! Я сам спер этот чертов аккумулятор! Его оскорбленный вид вызвал на лице Ричардса усмешку.

— Ладно. Так как тебя зовут, малыш?

— Никакой я не малыш. Потом угрюмо бросил: — Стейси.

— О'кэй, Стейси. Прекрасно. Я в бегах. Веришь?

— Да уж, ты в бсгах. Ты не для того вылез из этой дыры, чтобы грязные открытки покупать. Он задумчиво оглядел Ричардса. — Ты белый? Вроде и не скажешь, со всей этой грязью.

— Стейси, я... — Он оборвал себя и взъерошил рукой волосы. Когда он снова заговорил, казалось, что он разговаривает сам с собой. — Я должен кому-то довериться, и это оказался малыш. Малыш. Боже правый, тебе и шести еще нет, дружище.

— Мне будет восемь в марте, — сердито возразил мальчик.

— У моей сестренки Кэсси рак, — добавил он. — Она много кричит. Вот почему я люблю здесь бывать. Сам спер чертов аккумулятор. Кольнешься, мистер?

— Нет, и ты тоже. Хочешь два бакса, Стейси?

— Господи, да! — Недоверие отразилось в его глазах. — Не вылез же ты из дыры с двумя чертовыми баксами. Чушь собачья.

Ричардс извлек нью-доллар и дал его мальчику. Тот уставился на него с благоговением, близким к ужасу.

— Будет еще один, если ты приведешь своего брата, — сказал Ричардс и, заметив его взгляд, быстро добавил: —

Я передам его тебе тайком, так что он не увидит. Приведи его одного.

— Ничего не получится, если попробуешь убить Брэдли, приятель. Он заставит тебя обделаться.

— И съесть свое дерьмо. Знаю. Беги и приведи его. Подожди, пока он останется один.

— Три бакса.

— Нет.

— Слушай, приятель, за три бакса я могу достать Кэсси кое-что в лавке. Чтобы она так чертовски не орала.

Лицо мужчины вдруг перекошилось, как будто кто-то, невидимый мальчику, ударил его.

— Хорошо. Три.

— Нью-доллары, — настаивал мальчик.

— Да, ради Христа, да. Доставь его. А если ты приведешь полицейских, то не получишь ничего.

Мальчик замер, наполовину внутри, наполовину снаружи своего кукольного домика.

— Ты дурак, если думаешь так. Я ненавижу этих чертовых свиней больше всех. Даже дьявола.

Он ушел, семилетний мальчик с жизнью Ричардса в своих грязных чесоточных руках. Ричардс слишком устал, чтобы по-настоящему бояться. Он выключил свет, откинулся назад и отрубился.

...Минус 065 счет продолжается...

Сны только начинались, когда его туго натянутые нервы вырвали его из сновидения. Запутавшись в темноте, начало кошмара владело им еще минуту, и он думал, что огромная полицейская собака бросается на него — устрашающее природное оружие семи футов высотой. Он едва не закричал вслух, пока Стейси не вернул реальный мир на свое место, прошипев:

— Если он разбил мой чертов свет, я ему...

Мальчика грубо утихомирили. Тряпка на входе заколыхалась, и Ричардс включил свет. Перед ним был Стейси и другой негр. Новый парень был, вероятно, лет восемнадцати, подумал Ричардс, он носил мотоциклетную куртку и смотрел на Ричардса со смесью ненависти и интереса.

Щелкнуло и блеснуло лезвие ножа в руках Брэдли.

— Если ты вооружен, брось оружие.

— Я не вооружен.

— Не верю, что... — он прервал себя, и глаза его расширились. — Эй. Ты же тот тип на Фри-Ви. Ты разнес ИМКА на Ханнингтон Авеню. — Густую черноту его лица разрезала невольная улыбка. Сообщили, что ты поджарил пять полицейских. Это должно означать пятнадцать.

— Он вылез из люка, — важно вставил Стейси. — Я сразу понял, что это не дьявол. Я понял, что это белый сукин сын. Ты его порежешь, Брэдли?

— Заткнись и дай мне сказать. — Брэдли полностью вошел внутрь, неловко пригнувшись, и сел напротив Ричардса на занозистый ящик из-под апельсинов. Он взглянул на лезвие ножа у себя в руке, видимо удивился при виде его и закрыл.

— У тебя земля под ногами горит, дружище, — произнес он наконец.

— Верно.

— Куда же ты пойдешь?

— Не знаю. Мне надо выбраться из Бостона.

Брэдли сидел в молчаливом раздумье.

— Тебе надо пойти домой со мной и Стейси. Нам надо поговорить, а здесь этого не сделаешь. Слишком открыто.

— Хорошо, — устало сказал Ричардс. — Мне все равно.

— Мы пойдем задними дворами. Свиньи рыщут всюду сегодня. Теперь я понимаю, почему.

Когда Брэдли выводил его, Стейси сильно пнул Ричардса под колено. Минуту Ричардс смотрел, не понимая, а

потом вспомнил. Три нью-доллара скользнули в ладонь мальчика и исчезли.

**...Минус 064
счет продолжается...**

Женщина была очень стара; Ричардс подумал, что никогда еще не видел человека, столь старого. На ней было набивное ситцевое домашнее платье с огромной прорехой под мышкой; когда она двигалась, старое морщинистое вымя раскачивалось взад и вперед в прорехе, пока готовилась еда, купленная на нью-доллары Ричардса. Желтые от никотина пальцы срезали кожуру, чистили и шинковали. Ее ноги, разросшиеся за годы стояния до гротескного размера, были обуты в розовые махровые шлепанцы. Ее волосы выглядели так, как будто их завили утюгом в дрожащей руке; скрученная сетка для волос, съехавшая на затылке, собирала их в подобие пирамиды. Ее лицо было как дельта времени; не коричневое и не черное, а сероватое, простеганное расходящейся галактикой морщин, выпуклостей и впадин. Ее беззубый рот привычно сжимал сигарету, выпуская облачка голубого дыма, которые висели вокруг нее, как связки голубых воздушных шаров. Она дымила взад и вперед, образовав треугольник между разделочным столиком, кастрюлями и обеденным столом. Ее хлопчатобумажные чулки были спущены до колен, и между ними и хлопающим краем платья висели гроздьи варикозных вен.

В квартире витал дух давно почившей капусты.

В дальней комнате кричала, визжала, а потом замолкала Кэсси. Брэдли со стыдом и яростью сказал Ричардсу, чтобы тот не обращал внимания. У нее был рак обоих легких, а недавно он распространился вверх на горло и вниз на живот. Ей было пять лет.

Стейси куда-то вышел.

Пока они с Брэдли разговаривали, пьянящий аромат тушеной говядины, овощей и томатного соуса начинал наполнять комнату, задвигая призрак капусты по углам и заставляя Ричардса осознать, как он голоден.

— Я мог бы сдать тебя, дружище. Я мог бы убить тебя и украсть все эти деньги. Сдать тело. Получить еще тысячу баксов и жить припеваючи.

— Не думаю, что ты мог бы это сделать, — заметил Ричардс. — Я бы не мог.

— Почему все-таки ты это делаешь? — раздраженно спросил Брэдли. — Зачем ты лижешь им зад? Ты такой жадный?

— Мою дочь зовут Кэти, — ответил Ричардс. — Мо-
ложе Кэсси. Воспаление легких. Она тоже все время плачет.

Брэдли ничего не сказал.

— Она может выздороветь. Не так, как... она там. Воспаление легких немногим страшнее простуды. Но нужны лекарства и врач. Это стоит денег. Я пошел добывать деньги единственным способом, каким мог.

— Все равно, лижешь зад, — сказал Брэдли с каким-то пустым и страшным ударением. — Ты лижешь зад половине мира, и они подставляют его каждый вечер в шесть тридцать. Твоей дочке было бы лучше уйти из этого мира, как Кэсси.

— Я в это не верю.

— Тогда ты круче меня, парень. Я как-то привез в больницу одного типа с переломом. Одного богатого типа. Полиция была у меня на хвосте три дня. Но ты круче меня. — Он достал сигарету и зажег. — Может быть, ты и продержишься целый месяц. Миллиард долларов. Тебе придется купить целый говеный товарный состав, чтобы утащить их.

— Не ругайся, Господи помилуй, — сказала старуха из другого угла комнаты, где она резала морковь.

Брэдли не обратил внимания.

— Ты и твоя жена и ваша дочь будете жить припеваючи тогда. Ты уже заработал два дня.

— Нет, — сказал Ричардс. — Игра нечестная. Видел эти две штуки, которые я дал отправить Стейси, когда они с вашей Ма ходили за продуктами? Я должен отправлять две такие каждый день до полуночи. — Он рассказал Брэдли, что при невыполнении этого условия его лишают денег, и о своем подозрении, что они выследили его в Бостоне по маркам.

— С этим легко справиться.

— Как?

— Не важно. Позже. Как ты собираешься выбраться из Бостона? Ты страшно засветился. В бешенство их привел, взорвав их свиней в ИМКА. Это было на Фри-Ви сегодня вечером. И те, что ты снял с мешком на голове. Это было здорово резко. Ма! — раздраженно закончил он, — когда наконец приготовится эта штука? Мы тут в тени превращаемся прямо у тебя на глазах.

— Она доходит, — ответила Ма. Она шлепнула крышку на густую, слегка булькающую массу и медленно пошла в спальню посидеть с девочкой.

— Не знаю, — сказал Ричардс. — Попробую достать машину, я думаю. У меня есть фальшивые документы, но я не решаюсь ими воспользоваться. Я сделаю что-нибудь — надену темные очки — и выберусь из города. Я думал о том, чтобы поехать в Вермонт и пересечь канадскую границу.

Брэдли хмыкнул и поднялся поставить на стол тарелки.

— К этой минуте они блокировали все шоссе, идущие из города. Человек в темных очках привлекает к себе внимание. Они сделают из тебя котлету, прежде чем ты проедешь шесть миль.

— Тогда не знаю, — сказал Ричардс. — Если я останусь здесь, они возьмут тебя как соучастника.

Брэдли начал раскладывать еду.

— Предположим, мы достанем машину. У тебя есть зеленые. У меня есть имя, за которым не гонятся. Один шпик с Милк Стрит пришлет мне «Винт» за три сотни. Я попрошу одного своего дружка перегнать его в Манчес-

И.И. Муромов 93

тер. В Манчестере след будет холодным, как лед, потому что ты заперт здесь в Бостоне. Ты будешь есть, Ма?

— Да, и славить Господа. — Она, переваливаясь, вышла из спальни. — Твоя сестра немного уснула.

— Хорошо. — Он налил три тарелки супа из стручков бамии и остановился. — Где Стейси?

— Сказал, что отправился в лавку, — довольно ответила Ма, заливая суп в свой беззубый рот с ослепляющей скоростью. — Сказал, что пойдет за лекарством.

— Если его побьют, я ему шею намылю, — мрачно сказал Брэдли.

— Не побьют, — ответил Ричардс. — У него есть деньги.

— Ну да, а если мы не нуждаемся в твоей благотворительности, тухлятина.

Ричардс рассмеялся и посолил мясо.

— Меня бы давно уже зарезали, если бы не он, — сказал он. — По-моему, эти деньги заработаны.

Брэдли наклонился вперед, сосредоточившись на еде. Никто из них ничего больше не произнес, пока с едой не было покончено. Ричардс и Брэдли съели по две порции, старуха три. Когда они раскуривали сигареты, ключ стал царапаться в замке, и все трое замерли, пока не появился Стейси, виноватый, испуганный и возбужденный. В руке он нес коричневый пакет и протянул Ма бутылочку лекарства.

— Первокласное снотворное, — сказал он. — Старик Карри спросил меня, где я взял два доллара семьдесят пять центов на первокласное снотворное, а я пожелал ему обосраться и съесть дерьма.

— Не ругайся, а то дьявол наколет тебя, — сказала Ма. — Вот ужин.

Глаза мальчика расширились.

— Господи, да там мясо!

— Нет, мы просто насрали туда, чтобы было пожирнее, — ответил Брэдли. Мальчик проницательно взглянул на него, увидел, что брат шутит, фыркнул и набросился на еду.

— Аптекарь сообщит в полицию? — спокойно спросил Ричардс.

— Карри? Не-а. Ни за что, если можно выкачать еще зеленых. Он знает, что Кэсси нужно сильное снотворное.

— Как там дальше с Манчестером?

— Ах, да. Вермонт не подойдет. Недостаточно наших людей. И мусора крутые. Я попрошу надежного парня вроде Рича Голеона отогнать «Винт» в Манчестер и поставить в автоматический гараж. Потом я отвезу тебя в другой машине. — Он смял сигарету. — В багажнике. У них одни пьянчужки на второстепенных дорогах. Мы поедем по 495-й.

— Здорово опасно для тебя.

— О, я сделаю это не бесплатно. Когда Кэсси умрет, нам нужны будут деньги.

— Все равно здорово опасно для тебя.

— Пусть только свинья захрюкает на Брэдли, он заставит ее обоссаться и съесть, — произнес Стейси, вытирая рот. Когда он глядел на Брэдли, его глаза сияли, поклоняясь герою.

— Ты забрызгал рубашку, козьявка, — сказал Брэдли. Он постучал костяшками пальцев Стейси по лбу. — Не справился с мясом, козьявка? Не вырос еще?

— Если нас поймают, тебя упрячут надолго, — предупредил Ричардс. — Кто позаботится о мальчике?

— Он позаботится о себе сам, если что случится, — ответил Брэдли. — О себе и о Ма. Его не зря научили воровать. Правда, Стейси?

Стейси энергично закивал головой.

— И он знает, что если я увижу, как роется руками у себя в штанах, я вышибу из него мозги. Правда, Стейси?

Стейси кивнул.

— Кроме того, мы можем воспользоваться деньгами. И вообще все это оскорбляет мою семью. Поэтому довольно об этом. Думаю, я сам знаю, что делаю.

Ричардс в молчании покурив сигарету, пока Брэдли ушел дать Кэсси лекарства.

...Минус 063
счет продолжается...

Когда он проснулся, было еще темно, и утренний ритм тела сказал ему, что было около половины пятого. Девочка закричала, и Брэдли встал. Они втроем спали в маленькой продуваемой сквозняком задней спальне. Стейси и Ричардс на полу. Ма спала с девочкой.

Сквозь постоянный шум сонного дыхания Стейси Ричардс слышал, как Брэдли вышел из комнаты. Ложка звякнула о раковину. Крики девочки перешли в отдельные стоны, а потом в молчание. Ричардс чувствовал, как Брэдли стоит где-то на кухне неподвижно, ожидая, когда наступит молчание. Он вернулся, сел, пукнул, а потом заскрипел пружинами, ложась на кровать.

— Брэдли?

— Что?

— Стейси сказал, что ей всего пять. Это так?

— Да. — Развязный городской тон ушел из его голоса, и он звучал нереально, как во сне.

— Почему у пятилетней малышки рак легких? Я не знал, что так бывает. Лейкемия, может быть. Но не рак легких.

С кровати донесся горький сдавленный смешок.

— Ты ведь из Хардинга, так? Какой коэффициент загрязнения воздуха в Хардинге?

— Не знаю, — ответил Ричардс. Их больше не называют в прогнозах погоды. Не называют уже... ух ты, не помню. Давно.

— В Бостоне с 2020 года, — прошептал в ответ Брэдли. — Они боятся. Ты не носишь носового фильтра?

— Не будь дураком, — раздраженно сказал Ричардс. — Проклятая штукавина стоит две сотни баксов, даже в магазинах по сниженным ценам. Я не видел две сотни баксов за весь год. А ты?

— Нет, — тихо сказал Брэдли. Он помолчал. — Стейси носит. Я сделал его. У Ма, и у Ричи Голеона, и у других они тоже есть.

— Ты издеваешься.

— Нет, дружище. — Он остановился. Ричардс был уверен, что он взвешивает сейчас то, что сказал и что еще мог бы сказать. Взвешивает, не будет ли это слишком много. Когда слова вновь зазвучали, они звучали с трудом. — Мы читаем книги. Это дерьмо на Фри-Ви для пустоголовых.

Ричардс ворчанием выразил свое согласие.

— Понимаешь, банда. Некоторые из ребят просто кагаются, понимаешь? Все, что их интересует, это задрать полицейского субботним вечером. Но некоторые из нас ходят в библиотеку с двенадцати лет.

— Вас пускают без карточки в Бостоне?

— Нет. И ты не можешь получить карточку, если только у тебя в семье нет кого-нибудь с гарантированным доходом в пять тысяч долларов в год. Мы поймали одного толстозадого парня и украли его карточку. Мы ходим по очереди. Мы надеваем костюм нашей банды, когда идем. — Брэдли замолчал. — Только засмейся надо мной, и я тебя зарежу.

— Я не смеюсь.

— Сначала мы читали только про секс. Потом, когда Кэсси заболела, я взялся за загрязнение воздуха. Все эти книги о коэффициентах чистоты, уровне смога и носовых фильтрах лежат у них в особом хранении. У нас есть ключ, сделанный с воскового слепка. Ты знал, что в Токио каждый должен был носить носовой фильтр к 2012 году?

— Нет.

— Рич и Динк Моран сделали счетчик загрязнения. Динк перерисовал чертеж из книги, и они сделали его из кофейных банок и каких-то штук, которые выкрутили из машин. Он спрятан там, в аллее. Когда-то в 1978 году была шкала загрязненности от одного до двадцати. Понимаешь?

— Да.

— Когда уровень поднимался до двенадцати, то фабрики и все загрязняющее воздух дерьмо закрывали, пока

не изменится погода. Это был Федеральный закон до 1987 года, пока Обновленный Конгресс не отозвал его назад. — Тень на кровати приподнялась на локте. — Ручаюсь, ты знаешь много людей с астмой, так?

— Точно, — осторожно ответил Ричардс. — Я и сам затронут. Это ты получаешь из воздуха. Боже мой, все знают, что надо сидеть дома, когда жарко и облачно и нет ветра...

— Инверсия температур, — мрачно заметил Брэдли.

— ...и, конечно, у многих астма. В августе и сентябре воздух становится, как сироп от кашля. Но рак легких...

— Ты говоришь не об астме. Ты говоришь об эмфиземе.

— Эмфизема? — Ричардс покрутил слово в мозгу. Он не мог придать ему смысла, хотя слово было смутно знакомым.

— Все ткани в твоих легких разбухают. Ты качаешь воздух, и качаешь, и качаешь, и все равно задыхаешься. Ты знаешь людей, которые страдают этим?

Ричардс задумался. Да. Он знал множество людей, которые умерли от этого.

— Об этом не говорят, — продолжал Брэдли, как будто прочитав мысли Ричардса. — Сейчас коэффициент загрязненности в Бостоне составляет двадцать в хорошие дни. Это все равно, что выкурить четыре пачки сигарет в день, просто вдыхая воздух. В плохие дни он поднимается до сорока двух. Старики падают замертво по всему городу. В свидетельстве о смерти значится астма. Но это все воздух, воздух. И они выбрасывают его как можно быстрее. Огромные дымовые трубы работают двадцать четыре часа в сутки. Боссам это нравится.

— Эти двухсотдолларовые носовые фильтры ни хрена не стоят. Это просто два кусочка ваты с ментоловой прокладкой между ними. Вот и все. Хорошие фильтры производит только «Дженерал Атомикс». Единственные, кто может их себе позволить, это боссы. Они дали нам Фри-Ви, чтобы удержать нас подальше от улицы и чтобы мы могли дышать до смерти, не доставляя никаких хлоп-

пот. Как тебе это нравится? Самый дешевый носовой фильтр «Джи Эй» идет на черном рынке за шесть тысяч нью-долларов. Мы сделали такой для Стейси по той книжке за десять долларов. Мы использовали приспособление размером с лунку твоего ногтя. Вынули его из слухового аппарата, который купили в лавке за семь баксов. Как тебе это нравится?

Ричардс ничего не ответил. Он не находил слов.

— Когда Кэсси умрет, ты думаешь, они напишут рак в свидетельстве о смерти? Чушь. Они напишут астма. Чтобы никто не испугался. А то кто-нибудь сопрет библиотечную карточку и обнаружит, что рак легких возрос на семьсот процентов с 2015 года.

— Это правда? Или ты преувеличиваешь?

— Я прочитал это в книге. Дружище, они нас убивают. Фри-Ви убивает нас. Это как фокусник, который заставляет тебя смотреть, как пирожки сыплются из блузки его помощницы, тогда как он вытаскивает кроликов из штанов и сует их в шляпу.

Он помолчал, а затем мечтательно продолжил:

— Иногда мне кажется, что я мог бы вывести все на чистую воду десятиминутным выступлением по Фри-Ви. Рассказать им. Показать им. Каждый мог бы иметь носовой фильтр, если бы только Система этого хотела.

— А я помогаю им, — сказал Ричардс.

— Это не твоя вина. Ты должен бежать.

Лица Киллизна и Артура М. Бернса выросли перед Ричардсом.

Ему захотелось ударить их, разбить, растоптать ногами. А еще лучше — вырвать их носовые фильтры и вытолкать их на улицу.

— Люди в ярости, — сказал Брэдли. — Они в ярости на свиней уже тридцать лет. Все, что им требуется — это повод. Только повод...

Под повторение этих слов Ричардс провалился в сон.

Ричардс оставался дома весь день, пока Брэдли договаривался о машине и просил другого члена банды отогнать ее в Манчестер.

Брэдли и Стейси вернулись в шесть, и Брэдли постучал большим пальцем по Фри-Ви.

— Все устроено, дружище. Мы выезжаем сегодня вечером.

— Сейчас?

Брэдли улыбнулся без всякого юмора.

— Не хочешь разве увидеть себя нос к носу?

Ричардс понял, что хочет, и когда возникла заставка «Бегущего», стал зачарованно смотреть.

Бобби Томпсон, не мигая, уставился в камеру из центра ярко освещенного круга в море темноты.

— Смотрите, — произнес он. — Вот волк, рыщущий среди нас.

Огромное увеличенное лицо Ричардса появилось на экране. Оно стояло с минуту, затем уступило место другой фотографии, на этот раз в виде Джона Гриффена Спрингера.

Вновь на экране Томпсон, очень серьезный.

— Сегодня я обращаюсь в первую очередь к жителям Бостона. Вчера вечером пятеро полицейских в агонии погибли в пламени подвала Бостонского здания ИМКА от рук этого волка, устроившего хитрую безжалостную западню. Кто он сегодня? Где он сегодня? Смотрите! Смотрите на него!

Томпсон на экране растворился, и начался первый клип, снятый этим утром. Стейси бросил их в почтовый ящик на Коммонвелс Авеню на другом конце города. Ма держала камеру в задней комнате после того, как были задрапированы окно и вся мебель.

— Все, кто смотрит меня сейчас, — медленно произнес Ричардс на экране. — Не вы, техники, не вы, обитатели

особняков, — не к вам, говноедам, я обращаюсь. Вы, люди в кварталах Развития, в гетто, в дешевых домах. Вы, парни в мотоциклетных бандах. Вы, безработные. Вы, малыши, взятые за наркотики, которых у вас нет, и преступления, которых вы не совершали, потому что Система не хочет, чтобы вы собирались вместе и разговаривали. Я хочу рассказать вам о страшном заговоре, призванном лишить вас даже права дышать в...

Звук неожиданно превратился в смесь писка, треска и бульканья. Минуту спустя он совсем исчез. Губы Ричардса шевелились, но не издавали ни звука.

— По-видимому, технические неполадки, — без запинки произнес голос Бобби Томпсона, — но мы и не нуждаемся в том, чтобы выслушивать радикальные бредни этого убийцы, мы и так знаем, с кем имеем дело.

— Долой! — завопила публика.

— Что вы сделаете, если встретите его на вашей улице?

— СДАДИМ ЕГО!

— А что мы сделаем, когда поймаем его?

— УБЬЕМ ЕГО!

Ричардс обрушил кулак на потертую ручку единственного кресла в кухне-гостиной.

— Вот сволочи, — беспомощно произнес он.

— Ты думал, они позволяют тебе выйти с этим в эфир? — насмешливо спросил Брэдли. — О нет, дружище. Я удивлен, что они и столько-то выпустили.

— Я так не думал, — слабо возразил Ричардс.

— Знаю, что не думал, — сказал Брэдли.

Первый клип сменялся вторым. В этом Ричардс призывал взять штурмом библиотеки, требовать карточки, открыть правду. Он зачитал список книг о загрязнении воздуха и воды, данный ему Брэдли.

Ричардс на экране открыл рот.

— Вы все мудаки, — сказал он. Губы открылись для других слов, но кто из двухсот миллионов зрителей заметит это?

— Идите на ..., свиньи. На ..., Комиссия Игр. Я убью каждую свинью, которую увижу. Я...

Это продолжалось так долго, что Ричардсу захотелось заткнуть уши и выбежать из комнаты. Он не мог сказать, был ли то голос подражателя, или же речь была склеена из кусочков его записей.

За клипом последовало совмещенное изображение лица Томпсона на экране и фотографии Ричардса.

— Задержите его, — сказал Томпсон. — Задержите убийцу. Он поднимет злодеев вроде себя на мятеж, они пройдут по вашим улицам, насилая, поджигая и громя. Этот человек будет лгать, обманывать, убивать. Он уже делал все это.

— Бенджамин Ричардс! — Голос звучал с холодным повелительным ветхозаветным гневом. — Ты смотришь? Если да, знай, что тебе заплатили твои грязные деньги за кровь. Сотню долларов за каждый час, что ты был на свободе — всего пятьдесят четыре часа. — И еще пятьсот долларов. По сто за каждого из этих пятерых.

Лица молодых полицейских с ясными чертами стали появляться на экране. Фотографии были, очевидно, сделаны во время выпускного экзамена в Полицейской Академии. Они выглядели юными, полными надежды и жизненной силы, душераздирающе ранимыми. Нежно запела одинокая труба.

— А это... — голос Томпсона был хриплым от переполнявших его чувств, —... это их семьи.

Жены, улыбающиеся в надежде. Дети, которых уговорили улыбнуться в камеру. Множество детей. Ричардс, дрожа и испытывая тошноту, опустил голову и зажал рукой рот.

Теплая и сильная рука Брэдли опустилась ему на шею.

— Эй, послушай. Нет же. Это все надувательство. Это все подделка. Они были, скорее всего, сворой старых цепных псов, которые...

— Заткнись, — сказал Ричардс. — Только заткнись. Только. Пожалуйста. Заткнись.

— Пятьсот долларов, — произнес Томпсон с бесконечной ненавистью и презрением в голосе. Вновь на экране лицо Ричардса, лишенное всякого чувства, если не счи-

тать кроважадного блеска в глазах. — Пять полицейских, пять жен, девятнадцать детей. Получается как раз примерно семнадцать долларов двадцать пять центов за каждого умершего, обездоленного, с разбитым сердцем. Да, ты дешево берешь, Бен Ричардс. Даже Иуда получил тридцать сребреников, но ты и этого не просишь. Где-то сейчас мать говорит малышу, что папа не вернется, потому что отчаянный алчный человек с оружием...

— Убийца! — Зарыдала какая-то женщина. — Низкий грязный убийца! Покарай тебя Бог!

— Разрази его гром! — Над публикой раздавался монотонный гул: — Задержать его! Он получил кровавые деньги — пусть умрет от насилия, как жил. Пусть каждая рука поднимется на Бенджамина Ричардса!

Ненависть и страх в каждом голосе нарастали ровным пульсирующим ревом. Нет, они его не сдадут. Они разорвут его в клочки, как только увидят.

Брэдли выключил экран и повернулся к нему.

— Вот с чем ты имеешь дело, дружище. Как тебе нравится.

— Может быть, я их убью, — задумчивым тоном произнес Ричардс. — Может быть, прежде чем меня прикончат, я доберусь до двадцатого этажа и выловлю вонючек, которые это написали. Может быть, я их всех убью.

— Не говори больше! — дико разрыдался Стейси. — Не говори больше об этом!

В соседней комнате тяжелым искусственным сном спала Кэсси.

...Минус 061
счет продолжается...

Брэдли не решился сверлить дыры в полу багажника, и Ричардс свернулся несчастным клубком, прижавшись

губами и носом к крошечному отверстию для ключа. Брэдли убрал также часть изоляции на крышке, и это давало слабый сквозняк.

Машина дернулась с места, и он стукнулся головой о верхнюю крышку. Брэдли сообщил, что поездка будет длиться по крайней мере полтора часа с двумя остановками для дорожной проверки, их может быть и больше. Прежде чем закрыть багажник, он дал Ричардсу большой револьвер.

— Каждую десятую или двенадцатую машину тщательно обыскивают, — сказал он — Они открывают багажник и роются в нем. Шансы хороши: одиннадцать к одному. Если это не пройдет, мочи мусорье.

Машину швыряло и раскачивало на выщербленных потрескавшихся улицах внутренних кварталов. Один раз крикнул мальчишка, и последовал глухой удар куска асфальта. Потом звуки движущегося транспорта отовсюду и частые остановки на светофорах.

Ричардс лежал без движения, слегка придерживая оружие правой рукой и думая, насколько иначе выглядел Брэдли в костюме банды. Теперь на нем был строгий двубортный костюм с Дилон Стрит, серый, как банковские стены. Его дополнял темно-бордовый галстук и золотая булавка. Из нечесаного гангстера (беременные женщины, разойдитесь, мы едим зародышей) он преобразился в трезвого делового черного парня, который точно знает свое место.

— Ты хорошо выглядишь, — с восхищением заметил Ричардс. — Просто невероятно.

— Хвала Господу, — сказала Ма.

— Я так и знал, что тебе понравится превращение, старина, — ответил Брэдли со спокойным достоинством. — Видите ли, я местный агент «Рэйгон Кэмикалс». Наши дела здесь процветают. Отличный город Бостон. Крайне гостеприимный.

Стейси разразился смехом.

— Лучше заткнись, нигер, — сказал Брэдли. — Или я тебя заставлю обосраться и съесть дерьмо.

— Ты так здорово прикидываешься, Брэдли, — продолжал хихикать Стейси, ничуть не смущенный. — Ты просто чертовски меня напугал.

Вот машина качнулась направо, на более гладкую поверхность, и стала спускаться по спирали. Они были у выезда на шоссе. Перед въездом на 495 или другую местную магистраль. Медные иголки напряжения пронизывали его ноги.

Один против одиннадцати. Неплохой шанс.

Машина двинулась, набирая скорость, вдруг замедлила ход и остановилась. Ужасающе близко, чей-то голос выкрикивал с монотонной регулярностью:

— Подъезжайте к обочине... Готовьте водительские права и техпаспорт... Подъезжайте к обочине... Готовьте...

Уже. Уже начинается.

Ты сильно засветился, парень.

Достаточно сильно, чтобы проверять каждый багажник из восьми? Или шести? Или, может быть, все?

Машина резко стала. Глаза Ричардса метались в глазницах, как загнанные кролики. Он сжал револьвер.

...Минус 060 счет продолжается...

— Выйдите из автомобиля, сэр, — говорил усталый повелительный голос. — Удостоверение и техпаспорт, пожалуйста.

Дверь открылась и закрылась. Мотор тихо гудел, машина стояла в дюйме от обочины.

— ...местный агент «Рэйгон Кемикалс»...

Брэдли начал свое выступление. Великий Боже, что если у него нет бумаг для подтверждения? Что если нет никакой «Рэйгон Кемикалс»?

Открылась задняя дверь и кто-то стал копать на заднем сиденье. Звук был такой, как будто полицейский

(или этим занимается правительственная гвардия, бес-
связно подумал Ричардс) вот-вот вползет в багажник.

Дверь хлопнула. Шаги подошли к задней части машины. Ричардс облизнул губы и крепче сжал оружие. Видения мертвых полицейских замелькали перед ним, ангельские лица на искореженных свиноподобных телах. Интересно, полицейский польет его очередью из автомата сразу, как только откроет багажник и увидит Ричардса, лежащего, как свернувшаяся саламандра? Интересно, сорвется ли Брэдли с места, попробует ли скрыться. Он вот-вот обоссется. С ним не случилось этого с детства, с тех пор, как брат щекотал его до того, что мочевого пузыря не выдерживал. Да, мышцы внизу ослабли. Он пустит пулю полицейскому прямо в переносицу, так что мозги и осколки черепа веером разлетятся к небу. Сделает еще несколько сирот. Да. Прекрасно. Знаю, Боже, ты любишь меня, пожалей мой мочевого пузырь. Иисусе Христе, что он делает, отдирает сиденье? Шейла, я тебя так люблю, и на сколько тебе хватит шести сотен? На год, быть может, если тебя за них не убьют. Потом опять на улицу, прогуляться на панели, постоять на углу, флиртуя с пустой сумочкой. Эй мистер, пойдем со мной, малыш, я научу тебя, как...

Случайный удар руки по багажнику. Ричардс задавил вопль. Пыль в носу, горло щекочет. Школьная биология, сидение на последнем ряду, царапая свои и Шейлы инициалы на старой парте: чихание — это непроизвольное сокращение мускулов. Я сейчас чихну, проклятье, голова отваливается, все бессмысленно и все же пушу ему пулю в башку и...

— Что в багажнике, мистер?

Голос Брэдли, шутливый, слегка усталый:

— Запасной цилиндр, почти сломанный. Ключ у меня в связке. Подождите, принесу.

— Я попросил бы, если бы было нужно.

Другая задняя дверь открылась и захлопнулась.

— Проезжайте.

— Крепитесь, ребята. Желаю вам достать его.

— Проезжайте, мистер. Двигай задом.

Цилиндры застучали. Машина тронулась с места и набрала скорость.

Один раз она замедлила ход, а затем, видимо, получила знак проезжать. Ричардса слегка подбросило, покачало, пока машина разгонялась, потом поехала плавно. Дыхание вырывалось короткими усталыми стонами. Ему больше не хотелось чихнуть.

...Минус 059 счет продолжается...

Поездка оказалась гораздо длиннее, чем полтора часа, и их еще дважды останавливали. Один раз это была обычная проверка удостоверения. Во второй раз медлительный полицейский некоторое время скучным голосом рассказывал Брэдли, что проклятые коми на мотоциклах помогают этому типу Ричардсу и, вероятно, другому тоже. Лоулин никого не убил, но ходили слухи, что он изнасиловал женщину в Топека.

После этого ничего не было, кроме монотонного завывания ветра и воя его собственных сведенных судорогой и застывших мускулов. Ричардс не спал, но его измученный мозг погрузился в оцепенелое беспмятство. Слава Богу, эти машины не выбрасывали окись углерода.

Столетия спустя после последней проверки машина перешла на меньшую скорость и стала карабкаться по спирали выезда. Ричардс медленно заморгал, думая, что его сейчас вырвет. Первый раз в жизни его укачивало в автомобиле.

Они несколько раз тошнотворно подскакивали и опускались, что означало, вероятно, транспортную развязку. Еще пять минут, и снова стали раздаваться звуки города. Ричардс все пытался переместить свое тело в другое положение, но это не удавалось. Наконец он сдался, бесчувственно ожидая завершения пути. Правая рука,

согнутая под ним, перестала двигаться час назад. Сейчас она была как деревянная. Он трогал ее кончиком носа и чувствовал только нажатие на нос.

Они сделали правый поворот, проехали прямо, затем вновь повернули. Желудок Ричардса подкатил к горлу, когда машина нырнула вниз по крутому склону. Эхо цилиндров подсказало ему, что они въехали внутрь. Они были в гараже.

Он издал слабый беспомощный звук облегчения.

— Твой жетон, приятель? — спросил чей-то голос.

— Вот он, старик.

— Место №5.

— Спасибо.

Они въехали направо. Машина поднялась вверх, оставилась, повернула направо, затем налево. Переключилась на нейтральную скорость и мягко присела, когда мотор замер. Конец пути.

Сначала была пауза, потом глухой стук открываемой и закрываемой водительской двери. Шаги Брэдли к багажнику, и щель света перед глазами Ричардса исчезла, когда ключ вошел в скважину.

— Ты здесь, Бенни?

— Нет, — прокаркал он. — Ты оставил меня на границе штата. Открой эту проклятую штуковину.

— Подожди секунду. Сейчас здесь никого нет. Твоя машина стоит рядом с нами. Справа. Ты можешь быстро выбраться?

— Не знаю.

— Постарайся как следует. Начинаем.

Крышка багажника отскочила, впустив тусклый свет гаража. Ричардс поднялся на одной руке, перекинул одну ногу через край и больше не мог двинуться. Его тело кричало в судороге. Брэдли взял его под руку и вытянул наружу. Ноги подгибались, Брэдли продел руки ему подмышки и наполовину донес, наполовину довел до побитого зеленого «Винта» справа. Он распахнул дверь рядом с водителем, засунул Ричардса внутрь и хлопнул дверью. Минуту спустя Брэдли тоже сидел в машине.

— Боже, — сказал он тихо. — Мы добрались, дружище. Мы добрались.

— Да, — произнес Ричардс — Начнем с начала. Взять двести долларов из банка.

Они закурили в полумраке, их сигареты блестели, как глаза. Некоторое время никто ничего не говорил.

...Минус 058 счет продолжается...

— Мы почти попались на первом контроле, — рассказывал Брэдли, пока Ричардс пытался с помощью массажа вновь ощутить свою руку. Казалось, что невидимые ногти впиваются в нее. — Тот полицейский почти открыл его. Почти. — Он выпустил дым огромным облаком. Ричардс промолчал.

— Как ты себя чувствуешь? — вскоре спросил Брэдли.

— Лучше. Вытащи у меня бумажник. Я не могу пока заставить свою руку работать.

Брэдли отмахнулся от этих слов движением руки. — Позже. Я хочу тебе рассказать, как мы с Ричем все устроили.

Ричардс раскурил новую сигарету от окурка предыдущей. Боль постепенно ослабевала.

— Для тебя зарезервирован номер в гостинице на Винтроп Стрит. Она называется «Винтроп Хаус». Звучит шикарно. Но это не так. Тебя зовут Огден Граснер. Запомнишь?

— Да. Меня немедленно узнают.

Брэдли потянулся на заднее сиденье, достал коробку и бросил ее Ричардсу на колени. Она была длинной, коричневой, перевязанной веревкой. Она напомнила Ричардсу коробки, в которых приходят взятые напрокат платья для выпускного бала. Он вопросительно посмотрел на Брэдли.

— Открой ее.

Он открыл. Пара сильных голубоватых очков лежала поверх черного одеяния. Ричардс положил очки на переднюю панель и вынул одеяние. Это была сутана священника. Под ней на дне коробки лежали четки, Библия и пурпурная епитрахиль.

— Священник? — спросил Ричардс.

— Ты переоденешься прямо здесь. Я тебе помогу. На заднем сиденье трость. Ты играешь не слепого, но очень близко к тому. Натыкайся на все. Ты приехал в Манчестер на собрание Совета Религий по поводу запрещения наркотиков. Понял?

— Да, — ответил Ричардс. В сомнении он положил пальцы на пуговицы своей рубашки. — Под этой тряпкой носят штаны?

Брэдли расхохотался.

...Минус 057 счет продолжается...

Брэдли быстро говорил, пока он вел машину по городу.

— В твоём чемодане коробочка с клеящимися почтовыми этикетками, — сказал он. — Чемодан в багажнике. На этикетках написано: «Через пять дней вернуть в «Брикхил Мануфекчурин Компани», Манчестер, Нью-Гемпшир». Рич еще с одним парнем напечатали их. У них в штаб-квартире Головорезов на Бойлстон Стрит есть печатный станок. Каждый день ты посылаешь мне две своих кассеты в коробочке с одной из этих наклеек. Я отправлю их в Игры из Бостона. Посылай срочной почтой. Этого они никогда не вычислят.

Машина затормозила у края тротуара перед «Винтроп Хаус».

— Эта машина вернется назад в платный гараж. Не пытайся выехать на ней из Манчестера, если только не

поменяешь маску. Тебе придется стать хамелеоном, старина.

— Как ты думаешь, сколько времени здесь можно оставаться в безопасности? — спросил Ричардс.

Он подумал: я отдался в его руки. Похоже было, что сам он уже не может думать рационально. Он чувствовал запах своего умственного истощения, как запах грязного тела.

— Номер забронирован на неделю. Все должно быть о'кей. Но может и не быть. Играй на слух. В чемодане имя и адрес. Парень в Портленде, Мэн. Они спрячут тебя на день или два. Это будет недешево стоить, но безопасно. Мне надо ехать, старина. Здесь пятиминутная зона. Время расплачиваться.

— Сколько? — спросил Ричардс.

— Шестьсот.

— Чепуха. Это даже расходов не покроет.

— Покроет. И несколько баксов остается для семьи.

— Возьми тысячу.

— Тебе нужны бабки, приятель.

Ричардс беспомощно посмотрел на него.

— Боже, Брэдли...

— Пришлешь нам больше, если пробьешься. Пришлешь нам миллион. Чтобы мы жили припеваючи.

— Думаешь, я выживу?

Брэдли улыбнулся мягкой, печальной улыбкой и ничего не ответил.

— Тогда почему? — без выражения спросил Ричардс. — Почему ты так много делаешь? Я могу понять то, что ты спрятал меня. Я бы сделал то же. Но ты воспользовался помощью своего клуба.

— Они не возражали. Они знают счет.

— Какой счет?

— Все или ничего. Этот счет. Если мы не будем поддерживать друг друга, они сожрут нас. Нет смысла ждать попутного ветра. С тем же успехом можно тогда провести трубу от газовой плиты в гостиную, включить Фри-Ви и ждать.

— Кто-нибудь тебя убьет, — сказал Ричардс. — Кто-нибудь стукнет на тебя, и ты закончишь жизнь на полу в подвале с распоротым животом. Или Стейси. Или Ма.

Глаза Брэдли тускло блеснули.

— Страшный день приближается все же. Страшный день для вонючек с набитым ростбифом брюхом. Я вижу кровавую луну. Ружья и факелы. Великий пророк Вуду придет и будет говорить со своими детьми.

— Люди знали эти видения две тысячи лет.

Раздался сигнал, что пятиминутная стоянка окончена, и Ричардс нащупал ручку двери.

— Спасибо, — сказал он. — Не знаю, как еще это выразить...

— Иди, — попросил Брэдли, — пока я не заплатил штраф. Сильная коричневая рука сжала сутану. — И когда они достанут тебя, захвати их с собой побольше!

Ричардс открыл заднюю дверь и приподнял крышку багажника, чтобы достать оттуда черную сумку. Брэдли безмолвно протянул ему трость из кордовской кожи.

Машина плавно въехала в поток городского транспорта. Ричардс с минуту стоял на краю тротуара, наблюдая, как он отъезжал — близоруко наблюдая, как он надеялся. Задние огни сверкнули еще один раз на углу, а потом машина исчезла из виду, назад на стоянку, где Брэдли оставит ее, чтобы пересечь в другую и вернуться назад в Бостон.

Ричардс испытал странное чувство облегчения и понял, что он счастлив за Брэдли — как он, должно быть, рад, что сбросил меня с плеч наконец!

Ричардс нарочно пропустил первую ступеньку у лестницы при входе в «Винтроп Хаус», и швейцар помог ему.

...Минус 056
счет продолжается...

Прошло два дня.

Ричардс хорошо играл свою роль — так, как будто его жизнь зависела от этого. Оба вечера он ужинал в гостинице у себя в номере. Он вставал в семь, читал в вестибюле Библию и отправлялся на «собрание». Персонал гостиницы относился к нему с легкой презрительной сердечностью — с той, что полагалась полуслепым заикающимся служителям Церкви (если они платили по счетам) в эпоху ограниченно разрешенных убийств, бактериальной войны в Египте и Южной Америке и знаменитого закона об абортах штата Невада. Папа Римский был бормочущим стариком девяноста шести лет, чьи выжившие из ума эдикты по поводу современных событий юмористически освещались в заключительной части семичасовых новостей.

Ричардс проводил свои персональные «собрания» в снятой библиотечной кабинке, где, запершись, читал о загрязнении воздуха. Информация после 2002 года была очень скудной, а то, что было, плохо соответствовало написанному ранее. Работа правительства по утверждению двоемыслия была, как обычно, запоздалой, но эффективной.

В полдень он шел в закусочную на углу улицы, недалеко от своей гостиницы, натываясь по пути на людей и принося извинения. Некоторые говорили: «Не беспокойтесь, святой отец». Большинство просто чертыхались равнодушно и пихали его в сторону. Он проводил вечера в своем номере и ужинал во время просмотра «Бегущего». Он направил четыре клипа по дороге в библиотеку по утрам. Пересылка из Бостона проходила, видимо, гладко.

Продюсеры программы избрали новую тактику для устранения призывов Ричардса о загрязнении воздуха (с каким-то насмешливым безумием он продолжал настаивать на этом — по крайней мере, он прорвется к тем, кто

читает по губам): толпа топила его голос вздымающейся волной глумления, воплей, непристойных выкриков и злобной брани. Их крики становились все безумней; уродливость граничила с помешательством.

В длинные вечера Ричардс заметил, что за пять дней его бегства с ним произошло невольное изменение. Это сделал Брэдли — Брэдли и маленькая девочка. Он уже не был только самим собой — одиноким мужчиной, борющимся за свою семью на грани гибели. Теперь они были все вместе, задыхающиеся от собственного дыхания, — в том числе и его семья.

Он никогда не был общественным существом. Он всегда отвергал интересы социума с презрением и отвращением. Они были для простодушных лизунов и для тех, у кого слишком много денег, как у тех узкозадых юнцов из колледжей с их модными пуговицами и группами неорок.

Отец Ричардса выскользнул в ночь, когда Ричардсу было пять лет. Ричардс был слишком молод, чтобы помнить что-нибудь, кроме отдельных ярких картин. Он никогда его не ненавидел. Он прекрасно понимал, что, выбирая между гордостью и ответственностью, мужчина почти всегда выберет гордость — если ответственность отнимает его мужественность. Мужчина не может оставаться и смотреть, как его жена зарабатывает на хлеб, лежа на спине. Если мужчине ничего не остается, как быть сводней для женщины, на которой он женат, то мужчина, рассуждал Ричардс, может с тем же успехом выпрыгнуть из окна.

Все годы от пяти до шестнадцати он провел в лихорадочной борьбе за жизнь, он и его брат Тодд. Его мать умерла от сифилиса, когда ему было десять, а Тодду семь. Тодд погиб пять лет спустя, когда новый авиагрузчик сорвался с тормоза на горке в то время, как Тодд заправлял его. Город скормил и мать, и сына Мунципальному крематорию. Малыши на улице называли его фабрикой Пепла, или Кремовой; в своей беспомощной горечи они сознавали, что и сами скорее всего кончат тем,

что их сложат в штабеля и изрыгнут в воздух города. В шестнадцать лет Ричардс остался один, работая полную восьмичасовую смену после школы вытиральщиком моторов. Несмотря на свое расписание, способное переломить хребет, он испытывал постоянную панику от сознания, что он одинок и никому не известен, ни к чему не привязан. Иногда он просыпался в три часа утра, вдыхая запах гнилой капусты в однокомнатной наемной квартире, и ощущал ужас, таящийся в самых глубинах его души. Он принадлежал только себе.

Итак, он женился, и Шейла провела первый год в гордом молчании, пока их друзья (и враги Ричардса: он приобрел их много, отказываясь участвовать в погромных вылазках и войти в местную банду) ожидали прибытия Маточного Экспресса. Когда этого не произошло, интерес угас. Они остались в том забытом Богом месте, которое в Ко-Оп Сити было отведено для новобрачных. Несколько друзей и круг знакомых, не распространявшийся дальше крыльца их собственного дома. Ричардсу было все равно; его это устраивало. Он полностью отдался работе, с насмешливой яростью берясь за сверхурочную работу, когда мог. Жалованье было маленьким, надежды на продвижение никакой, а инфляция развивалась с дикой скоростью — но они любили друг друга. Они сохраняли любовь, почему бы и нет? Ричардс принадлежал к тому типу одиноких мужчин, которые могут позволить себе тратить огромные запасы любви, привязанности и, быть может, душевного превосходства на свою избранницу. До того момента его чувства оставались почти не затронутыми. За одиннадцать лет их брака они ни разу серьезно не поссорились.

Он бросил работу в 2018 году, потому что шансы иметь детей уменьшались с каждой рабочей сменой, проведенной за дырявыми старомодными свинцовыми щитами «Дженерал Атомикс». Он был бы, возможно, в полном порядке, если бы на огорченный вопрос мастера «Почему ты уходишь?», ответил бы ложью. Но Ричардс просто и ясно сказал ему, что он думает о «Дженерал Атомикс»,

закончив предложением мастеру собрать все свои гамма-щиты и засунуть их себе в задницу. Все закончилось короткой дикой схваткой. Мастер был мускулист и силен на вид, но Ричардс заставил его орать как баба.

Черный шар покатился. Он опасен. Избегайте его. Если вам остро нужны люди, наймите его на неделю, а потом избавьтесь от него. На языке «Джи Эй», Ричардс был помечен красным.

Следующие пять лет он провел много времени, скатывая и нагружая газеты, но работа иссякала и затем совсем закончилась. Фри-Ви убили печатное слово очень эффективно. Ричардс бродил по тротуарам, Ричардса гнали дальше. Время от времени Ричардс работал на предприятиях с поденным трудом.

Великие движения десятилетия прошли мимо, не замеченные им, как неверующий не замечает духов. Он ничего не знал о Бойне Домохозяек 24-го года, пока его жена не рассказала ему три недели спустя, как две сотни полицейских, вооруженных автоматами и электрическими дубинками, развернули назад шествие женщин к Юго-западному Складу Продуктов. Шестьдесят женщин были убиты. Он смутно слышал, что на Ближнем Востоке применяется нервно-паралитический газ. Но все это не производило на него впечатления. Протест не возникал. Насилие не срабатывало. Мир был таким, как он есть, и Бен Ричардс двигался по нему без просьб, в поисках работы. Он выискивал самые жалкие заработки на день или полдня. Он счищал желеобразную слизь с волноломов и в отстойных канавах, в то время как другие, честно верившие, что ищут работу, ничего не делали.

«Проходи, вонючка... Исчезни... Работы нет... Убирайся... Надень свои башмаки для буги... Я разнесу твою башку, папаша... Проходи».

Потом работа истощалась. Невозможно стало ничего найти. Какой-то пьяный богач в шелковой рубашке обратился к нему однажды вечером, когда Ричардс тащился домой после бесплодного дня, и сказал, что заплатит Ричардсу десять нью-долларов, если Ричардс спустит

штаны так, чтобы он убедился, что у уличных бродяг действительно х.. в фут длиной. Ричардс сбил его с ног и убежал.

Именно тогда, после девяти лет усилий, Шейла зачала. Он был чистильщик, говорили обитатели дома. Вы можете поверить, что он шесть лет работал чистильщиком и заделал ей ребенка? Это будет монстр с двумя головами и без глаз. Радиация, радиация, ваши дети будут монстрами...

Но вместо этого появилась Кэти. Кругленькая, прекрасная, орущая во все горло. Принятая повитухой из конца квартала за пятьдесят центов и четыре банки бобов.

И вот теперь, в первый раз с тех пор, как умер его брат, он снова был сам по себе. Всякое давление (даже временное, давление охоты) было устранено.

Его разум и гнев обратились к Федерации Игр с их огромной и мощной сетью коммуникаций по всему миру. Жирные ублюдки с носовыми фильтрами, проводящие вечера с куколками в шелковых трусах. Пусть упадет гильотина. И еще. И еще. Все равно, добраться до них было невозможно. Они возвышались над всеми людьми, растворяясь в высоте, как само Здание Игр.

И все же, потому, что он это был он, и потому, что он был одинок и менялся, он подумал об этом. Он не осознавал, один в своей комнате, что когда он думал об этом, он усмехался широкой усмешкой белого волка, которая сама по себе обладала силой гнуть улицы и плавить дома. Та же самая усмешка была на его лице в тот почти забытый день, когда он сбил с ног богатого нахала и побегал с пустыми карманами и горящим рассудком.

...Минус 055
счет продолжается...

В понедельник было то же, что в воскресенье; трудяги прожили еще один день, до 6.30 ничем от других дней не отличавшийся.

Отец Огден Граснер взял большой мясной рулет (кухня отеля, показавшаяся бы несъедобной человеку, воспитанному на чем-нибудь лучшем, чем скороспелые гамбургеры и концентрированные пилюли, очень нравилась Ричардсу) и бутылку вина «Сандерберд» и уселся смотреть «Бегущего». Первая часть передачи, посвященная самому Ричардсу, длилась дольше, чем в два предыдущих вечера. Его наушники то и дело тонули в криках публики. Бобби Томпсон был вежлив и зол. Сплошной обыск перенесли в Бостон. Все укрывавшие беглеца подлежат уничтожению. Ричардс вяло улыбнулся, когда показали Систему: все это было терпимо, и с некоторой натяжкой даже смешно; главное, чтобы снова не показали полицейских.

Вторая половина программы существенно отличалась от первой. Томпсон широко улыбался:

— По получении последних пленок от монстра, проходящего под именем Бен Ричардс, я рад сообщить вам хорошие новости...

Они схватили Лоулина. Опознали его в Топека в пятницу, но интенсивный обыск города в субботу и воскресенье не дал результатов. Ричардс предполагал, что Лоулин, как и он сам, прорвался через кордон. Но сегодня вечером Лоулина обнаружили двое детей. Он прятался в гараже Департамента Автомобильных Дорог и где-то сломал себе запястье. Дети, Бобби и Мэри Коулз, широко улыбались в камеру. У Бобби Коулза не было одного зуба. «Интересно, дали ли ему за зуб квартал», — сентиментально подумал Ричардс.

Томпсон с гордостью заявил, что Бобби и Мэри — «первые граждане Топека» — будут на «Бегущем» завтрашним вечером, чтобы в торжественной обстановке

получить Сертификаты Достоинства, пожизненную добавку каши «Фан Твинкс» и чеки на тысячу нью-долларов каждый, лично от Гиззонера, губернатора Канзаса. Сообщение вызвало бурю восторга присутствующей публики.

Затем показали пленку, на которой Лоулин был изрешечен пулями, а его уменьшившееся под действием концентрированного огня тело было извлечено из гаража. Со стороны публики доносились растерянные возгласы, крики негодования и свист.

Ричардс болезненно отвернулся, почувствовав тошноту. Тонкие невидимые пальцы давили на его виски.

Тело показали и в ротонде Канзасского Городского совета, за ним уже тянулась длинная процессия. Полицейский, бывший свидетелем убийства, сказал в интервью, что Лоулин не особенно сражался. «Похоже на тебя», — подумал Ричардс, вспомнив его угрюмый голос и прямой презрительный взгляд.

Мой друг из кар-пула.

Оставалось одно большое шоу — сам Бен Ричардс. Рулет не лез больше в глотку.

...Минус 054 счет продолжается...

Ночью ему приснился дурной сон, что было необычно. Вообще-то Бен Ричардс никогда не видел снов. Еще более необычно было то, что сам он не был действующим лицом своего сна. Он только наблюдал, оставаясь невидимым.

Огромная комната была погружена во мрак по краям зрения. Где-то, казалось, тек кран. Все происходило как бы под землей.

В центре комнаты в прямом деревянном кресле с кожаными ремнями поверх рук и ног сидел Брэдли. Голова его была острижена, как голова заключенного.

Вокруг него стояли люди в черных колпаках. «Охотники, — подумал с ужасом Ричардс, — О, Боже, это охотники».

— Я не человек, — сказал Брэдли.

— Нет, ты человек, братец, — мягко произнес человек в колпаке и воткнул булавку в щеку Брэдли.

Тот вскрикнул.

— Ты человек?

— Отсоси.

Так же легко булавка вошла в зрачок Брэдли и была извлечена оттуда, вместе с каплей бесцветной жидкости. Взгляд Брэдли стал плоским.

— Ты человек?

— Засунь это себе в жопу!

Электрический провод коснулся шеи Брэдли. Он снова вскрикнул и волосы его встали дыбом. Он походил на забавную футуристическую карикатуру.

— Ты человек, братец?

— У вас рак из-за носовых фильтров, — сказал Брэдли, — вы все гнилые изнутри.

Другой его глаз был проткнут.

Брэдли, слепой, смеялся над ними.

Один из людей в колпаках сделал знак, и в комнату из тени радостно выбежали Бобби и Мэри Коулз, напевая песню про серого волка.

Брэдли начал кричать и дергаться в кресле. Казалось, он хотел поднять руки, чтобы отвести какой-то удар. Песня затихла, и дети изменились: их головы становились длиннее, а рты раскрылись настежь, обнажая острые, как лезвия, клыки.

— Я скажу! — закричал Брэдли, — Я скажу! Скажу! Я не человек! Человек — Бен Ричардс! Я скажу! Боже! О, Боже!

— Где человек, братец?

— Я скажу! Скажу! Он в...

Но слова его снова заглушила песенка. Ричардс проснулся в холодном поту.

...Минус 053
счет продолжается..

В Манчестере было не лучше.

Он не знал, была ли причиной новость о конце Лоулина, или сон, или предчувствие, но утром во вторник он остался в отеле и не пошел в библиотеку. Теперь же ему казалось, что каждая минута, которую он проводит здесь, приближает его к скорой смерти. За окном в каждом такси ему мерещился охотник. Его мучили призраки людей, бесшумно пробирающиеся по коридору к его двери. Он чувствовал тиканье часов в голове.

В 11 утра во вторник его покинула нерешительность. Остаться долее было невозможно. Он знал, что его найдут.

Постучав палкой по двери лифта, он спустился в холл гостиницы.

— Уходите, отец Граснер? — осведомился дежурный с обычной любезной и презрительной улыбкой.

— Пора, — сказал Ричардс, обращаясь к плечу дежурного, — в этом городе есть кинотеатр?

Он знал, что их здесь минимум восемь, из которых шесть крутят трехмерные порнофильмы.

— Ну... — задумался клерк, — здесь есть Центр. Там вроде бы крутят мультфильмы.

— Вот и замечательно, — отрывисто произнес Ричардс и толкнул растение в кадке, преградившее ему выход. В аптеке поблизости он купил большую пачку бинтов и пару дешевых алюминиевых костылей. Продавец упаковал все это в длинную картонную коробку, и Ричардс поймал такси на следующем перекрестке.

Машина была там, где ей и следовало быть. Если на стоянке и были кордоны, то Ричардс не мог их увидеть. Он сел в машину и запустил двигатель. Ему сделалось нехорошо, когда он вспомнил, что у него нет прав ни на одно имя, которые не были бы украдены, но затем он выбросил это из головы.

Он не рассчитывал, что его новая маскировка поможет ему проскочить кордон. Если попадутся кордоны, он будет сквозь них прорываться. Идея, конечно, гибельная, но все равно убьют, если выследят.

Он бросил очки Огдена Граснера в бардачок и выехал, развернувшись по всем правилам перед дежурным. Парень мельком взглянул на него поверх своего журнальчика.

На развилке в северных окраинах города он остановился, чтобы заправиться газом. Заправщик был весь в прыщах вулканического происхождения и, казалось, изо всех сил старался не смотреть на Ричардса. Чем дальше, тем лучше.

Он перешел с 91-й на 17-ю, а оттуда — на шоссе без номера и названия. Проехав три мили, он свернул в изрезанный колеями грязный тупик и заглушил двигатель. Наклонив зеркало заднего вида на правую сторону, он обмотал голову бинтом — так быстро, как мог. Какая-то птица все время щебетала в ветвях понурого вяза.

Не так уж плохо. Если будет передышка в Портленде, он сможет добавить и шейный браслет.

Он положил костыли на правое сиденье и завел машину. Через сорок минут он попал в кольцевую развязку Портсмута. На 95-й он порылся в кармане и достал оттуда обрывок бумаги, оставленной ему Брэдли. Он написал на нем почерком самоучки мягким свинцовым пером:

*«94 Стейт Стрит, Портленд
СИНЯЯ ДВЕРЬ, ПОСТОЯЛЬЦЫ
Элтон Парракис (и Вирджиния Парракис)»*

Внезапно Ричардс нахмурился и стрельнул глазами. Черно-желтый полицейский агрегат медленно двигался над потоком в тандеме с тяжелым агрегатом внизу. На секунду они взяли Ричардса в клещи и удалились, выписывая в полном изящества балете зигзаги на шести полосах шоссе.

Обычный дорожный патруль.

Через несколько миль он почувствовал облегчение — смех и тошнота одновременно.

...Минус 052 счет продолжается...

Дорога до Портленда обошлась без происшествий. Но на границе города, после того, как он проехал через пригород Скэрборо (богатые дома, богатые улицы, богатые частные школы, окруженные проволокой под током), чувство облегчения его оставило. Они могли быть повсюду или нигде.

Стейт Стрит состояла из разрушенных каменных домов, расположенных вблизи заросшего парка, похожего на джунгли.

«Место встречи всех мелких городских хулиганов, любовников, хиппи и воров, — подумал Ричардс, — никто с наступлением темноты не выйдет прогуляться на Стейт Стрит без полицейской собаки на привязи или двадцати приятелей-ганстеров».

Дом 94 представлял собой ветхое, покрытое сажей строение со старыми ставнями на окнах. Ричардсу дом этот показался похожим на старика, умершего от катакты.

Он остановился у бордюра и вылез из машины. Улица была усеяна брошенными машинами, некоторые из которых превратились в бесформенные груды металла. На углу парка на боку лежал, как мертвая собака, «студебекер». Очевидно, полиция в этих краях бывала не часто. Стоило оставить машину без присмотра, как через 15 минут вокруг нее собиралась кучка тощих голубоглазых ребят. Через полчаса они изготавливали ломы, гаечные ключи и отвертки, начинали постукивать ими, сравнивать их, вертеть, устраивать шпажные бои, глубокомысленно поднимать их к небу, как бы определяя погоду или

принимая таинственные радиосигналы. Через час от машины оставался только обглоданный каркас — от шин и цилиндров до самого рулевого колеса.

Маленький мальчик подбежал к Ричардсу, когда тот пристраивал под себя костыли. Шрамы превратили одну половину лица мальчика в лысую копию Франкенштейна.

— Героин, мистер? Хорошего качества. Доставит вас на Луну, — он заговорщически хихикнул, подпрыгивая и юля.

— Пошел на .., — коротко ответил Ричардс.

Мальчик попытался выбить из-под Ричардса один костыль, но сам получил под зад и скрылся.

Осторожно и медленно Ричардс поднялся по изрытым ямками каменным ступеням, не отрывая глаз от двери. Дверь была синяя, но краска облупилась и выцвела, имитируя теперь унылое небо пустыни. Дверной колокольчик тоже присутствовал, но о нем позаботились какие-то вандалы.

Ричардс постучал и подождал. Ничего. Постучал снова. Дело шло к вечеру, и холод заполнял улицу. Со стороны Парка доносился слабый шелест октябрьских веток, трясших листья.

Никого нет. Пора уходить.

Все-таки он постучал снова, уверенный, что кто-то там есть. Тут же он различил легкий шорох домашних тапочек. Пауза за дверью.

— Кто там? Ничего не покупаю. Убирайтесь.

— Я предупредил о визите.

Открылся глазок, и карий глаз изучил Ричардса. Затем глазок с треском захлопнулся.

— Я вас не знаю, — грубый отказ.

— Мне нужен Элтон Парракис.

— Так вы один из этих... — ответили неохотно.

За дверью один за другим начали открываться замки и развинчиваться болты. Упали цепочки. Прокружились тумблеры одного йельского замка, другого. Был выдернут полицейский засов и, наконец, всенепременный болт. Ловушка.

Дверь открылась, и на пороге появилась костлявая женщина с большими узловатыми руками. Невзрачное, почти ангельское лицо, выглядело, однако, так, как будто получило тысячу невиданных пинков, боксерских ударов слева и снизу. Она была почти шести футов ростом даже в стоптанных неуклюжих тапках. Колени распухли от артрита. Волосы были завернуты в тюрбан после ванны. Ее глубоко посаженные карие глаза (брови походили на кусты, цеплявшиеся за черный обрыв, боровшиеся с сухостью и высотой) любопытствовали и были полны страха или злости. Позднее он понял, что женщина была просто смертельно напугана, сбита с толку и дрожала на грани помешательства.

— Я Вирджиния Парракис, — сказала она, — я — мать Элтона. Входите.

...Минус 051 счет продолжается...

Она не узнавала его.

Дом был старый, осыпавшийся и темный. Обстановка показалась Ричардсу знакомой — современная лавка старьевщика.

— Элтона нет дома, — сказала она, ставя мятый алюминиевый чайник на газ. В кухне было светлее, и Ричардс заметил коричневые разводы на обоях,дохлых мух — воспоминания о прошедшем лете, — валяющихся между оконными рамами, старый линолеум, испещренный черными полосами, ворох влажных салфеток под протекавшей трубой. Пахло дезинфекцией, что напоминало Ричардсу ночи, проведенные в больничных палатах.

Она пересекла комнату и порылась опухшими пальцами в хламе на другом конце комнаты, пока не обнаружила два пакетика чая, один из них — уже использованный. Его и взял Ричардс. Он был нисколько не удивлен.

— Он годится, — заметила женщина, сделав ударение на первом слове, с легким оттенком обвинения, — вы от того бостонского приятеля, который писал Элти о загрязнении, не так ли?

— Да, миссис Парракис.

— Они встретились в Бостоне. Мой Элтон обслуживает торговые автоматы, — она поправила волосы и начала медленное движение назад, через линолеумные дюны, к плите. — Я говорила Элти, что все, что делает Брэдли, противозаконно. Я сказала ему, что это кончится тюрьмой или чем-то худшим. Он меня не слушает. Не слушает свою старую мамочку, — она слащаво улыбнулась этой неправде. — Элтон всегда что-нибудь мастерил, вы знаете... Он построил дом в деревне с четырьмя комнатами, когда был мальчиком. Это было до того, как они спилили вяз, вы знаете. И вот эта чернокожая идея построить очистительную станцию в Портленде.

Она бросила пакетики в чашки и постояла спиной к Ричардсу, плавно грея руки над газом.

— Они писали друг другу. Я сказала ему, что это небезопасно. Я сказала: «Ты залетишь в тюрьму или того хуже». Он ответил: «Мама, мы же используем код». Я сказала: «Элти, ты думаешь, они не могут вычислить, что секретный шпион ведет ложную игру?» Он не слушает. Я пыталась быть ему лучшим другом. Но все изменилось. С тех пор, как он повзрослел, все изменилось. Сальные журнальчики под кроватью и все такое. Теперь этот черномазый. Думаю, они засекли вас, когда вы замеряли выбросы канцерогенов или чего-то еще, и теперь вы в бегах.

— Я...

— Это не имеет значения! — свирепо сказала она в окно.

Окно выходило во двор, заваленный ржавым хламом, ободами от колес, и на детскую песочницу, которая уже давно превратилась в свалку и теперь была завалена грязными октябрьскими ветками.

— Это не имеет значения, — повторила она, — это все черномазые.

Она повернулась к Ричардсу, ее глаза были злы и растеряны.

— Мне 64, но я была 19-летней девушкой, когда это началось. Это было в 1979-м, и черномазые были повсюду. Везде! — она почти кричала, как будто Ричардс с ней спорил. — Повсюду! Они посылали своих детей в школы вместе с белыми. Они проводили черномазых в правительство. Радикалы, дрянь, баламуты. Я не... — она осеклась, словно слова разбились у нее во рту. Она уставилась на Ричардса, впервые его разглядев.

— Помилуй, Боже, — прошептала она.

— Миссис Парракис...

— Нет, — сказала она испуганно, — нет, нет, о нет!

Она начала приближаться к Ричардсу, выхватив из груди хлама длинный мясной нож: «Вон! вон! вон!»

Он вскочил и начал медленно пятиться назад, сначала по короткому холлу между кухней и тенистой гостиной, затем через саму гостиную.

Он заметил старый платный телефон, висевший на стене с тех пор, когда здесь была добропорядочная гостиница. Синяя дверь, постояльцы. Когда это было? 20 лет назад? Сорок? — гадал Ричардс. До того, как черномазые вышли из повиновения, или после?

Он уже начал пересекать холл между гостиной и входной дверью, когда в замке зацарапал ключ. И Ричардс, и Вирджиния застыли, словно кто-то остановил фильм, гадая, что будет дальше.

Дверь открылась, и вошел Элтон Парракис. Он был очень толст, и его тусклые белые волосы были зачесаны назад, открывая круглое детское лицо с выражением постоянного смущения. Он был одет в золотисто-голубую униформу компании «Вендо-Спендо». Задумчиво он посмотрел на Вирджинию Парракис.

— Опустит нож, мамочка.

— Нет, — закричала она, хотя по лицу ее уже пробежала тень поражения.

Парракис закрыл дверь и направился, покачиваясь, к матери. Она метнулась в сторону.

— Ты должен выгнать его, сынок. Он — этот негодяй... тот самый Ричардс. Это кончится тюрьмой или чем-то похуже.

Элтон обнял ее и начал нежно убаюкивать.

— Я не иду в тюрьму, не плачь, мамочка, пожалуйста, не плачь. — Он улыбнулся Ричардсу через ее подрагивающее плечо застенчивой виноватой улыбкой. Ричардс ждал.

— Слушай, — сказал Парракис, когда рыдания стихли, — мистер Ричардс — добрый друг Брэдли Фронкмортона, и он останется у нас на несколько дней.

Она начала было пронзительно кричать, но тут же прикрыла рот рукой, содрогнувшись от того, что сделала.

— Да, мамочка. Да, это он. Я отгоню его машину в парк и поставлю на стоянку. А ты завтра утром отправишь посылку в Кливленд.

— Бостон, — автоматически поправил Ричардс, — пленки отправляются в Бостон.

— Теперь они идут в Кливленд, — сказал Парракис с терпеливой улыбкой, — Брэдли в бегах.

— О, Боже.

— Ты тоже будешь в бегах, — взвыла миссис Парракис, обращаясь к сыну, — и тебя они тоже поймают, ты слишком толстый!

— Пойду отведу мистера Ричардса наверх и покажу ему комнату, мамочка.

— Мистер Ричардс? Мистер Ричардс? Почему ты не называешь его настоящее имя? Отрава!

Элтон мягко отстранил мать, и Ричардс пошел за ним вверх по темной лестнице.

— Наверху много комнат, — сказал Парракис с легкой одышкой, — его ягодицы усиленно двигались, — эти комнаты сдавались давно, когда я был ребенком. Отсюда вы сможете видеть улицу.

— Может, мне лучше уйти, — сказал Ричардс, — если Брэдли проболтается, твоя мать окажется права.

— Вот ваша комната, — сказал он, распахнув дверь в грязную и сырую комнату, выдававшую виды.

Он как будто не слышал замечания Ричардса.

— Не особенно уютно, конечно... Боюсь.., — он обернулся к Ричардсу с любезной и терпеливой улыбкой. — Оставайтесь здесь, сколько хотите. Брэдли Фронкмортон — лучший мой друг.., — улыбка чуть дрогнула. — Единственный... Я посижу за мамой. Не беспокойтесь.

Ричардс повторил:

— Мне лучше уйти.

— Вам нельзя, вы же знаете. Этим бинтом на голове вы даже маму недолго смогли дурачить. Я отгоню вашу машину в безопасное место, мистер Ричардс. Поговорим позже.

Он быстро и шумно удалился. Ричардс заметил дыру на его заднице. После него в комнате остался легкий неприятный душок.

Чуть раздвинув старые зеленые шторы, Ричардс увидел, как он спустился, гроыхая, и сел в машину. Потом вылез из нее и пошел обратно к дому. Ричардс похолодел от страха. Снова скрип ступеней. Открылась дверь, и Элтон приветливо улыбнулся.

— Мама права, из меня вышел плохой секретный агент: я забыл ключи.

Ричардс отдал ключи и попытался сострить:

— Половина агента лучше, чем ничего.

Сказанное не произвело впечатления на Элтона. Он очевидно тяготился Ричардсом.

В голове Ричардса вновь возникли призрачные глумящиеся детские голоса. Они будут преследовать его всегда, как маленькие буксиры за большим лайнером.

— Спасибо, — мягко произнес Ричардс.

Парракис удалился, и маленькая машина, пригнанная Ричардсом из Нью-Гемпшира, отъехала в сторону парка.

Ричардс стянул с кровати грязное покрывало и улегся, неглубоко дыша и глядя в никуда, вернее, в потолок. Казалось, кровать заключила его в неисправимо сырые (несмотря на одеяло и верхнюю одежду) объятия. Запах

плесени проникал в ноздри, как бессмысленная рифма. Внизу рыдала мать Элтона.

...Минус 050
счет продолжается...

Он немного подремал, но не смог заснуть. Было уже почти темно, когда он снова услышал тяжелые шаги Элтона и с облегчением спустил ноги на пол.

— Готово, — сказал Элтон, — она в парке.

— А ее не разденут?

— Нет. У меня есть одна штучка. Батарея и пара зажимов. Если кто-то коснется ее руками или ломом, последует удар и звук сирены. Работает идеально. Сам сделал.

Он уселся с тяжелым вздохом.

— Что там в Кливленде? — спросил Ричардс (Это было легко, находил он, — спрашивать Элтона).

Парракис пожал плечами:

— Такой же приятель, как я. Мы встретились в Бостоне, в библиотеке. Он был с Брэдли. Там был маленький клуб очистки... думаю, мама тебе уже рассказала. Он потерял руки и безрадостно улыбнулся.

— Да, она рассказывала, — признался Ричардс.

— Она... немного бестолковая, не очень хорошо понимает, что произошло за последние двадцать лет. Она все время боится. Я — все, что у нее есть.

— Брэдли поймают?

— Не знаю. Он создал... эх... разведывательную сеть, — его глаза спрятались.

— Ты...

Дверь распахнулась, и на пороге появилась миссис Парракис. Ее руки были сложены на груди, глаза бегали. Она улыбалась.

— Я позвонила в полицию, — сказала она, — теперь вам придется уйти.

Лицо Элтона изменилось в цвете.

— Ты врешь.

Ричардс пошатнулся и застыл на минуту, склонив голову и прислушиваясь.

Слабый, но нарастающий звук сирен.

— Она не врет, — сказал Ричардс. Его охватило мерзкое чувство тщетности всего. Исчезло.

— Отведи меня к машине.

— Она лжет, — настаивал Элтон. Он привстал, чуть коснулся руки Ричардса и отпрянул, как от огня, — у них стреляющие грузовики, катки.

— Отведи меня к машине. Быстро.

Сирены становились громче. Звук этот погружал Ричардса в сонное состояние ужаса... заперт здесь с этими двумя идиотами...

— Мама! — умоляюще воскликнул Элтон.

— Да, я вызвала их! — она схватила сына за руку, — Я должна была это сделать! Для тебя! Эти черномазые тебя запутали! Мы скажем, что он ворвался к нам, и получим вознаграждение.

— Идем, — бросил Элтон Ричардсу, пытаясь освободиться от матери. Но она накрепко, как маленькая шавка, вцепилась в него.

— Я должна была это сделать. Тебе пора покончить с радикальными затеями. Элти! Тебе нужно... Элти!

Он закричал.

— Элти!

Он оттолкнул ее так, что, перелетев через комнату, она упала поперек кровати.

— Быстро, — произнес Элтон с испугом и горечью, — идем быстро.

Они скатились с лестницы. За дверью Элтон перешел на рысь и начал задыхаться.

Сверху, сквозь закрытое окно и распахнутую дверь первого этажа, доносился крик миссис Парракис, смешивавшийся и заглушавший звуки приближавшихся сирен:

— Я СДЕЛАЛА ЭТО ДЛЯ ТЕБЯ-Я-Я-Я.

Их тени бежали за ними вниз по холму в сторону парка, удлиняясь и сокращаясь в свете уличных, забранных в решетки фонарей «Джи Эй».

Элтон Парракис дышал, как паровоз, огромными глотками забирая воздух и выпуская его со свистом.

Они пересекли улицу и внезапно были выхвачены из темноты светом фар. Синие вспыхивавшие огни ползали по тротуару и стенам домов. Полицейская машина со скрипом затормозила в ста ярдах от них.

— Ричардс! Бен Ричардс, — голос, тысячекратно усиленный мегафоном.

— Видите свою машину? Там... прямо... — прохрипел Элтон. Машина была хорошо спрятана Элтоном в рощице рядом с прудом. Сам Ричардс мог и не заметить ее.

Полицейская машина снова дала о себе знать свистом горячих шин на участках разгона. Ее газолиновый двигатель подвывал на изменениях амплитуды. Машина наскочила на бордюр, покачнув небо, и направилась прямо на них.

Похолодев, Бен Ричардс повернулся к полицейской машине. Отступая, он выхватил из кармана пистолет Брэдли. Остальных полицейских пока не было видно. Только этот. Машина мчалась на них через облетевший октябрьский парк, взрывая задними колесами огромные комья грязи.

Он выстрелил дважды в лобовое стекло, но оно не разбилось. В последнюю секунду он отпрыгнул и покатился. Лицом по сухой траве. С колен он выстрелил еще дважды в хвост машины, и она начала разворачиваться. Полыхание синих огней превращало ночь в сумасшествие, в кошмар с прыгающими тенями. Патрульный оказался между Ричардсом и его машиной, но Элтон успел подобраться к ней с другой стороны. Теперь он пытался отлепить свое электронное устройство от дверцы.

Кто-то мелькнул недалеко от правой дверцы полицейской машины, которая снова выровнялась. Густой прерывистый звук разорвал темноту.

Стэн-ган. Пули взрывали дерн вокруг Ричардса в бессмысленном узоре. Грязь била его по щекам и барабанила по лбу.

Втягивая жадными глотками воздух, он увидел, что полицейская машина снова начала увеличиваться в размерах. Все становилось преувеличенным, сюрреалистичным. Ричардс жил в адреналиновом бреде, где все было медленным, неторопливым и... оркестрованным. Приближающаяся полицейская машина походила на огромного слепого буйвола.

Снова заработал Стэн-ган. На этот раз пуля прошла сквозь левую руку Ричардса, отбросив его в сторону. Тяжелая машина попыталась изменить направление и задавить Ричардса, но тот выстрелил прямо в человека за рулем.

Лобовое стекло рухнуло внутрь с первого выстрела. Машину развернуло, она опрокинулась сначала на крышу, потом — на бок. Мотор заглох и во внезапной, поразительной тишине отчетливо было слышно полицейское радио.

Не поднимаясь на ноги, Ричардс пополз к машине. Парракис уже сидел за рулем и пытался запустить двигатель, но в слепой панике он забыл открыть клапаны безопасности: при повороте ключа слышалось только глухое урчание и кашлянье воздуха в цилиндрах.

Ночь была наполнена ревом сирен.

Ричардс был еще в пятидесяти ярдах от машины, когда Элтон догадался, в чем дело, и открыл клапан. Тут же после поворота ключа взревел двигатель и машина рванулась навстречу Ричардсу.

Не распрямляясь, он влез в машину с правой стороны. Парракис вырулил налево, на 77-ю дорогу, пересекавшую Стейт Стрит чуть выше парка. Бампер висел в дюйме над мостовой, рискуя зацепиться за нее и остаться на дороге.

Элтон со страшной силой впускал и выпускал воздух. Его губы напоминали жалюзи на ветру.

Две другие полицейские машины взревели сзади, сорвались с перекрестка, полыхая синими огнями, и повисли на хвосте.

— Не хватает скорости! — заорал Элтон, — не хвата...

— Они поворачивают! — Ричардс смотрел назад, — Давай через этот проход!

Машина взяла влево, и они подпрыгнули на бордюре. Сжатый воздух толкнул их к рулю.

Полицейские открыли огонь. Ричардс чувствовал, как стальные пальцы впивались в корпус его машины. Зеркало заднего вида с треском разлетелось, и его осколки впились им в лица.

Вскрикнув, Элтон бросил машину влево и вправо. Один из полицейских на скорости более шестидесяти миль с грохотом налетел на бордюр. Машина завертелась, разрывая крутящимися синими огнями темноту, выбрасывая лунатические пучки света, и опрокинулась на бок, вырыв раскаленную борозду, пока, наконец, искра не попала в газовый баллон.

Вторая машина вписалась в поворот, но Элтону удалось оторваться. Опаснее всего было сократить дистанцию. Газовые автомобили были примерно в три раза быстрее его. Кроме того, машина Элтона была менее устойчива на ухабах, как они уже успели убедиться.

— Направо! — закричал Ричардс.

Парракис заложил скрипучий, выворачивающий наизнанку поворот. Они были на 1-й дороге, и Ричардс понимал, что их неизбежно взяли бы на Посту. И тогда спастись не удастся; только смерть.

— Сворачивай! Сворачивай, черт подери! В этот проулок!

На мгновение полицейская машина исчезла за поворотом.

— Нет-нет, — бормотал Парракис, — мы окажемся в мышеловке! — Ричардс бросился на руль, прокрутил его, отцепив локтем Элтона. Машина метнулась в сто-

рону почти под прямым углом. Они влетели в бетон здания, стоявшего слева на въезде в аллею, затем уткнулись в груды хлама, мятых банок и ящиков из-под фруктов.

При толчке Ричардс ударился о приборную доску, и кровь хлестала из его носа.

Почти лишившись одного цилиндра, машина боком встала посреди аллеи. Парракис в безмолвии и унынии повис на руле. Развлечение, конечно, пришлось ему не по вкусу.

Ричардс распахнул плечом дверцу и спрыгнул на здоровую ногу. Он взял пистолет из пятой патронной коробки, оставленной ему Брэдли. Патроны были холодные и жирные на ощупь. Несколько штук он просыпал. Руку дергало, как больной зуб. От боли подташнивало.

Фары в один миг обратили ночь в день без солнца. Преследователь появился на повороте, цепляясь задними колесами за асфальт, чтобы удержаться на виражах. Запахло паленой резиной. Извивающиеся черные отметины параболами переплетались на асфальте. Затем машина снова рванулась вперед. Ричардс держал пистолет обеими руками, прячась за углом дома. Сразу они не заметят габаритов нашей машины, и стрелок решит, что... Шмыгнув полным крови носом, Ричардс начал стрелять. Стрелял он почти в упор, и с такой дистанции, что скоростные пули прошли сквозь пуленепробиваемое стекло, как сквозь лист бумаги. Каждый выстрел отдавался болью в раненой руке, заставляя Ричардса вскрикивать.

Машина оторвалась от бордюра, пролетела некоторое расстояние и врезалась в белую кирпичную стену поперек дороги.

«РЕМОНТ ФРИ-ВИ, — гласила потускневшая надпись, — ВАМ ВОЛНОВАТЬСЯ НЕТ ПРИЧИНЫ МЫ ГАРАНТИРУЕМ ПОЧИНКУ!»

Полицейская машина; будучи еще в полуметре над землей, влетела в стену на полной скорости и взорвалась.

Но подъехали другие, как всегда — другие.

Согнувшись, Ричардс перебежал обратно к машине Элтона. Его здоровая нога уже плохо его слушалась.

— Я боюсь, — подвывал Парракис, — я ужасно боюсь. Где мама? Где моя мамочка?

Ричардс протиснулся на спине под днище машины и принялся, как сумасшедший, выгребать мусор и осколки из камер. Кровь из разбитого носа заливала ему щеки и уши.

...Минус 048 счет продолжается...

Машина не выжимала из пяти цилиндров больше сорока миль в час, и ее, как пьяного, все время сносило к обочине. Парракис, пересаженный Ричардсом на пассажирское сиденье, управлял движением. При аварии рулевая колонка, как гвоздь, вошла ему в брюхо. Сейчас он, как показалось Ричардсу, умирал. Кровь на зазубренном руле была еще теплой — Ричардс чувствовал это ладонями.

— Мне очень жаль, — проворчал Парракис, —... Тут налево. Я сам виноват... Мне лучше было знать... У нее в голове опилки. Она не умеет...

Парракис выплюнул на колени темную кровь. Сирены снова наполнили ночь, но они были далеко позади и сильно к западу.

Промчались по Мэргинэл и свернули на боковые дороги. Теперь они ехали по 9-й. Пригороды Портленда перешли в поросшую октябрьским кустарником сельскую местность. Просеки мелькали с бешеной частотой, в конечном счете слившись с болотами и новыми посадками в одно невозможное месиво.

— Ты хоть знаешь, куда меня завел? — спросил Ричардс. С головы до ног его трясло от боли. Он точно знал, что сломал лодыжку, а уж нос не вызывал никаких сомнений. Он порывисто втягивал воздух.

— Есть одно местечко, — ответил Парракис, сплюнув еще немного крови, —...она пыталась стать моим лучшим другом. Представляете?.. Они будут бить ее? Засадят в кутузку?

— Нет, — коротко ответил Ричардс, не зная ответа. Синяя дверь захлопнулась за ними в 10 минут восьмого, но, показалось, прошли десятилетия.

Хор сирен пополнился еще несколькими голосами.

— Бессловесные в погоне за несъедобным, — бессвязно подумал Ричардс.

Не можешь выносить жару — уходи из кухни. Он собственноручно отправил на тот свет две полицейские машины. Еще одна премия для Шейлы. Кровавые деньги. Сможет ли Кэти продержаться на молоке, купленном за посланные им наличные? Как вы там, мои дорогие? Я люблю вас. Здесь, в этой передрыге, на идиотской боковой дороге, пригодной только для мотобанд или парочек, ищущих уютное местечко, я люблю вас и желаю вам сладких снов. И чтобы...

— Налево, — буркнул Элтон.

Ричардс съехал на мягкую, вымазанную дегтем дорогу, ухотившую в сплетение ободранных вязов, сосен и елей. Пахло рекой и серой от отходов и мусора. Низкие ветви царапали по крыше машины.

СОСНОВЫЙ СУПЕРГОРОДОК. СТРОИТЕЛЬСТВО. СТОРОНИСЬ! ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!

Они миновали последний подъем, и перед ними возник сосновый супергородок. Работы, видимо, прекратились минимум два года назад, да и вообще, подумал Ричардс, со строительством не особенно торопились. Место представляло собой лабиринт из недостроенных магазинов, обрезков труб, груд шлака и досок, лагун и ржавых сборных домов из гофрированного железа, поросших можжевельником, папоротником и черной смородиной. Все это тянулось на мили. Зияющие продолговатые ямы в фундаменте напоминали римские захоронения. Ржавеющий стальной каркас. Цементные стены с торчащими из

них стальными прутьями-криптограммами. Расчищенные под автостоянки участки поросли травой.

Где-то вверху на широких и бесшумных крыльях пролетела сова, занятая своей полночной охотой.

— Помоги мне... за руль.

— Ты не сможешь, — отсек Ричардс, навалившись на дверцу машины, чтобы открыть ее.

— Это меньшее, что я могу, — сказал Парракис с печальной и кровавой бессмысленностью, — Я еще сгложусь... буду вести сколько смогу...

— Нет, — сказал Ричардс.

— Отпусти меня! — прокричал Парракис. Его детское лицо исказила гримаса, — Я умираю, и ты должен дать мне уйти... — он замолк и сплюнул еще крови. В машине пахло бойней. — Помоги, — прошептал он, — Я слишком толстый и сам не могу. Господи, ну помоги же...

Ричардс помог ему перебраться. Его руки скользнули в крови Элтона. Переднее сиденье напоминало мясную лавку. А Элтон (кто мог подумать, что из человека может вытечь столько?) продолжал истекать кровью.

Затем Элтон запустил двигатель, и машина неуверенно приподнялась, разворачиваясь. Стоп-сигналы вспыхивали и гасли, и машина слегка ударилась о деревья, пока Элтон не нашупал дорогу.

Ричардс все ждал столкновения, но его не последовало. Беспорядочное «уф-уф-уф» газовых цилиндров слабело, билось в ужасающем ритме спущенного цилиндра, который через час или около того обязательно должен был вывести из строя остальные. Затем воцарилась тишина, нарушаемая только далеким жужжанием самолета. Машина исчезла из вида. Ричардс поздно спохватился, что оставил купленные для маскировки костыли в багажнике.

Где-то над головой мерцали созвездия. Был виден остывающий пар изо рта — сегодня было холодно. Он сошел с дороги и углубился в строительные джунгли.

Он смотал изоляцию, оставленную на дне какого-то подвала, и спустился в дыру, цепляясь за выступающие из цемента железные прутья. Он нашел палку и постучал ею, чтобы распугать крыс. Он был вознагражден толстым слоем пыли, которая заставила его чихнуть, что было ужасно больно с его невезучим носом.

Крыс нет. Все крысы были в городе. Он громко рассмеялся, и звук его голоса эхом отозвался в крошечной тьме.

Он закутался в обрывки изоляции и стал похож на живую иглу, но так было теплее. Прислонившись к стене, он задремал.

Когда он очнулся, луна — жалкий ломтик света — висела над горизонтом. Он был все еще один. Сирен не было слышно. Наверное, было около трех.

Рука болела невыносимо, но кровотечение прекратилось; он обнаружил это, размотав изоляцию и аккуратно выдернув нитки из запекшейся раны. По-видимому, пуля от Стэн-гана оторвала порядочный кусок мяса с внутренней стороны руки чуть выше локтя. Повезло, что пуля не задела кость. Но лодыжка ныла нестерпимо. Ступня ощущалась странной, воздушной и едва прикрепленной. Он надеялся, что перелом срастется, и задремал снова.

Проснулся он уже с более ясной головой. Луна уже прошла полпути по ночному небу, но рассвет — истинный или мнимый пока не намечался.

Он что-то забыл...

Наконец, вспомнил. Он должен был отправить две пленки до полудня в Бостон, чтобы они попали в Здание Игр к 6.30. Значит, нужно было ехать или плюнуть на деньги.

Но Брэдли в бегах или уже пойман.

А Элтон Парракис уже не скажет ему имени того человека в Кливленде.

Что-то крупное (Олень? Они еще водятся здесь?) внезапно проломилось сквозь подлесок справа от Ричардса, заставив его отпрыгнуть. Изоляция слетела с него, и он с несчастным видом, шмыгая носом, поправил ее.

Горожанин на безлюдной стройке, в пустоте и дикости. Ночь вдруг показалась живой и враждебной, пугающей самой себя, наполненной криками и хрустом.

Ричардс дышал ртом, анализируя варианты и их последствия.

1. Ничего не делать. Просто сидеть тут и ждать, пока все не остынет.

Последствие: денежки, 100 долларов в час, пропадут в 6 часов. Он, конечно, может скрываться и убегать, но охота не прекратится, даже если он умудрится не попадаться им на глаза в течение месяца. Охота будет продолжаться, пока его не возьмут.

2. Послать пленки в Бостон. Брэдли или его семье это не повредит — их прикрытие и так уже не работает.

Последствия: (1) Охотники, следящие за почтой Брэдли, конечно, перешлют пленки в Хардинг, но (2) они также сразу смогут выйти на его след, заметив, откуда пленки отправлены.

3. Послать пленки прямо в Здание Игр в Хардинге.

Последствия: охота будет продолжаться, и его, вероятно, опознают в любом городке, где есть отделение связи. Все варианты — паршивые.

Спасибо, миссис Парракис, спасибо.

Он вскочил, освободился от изоляции, поправил на макушке бесполезную повязку и, как бы передумав, бросил ее в моток изоляции.

Он начал искать что-нибудь для костыля (его снова передернуло от мысли, что по иронии судьбы он забыл настоящие костыли в машине), и, обнаружив доску, достигавшую до подмышек, он выбросил ее наружу и начал карабкаться вверх по торчащей арматуре. Когда он добрался до верха, вспотев и дрожа от холода, он заметил, что может видеть свои руки. Первый слабый луч солнца ощупывал темноту. Он медленно обвел глазами забро-

шенную стройку и подумал: отличное место, чтоб спрятаться.

Подумаешь. Он не хотел быть прячущимся; он — бегущий. Разве не на этом держится рейтинг?

Холодная, похожая на катаракту дымка ползла меж оголенных деревьев. Ричардс остановился, сориентировался и побежал в сторону леса, окаймлявшего заброшенную стройку с севера.

Он задержался только на минуту, чтобы обернуть курткой верхний конец костыля, и двинул дальше.

...Минус 046 счет продолжается...

Уже два часа как взошло солнце, и Ричардс почти убедился в том, что ходил все это время кругами около одного и того же места, когда до его уха донесся шум машин где-то впереди, за кустарником.

Оглядываясь, он поспешил вперед и наткнулся на двухрядную дорогу, покрытую щебенкой. Машины изредка появлялись с той и с другой стороны. В полумиле виднелись несколько домов и что-то вроде газозаправки или старого магазина с насосами у входа.

Он поспешил в этом направлении параллельно дороге, то и дело спотыкаясь и падая. Его лицо и руки были в кровь иссечены ветками, а вся одежда была в репейнике. Он уже не пытался избавиться от колючек. Лопнувшие стручки каких-то млечных растений покрыли его плечи чем-то вроде мокрого пуха, как будто он сражался на подушках. Он промок с головы до ног. Первые два ручья он как-то миновал, но на третьем его костыль скользнул по дну, и он рухнул в воду. Камера, конечно, не пострадала. Она была водонепроницаемой и противоударной. А как же иначе? Деревья и кустарник редели. Ричардс упал на колени и прополз, пока не

почувствовал себя в безопасности. Здесь он изучил ситуацию.

Он находился в маленькой рощице кустарника. Позади него лежала дорога, группа домов типа ранчо и магазин с газовыми насосами. Около магазина стояла машина, и ее хозяин в шведской ветровке о чем-то болтал с заправщиком. Рядом с тремя-четырьмя сигаретными аппаратами и торговым аппаратом Мэриджейн стоял сине-красный почтовый ящик. До него было ярдов двести. Ричардс с горечью сообразил, что если бы добрался сюда затемно, то сделал бы все, оставшись незамеченным.

Ну да ладно, молоко убежало и все такое. Человек предполагает, а Бог располагает.

Сидя, он достал свою камеру и, оставаясь незамеченным, сделал запись.

— Привет, славное население Фри-Вилляндии, — начал он, — это весельчак Бен Ричардс. Я совершаю тут свой ежегодный выход на природу. Если посмотрите внимательно, увидите бесстрашного подростка в красном или большую пятнистую птичку. А может быть — одну-другую желтобрюхую птицу, — он ненадолго замолк. Они могут пропустить мимо ушей эту часть, но не следующее. — Если ты глух и читаешь по губам, запомни, что я скажу. Передай приятелю или соседу. Передай всем. Система отравляет воздух, которым ты дышишь, и отказывает тебе в защите, потому что...

Он записал обе пленки и засунул их в карманы брюк. О'кей. Что дальше? Единственный способ — пойти прямо туда с нацеленным пистолетом, положить пленки и смыться. Можно взять машину. Все равно выследят. Интересно, как далеко смог уйти Парракис, думал Ричардс, держа пистолет в руке. В тот же миг над его левым ухом раздался голос — «Давай, Рольф!» Внезапный собачий лай заставил отпрянуть Ричардса. Он успел подумать — Полицейские собаки, Боже, у них же есть полицейские собаки! — когда что-то огромное и тяжелое навалилось на него.

Пистолет выпал в кусты. Ричардс перевернулся на спину. Над ним стояла здоровенная немецкая овчарка с

сильной примесью дворняги. Псина вертела мордой, капала слюной прямо ему на рубашку и радостно виляла хвостом.

— Рольф! Рольф! Я кому сказал! — Ричардс увидел пару ног в джинсах, а потом и мальчика, который оттаскивал собаку назад, — Ой, извините, мистер, он не кусается, он слишком большой болван, чтобы кусаться, он мирный пес... Рольф, ты заткнешься? Вы потерялись?

Мальчик держал Рольфа за ошейник и смотрел на Ричардса с нескрываемым интересом. Ему было лет 11. Он был хорошо сложен, и на его симпатичном лице не было заметно пятен и бледности — верных признаков горожанина. Было что-то чужое и подозрительное в его чертах, почему-то знакомых. Через минуту Ричардс понял, что, — невинность.

— Да, — сказал он, — я заблудился.

— Вы, наверное, сильно ушиблись.

— Да уж. Ты не мог бы наклониться и посмотреть, сильно ли у меня поцарапано лицо? Я не могу разглядеть, ты же понимаешь.

Мальчик наклонился и обследовал лицо Ричардса. Никаких признаков того, что его узнали. Ричардс остался доволен.

— Все в колючках, — сказал мальчик (он немного гнусавил, как житель Новой Англии) насмешливым тоном, — но жить будете.

Его бровь изогнулась:

— Вы сбежали из Томастона? Я знаю, что вы не из Пайнлэнда. Вы не похожи на дебила.

— Ниоткуда я не сбежал, — сказал Ричардс, гадая, правда это или нет, — я добирался автостопом. Дурная привычка, приятель. Ты сам-то не пробовал?

— Не-а, — искренне заявил мальчик, — сейчас по дорогам гоняют всякие идиоты. Так отец сказал.

— Он прав, — заметил Ричардс, — но мне просто нужно попасть в... — движением пальцев он дал понять, что название только что вылетело у него из головы, — ...как его... ты знаешь... аэропорт.

— Наверное, Войт Филд?

— Точно.

— Так это же в ста милях отсюда, мистер. В Дерри.

— Знаю, — печально произнес Ричардс и провел рукой по шерсти Рольфа. Собака услужливо перевернулась на спину и изобразила труп. Ричардс подавил в себе болезненный смешок, — я подсел на границе Нью-Гемпшира к трем мудилам. Так они меня избили, стырили мой бумажник и выбросили меня в каком-то заброшенном торговом центре...

— А-а, знаю это место. Не хочешь зайти в дом и перекусить?

— Я бы рад, но нет времени. Мне нужно сегодня попасть в этот аэропорт.

— Снова пойдешь ловить машину? — глаза мальчика округлились.

— Придется, — Ричардс привстал и вновь опустился на землю, как будто его посетила гениальная идея, — слушай, окажи услугу.

— Попробую, — осторожно сказал мальчик.

Ричардс достал обе пленки. Это специальные чеки, — сказал он бойко. Если ты бросишь их в почтовый ящик, моя компания переведет в Дерри для меня кучу денег. Очень меня обяжешь. Это то, что мне нужно.

— Даже без адреса?

— Так дойдет.

— Ладно. О'кей. В Джэролде есть почтовый ящик. — Он поднялся (его неопытное лицо не могло скрыть то обстоятельство, что он был уверен, что Ричардс врал ему прямо в глаза), — пошли, Рольф.

Он дал мальчику отойти на пятнадцать футов и позвал снова:

— Нет. Ну-ка вернись.

Мальчик вернулся на дрожавших ногах, и по лицу его было видно, как ему страшно. Не мудрено — история Ричардса трещала по всем швам.

— Я сказал тебе все, и почти одну правду. Но я не хочу, чтобы ты проболтался.

Октябрьское утро приятно грело ему спину и шею, и он рад был бы остаться до вечера в этом ненадежном убежище. Он поднял пистолет и положил его на траву. Мальчик смотрел во все глаза.

— Правительство, — тихо произнес Ричардс.

— Да ну-у, — мальчик набрал воздуха. Рольф сидел рядом, свесив розовой язык на бок.

— Я гоняюсь за крутыми ребятами. Видишь, как они меня обработали. Эти пленки нужно переправить.

— Я отправлю их, — затаив дыхание сказал мальчик, — Подожди, а может мне сказать...

— Никому! Не говори никому 24 часа, — сказал Ричардс и зловеще добавил: — Возможны ответные меры. Так что до завтрашнего дня и этого часа ты меня никогда не видел. Ясно!

— Да. Конечно.

— Ну, тогда за дело. И спасибо, приятель, — он протянул руку, и мальчик благоговейно пожал ее.

Ричардс видел, как он спустился с холма — мальчик в красной майке с радостно бегущей рядом собакой.

— Почему моя Кэти не сможет завести что-нибудь подобное?

Его лицо скривилось в пугающую и совершенно бессмысленную гримасу ярости и ненависти. Он проклял бы самого Бога, если бы в темноте его мыслей не возник сам собой более подходящий объект для ненависти — Федерация Игр. А за ней, как тень более мрачного Бога, — Система.

Он следил за мальчиком, пока тот, казавшийся крошечным на расстоянии, не бросил пленки в почтовый ящик.

Затем он онемело поднялся, оперся на костыль и поплелся обратно в кусты, в сторону дороги.

Значит, аэропорт. И, возможно, кто-то еще заплатит по счетам прежде, чем все будет кончено.

...Минус 045
счет продолжается...

Он заметил перекресток в миле и оставил отметку на гравийной насыпи между лесом и дорогой. Усевшись с видом человека, который отчаялся поймать машину и теперь просто наслаждается осенним солнышком, он стал ждать. Первые две машины он пропустил: в каждой сидели по двое парней, и соотношение было не в его пользу.

Но когда появилась третья машина, он поднялся. Чувство реальности вернулось к нему. Весь этот район прочесывается — неважно, как далеко ушел Парракис. Следующей может оказаться полицейская машина, и тогда — крышка.

В машине была женщина, и она была одна. Притормозила, даже не взглянув на него — хичхайкеры игнорируют, и мало в ком они вызывают симпатию. Он дернул правую дверцу и вскочил в машину в тот самый момент, когда она начала разгоняться. Отчаянно уцепившись за стойку, он волочил здоровой ногой по земле. Скрип тормозов, машину развернуло.

— Что... кто... как вы смеете...

Ричардс навел на нее пистолет, понимая, что выглядит как человек, прокрученный в мясорубке. Устрашающий вид шел на пользу делу. Он втянул ногу и захлопнул дверцу.

Она была одета в городском стиле. На ней были синие солнечные очки. И сама — ничего себе.

— Трогай, — сказал Ричардс.

Она сделала то, чего и следовало ожидать: обеими ногами нажала на тормоз и закричала. Ричардса бросило вперед, и стало больно лодыжке. Газовая машина была в 50 футах от перекрестка.

— Вы этот... вы... р-р-р...

— Бен Ричардс. Убери руки с руля. Положи за голову.

Она исполнила приказание, сотрясаясь в конвульсиях. Она не поднимала на него глаз.

— Как вас зовут, мэм?

— А-Амелия Вильямс. Не стреляйте. Не убивайте меня. Я... Я... Возьмите деньги, только ради Бога не убивайте.

— Тс-с-с, — успокаивающе прошептал Ричардс, — тс-с-с, — и добавил, когда она немножко пришла в себя: — Не буду пытаться изменить ваше мнение на мой счет, миссис Вильямс... простите, миссис?

— Да, — автоматически ответила она.

— ...но я не собираюсь причинять вам вред. Вы понимаете?

— Да, — сказала она с неожиданным энтузиазмом. — Вы хотите взять машину. Они поймали вашего друга, и теперь вам нужна машина. Берите, разумеется. Я даже ничего не скажу. Скажу, что ее угнали со стоянки...

— Хорошо, обсудим. Выезжаю на 1-ю дорогу и обсудим. Там есть кордоны?

— Н-н... есть! Сотни! Они вас поймают.

— Больше не лгите, миссис Вильямс, хорошо?

Машина тронулась с места, — сначала рывками, потом — более плавно. Движение, по-видимому, успокаивало женщину. Ричардс снова спросил о кордонах.

— Вокруг Льюистона, — сказала она с испугом, — там они взяли этого... другого...

— Как далеко это отсюда?

— 30 миль или чуть больше.

Парракис ушел дальше, чем Ричардс мог предположить.

— Вы меня изнасилуете? — Амелия Вильямс задала этот вопрос так неожиданно, что Ричардс едва не рассмеялся.

— Нет, — ответил он прозаично, — Я женат.

— А я видела ее, — сказала она с такой небрежностью, что Ричардсу захотелось ее ударить.

Жри отбросы, сука. Убей крысу, которая пряталась в хлебнице, убей ее веником, и посмотрим, как ты заговоришь тогда.

— Могу я здесь выйти? — умоляюще спросила она, и он снова почувствовал легкую жалость к ней.

— Нет. Вы — мое прикрытие, миссис Вильямс. Мне нужно в Войт Филд, в место под названием Дерри. И вы увидите, как я туда доберусь.

— Но это же 150 миль отсюда, — завопила она.

— А мне говорили — сто.

— Они ошиблись. Вам туда не прорваться.

— Увидите. И ведите себя прилично.

Она снова начала трястись, но ничего не сказала. У нее был вид женщины, которая хочет проснуться посреди страшного сна.

...Минус 044 счет продолжается...

Они ехали на север. Осень здесь пылала, как факел. Деревья не были отравлены ядовитым дымом Портленда, Манчестера и Бостона; они утопали в желтых, красных и ярко-малиновых листьях. Все это наводило на Ричардса меланхолию. Он удивлялся, что через 2 недели в нем проснулись эмоции. В следующем месяце снег скроет все это.

Все кончается осенью.

Она как будто чувствовала его настроение и молчала. Дорога заполняла паузу и убаюкивала их. В Ярмуте они проехали по мосту, дальше были только деревья, трейлеры и убогие лачуги с пристройками, пока они не въехали во Фрипорт. На въезде в город стояли три полицейские машины как бы на придорожном совещании. Женщина на минуту окаменела. Лицо ее было болезненно бледно, но Ричардс сохранял спокойствие.

Они проехали незамеченными. Амелия сникла.

— На мониторах нас сразу бы засекли, — бросил Ричардс, — с таким же успехом вы можете написать у

себя на лбу большими буквами: В ЭТОЙ МАШИНЕ СИДИТ БЕН РИЧАРДС.

— Почему вы меня не отпускаете? — возмутилась она и на одном дыхании добавила: — Травки не найдет-ся?

Богатые кварталы курят до отвала. Мысль эта заставила Ричардса иронически усмехнуться; и он опустил голову.

— Смеетесь? — спросила она, уязвленная. — У вас железные нервы, не так ли, трусливый, ничтожный убийца! Напугали меня на всю жизнь, собираетесь наверное, убить меня так же, как убили тех несчастных ребят из Бостона...

— Эти несчастные ребята охотятся за мной, чтобы прикончить меня. Такая у них работа.

— Убиваете за деньги. Все готовы сделать ради денег. Хотите всю страну вверх дном перевернуть. Почему вы не нашли себе приличную работу? Вам просто лень. Такие, как вы, плевать хотели на все честное и порядочное.

— А вы порядочная?

— Да! — взорвалась она, — потому-то вы ко мне и прицепились. Я беззащитна... и порядочна. Так вы используете меня, ставите на один уровень с вами, и еще смеете потешаться?

— Если вы такая честная женщина, где вы раздобыли 6000 нью-долларов на такую машинку, когда моя дочка умирает от гриппа?

Она взглянула испуганно. Открывшийся было рот захлопнулся.

— Вы — враг Системы, — сказала она, — так говорят по Фри-Ви. Я видела кое-что из тех отвратительных вещей, что вы сделали.

— Знаете, что отвратительно? — перебил Ричардс, прикуривая сигарету из лежавшей на панели пачки, — я вам скажу. Отвратительно получить черный шар за то, что вы не хотите работать на «Дженерал Атомикс», опасаясь стать бесплодным. Отвратительно сидеть дома и

видеть, как ваша жена зарабатывает себе на пропитание, лежа на спине. Отвратительно знать, что Система убивает миллионы людей ежегодно, загрязняя воздух, когда она могла бы выпускать носовые фильтры по 6 баксов за ноздрю.

— Вы лжете, — сказала она. Фаланги пальцев на руке побелели.

— Когда все закончится, вернетесь в свою прекрасную двухэтажную квартирку и будете любоваться, как столовое серебро поблескивает в комод. Никто из ваших соседей не гоняет метлой крыс и не срет с заднего крыльца, когда туалет не работает. Я видел пятилетнюю девочку с раком легких. Отвратительно, как вам...

— Хватит! — закричала она, — вы грязно лжете!

— Верно, — согласился он, глядя в окно.

Чувство безнадежности овладело им. С такими людьми он никогда не мог найти общего языка. Они жили на какой-то немыслимой высоте, где разреженный воздух. Внезапно ему со страшной силой захотелось разбить ее солнечные очки о щебенку, протащить ее по грязи, накормить ее булыжниками, изнасиловать ее, растоптать, пустить ее зубы по ветру, раздеть и спросить, видит ли она большое кино — то самое, которое 24 часа в день крутят по первому каналу, где государственный гимн исполняется строго по окончании передач.

— Верно, — пробормотал он, — Я старый вун.

...Минус 043 счет продолжается...

Они уехали дальше, чем имели на то право, вычислил Ричардс. Они проделали весь путь до прелестного приморского городка под названием Кэмден, сто миль от того места, где Ричардс залез в машину Амелии Вильямс.

— Слушай, — сказал он, когда они въехали в Огюсту, столицу штата, — очень вероятно, здесь-то они нас и

вынюхают. Мне совершенно невыгодно тебя убивать. Улавливаешь?

— Да, — сказала она и добавила с ненавистью, — Вам нужен заложник.

— Вот-вот. Значит, если появляется полицейский, ты останавливаешься. Сразу. Открываешь дверь и выгляды-ваешь наружу. Только выглядываешь. В твоих интересах не вставать с сиденья. Понятно?

— Да.

— Потом кричишь: «Бенджамин Ричардс взял меня заложницей. Если вы не дадите ему проехать, он убьет меня».

— И вы думаете, это сработает?

— Так лучше, — насмешливо сказал он. — Вообще-то это должно тебя беспокоить.

Она закусила губу и ничего не ответила.

— Сработает. Думаю, получится. Там будет дюжина операторов, жаждущих заработать на Играх денежки или даже получить премию Запрудера. С такой-то рекламой у них дело выгорит. Ты, наверное, не хочешь, чтобы мы оказались под градом пуль. Учти, что в таком случае они ханжески будут говорить о тебе, как о последней жертве Бена Ричардса.

— Зачем ты все это говоришь? — отпрянула она.

Ричардс не ответил и только сполз вниз, обнажая только макушку, и ждал, когда в зеркале появятся синие огни.

Но синих огней не было в Огюсте. Они проехали еще полтора часа берегом океана. Солнце начало клониться к закату, рассыпая искры по воде. Уже после 2-х, ни изгибе дороги, недалеко от границ Кэмдена они заметили кордон: полицейские машины, припаркованные на одной стороне дороги. Два полицейских обыскивали фермера и его старый пикап.

— Еще двести футов — и стоп, — сказал Ричардс, — делай все, как я сказал.

Она была очень бледна, но, по всей видимости, держала себя в руках. Смирилась, должно быть. Даже не забыла

включить сигнальные огни, когда тормозила посреди дороги в пятидесяти футах от кордона. Полицейский с важным видом пошел ей навстречу. Видя, что она не вылезает из машины, он недоуменно переглянулся с напарником. Третий, сидевший в машине, забросив ноги кверху, внезапно опустил руку под панель и быстро заговорил.

«Начали, — подумал Ричардс. — Начали».

...Минус 042 счет продолжается...

День был очень солнечным, и постоянный дождь в Хардинге уже вспоминался с трудом. Предметы были обозначены четко и ясно. Вычерченные углем тени полицейских. Ремни с кобурами были у них ослаблены.

Миссис Вильямс распахнула дверцу и выглянула наружу.

— Пожалуйста, не стреляйте, — сказала она, и Ричардс впервые заметил, как хорошо поставлен ее голос. Если бы не белые костяшки пальцев и птицей бьющийся пульс на шее, можно было бы подумать, что она сидит в купе мягкого вагона. Из открытой двери пахло сочной — свежо и бодряще.

— Выходите из машины, руки за головой, — сказал полицейский голосом хорошо запрограммированной машины. Модель Джeneral Атомикс 6925-А9, — подумал Ричардс. Полицейский из провинции. Батарейки прилагаются. Только белая сборка.

— Вы и ваш пассажир, мэм. Мы его видим.

— Меня зовут Амелия Вильямс, — очень четко произнесла она. — Я не могу выйти из машины по вашему требованию. Бенджамин Ричардс держит меня заложницей. Если вы не дадите ему проехать, он убьет меня.

Полицейские переглянулись, и что-то едва уловимое промелькнуло между ними. Этого было достаточно Ри-

чардсу. С напряженными до предела нервами он иногда воспринимал мир седьмым чувством.

— Трогай! — заорал он.

Она уставилась на него в замешательстве.

— Но они не будут...

Полицейские почти одновременно упали на колена, выхватили пистолеты и навели их на Ричардса, левой рукой придерживая запястье. Листки полицейского блокнота разлетелись в беспорядке. Ричардс надавил больной ногой на правую туфлю Амелии. Скривился от боли в лодыжке.

Машина рванулась вперед.

В следующий миг что-то дважды глухо ударилось о машину, сотрясая ее. Лобовое стекло ввалилось внутрь, осыпав их мелкими безопасными осколками. Она прижала руки к лицу, чтобы не поранить его, и Ричардс в диком прыжке повалился на руль, выкручивая его.

Полицейские стреляли из проема между машинами. Ричардс заметил, как они перевернулись в прыжке для следующего залпа, и занялся дорогой.

Другой «дз-з-з» раздался, когда пуля вошла в багажник. Машину болтнуло в сторону, и Ричардс отчаянно вывернул руль. Он смутно осознал, что Вильямс все это время кричала.

— Рули! — гаркнул он на нее. — Рули, черт тебя подери!

Ее руки рефлекторно потянулись к рулю и нащупали его. Ричардс сорвал с нее очки, и, прежде чем упасть, они недолго повисели на ухе.

— Тормози!

— Они стреляют прямо по нам, — ее голос брал высокие ноты. — Они бьют по нам. Прямо по...

— Тормози.

Вой сирен нарастал позади.

Она затормозила, наполовину развернув машину и подняв тучу гравийной пыли.

— Я сказала им... а они пытались... убить нас, — удивленно проговорила она, — они пытались нас убить.

Но Ричардс был уже снаружи, с пистолетом в руках. Он потерял равновесие и тяжело упал на колено. Когда появилась первая машина, он сидел на обочине, крепко держа пистолет на уровне плеча. Машина делала 80 миль и продолжала набирать скорость; за рулем, должно быть, сидели ковбои малых дорог со слишком мощным двигателем в капоте и жадной славы в головах. Они, возможно, заметили его. Возможно, пытались притормозить. Не имеет значения. Колеса у них не были пуленепробиваемыми. Ближайшее к Ричардсу взорвалось, как начиненное динамитом. Машина слетела с дороги и разбилась о ствол огромного вяза. Дверца водителя взлетела в небо, а сам водитель торпедой протаранил лобовое стекло и, пролетев тридцать ярдов, рухнул в кустарник.

Вторая машина появилась тотчас же, и Ричардс нащупал ее колесо только с четвертого выстрела. Конечно.

Ричардс поднялся на ноги, посмотрел вниз и заметил темное пятно на животе. Он прыгнул на капот своей машины, когда полицейская взорвалась, шрапнелью разлетевшись в клочья.

Он снова приподнялся, издавая носом странные звуки. Его бок начинал мерно пульсировать.

Она могла, наверное, убежать, но не предприняла ни малейшего усилия. Как замороженная, она смотрела на пылавшую посреди дороги полицейскую машину. Когда Ричардс залез внутрь, она отшатнулась.

— Ты убил их. Ты убил этих людей.

— Они пытались убить меня. И тебя тоже. Трогай. Быстро.

— ОНИ НЕ ПЫТАЛИСЬ МЕНЯ УБИТЬ!

— Трогай!

Она завела машину.

Маска исполнительный молоденькой домохозяйки, возвращающейся с рынка, спала с ее лица. Проступило нечто пещерно дикое, с дергающимися губами и глазами навывкате. А может, так и было все время.

Они проехали около 5 миль и оказались около придорожного магазина и газовой станции.

— Тормози, — сказал Ричардс.

...Минус 041 счет продолжается...

— Выходи.

— Нет.

Он приставил пистолет к ее правой груди, и она прошептала:

— Пожалуйста, не надо.

— Мне очень жаль. Хватит тебе играть примадонну. Выходи.

Она вышла и он скользнул за ней.

— Дай опереться.

Рукой он обхватил ее за плечи и ткнул пистолетом в сторону телефонной будки рядом с раздатчиком льда. Они начали пробираться к ней в гротескном водевильном дуэте. Ричардс прыгал на здоровой ноге. Его одолевала усталость. В голове носились видения взрывающихся машин и летающих тел. Сцены разыгрывались снова и снова.

Владелец магазина, старикашка с седыми волосами и тощими ногами, торчащими из-под мясницкого фартука, вышел на улицу и уставился на них в беспокойстве.

— Эй, — кротко сказал он, — здесь вы мне не нужны. У меня семья. Идите на дорогу. Пожалуйста. Не хочу неприятностей.

— Дуй обратно, папаша. — Ричардс в изнеможении прислонился к будке и, дыша открытым ртом, положил в щель пятьдесят центов. Держа в одной руке трубку и пистолет, он набрал «0».

— Что это за станция, оператор?

— Роклэнд, сэр.

- Соедините меня с местным агентством новостей.
- Наберите этот номер, сэр...
- Набери сама.
- Вы...
- Просто набери номер!
- Да, сэр, — сказала она спокойно.

Что-то защелкало в ухе Ричардса. Кровь уже окрасила его рубашку в грязный пурпур. Он отвел глаза. Слишком тягостное зрелище.

— Роклэндское агентство, — сказал голос в трубке. — Фри-Ви. Студия номер 6943.

— Это Бен Ричардс.

Тишина в трубке. Потом:

— Слушай, дохляк. Шутка хорошая, но...

— Заткнись. Убедишься через 10 минут, выйдя на улицу. Если хочешь, можешь убедиться прямо сейчас, если у тебя есть полицейское радио.

— Я... минутой.

Раздался звук брошенной трубки, а затем — слабый, прерывающийся звук радио. Когда трубку взяли снова, радио говорило уверенным и деловым голосом, с легким акцентом возбуждения:

— Так, ребята, вы где? Половина полицейских в восточном Мэне только что проехали через Роклэнд... примерно 110.

Ричардс повернул голову в сторону магазина и прочел вслух его название.

— Знаешь это?

— Да, — ответили в трубке.

— Слушай, дружище. Я тебе звоню не для того, чтобы о своей жизни рассказывать, — сказал Ричардс. Голова у него пылала. — Скажешь всем. Я хочу, чтобы ищейки знали, что я не один. Трое из них с кордона уже попытались меня надуть.

— Что с ними?

— Я убил их.

— Всех троих?! Черт! — Голос произнес в сторону: «Дики, вруби национальный кабель».

— Я убью ее, если они будут стрелять, — сказал Ричардс, пытаясь говорить искренне и с неподдельной интонацией гангстера из фильмов, которые он смотрел маленьким по TV, — если они хотят спасти девчонку, им лучше меня пропустить.

— Когда...

Ричардс бросил трубку и неловко выпрыгнул из будки.

— Помоги.

Она обняла его рукой, скривясь при виде крови.

— Ты понимаешь, куда влип?

— Ну.

— Это безумие. Тебя шлепнут.

— Сейчас на север, — проямлил он, — на север.

Он вполз в машину, тяжело дыша. Мир появлялся и пропадал. Громкая монотонная музыка звучала в ушах.

Машина выехала на дорогу. Щеголеватая зеленая в черную полоску блузка Амелии была вымазана кровью.

Старик Джимми, хозяин магазина, отодвинул занавеску, достал из кармана старенький Поляроид, сделал снимок и стал ждать карточки. Его лицо являло собой смесь ужаса, возбуждения и радости.

Воздух разрывали усиливающиеся и сливающиеся звуки сирен.

...Минус 040 счет продолжается...

Они проехали еще пять миль и заметили, как люди стали выбегать на свои газоны при их появлении. У многих в руках были камеры, и Ричардс расслабился.

— Они стреляли по колесам, — трезво сказала она, — это была ошибка... вот что это было... ошибка.

— Если этот придурок, целясь по колесам, попал в лобовое стекло, наверное, у него пистолет в три фута.

— Это была ошибка.

Они въехали в жилые кварталы города. Летние домики. Грязные дороги, спускающиеся к прибрежным коттеджам. Гостиница «Бриз». Частная Дорога. Только для меня и Пэтти. Не входить. Отдыхает Элизабет. Посторонние будут застрелены. 5000 вольт. Сторожевые псы патруля.

Болезненные и алчные лица мелькали между деревьев, появляясь и исчезая, как чеширские коты. Сквозь выбитое лобовое стекло было слышно жужжание камер на батареях. Безумная, причудливая атмосфера карнавала.

— Единственное, чего хотят эти люди, — сказал Ричардс, — это чтобы кто-нибудь захлебывался в крови, и чем больше крови, тем лучше. Веришь?

— Нет.

— Поздравляю.

Старик с серебристой бородой, в шортах прибежал к перекрестку. В руках он держал огромную, похожую на кобру, камеру с телефототлинзой. Он начал остервенело снимать, приседая и наклоняясь. Его ноги были совершенно белы. Ричардс затрясся от смеха, Амелия вздрогнула.

— Что?

— Он забыл снять крышку с объектива... забыл снять...

Они преодолели длинный, с легким подъемом холм и начали спускаться к центру Роклэнда. Наверное, когда-то это была живописная приморская рыбацкая деревушка, населенная людьми в желтых дождевиках, которые уплывали в море на маленьких лодках на лов хитрого рака. Если и так, то это было давно. Сейчас это был огромный торговый центр, тянувшийся по одну сторону от дороги. Главную улицу составляли дешевые ночные клубы, бары и универмаги с продуктовыми автоматами. Чистенькие дома среднего класса глазели на происходящее с высоты, а трущобы — с поверхности вод. Небо и горизонт не изменились с течением времени. Они сияли голубизной и вечностью, их оживляли танцующие точки и сплетения света от предвечернего солнца.

Они начали спускаться. Поперек дороги стояли две полицейские машины. Синие огни безумно пробегали с крыши на крышу.

Левая машина была увенчана коротким обрубком оружейного ствола, направленным прямо на них.

— Ну все, ты готов, — сказала она, почти сожалея, — и мне придется умереть.

— Остановись в 50 ярдах от кордона и делай свое дело, — сказал Ричардс.

Сам он сполз на сиденье. Нервный тик скользнул по его лицу. Она остановилась, распахнула дверь машины, но не выглянула наружу. В воздухе воцарилась гробовая тишина.

«Тишина пала на землю», — с иронией подумал Ричардс.

— Я боюсь, — сказала она, — Пожалуйста. Я так боюсь.

— Они не застрелят тебя, — ответил он, — слишком много народу. Ты можешь убивать заложников только если этого никто не видит. Таковы правила игры.

Она быстро посмотрела на него, и ему неожиданно захотелось выпить с ней чашечку кофе. Он бы внимательно слушал ее и помешивал сливки в ее коктейле. За ее счет, конечно. Затем они могли бы обсудить перспективы социального неравенства или почему в резиновых ботинках всегда сползают носки, а также важность быть солидным.

— Давайте, миссис Вильямс, на вас смотрит весь мир. Она выглянула.

Шесть полицейских машин и вооруженный фургон остановились в 30 ярдах за ними, перекрыв путь к отступлению.

Он подумал: «Теперь единственный выход — прямо на небеса».

...Минус 039
счет продолжается...

— Меня зовут Амелия Вильямс. Бен Ричардс взял меня заложницей. Если вы не дадите нам проехать, он убьет меня.

На минуту установилась тишина, настолько полная, что Ричардс мог слышать далекий гудок яхты. Затем — бесполой, трубный, усиленный мегафоном голос:

— **МЫ ХОТИМ ПОГОВОРИТЬ С БЕНОМ РИЧАРДСОМ.**

— Нет, — быстро ответил он.

— Он говорит, что не хочет.

— **ВЫХОДИТЕ ИЗ МАШИНЫ, МАДАМ.**

— Он убьет меня! — дико закричала она. — Не слышите? Нас и так уже чуть не убили. Он говорит, что вам все равно, кого убивать. Боже, неужели он прав?

Хриплый голос из машины прокричал: «Дайте ей проехать».

— **ВЫХОДИТЕ ИЗ МАШИНЫ ИЛИ МЫ БУДЕМ СТРЕЛЯТЬ.**

— Пропустите ее! Пропустите ее! — толпа скандировала, как болельщики на матче.

— **ВЫХОДИТЕ...**

Толпа заглушила полицейских. Откуда-то прилетел булыжник, и лобовое стекло полицейской машины разлетелось вдребезги. Внезапно моторы заработали, и две машины разъехались, открыв узкий проход. Толпа радостно завопила и смолкла в ожидании дальнейших событий.

— **ВСЕМ ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ ОЧИСТИТЬ ТЕРРИТОРИЮ, —** распевал рупор, **— ВОЗМОЖНА ПЕРЕСТРЕЛКА. ВСЕМ ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ ПОКИНУТЬ ТЕРРИТОРИЮ. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ ВАМ БУДЕТ ПРЕДЪЯВЛЕНО ОБВИНЕНИЕ В НЕПОВИНОВЕНИИ ВЛАСТЯМ И НЕЗАКОННОМ СОБРАНИИ. КАРАЕТСЯ 10-Ю ГОДАМИ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ИЛИ ШТРАФОМ В 10.000**

НЬЮ-ДОЛЛАРОВ ЗА КАЖДОЕ ИЗ НАЗВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. ОЧИСТИТЕ ТЕРРИТОРИЮ. ОЧИСТИТЕ ТЕРРИТОРИЮ...

— Ну да, конечно! Чтобы никто не видел, как вы убьете девушку, — прокричали истерическим голосом, — на мыло их!

Толпа не шелохнулась. Резко затормозил черно-желтый автомобиль агентства новостей, из него выскочили два человека и стали налаживать камеру.

Два полицейских бросились на них, и завязалась короткая, но жестокая битва за камеру. Один из полицейских вырвал ее из рук оператора и разбил о землю. Журналист попытался достать полицейского, и был избит дубинками.

Маленький мальчик вырвался из толпы и запустил булыжником полицейскому в затылок. Тот рухнул на землю, обливаясь кровью. Полдюжины полицейских оседлали мальчика.

Вдруг небольшие ожесточенные стычки начались между горожанами — простыми и хорошо одетыми. Они выскочили на дорогу и принялись кататься по щебенке, крича и обмениваясь ударами.

— Бог мой, — с отвращением сказала Амелия.

— Что там? — Ричардс отважился выглянуть не выше, чем на уровень часов на приборной доске.

— Там бои. Полиция избивает толпу. Кто-то сломал камеру агентства.

— СДАВАЙСЯ, РИЧАРДС, ВЫХОДИ.

— Трогай, — тихо сказал Ричардс.

Машина дернулась вперед.

— Они не будут стрелять.

— Почему?

— Слишком тупы.

Они и не стали.

Машина тихо проехала между полицейскими и изумленными зрителями. В странном одиночестве Амелия и Ричардс протиснулись между двух враждующих группировок. По одну сторону дороги были граждане среднего

и высшего класса, леди с хорошими прическами, мужчины в рубашках Эрроу и легких кожаных туфлях. Парни в спецодежде с названиями компании на спинах и собственными именами на нагрудных карманах. Женщины, похожие на Амелию Вильямс, одетые для рынка и магазинов. Лица были разные, но в одном очень похожие друг на друга: они казались странно несовершенными, как портреты с дырами вместо глаз или головоломки с утраченными деталями. «Недостаток отчаянности», — подумал Ричардс. Волки не были в их желудках, головы не были забиты безумными снами и сумасшедшими планами.

Эти люди находились на правой стороне дороги, на которую выходили окна совмещенного сельско-морского клуба, который они только что проехали.

По другую сторону собрался бедный народ. Красные носы и вздутые вены. Плоские обвислые груди. Жесткие волосы. Белые носки. Резанные раны. Прыщи. Отвислые идиотские челюсти.

Полиция орудовала здесь более рьяно, прибывало все новое и новое подкрепление. Ричардс удивлялся только внезапности их появления. Даже здесь, в Бундоксе, США, дубинка и пистолет всегда под рукой. Собак держат голодными на цепях.

Бедняки вторгаются в летние коттеджи, закрытые на осень и зиму. Банды их подростков разносят универмаги. Бедняки малюют на окнах магазинов похабщину. У бедняков всегда чешется задница, рот у них полон слюны от зависти к 200-долларовым костюмам и толстым животам. И у бедняков должны быть собственные Джеки Джексон, Мухаммед Али, Клайд Барроу. Они стоят и наблюдают.

Здесь, по правую сторону — пестрый соперник со своими понятиями и круглыми зрачками, весящий всего 130 фунтов, — голодные белые оборванцы. Они — политики голодания; они предали бы Самого Христа за фунт салами. Социальное расслоение стучится в двери Западного Стиксвиля. Будьте осторожны с двумя этими сопер-

никами. Они не стоят на ринге — они хотят драться в 10-долларовых креслах. Где мы найдем жертву, которая насытит и тех, и других?

Медленно, не делая больше 30 миль в час, Бен Ричардс проехал между ними.

...Минус 038 счет продолжается...

Прошел час. Было 4 утра. Тени легли поперек дороги. Ричардс сполз со своего кресла. Он с трудом отодрал рубашку от штанов, чтобы обследовать рану. Пуля проделала глубокий канал в боку, который долго кровоточил. Кровь еле-еле свернулась. Но когда он совершит рукой движение, рана откроется и будет кровоточить гораздо дольше. Неважно. Все равно его поймают. Перед лицом этой огромной армии его план казался шуткой. Он мог ехать и дальше, до первого «несчастливого случая», в котором его машина разлетится на болты и куски металла («...чудовищный несчастный случай... полиция проводит расследование... сожалеем о невинных жертвах...» — все это появится в последних новостях дня, между биржевым отчетом и последним напутствием Папы), но все это — только рассуждения. Его все больше волновала судьба Амелии Вильямс, которая по роковой ошибке поехала в пятницу утром за покупками.

— Там танки, — внезапно сказала она, ее голос был истеричным, — можешь вообразить? Мо...

Она зарыдала.

Ричардс ждал. Наконец, промолвил:

— Мы в каком городе?

— В-В-Винтерпор, на знаке написано. Ох, я не хочу ждать, когда они сделают это! Я не могу!

— Ну хорошо. — сказал он.

Она зажмурилась и встряхнула головой, словно стремясь очистить ее изнутри.

— Что?

— Стоп. Выходи.

— Но они убьют тебя...

— Да. Ты не хочешь видеть кровь. А у них достаточно огневой мощи, чтобы превратить меня и машину в пар.

— Врешь. Ты убьешь меня.

Пистолет был зажат между его коленями. Он бросил его на пол, на резиновый коврик. Пистолет бесшумно упал.

— Травки хочется — бессознательно произнесла она. — О, Боже, хочется чего-то такого... Почему ты не подождал следующей машины?

Ричардс засмеялся, и смех ранил его бок. Наконец, у него на глазах появились слезы.

— Как-то холодно здесь с разбитым лобовым стеклом, — нехстати заметила она, — включи печку.

Ее лицо было бледным пятном среди теней начинавшегося вечера.

...Минус 037 счет продолжается...

— Мы в Дерри, — сказала она.

Улицы были затоплены народом. Люди цеплялись за выступы и карнизы, сидели на балконах и верандах, с которых была вынесена летняя мебель. Все ели сэндвичи и жареных кур из жирных пакетов.

— Есть знаки Аэропорта.

— Да, я давно еду по ним. Они просто закроют ворота.

— А я просто снова пригрожу тебя убить, если они это сделают.

— Ты хочешь угнать самолет?

— Попытаюсь.

— Не сможешь.

— Конечно же не смогу.

Они взяли налево, потом — направо. Громкоговорители монотонно упрасивали толпу рассеяться.

— Это правда твоя жена, эта женщина на снимках?

— Да, ее зовут Шейла. Нашей дочке Кэти полтора года. У нее грипп. Может быть, сейчас ей лучше. Вот почему я влез в это дело.

Над ними навис вертолет, отбрасывавший впереди себя огромную тень на дорогу. Усиленный мегафоном голос требовал, чтобы Ричардс отпустил женщину. Когда он улетел и они снова смогли говорить, она сказала:

— Твоя жена слегка похожа на бродягу. Ей бы больше о себе заботиться.

— Фотография поддельная, — равнодушно заметил Ричардс.

— Они такое сделали?

— Они такое сделали.

— Аэропорт. Подъезжаем.

— Ворота закрыты?

— Не вижу... подожди... открыты, но блокированы. Танк. Пушка на нас нацелена.

— Подъезжай к нему на 30 футов и тормози.

Машина медленно пробралась по четырехколесному шоссе мимо стоявших полицейских машин, мимо непрерывающихся криков толпы. Над ними проплыл знак: ЛЕТНОЕ ПОЛЕ.

Женщина могла видеть электрифицированное ограждение, пересекавшее болото или в лучшем случае поле по обеим сторонам от дороги. Прямо впереди стояли справочная будка и досмотр. За ними были главные ворота, блокированные танком А-62, способным посыпать из своей пушки снаряды весом в четверть мегатонны. Еще дальше — сплетение подъездов и стоянок, тянувшихся к комплексу терминалов, который скрывал из вида взлетные полосы. Надо всем этим возвышалась огромная, как уэллсовский марсианин, вышка диспетчера, и солнце, клонившееся к закату, полыхало на ее полированных стенах. Служащие и пассажиры толпились на ближайшей стоянке, где их удерживала полиция. В ушах пульсировал

глухой рев моторов, и Амелия увидела стального «Локхид/Джи-Эй Суперберд», разогревавшего двигатель на одной из взлетных полос позади главных зданий аэропорта.

— РИЧАРДС!

Она вздрогнула и испуганно посмотрела на него. Он протестующе замахал рукой. Все нормально, мамаша. Я всего лишь помираю.

— ТЕБЕ НЕЛЬЗЯ НАХОДИТЬСЯ ВНУТРИ, — громко увещевал его усиленный динамиками голос. — ОТПУСТИ ЖЕНЩИНУ. ВЫЙДИ.

— И что теперь? — спросила она. — Это только отсрочка. Они выжидают, пока...

— Нужно дать им возможность подойти ближе, — сказал Ричардс. — Они некоторое время будут блефовать. Выгляни. Скажи им, что я ранен и не в себе. Скажи им, что я хочу сдатьсся Авиационной полиции.

— *Что-что* ты хочешь сделать?

— Авиационная полиция не подчиняется ни властям штата, ни федеральным властям. С 1995 года, когда был принят закон ООН, они стали международной службой. Я слышал, что если сдатьсся им, попадаешь под амнистию. Что-то типа того случая, когда в игре «Монополия» твоя фишка попадает на клеточку «Свободная парковка». Они, конечно, тоже дерьмо собачье. Они передадут меня Охотникам, а Охотники отволокут обратно в загон.

Она вздрогнула.

— А вдруг они подумают, что я в это поверил. Или что я заставил себя в это поверить. Иди и скажи им.

Она высунулась, и Ричардс весь замер в напряжении. Если они собирались устроить «несчастный случай», который убрал бы Амелию со сцены, это скорее всего случится теперь. Ее голова и верхняя часть туловища сейчас представляла из себя хорошую мишень для тысячи ружей. Стоит хотя бы одному из целящихся нажать на курок — и весь этот фарс закончится.

— Бен Ричардс хочет сдатьсся Авиационной полиции! — крикнула она. — У него две раны!

— Она в ужасе обернулась, ее голос дрогнул, высоко и звонко отзвучав в неожиданной тишине, наступившей оттого, что они заглушили мотор. — Он сошел с ума и... Господи, мне так *страшно... пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста!*

Все это фиксировалось камерами и транслировалось напрямую по всей Северной Америке и, с разницей в считанные минуты, по другой половине земного шара. Отлично. Замечательно. Ричардс ощутил, как он весь снова напрягся, и понял, что в нем зародилась какая-то надежда.

На мгновение все замерло: по ту сторону совещались.

— Очень хорошо, — негромко произнес Ричардс.

Она посмотрела на него.

— Ты думаешь, мне тяжело притворяться испуганной? Но мы с тобой, что бы ты там ни думал, не в равном положении. Я хочу, чтобы ты хотя бы выбрался отсюда.

Ричардс в первый раз заметил, как хороша ее грудь под залитой кровью черно-зеленой блузой.

Неожиданно послышался новый, скрежещущий рокот, и она вскрикнула.

— Это танк, — сказал он. — Ничего. Это просто танк.

— Он движется, сказала она. — Они хотят забрать нас туда.

— РИЧАРДС! СЛЕДУЙТЕ В ПОМЕЩЕНИЕ 16. ТАМ ВАС БУДЕТ ОЖИДАТЬ АВИАЦИОННАЯ ПОЛИЦИЯ, ЧТОБЫ ВЗЯТЬ ПОД ОХРАНУ.

— Хорошо, — сказал он сильным голосом. — Давай, трогайся. Когда продвинемся за ограду примерно на полмили, остановись.

— Ты хочешь, чтобы меня убили, — произнесла она упавшим голосом. — Мне нужно только принять ванну, а ты хочешь, чтобы меня убили.

Авиакар поднялся на десять сантиметров от земли и, издавая приглушенный рокот, двинулся вперед. Когда они двигались через ворота, Ричардс съехался, всей кожей ожидая подвоха, но все обошлось. Темный поворот успокоительно поблескивал, уводя к главным зданиям.

Стрелка на табличке указывала направления к помещениям 16—20.

Здесь, за желтыми баррикадами, его ожидали полицейские.

Ричардс знал: сделай он малейшее подозрительное движение, они разнесут машину на куски.

— Остановись, — приказал он, и она подчинилась.

По ту сторону отреагировали моментально.

— РИЧАРДС! НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕСЬ. НЕМЕДЛЕННО СЛЕДУЙТЕ В ПОМЕЩЕНИЕ 16!

— Скажи им, что я требую мегафон, — тихо сказал ей Ричардс. — Пусть они оставят его на дороге за двадцать метров отсюда. Я хочу переговорить с ними.

Она прокричала все, что он поручил, и они затаились в ожидании. Через минуту человек в синей униформе выбежал на дорогу и положил электрический мегафон. Он еще мгновение помедлил, вероятно, наслаждаясь сознанием того, что его видит полмиллиарда людей, а потом убрался прочь, присоединившись к безликой массе за баррикадами.

— Вперед, — приказал он ей.

Они медленно приблизились к мегафону, и когда дверь кабины со стороны водителя поравнялась с мегафоном, она открыла дверь и втянула мегафон вовнутрь. Мегафон был красно-белого цвета, сбоку была нарисована молния. а в ней вытиснуты буквы — G и A.

— О'кей, — сказал он. — Далеко ли нам до главного здания?

Она прищурилась.

— Метров четырехста.

— А до помещения 16?

— Вполовину меньше.

— Здорово. Это здорово. Ага. — Он понял, что нервно кусает губы и попытался заставить себя остановиться. Голова раскалывалась от боли; все тело болело от адреналина. — Едем дальше. Приблизься к входу в помещение 16 и остановись там.

— И что потом?

Он с трудом заставил себя улыбнуться.
— Это будет Последняя Стоянка Ричардса.

**...Минус 36
счет продолжается...**

Когда она остановила машину у паркинга, реакция последовала незамедлительно.

— НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ, — проорали в мегафон.

— АВИАПОЛИЦИЯ ВНУТРИ. КАК ДОГОВАРИВАЛИСЬ.

Ричардс в первый раз поднял свой мегафон.

— ДАЙТЕ МНЕ ДЕСЯТЬ МИНУТ. Я ДОЛЖЕН ПОДУМАТЬ.

Снова молчание.

— Ты что, не понимаешь, что вынуждаешь их сделать это? — ее вопрос прозвучал удивительно спокойно.

Он чудно, сдавленно хихикнул, и этот звук больше напоминал звук водяного пара, под давлением вырывающегося из чайника, чем смех.

— Они знают, что я намерен смыться. Они только не знают, как я это сделаю.

— У тебя ничего не выйдет, — сказала она. — Неужели ты еще ничего не понял?

— Может быть, мне удастся, — сказал он.

**...Минус 35
счет продолжается...**

— Послушай: Когда возникли Игры, люди говорили, что это самое увлекательное зрелище в мире, потому что ничего подобного раньше не было. И ничего более оригинального. Хотя было нечто похожее: римские гла-

диаторы. И еще одна игра — покер. В покере нужно собрать на одной руке флеш-рояль в пиках. А в самом строгом варианте покера вся соль заключается в комбинации из пяти карт. Четыре карты открываются, а одна остается закрытой. За пяти- или десятицентовик в игру может вступить каждый желающий. Примерно за пол-доллара вы можете узнать достоинство и масть закрытой карты. Но по мере повышения ставок закрытая карта начинает казаться все крупнее и крупнее. После дюжины раундов, когда на карту поставлены все ваши сбережения, и машина, и дом, — эта закрытая карта становится для вас выше, чем Эверест. Что-то вроде этого происходит и в «Бегущем». Только для ставок вообще не нужны деньги. Потому что есть люди, оружие и время. Их картами и фишками мы играем в их казино. Если меня ловят, значит, я проиграл. А вдруг я подтасовал карты? Я подключился к службе новостей в Роклэнде. Эта служба новостей для меня — десять пик. Они *должны* обеспечить мне безопасность, потому что эту передачу смотрят все. Других шансов преодолеть первый пост не существует. Это тоже смешно, потому что именно канал Фри-Ви отвечает Системе такую затрепину. Если вы увидите это по каналу Фри-Ви, то это должно быть правдой. Поэтому если вся страна увидит, как полиция убивает мою заложницу — добропорядочную женщину из среднего класса, — в это придется поверить. От этого нельзя отмахнуться. Функционирование Системы уже сейчас вызывает у многих недоверие. Забавно, да? Мои люди уже здесь. На дороге уже были проблемы. Если солдаты и Охотники возьмут нас под ружье, может случиться кое-что очень неприятное. Кое-кто посоветовал мне держаться своих. Он даже не представляет, как он был прав. И это одна из причин, по которой они пока миндальничают со мной. Потому что здесь мои люди.

— Мои люди, это и есть валет пик.

— А королева, дама сердца, это ты.

— А я — король; черный человек с мечом.

— Это мои открытые карты. Средства связи, возможность огласки, ты, я. Вместе взятые они — ничто. С ними справится и двойка. Без туза пик это все бесполезный хлам. Будь у меня туз, мои карты побить было бы невозможно.

Он рывком схватил ее сумочку, маленький ридикюль под крокодиловую кожу с серебряной цепочкой, и записал в карман пальто, отчего тот оттопырился.

— У меня нет туза, — тихо проговорил он. — Если бы я мог все предусмотреть, он бы у меня был. Но у меня зато есть закрытая карта — та, которую им не угадать. Так что я буду блефовать.

— У тебя нет ни малейшего шанса, — мрачно отозвалась она. — Что ты собираешься сделать с моей сумочкой? Застрелишь их из моей помады?

— Я думаю, что они будут вести нечестную игру до тех пор, пока не проиграют. Я думаю, что игра эта подлая и нечестная до мозга костей.

— РИЧАРДС! ДЕСЯТЬ МИНУТ ИСТЕКЛИ!

Ричардс поднес мегафон к губам.

...Минус 34
счет продолжается...

— СЛУШАЙТЕ МЕНЯ ВНИМАТЕЛЬНО! — Его голос рокотал и отдавался эхом на всем пространстве аэропорта. Полиция напряженно выжидала. Толпа постоянно шевелилась. — У МЕНЯ В КАРМАНЕ ПАЛЬТО — 25 КИЛОГРАММОВ ДИНАКОВОЙ ПЛАСТИКОВОЙ ВЗРЫВЧАТКИ, ТОЙ САМОЙ, ЧТО НАЗЫВАЮТ «ЧЕРНЫЙ ИРЛАНДЕЦ». ЭТОГО ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ РАЗНЕСТИ ВДРЕБЕЗГИ ВСЕ И ВСЕХ В РАДИУСЕ ПОЛУКИЛОМЕТРА, И ВПОЛНЕ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ ВЗОРВАТЬ ЗАПАСЫ С ТОПЛИВОМ, ХРАНЯЩИЕСЯ В АЭРОПОРТУ. ЕСЛИ ВЫ НЕ ВЫПОЛНИТЕ ВСЕХ МОИХ ТРЕБОВАНИЙ, Я ВЗОРВУ ВАС ВСЕХ К

ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ. КОЛЬЦО ВЗРЫВАТЕЛЯ ПРИВЕДЕНО В АКТИВНУЮ ПОЗИЦИЮ. Я ВЫДЕРНУЛ ПРЕДОХРАНИТЕЛЬ. ОДНО ВАШЕ НЕВЕРНОЕ ДВИЖЕНИЕ — И МОЖЕТЕ ЗАСУНУТЬ ГОЛОВУ МЕЖДУ НОГ И ПОЦЕЛОВАТЬ СЕБЯ В ЖОПУ НА ПРОЩАНИЕ.

В толпе внезапно началось волнение, слышались вопли. Полиция на баррикадах, к своему удивлению, обнаружила, что не расставила людей, сдерживающих толпу. Мужчины и женщины понеслись сломя голову по полям и дорогам, потоки людей ринулись через ворота и волнами скапливались у ограждения аэропорта. Их лица были бесцветны, на них была написана паника.

Полицейские медленно зашевелились. Амелии Вильямс показалось, что все они поверили сказанному.

— РИЧАРДС! — прогремел мощный голос. — ЭТО ЛОЖЬ. ВЫХОДИ.

— Я *ВЫХОЖУ*, — пророкотал он в ответ. — **НО ПРЕЖДЕ ЧЕМ Я ЭТО СДЕЛАЮ, ВЫСЛУШАЙТЕ МОИ ТРЕБОВАНИЯ. ДАЙТЕ МНЕ РЕАКТИВНЫЙ САМОЛЕТ С ПОЛНЫМИ БАКАМИ ГОРЮЧЕГО, ГОТОВЫЙ К ОТЛЕТУ, С ЭКИПАЖЕМ НА БОРТУ. ЭТО ДОЛЖЕН БЫТЬ «ЛОКХИД» ИЛИ «ДЕЛЬТА СУПЕРСОНИК». ГОРЮЧЕГО ДОЛЖНО ХВАТИТЬ ПРИМЕРНО НА ТРИ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ. ВСЕ ЭТО ДОЛЖНО БЫТЬ ГОТОВО ЧЕРЕЗ ПОЛТОРА ЧАСА.**

Камеры стрекотали и подкатывались ближе. Хлопали лампы-вспышки. Пресса тоже была начеку. И конечно же, чувствовалось психическое давление незримо присутствующих полумиллиарда зрителей. Они стали реальной силой. И все это приобрело реальность. А 25 килограммов «Черного Ирландца» Ричардса скорее всего были всего лишь выдумкой его блестящего преступного склада ума.

— РИЧАРДС! — Человек в темных слаксах и белой рубашке с закатанными, несмотря на прохладу, рукавами начал расхаживать за беспорядочно стоявшими машинами без опознавательных знаков на расстоянии полусотни

метров ниже помещения 16. Он держал в руках мегафон, который был еще больше мегафона Ричардса. С этого расстояния Амелия смогла рассмотреть, что на носу у него — маленькие очки; они поблескивали в лучах заходящего солнца.

— МЕНЯ ЗОВУТ ЭВАН МАККОУН.

Это имя, разумеется, было ему знакомо. Они хотели поселить страх в его сердце. Он даже не удивился тому, что этот страх немедленно возник. Эван Маккоун был Главным Охотником. Ричардс всегда считал его прямым потомком Дж. Эдгара Гувера и Генриха Гиммлера. Маккоун выполнял функцию стальной прокладки в катодном устройстве Сети трансляции. Пугало. Этим именем можно было страшать детей. *Если ты не прекратишь баловаться со спичками, Джонни, я выпущу из кладовки Эвана Маккоуна.*

В мгновение ока он припомнил голос из сна: *Так ты и есть тот самый человек, братишка?*

— ТЫ ЛЖЕШЬ, РИЧАРДС. НАМ ХОРОШО ЭТО ИЗВЕСТНО. ЧЕЛОВЕК, НЕ ДОСТИГШИЙ УРОВНЯ GA, НЕ МОЖЕТ ИМЕТЬ ДОСТУП К ДИНАКОРУ. ОТПУСТИ ЖЕНЩИНУ И ВЫХОДИ. МЫ НЕ ХОТИМ, ЧТОБЫ ОНА ТОЖЕ ПОГИБЛА.

Амелия издала слабый, шипящий звук.

Ричардс пророкотал:

— МАЛЫШ, ЭТОТ НОМЕР НЕ ПРОЙДЕТ. ДИНАКОР МОЖНО КУПИТЬ НА УЛИЦЕ ПОЧТИ В КАЖДОМ КВАРТАЛЕ, БЫЛИ БЫ ДЕНЬГИ. А У МЕНЯ ОНИ БЫЛИ. ДЕНЬГИ ФЕДЕРАЦИИ ИГР. У ВАС ОСТАЛСЯ ЧАС И ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ МИНУТ ВРЕМЕНИ.

— НЕ ПОЙДЕТ.

— МАККОУН!

— ДА?

— Я СЕЙЧАС ПРИШЛЮ ВАМ ЖЕНЩИНУ. ОНА ВИДЕЛА «ЧЕРНОГО ИРЛАНДЦА» — Амелия смотрела на него, оцепенев от ужаса. — ТЫ ЛУЧШЕ ИМЕЙ В ВИДУ ВОТ ЧТО: ОСТАЛСЯ ЧАС ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

МИНУТ. Я НЕ ШУЧУ, БОЛВАН. ОДИН ВЫСТРЕЛ, И МЫ ВСЕ ВЗЛЕТИМ НА ЛУНУ.

— Нет, — прошептала она. И губы ее округлились от изумления. — Ты не можешь рассчитывать, что я буду *лгать* ради тебя.

— Если ты этого не сделаешь, я погибну. Я ранен, я устал, я едва соображаю, что говорю, но я знаю, что это лучшее, что я могу сделать, так или иначе. А теперь слушай: динакор — белый и твердый, немного жирный на ощупь. Он...

— Нет, нет! *Нет!* — Она зажала уши руками.

— Он похож на кусок мыла. Но очень плотный. Теперь слушай, как выглядит кольцо взрывателя. Оно похоже на...

Она начала всхлипывать.

— Я не могу, понимаешь? Существует понятие долга гражданина. Совесть. У меня...

— Ну, так они быстренько узнают, что ты солгала, — сухо закончил он. — Только они не узнают. Потому что если ты окажешь мне поддержку, они сдадутся. И я упорхну, как птичка, ко всем чертям.

— Я не могу этого сделать!

— РИЧАРДС! ВЫПУСТИ ЖЕНЩИНУ!

— Кольцо взрывателя золотое, — продолжал он. — Примерно пять сантиметров в диаметре. Оно похоже на кольцо для ключей, но на нем нет никаких ключей. К нему прикреплен тонкий стержень, похожий на авторучку, с пусковой кнопкой. Пусковая клавиша похожа на ластик в карандаше.

Она раскачивалась вперед-назад, постанывая при этом, держась руками за щеки и разминая их так, как будто это тесто.

— Я сказал им, что выдернул предохранитель. Это означает, что тебе удалось заметить небольшую выемку на поверхности «Ирландца». Поняла?

Никакого ответа; она рыдала, выла и раскачивалась.

— Я уверен, ты сделаешь все, как я сказал, — произнес он мягко. — Ты — умница, ведь правда?

— Я не собираюсь лгать, — ответила она.

— Если они еще о чем-нибудь спросят, ты ничего не знаешь. Ты ничего не видела. Ты была слишком расстроена. Кроме одного: с самого первого поста я не выпускал из рук кольца. Ты не знаешь, что это такое было, но я не выпускал его из рук.

— Лучше убей меня на месте.

— Давай, — сказал он. — Иди.

Она уставилась на него, вся дрожа, губы ее ходили ходуном, глаза были похожи на два черных провала. От уверенной в себе красоты черные тени под глазами не оставили и следа. Ричардс был бы очень удивлен, если бы узнал, что она когда-нибудь сможет вернуться в нормальное состояние. Он в этом сомневался. Сильно сомневался.

— Иди, — сказал он. — Иди. Иди.

— Я... я... *О, Господи...*

Она отпрянула к дверям и то ли спрыгнула, то ли выпала вниз. Потом быстро поднялась на ноги и побежала. Волосы развевались за ее спиной, на бегу она казалась прекрасной, почти богоподобной в теплых вспышках миллионов ламп.

Блеснули карабины, взятые на изготовку, — и опустились, когда толпа поглотила ее. Ричардс рискнул чуть высунуться из бокового окна водителя, но не смог ничего увидеть.

Он откинулся назад, скользнул взглядом на часы и стал ждать развязки событий.

...Минус 33 счет продолжается...

Красная секундная стрелка его часов описала два круга. Еще два. И еще два.

— РИЧАРДС!

Он поднес мегафон к губам.

— МАККОУН, У ТЕБЯ ОСТАЛСЯ ЧАС И 19 МИНУТ.

Нужно продержаться до последней минуты. Это *единственный* выход. Продержаться до момента, когда Маккоун отдаст приказ вести прицельный огонь. Это произойдет мгновенно. И скорее всего ни черта не изменит.

И — после долгого молчания, после паузы, показавшейся ему вечной:

— НАМ НУЖНО БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ. ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ТРИ ЧАСА: НА ЛЕТНОМ ПОЛЕ НЕТ НИ «ЛОКХИДА», НИ «ДЕЛЬТЫ». НУЖНО ЖДАТЬ, ПОКА САМОЛЕТ ПОДГОНЯТ СЮДА.

Она сделала это. Какое удивительное благодеяние. Эта женщина заглянула в бездну и выбралась по самому ее краю. Не за награду. Не собираясь вернуться назад. Удивительно.

Скорее всего они ей не поверили. Не для того они здесь, чтобы верить кому бы то ни было. Вот сейчас они затолкали ее в укромную комнатушку в одном из отдаленных участков Терминала, где ее ждет полдюжины отборных маккоуновских следователей. И когда они ее туда приведут, тут-то и начнется литания* (прим. пер. — в христианстве длинная молитва, в которой священник задает вопросы, а молящиеся отвечают всегда одними и теми же словами). *Да, конечно, вы расстроены, миссис Вильямс, но для протокола... не могли бы вы припомнить все это еще раз... нас смущает один нюанс... вы уверены, что не было другого выхода... откуда вы узнали... почему... а что он сказал потом...*

Так что правильнее всего для них сейчас — тянуть время. Морочить Ричардсу голову то одной, то другой отговоркой. У нас проблема с заправкой, нам нужно время. На территории аэропорта сейчас нет свободного самолета, нам нужно время. На взлетной полосе 07 сейчас — летающая тарелка, нам нужно время. И мы еще не раскололи женщину. Еще не заставили ее признаться, что весь ваш «Черный Ирландец» — это сумочка из крокодиловой кожи, набитая мятыми салфетками, мело-

чью, косметикой и кредитными карточками. Нам нужно время.

У нас пока нет шанса убить тебя. Нам нужно время.

— РИЧАРДС!

— СЛУШАЙТЕ МЕНЯ, — ответил он в мегафон. — У ВАС ОСТАЛСЯ ЧАС И 15 МИНУТ. ПОТОМ ВСЕ ВЗЛЕТИТ НА ВОЗДУХ.

Нет ответа.

Несмотря на то, что зрелище грозило обернуться Армагеддоном, публика прибывала. Глаза зевак были широко раскрыты, влажны и полны возбуждения. Огромное количество переносных осветительных приборов было сфокусировано на маленькой машине, купающейся в бездонном свете. Сейчас особенно хорошо было видно, что ветровое стекло разбито.

Ричардс постарался представить себе маленькую комнату, в которой они будут ее держать, пытаясь узнать правду. Но им не узнать правды. Давление на нее, конечно, исключено. Люди Маккоуна будут делать все, чтобы запугать ее до смерти, и, несомненно, им это удастся. Но как далеко они посмеют зайти в своих стараниях: ведь она не принадлежит к гетто отверженных, к касте безликих нищих. Наркотики. Существуют еще наркотики, и Ричардс хорошо это знал, наркотики, к которым Маккоун может прибегнуть без промедления. Наркотики, которые способны всю жизнь человека превратить в детский лепет. Наркотики, заглушающие показания с помощью стенографической машины, как трещотка священника признания кающегося грешника.

Пытки? К их услугам усовершенствованные электронные устройства, так славно поработавшие во время восстаний в Сиэтле в 2005 году. На худой конец, можно сопроводить допрос побоями.

Эти мысли отвлекали его, но он не мог перестать об этом думать, не мог их разом отключить. Помимо сцен допроса он отчетливо слышал урчание разогревающегося «Локхида». Его птички. Этот звук то нарастал, то стихал. Когда он внезапно оборвался, Ричардс понял, что нача-

лась заправка. Если они поторопятся, это займет минут двадцать. Но Ричардс не склонен был думать, что они поспешат.

Ну же, ну, давайте. Наконец-то. Открыты все карты, кроме одной.

Маккоун! Маккоун, ты еще трепыхаешься? Ты еще не проник в ее мысли?

Тени на поле удлинились. Все ждали.

...Минус 32 счет продолжается...

Ричардс вдруг понял, что старое клише было ложью. Время не стоит на месте. Иногда было бы лучше, если бы оно замирало. Тогда, по крайней мере, с ним вместе умирала бы и надежда.

Усиленный динамиками голос дважды сообщал Ричардсу, что он лжет. Он отвечал им, что если так, пусть они докажут это. Через пять минут другой голос по мегафону сообщил ему, что взлет «Локхида» отменяется и начата заправка другого самолета. Ричардс сказал, что это его радует. Если только они успеют подготовить этот самолет к назначенному сроку.

Минуты ползли медленно. Осталось двадцать шесть минут, двадцать пять, двадцать две, двадцать (*Боже мой, хоть бы она еще продержалась...*), восемнадцать, пятнадцать (моторы самолета снова заработали, издавая рокошующее кудахтанье, а наземные службы суетились у систем заправки, снуя в предполетных проверках), десять минут, восемь.

— РИЧАРДС!

— НАМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОНАДОБИТСЯ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ. САМОЛЕТЫ ГОТОВЫ К ВЗЛЕТУ. ОСТАЛОСЬ ОБРАБОТАТЬ КРЫЛЬЯ ЖИДКИМ ВОДОРОДОМ, НО НА ЭТО НУЖНО ВРЕМЯ.

— У ВАС ЕЩЕ ЕСТЬ ВРЕМЯ. СЕМЬ МИНУТ. А ПОТОМ Я ПРОСЛЕДУЮ НА МЕСТО ВЗЛЕТА ПО СЛУЖЕБНОМУ ВЪЕЗДУ. ОДНУ РУКУ Я БУДУ ДЕЖДАТЬ НА УПРАВЛЕНИИ, А ДРУГУЮ — НА КОЛЬЦЕ ВЗРЫВАТЕЛЯ. ВСЕ ВХОДЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТКРЫТЫ. И ПОМНИТЕ, ЧТО Я ВСЕ БЛИЖЕ И БЛИЖЕ К БАКАМ С ГОРЮЧИМ.

— КАЖЕТСЯ, ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО МЫ...

— Я ЗАКАНЧИВАЮ ПЕРЕГОВОРЫ, РЕБЯТА. ОСТАЛОСЬ ШЕСТЬ МИНУТ.

Секундная стрелка описывала круги — один за одним. Осталось три минуты, две, одна. Они допрашивали ее в той маленькой комнатке, которой он не в силах был себе представить. Он попытался вызвать в памяти образ Амелии, но не смог. Ее лицо расплывалось, превращаясь в другие лица. Это был коллаж из разных лиц: Стейси и Брэдли, Элтона и Вирджинии Парракис и того мальчика с собакой. Единственное, что он мог припомнить, что она была такой мягкой и красивой той банальной красотой, которой многие женщины достигают благодаря употреблению косметики Макс Фактор и Ревлон и усилиям пластических хирургов, подтягивающих, подбирающих, разглаживающих и смягчающих. Мягкая. Но где-то в глубине души жесткая. Отчего ты стала такой жесткой, женщина-вамп? И достаточно ли ты тверда? Или ты просто хочешь сломать мою игру?

Он почувствовал, как по его подбородку течет что-то теплое, и обнаружил, что прокусил губы в нескольких местах.

Он рассеянно облизал губы, ощутив в слюне привкус крови, и завел мотор. Мотор завелся послушно, толкатель клапана заворчал.

— РИЧАРДС! ЕСЛИ ТЫ СДВИНЕШЬСЯ С МЕСТА, МЫ БУДЕМ СТРЕЛЯТЬ! ДЕВУШКА ВО ВСЕМ ПРИЗНАЛАСЬ! МЫ ВСЕ ЗНАЕМ!

Никто не выстрелил.

И напряжение как будто покинуло его.

...Минус 31 счет продолжается...

Служебный въезд представлял собой изгиб дороги, подымающийся вверх и огибающий остекленный, в футуристическом духе выстроенный Аэровокзал Северных Штатов. Дорога была оцеплена полицией, вооруженной до зубов — от дубинки и слезоточивого газа до тяжелого бронебойного вооружения. Их лица были плоскими, то-скливыми, однообразными. Ричардс вел машину медленно, выпрямившись на сиденье, и они смотрели на него с пустым, скотским ужасом. Ричардс подумал, что именно так должны смотреть коровы на своего фермера, который подвинулся рассудком и катается по полу хлева, лягаясь и вопя.

Вход в служебную зону (ВНИМАНИЕ — ТОЛЬКО ДЛЯ ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ПЕРСОНАЛА — НЕ КУРИТЬ — ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН) был открыт настежь, и Ричардс осторожно направил машину туда, минуя ряды контейнеров с высокооктановым горючим и маленьких частных самолетиков на приколе. За ними змеилась рулежная дорожка: широкая, глянцевито сверкающая, черная, с расширенными развязками. Здесь ожидала Ричардса его «птичка»: огромный, громоздкий белый реактивный самолет с 12 турбомоторами, которые тихонько рокотали. За самолетом убегали, сходясь в одну точку на горизонте, прямые и чистые в свете дня, взлетные полосы. Трап к «птичке» как раз прилаживали четыре человека в комбинезонах. Ричардсу показалось, что этот трап похож на лестницу на эшафот.

И словно в подтверждение тому, в тени огромного белого брюха самолета отчетливо вырисовывался силуэт палача. Это был Эван Маккоун.

Ричардс взглянул на него с любопытством человека, впервые наблюдающего подобное явление. Не имеет значения, сколько раз вы видели его изображение в стереокино, вам ни за что не поверить в его реальность, пока он не возникнет перед вами во плоти — и тогда

реальность приобретает характер галлюцинации, словно он не может существовать в реальности отдельно от его изображения.

Это был невысокий человек в очках без оправы, с намеком на брюшко, которое было заметно под его хорошо скроенным костюмом. Болтали, что Маккоун носит ботинки на каблуках, но даже если это было так, это не бросалось в глаза. На его лацкане виднелась маленькая серебряная булавка с флажком. В целом он совершенно не похож был на монстра, этот наследник таких внушающих ужас вездесущих контор, как ФБР и ЦРУ. Он не походил на человека, который по ночам совершенствовал технику вождения, или был завсегдатаем клуба, или интересовался, когда его родственники придут к нему в гости. Он не похож был и на человека, который овладел искусством наводить ужас.

— Бен Ричардс! — Он говорил просто так, без мегафона, и без мегафона его голос звучал мягко, благовоспитанно, без намека на что-либо бабье.

— Я слушаю.

— У меня на руках заключение органов правосудия Федерации Игр, уполномоченной Комитетом Системы, о вашем аресте и казни. Не окажете ли честь?

— На черта курице — флаг?

— Ну, полно. — Маккоун выглядел удовлетворенным. — О формальностях мы уже позаботились. Я — сторонник соблюдения формальностей, а вы? Ну вы-то, конечно, против этого. Вы вели себя крайне недисциплинированно, неформально, нарушая правила соревнования. Поэтому вы до сих пор живы. Вам, наверное, известно, что вы уже превысили рекордное время пребывания в «Бегущем», и оно составило восемь дней и пять часов. Это произошло часа два назад. Нет, конечно, вам ничего об этом не известно. Но вам это удалось. Да. И этот ваш побег из ИМКА в Бостоне. Исполнено безупречно. Думаю, что рейтинг Нильсена в программе подскочит на 12 пунктов.

— Я рад.

— К вашему сведению, вы были почти у нас в руках во время этого перерыва в Портленде. Но нам не повезло. Парракис голову давал на отсечение, что вы сбежали на корабле в Обурн. Мы поверили ему, он был явно напуган.

— Явно, — эхом отозвался Ричардс.

— Ну, а этот последний спектакль — это просто выше всех похвал. Склоняю голову. Между прочим, я почти сожалею, что игра должна закончиться. Подозреваю, что нам никогда больше не доведется иметь дело с более изобретательным, чем вы, противником.

— Какая жалость, — сказал Ричардс.

— Все, тебе конец, понимаешь, — сказал Маккоун. — Женщина во всем призналась. Мы на ней испробовали пентатол натрия. Средство старое, но надежное. Он достал маленький пистолет: — Выходите, мистер Ричардс. Я вам окажу последнюю любезность. Я намереваюсь это сделать прямо здесь, где нас не будут снимать на пленку. Ваша смерть будет частным делом.

— Ну, тогда готовься, — усмехнулся Ричардс.

Он открыл дверцу и вышел. Два человека встретились лицом к лицу на белом цементе служебной зоны.

...Минус 30 счет продолжается...

Маккоун первым нарушил молчание. Он запрокинул голову и рассмеялся.

Смех его звучал очень пристойно, он был тихим и бархатистым.

— Какой вы молодец, мистер Ричардс. Великолепно. Высунулись, прокричали, потом снова высунулись. Я искренне склоняю перед вами голову. Женщину мы не раскололи. Она упрямо твердит, что ваш карман набит «Черным Ирландцем». Мы не смогли подвергнуть ее тесту SAP, потому что он оставляет следы, а это не годиться.

Мы уже организовали доставку из Нью-Йорка трех ампул каногена. Не оставляет никаких следов. Ожидаем доставку через сорок минут. Этого не хватит, увы, чтобы обезвредить вас за это время. Она лжет. Это очевидно. Извините меня за некоторый, как говорят люди вашего круга, снобизм, но я изложу вам свои наблюдения по поводу среднего класса: они умеют врать только в том, что касается секса. А могу я вам изложить еще одно свое наблюдение? Конечно, что я спрашиваю. Я уже его излагаю. — Маккоун улыбнулся. — Я подозреваю, что вы попросту запихнули в карман ее ридикуль. Мы заметили, что у нее с собой нет сумочки, хотя она ходила по магазинам. Мы очень наблюдательны. Что могло случиться с ее покупками, кроме того, что вы положили их в свой карман, Ричардс?

Он не попался на эту удочку:

— Ну застрелите меня, коль вы в этом так уверены.

Маккоун с сожалением развел руками:

— Как бы я хотел это сделать! Но мы не вправе рисковать человеческой жизнью, когда счет пятьдесят — один в вашу пользу. Это слишком похоже на русскую рулетку. Ценность человеческой жизни для нас священна. Правительство, наше правительство, это сознает. Мы — гуманисты.

— Да-да, — сказал Ричардс и мрачно улыбнулся.

Маккоун мигнул.

— Так что...

Ричардс вздрогнул. Этот человек гипнотизировал его. Летели минуты, от Бостона сюда приближался вертолет с тремя ампулами «бодряще-вырубающего» зелья (а если Маккоун проговорился о сорока минутах, на самом деле они обернутся за двадцать), а он стоял тут и слушал этого человека, поющего ему дифирамбы. Боже, это сущий монстр.

— Послушай, — резко оборвал его Ричардс. — Разговор с тобой, малыш, короткий. Даже если ты сделаешь ей инъекцию, она все равно споет тебе ту же самую песенку. Имей в виду: взрывчатка у меня. Врубился?

Он взглянул в глаза Маккоуну и двинулся вперед.

Маккоун отошел в сторону. Проходя мимо, Ричардс не удостоил его взглядом. Рукава их пальто коснулись друг друга.

— Для сведения: известно, что предохранитель выдвигается вообще-то на три деления. Я выдвинул его уже на два с половиной. Хочешь верь — хочешь нет.

Он с удовлетворением услышал, как дыхание того, другого, участилось.

— Ричардс!

Он оглянулся с трапа. Маккоун смотрел на него снизу, золотые дужки очков мерцали и вспыхивали на солнце.

— Когда ты взлетишь, мы подстрелим тебя ракетой «земля-воздух». А публике расскажем, что у Ричардса не вовремя зачесался пальчик — тот самый, что был на кольце взрывателя. Так что покойся с миром.

— Ну, этого-то вы как раз не сделаете.

— Не сделаем?

Ричардс ухмыльнулся и пояснил:

— Мы будем лететь очень низко, над густонаселенными кварталами. Добавь к 25 килограммам взрывчатки 12 подвесок с горючим, и ты получишь очень мощный взрыв. Чересчур мощный. Вам не выкрутиться. — Он помолчал. — Ты же так хорошо соображаешь. Ты приготовил для меня парашют?

— Конечно, — спокойно сказал Маккоун. — Он в носовом пассажирском отделении. Но все это уже было, мистер Ричардс. Нет ли у вас в запасе трюка поновее?

— Держу пари, вы не такие идиоты, чтобы вляпаться в такое дерьмо.

— Конечно, нет. Это очевидно. Предполагаю, что ты выдернешь это несуществующее кольцо взрывателя как раз перед нашим ударом. Тем внушительней будет взрыв.

— Ну пока, коротышка.

— Пока, мистер Ричардс. И приятного путешествия. — Он хихикнул. — Ты все точно рассчитал. Поэтому я открою тебе еще одну карту. Только одну. Мы собираемся

до того, как предпримем какие-либо действия, подождать каногена. Насчет ракеты ты абсолютно прав. Это, конечно, блеф. Ты еще раз высунись и прокричи что-нибудь, ладно? Но я могу подождать. Видишь ли, я никогда не ошибаюсь. Никогда. И я знаю, что кто тут блефует — так это ты. Поэтому мы будем выжидать. Но ты у нас в руках. Пока, мистер Ричардс. Он помахал рукой.

— До скорого, — сказал Ричардс, но недостаточно громко, чтобы Маккоун его услышал. И усмехнулся.

...Минус 29 счет продолжается...

Пассажирское отделение первого класса было длинным и широким — шириной в три ряда кресел, все кругом было облицовано натуральной секвойей. Пол был покрыт ковром цвета бордо, судя по ощущению, очень толстым. Стереозэкран тянулся вдоль дальней стены от отделения первого класса до кухни. На месте номер 100 лежала объемная пачка — это был парашют. Ричардс похлопал по тюку и проследовал на кухню. Кто-то уже поставил варить кофе.

Он миновал еще одну дверь и очутился в коротком коридоре, ведущем в кабину пилота. Справа находился радиодиспетчер, мужчина лет тридцати, с ухоженным, гладким лицом, злобно покосившийся на Ричардса, а потом уткнувшийся в свои приборы. Еще через несколько шагов вперед и влево у своих панелей, сеток и пластиковых карт сидел штурман.

— К нам явился тот, кто собирается нас всех тут угробить, парни, — сказал он в свой микрофон. И холодно уставился на Ричардса.

Ричардс промолчал. В конце концов, этот человек прав. Он побрел в нос самолета.

Пилотом оказался человек лет пятидесяти, а может и побольше, этакая старая полковая лошадь, с красным

носом законченного пьяницы и цепкими, ясными глазами человека, который в жизни не брал ни капли в рот. Его напарник был лет на десять моложе, с пышной рыжей шевелюрой, выбивающейся из-под форменной фуражки.

— Привет, мистер Ричардс, — сказал пилот. Прежде чем взглянуть Ричардсу в лицо, он глянул на оттопыренный карман его пальто. — Простите, что я не подаю вам руки. Я капитан авиации Дэн Холлоуэй. Это мой напарник, Уэйн Данинджер.

— Учитывая сложившуюся обстановку, не могу сказать, что рад с вами познакомиться, — сказал Данинджер.

Ричардс скривил губы.

— Я тоже, и хотел бы присовокупить сожаления по поводу своего присутствия здесь. Капитан Холлоуэй, у вас налажена связь с Маккоуном, не так ли?

— Разумеется. Через связиста, Киппи Фридмена.

— Дайте мне с ним поговорить.

Холлоуэй протянул ему микрофон, соблюдая осторожность.

— Готовьтесь к полету, — сказал Ричардс. — Через пять минут.

— Привести вооружение в боевую готовность? — спросил Данинджер с преувеличенной серьезностью.

— Делайте все, что вы обычно делаете, — холодно произнес Ричардс. Пришла пора предпринять последние шаги, сделать последнее усилие. Его разум был разгорячен, перегрет, он был на пределе. Высунись и прокричи — вот в чем заключалась игра.

Я прямо сейчас отправляюсь к самым небесам, Маккоун.

— Мистер Фридман!

— Слушаю.

— Говорит Ричардс. Я хочу говорить с Маккоуном.

С минуту в эфире царил безмолвие. Холлоуэй и Данинджер больше не следили за ним, они готовились к отлету, сверяя параметры и давление, проверяя закрылки, люки, переключения. Снова подымались и опускались

огромные турбины, но теперь это звучало резче, громче. Когда Маккоун наконец откликнулся, его почти не было слышно в общем нарастающем шуме.

— Маккоун слушает.

— Ну, слушай меня, червяк. Я приглашаю тебя и женщину лететь со мной. Подваливай к двери грузового отсека в течение трех минут, или я выдергиваю кольцо.

Данинджер на своем месте замер, как подстреленный. Когда он очнулся и продолжил свои проверки, голос его дрожал, и в нем звучал ужас.

Раз они так нагло себя ведут — он оплатит им той же монетой. Забрать у них женщину — значит лишить их последнего шанса. Если только этот шанс существует.

Ричардс ждал.

В его голове тикали часы.

...Минус 28 счет продолжается...

Когда до Ричардса донесся голос Маккоуна, он услышал в нем незнакомые угрожающие нотки. Что было причиной? Страх? Вероятно. Сердце замерло у Ричардса в груди. Может, все обойдется. Может быть.

— Ты спятил, Ричардс? Я не...

— *Послушай*, ты, — сказал Ричардс, перебив Маккоуна. — Пока я говорю, возьми на заметку, что нашу беседу слышат все связисты в радиусе полусотни километров. Все, что я тебе скажу, разнесется по всей округе. То, что ты делаешь, станет известно всем. Ты сейчас находишься на большой сцене. Ты придешь ко мне хотя бы потому, что ты слишком труслив, чтобы вести двойную игру, за которую ты можешь заплатить жизнью. А женщина придет потому, что я сказал ей, куда я направляюсь.

Слишком мягко. Надо давить на него. Не давать ему времени думать.

— Даже если ты останешься в живых, когда я дерну за кольцо, ты не будешь никому нужен: тебя не возьмут даже яблоками торговать.

Он сжимал сумочку в кармане с неистовой, маниакальной силой.

— Вот так-то. У тебя есть три минуты. Отключаю связь.

— Ричардс, подожди...

Он отключил связь, оборвав звучащий в микрофоне голос Маккоуна. Он вернул микрофон Холлоуэю, и тот принял его трясущимися пальцами.

— У вас сильная воля, — медленно произнес Холлоуэй. — Поверьте мне. Мне никогда не приходилось видеть человека с такой выдержкой, как у вас.

— А если он выдернет кольцо, ты поймешь, что у него еще более сильная воля, чем у кого бы то ни было, — сказал Данинджер.

— Продолжайте подготовку к отлету, пожалуйста, — сказал Ричардс. — Я спущусь поприветствовать наших гостей. Мы вылетаем через пять минут.

Он вернулся назад и пододвинул парашют к окну, а потом сел, не спуская глаз с двери между первым и вторым классом. Скоро все выяснится. Очень скоро.

Его рука без устали с беспомощной силой сжимала сумочку Амелии Вильямс.

Снаружи уже совершенно стемнело.

...Минус 27 счет продолжается...

Они подошли к трапу, когда оставалось сорок пять секунд. Амелия задыхалась от страха, ее волосы взметнулись беспорядочной копной, подхваченные резким вет-

ром, гулявшим по рукотворной степи аэродрома. Наружность Маккоуна совершенно не изменилась. Он по-прежнему выглядел опрятно и непринужденно, можно даже было сказать, невозмутимо, но глаза его потемнели от безумной ненависти.

— Ты ничего не выиграешь, говнюк, — сказал он спокойно. — Мы даже не начали еще разыгрывать главный козырь.

— Рад снова видеть вас, миссис Вильямс, — мягко сказал Ричардс.

И тут, будто бы он подал ей некий сигнал, задел невидимую струну, она начала рыдать. Ее рыдания не были истеричными, это было выражение совершенной безнадежности, исторгнутое из самой глубины души. Сила этого порыва заставила ее зашататься и упасть на плюшевый ковер этого целиком плюшевого отсека первого класса, сжимая лицо в ладонях, словно стараясь удержать его. Кровь Ричардса на ее блузке засохла и выделялась бурыми пятнами. Ее пышная юбка, скрывающая ноги, делала ее похожей на увядший цветок.

Ричардс почувствовал к ней жалость. Это было мимолетное чувство, но это был максимум, на что он был способен.

— Мистер Ричардс, — из переговорного устройства послышался голос Холлоуэя.

— Слушаю.

— Мы... можем взлетать?

— Да.

— Тогда я отдаю распоряжение убрать трап и задрать люки. Не беспокойтесь на этот счет.

— Отлично, капитан. Благодарю.

— Вызвав сюда женщину, ты тем самым угробил себя. Ты это понимаешь? — Казалось, что Маккоун улыбается и хмурится одновременно, он производил впечатление параноика. Он сцеплял и расцеплял пальцы.

— Ну и что? — мягко спросил Ричардс. — А поскольку ты никогда не делаешь ошибок, ты, конечно же, нападешь на меня, прежде чем мы взлетим. Таким обра-

зом ты окажешься вне опасности и прослывешь героем, благоухающим, как роза, правильно?

Маккоун издал тихое рычание, а потом сжал губы так, что они побелели. Он не сдвинулся с места. Самолет дрожал все сильнее, по мере того, как моторы набирали оборот.

Кто-то захлопнул дверь в отделении для второго класса, и шум неожиданно прекратился. Прильнув к иллюминатору со стороны порта и всмотревшись, Ричардс увидел, что экипаж буквально скатывает трап внутрь.

Теперь мы все взошли на эшафот, подумал он.

...Минус 26 счет продолжается...

На правом экране загорелась надпись «ПРИСТЕГНУТЬ РЕМНИ/НЕ КУРИТЬ». Самолет начал медленно разворачиваться. Все свои знания о самолетах Ричардс почерпнул из канала Фри-Ви и из книг, из этих модных приключенческих и фантастических книг, но он всего лишь второй раз в жизни находился в самолете, поэтому перелет из Хардинга в Нью-Йорк представлялся ему сущим пустяком. Дрожание под ногами еще более усилилось и внушало беспокойство.

— Амелия!

Она медленно подняла на него глаза, ее лицо с дорожками слез выглядело опустошенным. «А?» Она говорила хрипло, ошеломленно, губы ее пересохли. Она словно забыла, где находилась.

— Пройди вперед. Мы взлетаем. — Он посмотрел на Маккоуна. — А ты иди куда хочешь. Ты совершаешь побег вместе со мной. Не вздумай сговариваться с экипажем.

Маккоун ничего не ответил и сел у занавески, отделяющей первый класс от второго. Потом, видимо, передумав, он рванулся в соседний отсек и исчез.

Ричардс приблизился к женщине, хватаясь за спинки кресел для поддержки.

— Я предпочитаю сидеть у окна, — сказал он. — Я всего раз в жизни летал на самолете. — Он попытался улыбнуться, но она не реагировала, тупо уставившись на него.

Он опустился в кресло, она села рядом. Она пристегнула его ремнем, чтобы ему не пришлось вынимать руку из кармана.

— Ты как дурной сон, — сказала она. — Как бесконечный кошмар.

— Прости.

— Я не... — начала было она, но он закрыл ей рот рукой и покачал головой. Он одними губами произнес слово — нет, чтобы она увидела.

Все дрожало, турбины ревели, самолет разворачивался по направлению ко взлетной полосе, словно неуклюжая утка, спускающаяся к воде. Он был таким огромным, что Ричардсу казалось: они стоят на месте, а земля двигается.

Может, это все мне только кажется, мелькнула у него безумная мысль. Может, они установили в иллюминаторах стереопроекторы и...

Он оборвал эту мысль.

Вот они уже миновали рулежную дорожку, и самолет тяжело развернулся вправо. Они неслись под прямым углом ко взлетной полосе, проехав полосы 3 и 2. Потом повернули влево и на секунду замерли.

Холлоузэй выразительно сказал из кабины:

— Взлетаем, мистер Ричардс.

Поначалу самолет медленно двигался, со скоростью авиакара, потом возник кошмарный рев, и Ричардсу захотелось завопить от ужаса.

Его прижало к мягкой спинке сиденья, взлетные огни снаружи вдруг начали проноситься со все возрастающей скоростью. Кустарник и чахлые деревца на пустыре, залитый восходящим солнцем горизонт неслись прямо навстречу им. Моторы все набирали и набирали обороты. Пол снова начал вибрировать.

Он вдруг понял, что Амелия Вильямс обеими руками держится за его плечо, а лицо ее перекосилось в гримасе ужаса и отчаяния.

Боже милостивый, она тоже никогда не летала!

— Мы летим, — сказал он. Он понял, что уже давно это повторяет и не может остановиться. — Мы летим. Мы летим.

— Куда? — прошептала она.

Он не ответил. Он только сейчас начал это понимать.

...Минус 25 счет продолжается...

Два солдата на посту у восточного входа в аэропорт наблюдали, как огромный лайнер вырулил на взлетную полосу, набирая скорость. Его огни замигали оранжевым и зеленым в темноте, и вой его моторов больно ударял по барабанным перепонкам.

— Он летит. Господи, он летит.

— Куда? — спросил другой.

Они смотрели на темный силуэт, отделявшийся от земли. Его моторы издавали странный тихий звук, похожий на звук артподготовки холодным утром. Он круто поднялся в высоту, такой же реальный, как кусок масла на тарелке, и одновременно невероятный в своем полете.

— Думаешь, у него есть эта штука?

— Черт возьми, откуда я знаю?

Рев мотора доносился до них все слабее и слабее.

— Одно тебе скажу. — Тот, первый, отвел взгляд от исчезающих в темноте огней и приподнял воротник: — Здорово, что эта сволочь убралась вместе с ним. Этот Маккоун.

— Можно личный вопрос?

— Если только я могу не отвечать.

— Ты хотел бы увидеть, как он выдернет кольцо?

Солдат долгое время молчал. Гул мотора становился все тише и тише, пока не смолк совсем, заглушенный стуком сердца.

— Да.

— Ты думаешь, он это сделает?

Темноту осветил полумесяц улыбки.

— Приятель, представляешь, какой это будет потрясающий взрыв?

...Минус 24 счет продолжается...

Земли под ними больше не было видно.

Ричардс с интересом глядел в окно, не в силах оторваться от этого зрелища; весь свой тот, первый полет, он проспал, словно ожидая этого, второго. На горизонте потемнело небо, приобретя оттенок средний между бархатно-синим и черным. Застенчиво мерцали звезды. На западе, на линии горизонта о существовании солнца напоминала только ярко-оранжевая линия, совершенно не освещающая темную землю там, внизу. Там, где по его предположениям должен был находиться Дерри, виднелись очажки света.

— Мистер Ричардс?

— Слушаю вас. — Он вскочил с кресла, как будто его ударили.

— Мы сейчас вошли в контролируемую зону. Это означает, что мы описываем огромный круг над аэропортом Войт. Какие будут указания?

Ричардс задумался. Придется играть до конца.

— Какова минимальная высота полета у этой штуки? Там долго совещались.

— Минимум — 600 метров, — осторожно сообщил Холлоуэй.

— Это, конечно, в нарушение Закона Северных Штатов об авиации, но...

— Это неважно, — сказал Ричардс. — В некотором роде мне придется положиться на вас, мистер Холлоуэй. Я мало что смыслю в летном деле и уверен, что вы на этот счет проинструктированы. Но прошу вас не забывать, что люди, замышляющие разбомбить меня, все находятся на земле и вне опасности. Если вы обманете меня насчет чего-нибудь, и я об этом узнаю...

— Никто из экипажа не собирается вас обманывать, — сказал Холлоуэй. — Мы заинтересованы лишь посадить эту штуку так же успешно, как подняли в воздух.

— Ладно. Хорошо. — Он принялся размышлять. Амелия Вильямс безучастно сидела рядом с ним, сцепив руки на коленях.

— Тогда летим на запад, — коротко произнес он. — На высоте 600 метров. Только, пожалуйста, называйте те места...

— Места?

— Которые мы будем пролетать, — сказал Ричардс. — Я до этого только раз летал.

— А-а, — в голосе Холлоуэя послышалось облегчение.

Пол у них под ногами качнулся, а темная линия рассвета в окне сместилась вверх. Ричардс был заворожен этим зрелищем. Сейчас солнце пробивалось косыми лучами сквозь толстое стекло, отбрасывая на иллюминатор загадочные, ускользающие отблески. *Мы гонимся за солнцем*, подумал он. *Ну не удивительно ли это?*

Было шесть тридцать пять.

... Минус 23
счет продолжается...

Спинка кресла перед Ричардсом сама по себе представляла для него откровение. В ней был кармашек с инструкцией по безопасности. В случае болтанки пристегнитесь ремнем. Если в салоне упадет давление, наденьте кислородную маску. Если забарахлит мотор, дополнительные инструкции можно получить от стюардессы. В случае неожиданной смерти при взрыве, надеемся, что у вас достаточно запломбированных зубов, чтобы облегчить опознание.

В панели сиденья на уровне глаз был вмонтирован экран Фри-Ви. Металлическая карточка внизу напоминала зрителям, что на каналы можно настроиться только при определенном уровне скорости. Панель ручной настройки канала была к услугам изголодавшихся зрителей.

Внизу и вправо от Фри-Ви находились канцелярские принадлежности с эмблемой авиации и шариковая ручка «Дженерал Атомикс» на цепочке. Ричардс вырвал листок из блокнота и неуклюже написал, прижимая листок к коленке: «Ставлю 99 против 100, что тебя чем-то начинили: микрофон в туфле или в волосах, а может, передатчик в твоей слюне. Маккоун нас подслушивает и, держу пари, ждет, когда ты снимешь вторую туфлю. Через минуту заката истерику и умоляй меня не дергать за кольцо. Я попробую повысить наши шансы на победу. Идет?»

Она кивнула, Ричардс помедлил, а потом написал: «Почему ты меня выгораживала?»

Она вырвала ручку из его рук, с минуту ее рука застыла над его коленом, где лежала бумага, а потом написала: «Не знаю. Ты заставил меня почувствовать себя убийцей. Твоей женой. И ты выглядел таким... — ручка остановилась, покачнулась и вывела: жалким».

Ричардс приподнял брови и усмехнулся — это выглядело обидным. Он предложил ей ручку, но она помотала головой. Он написал: «Приступай минут через пять».

Она кивнула, Ричардс смял бумагу и запихал ее в пепельницу, вмонтированную в ручку кресла. Он поджег бумагу. Она вспыхнула и ярко и мгновенно сгорела, отразившись крошечным отблеском в иллюминаторе. Затем листок рассыпался в пепел, который Ричардс тщательно растолок.

Через пять минут Амелия Вильямс начала стонать. Это звучало столь неподдельно, что Ричардс поначалу даже оторопел. Потом до него дошло, что она действительно не притворялась.

— Пожалуйста, не надо, — говорила она. — Пожалуйста, не заставляйте меня просить. Я ведь ничего тебе не сделала. Я хочу домой, к мужу. У нас есть дочь. Ей шесть лет. Она не знает, где ее мама.

Ричардс почувствовал, что брови его поползли вверх и дважды произвольно дернулись в тике. Он вовсе не хотел, чтобы она *так хорошо* притворялась. Это было слишком хорошо.

— Он идиот, — сказал он ей, стараясь не изображать речь для незримых слушателей, — но я не думаю, что он настолько идиот. Все будет нормально, миссис Вильямс.

— Легко тебе говорить. Тебе нечего терять.

Он не ответил ей. Она была явно права. Нечего терять, кроме того, что он еще не потерял.

— Покажи ему взрыватель, — молила она. — Ради бога, ну почему вы не покажете ему взрыватель? Если он поверит вам... и отменит приказ, отданный людям на земле. Они держат нас на ракетном прицеле. Я слышала, как он это говорил.

— Я не могу показать ему взрыватель, — сказал Ричардс. — Если я вытащу устройство из кармана, значит, придется поставить кольцо на предохранитель или подвергнуться риску случайного взрыва. Кроме того, — добавил он, и в голосе его зазвучала издевка, — я не думаю, что я бы показал ему взрывное устройство, даже если бы и мог. Этому слизняку есть что терять. Пусть попотеет.

А. Н. Мухомов 93

— Мне кажется, я этого не вынесу, — с тоской проговорила она. — Думаю, мне лучше толкнуть вас — да и дело с концом. Это единственный способ со всем этим покончить, не так ли?

— Вы не должны — начал было он, но тут дверь, разделяющая второй и первый класс, распахнулась, и Маккоун наполовину вошел, наполовину бросился вперед. Его лицо выражало спокойствие, но сквозь это спокойствие лицо его странно лоснилось, Ричардсу был знаком этот блеск. Так блестят лица от страха — белым, восковым и взволнованным блеском.

— Миссис Вильямс, — сказал он преувеличенно бодро. — Пожалуйста, не откажите в любезности, приготовьте кофе на семерых. Боюсь, в этом полете вам придется побыть за стюардессу.

Она встала, не глядя на них.

— Где это можно сделать?

— Там, чуть подальше, ласково подсказал Маккоун. — Идите прямо и прямо. Он вел себя так угодливо, такой был внимательный и одновременно готов был растерзать Амелию Вильямс, как только она выкажет знак расположения Ричардсу.

Она проделала путь вдоль кресел, ни разу не оглянувшись.

Маккоун воззрился на Ричардса и сказал:

— Если я пообещаю тебе амнистию, ты откажешься, парень?

— Парень. В твоих устах и это звучит как-то похабно, — изумился Ричардс. Он согнул свободную руку, посмотрел на нее. На руке были запекшиеся струйки крови, вся она была усеяна крошечными ссадинами и царапинами, полученными во время его путешествия с разбитой коленкой по лесам на юге штата Мэн. — Правда, сально звучит. Звучит как кило жирных гамбургеров на сковородке. В магазинах Ко-Оп Сити можно купить только такие. — Он взглянул на тщательно скрываемое брюхо Маккоуна. — Да вот еще это. Это больше похоже на трепуху. Превосходного качества.

Никакого жира, кроме этого морщинистого опояска снаружи.

— Так как насчет амнистии, — повторил Маккоун. — Как звучит для тебя это слово?

— Как ложь, — улыбаясь, произнес Ричардс. — Как сальная сраная ложь. Неужели ты думаешь, мне неизвестно, что ты всего лишь наемный убийца?

Маккоун весь вспыхнул. Он не порозовел, нет, лицо его стало жестким и красным, как кирпич.

— Хорошо бы, если бы тебя потом отдали нам, — сказал он. — У нас есть такие сверхплотные дубинки. Они бы в момент сделали твою башку похожей на тыкву, упавшую на асфальт с крыши небоскреба. Эти дубинки наполнены газом. Они взрываются при контакте. А вот еще хорошая вещь — выстрел в живот...

Ричардс крикнул: *«Получай! Я дергаю за кольцо!»*

Маккоун хрипло взвизгнул. Шатаясь, сделал два шага, по дороге ударился крестцом о ручку кресла номер 95 и, не удержавшись, рухнул в кресло, как человек в петлю, молотя в воздухе руками, будто неистово отмахиваясь от кого-то.

Его руки застыли, обхватив голову, как окаменевшие птицы с растопыренными крыльями. В этой гротесковой рамке его лицо смотрелось как известковая маска смерти, на которую кто-то для смеха нацепил очки в золотой оправе.

Ричардс захохотал. Поначалу звук собственного смеха изумил его, показался ему трескучим и нерешительным. Как давно уже он как следует не хохотал — от души, свободно и неудержимо, смехом, исходящим из глубины живота! Ему показалось, что он за всю свою жизнь, серую, тяжелую, незатейливую, — так не смеялся. Но сейчас он отыгрался за все.

— *Ах ты ублюдок!*

Голос Маккоуна подвел своего хозяина: казалось, он не говорил, а только открывал рот. Его лицо выглядело измятым и заляпанным, как у затисканного до дыр плюшевого мишки.

Ричардс засмеялся снова. Он облокотился на ручку кресла свободной рукой и смеялся не переставая.

...Минус 22 счет продолжается...

Когда голос Холлоуэя сообщил Ричардсу, что самолет пересекает границу Канады и штата Вермонт (Ричардс подумал, что Холлоуэй знает свое дело; он сам ничего, кроме темноты, рассекаемой пучками света, внизу под собой не видел), Ричардс осторожно отставил в сторону свой кофе и сказал:

— Дайте мне, пожалуйста, карту Северной Америки, капитан Холлоуэй.

— Физическую или политическую? — тут возник новый, незнакомый голос. Ричардсу показалось, штурмана. Теперь он, скорее всего, притворялся услужливым, но непонятливым, не разобравшись, какая карта ему нужна. А на самом-то деле никакая.

— Обе, — произнес он безо всякого выражения.

— А вы пошлите за ней женщину.

— Как тебя звать-то?

Воцарилось смущенное молчание, характерное для человека, который с неожиданной тревогой понял, что его как-то выделяют среди других.

— Донахью.

— У тебя есть свои ноги, Донахью. Думаю, что ты сбегаешь и все принесешь сюда сам.

Донахью сбежал. У него были длинные волосы, зализанные назад, и брюки, скроенные достаточно тесно, чтобы показать другим то, что смотрелось как сумка с мячиками для гольфа, висящая между ног. Все карты были упакованы в пластик. Ричардс не разобрал, во что были упакованы яйца Донахью.

— Я не хотел вас обидеть, — с неохотой сказал он. Ричардс подумал, что лицо это ему знакомо. Молодой

везунчик, куча свободного времени, проводит его в основном слоняясь в поисках развлечений в самых паршивых местечках больших городов, шатаясь по компаниям богатеньких, иногда — пешком, а чаще — на мотоциклах. Все они — пидоры. Это должно быть искоренено. Они должны оставить в покое наши общественные уборные. Такие типы редко осмеливаются появляться в увеселительных заведениях днем, предпочитая им крошечную тьму гетто. А когда они посещают эти заведения, тут-то из них дерьмо и вышибают.

Донахью напряженно переминался с ноги на ногу под тяжелым взглядом Ричардса. — Что-нибудь еще?

— Ты что, педераст, парень?

— А?

— Да нет, ничего такого. Ну иди обратно. Помогай управлять самолетом.

Донахью стремительно удалился, шаркая ногами.

Ричардс очень скоро разобрался, что карта с городами, поселками и дорогами — это политическая карта. Ведя палец от Дерри к канадско-вермонтской границе по направлению к западу, он прикинул, где они сейчас находятся.

— Капитан Холлоуэй!

— Слушаю.

— Разворачивайте самолет влево!

— Что? — Холлоуэй был искренне поражен.

— Я имею в виду, на юг. Южнее. И помните...

— Я помню, — сказал Холлоуэй. — Не беспокойтесь.

Самолет накренился. Маккоун ссутулившись сидел в том самом кресле, в которое рухнул, пожирая Ричардса ненавидящим взглядом.

...Минус 26
счет продолжается...

Ричардс вдруг сообразил, что периодически проваливается в сон, и это его напугало. Монотонный тяжелый гул моторов коварно убаюкивал его. Маккоун прекрасно понимал, что происходит с Ричардсом, и напряжился, как лиса перед охотой. Амелия тоже все понимала. Она горестно съежилась на переднем сиденье около кухни, наблюдая за ними обоими.

Ричардс выпил еще две чашки кофе. Не очень-то помогло. Все труднее и труднее было сосредоточиваться и следить за картой и за бесстрастными сообщениями Холлоуэя о пути их незаконного полета.

Наконец, Ричардс ударил себя кулаком по тому месту, куда попала пуля. Боль была мгновенной и сильной, как ушат холодной воды в лицо. Из углов стиснутого рта вырвался свистящий, шипящий крик, похожий на стереозвук. Красная кровь из раны наплатала его рубашку и потекла по руке.

Амелия застонала.

— Через шесть минут мы будем пролетать Олбани, — сказал Холлоуэй. — Если вы выглянете, вы увидите — Олбани останется слева от нас.

— Расслабься, — сказал Ричардс сам себе. — Расслабься. Просто расслабься.

Господи, когда же это кончится? Уже скоро.

Было без пятнадцати восемь.

... Минус 20
счет продолжается...

Его будто бы мучил дурной сон, кошмар, подкравшийся к нему из темноты и перешедший в его полудреmlющий разум, даже скорее это было видение или галлюцинация. Его мозг усиленно работал, сконцентрировавшись

на одном уровне, пытаюсь постичь проблемы навигации и одновременно не выпустить из виду постоянную угрозу в лице Маккоуна. С другой стороны, возникла какая-то другая темная сила. Что-то происходило там, в темноте.

Следите за ним.

Огромные, рокочущие сервомеханизмы ворочались в темноте ночи. Инфракрасные глаза горели и переливались неведомым спектром. Бледно-зеленый фосфоресцирующий свет циферблатов и мигающие радары.

Фиксируйте его.

По дорогам там, внизу, громыхали грузовики, а на треугольных платформах в трехстах километрах отсюда микроволновые тарелки дрожали в ночном небе. Нескончаемые потоки электронов вылетали на невидимых, как у летучих мышей, крыльях. Выброс, эхо. Мощный выброс сигнала и слабое воспоминание об образе, соединенное с ответным колебанием света, и отражение сигнала, смещенное на юг.

Они держат твердый курс?

Да. 320 километров южнее Ньюарка. Это скорее всего Ньюарк.

За Ньюарком следует Ред, это южнее Ньюарка.

Решение остается в силе?

Да.

Над Олбани мы его собьем.

Держись, парень.

Грузовики, громыхающие по закрытым городам, где люди выглядывают из крошечных окошек, и глаза у них полны страха и ненависти. Рев доисторических чудовищ в ночи.

Следите за ними.

Громоздкие ревущие машины проносятся мимо толстых остолопов, оставляя позади сверкающие сталью грузовики. Силосные ямы похожи на вход в преисподнюю. Выхлопы жидкого водорода растворяются в воздухе.

Следи за ними. Мы следим. Они движутся над Ньюарком.

Роджер, Спрингфилд. Держите связь.

Пьяницы, спящие в парке, испуганно проснулись от грохота проезжающих грузовиков и бессмысленно пялятся на лоскуты неба между плотно построенными зданиями. Их глаза туманны и воспалены, их губы источают слюну. Руки стиснуты в старческой мольбе к «ньюзи» защитить их от осенней прохлады, но «ньюзи» здесь больше не живут. Фри-Ви их всех убила. Фри-Ви правит миром. Аллилуйя. Богатые кварталы курят до отвала. Воспаленные глаза улавливают неведомый блеск мигающих огней. Там, высоко в небе. Вспышка, еще вспышка. Красная, зеленая, красная, зеленая. Грохот грузовиков истаял вдаль, эхом отдаваясь то тут, то там в каменистых каньонах, как будто удары кулака. Пьяницы снова ложатся спать. С нытьем и мольбами.

Мы засекли их к западу от Спрингфилда.

Зафиксируйте их координаты.

Хардинг!

Слушаю!

Мы взяли их в кольцо.

Невидимые крылья летучих мышей подкрались в ночи, образуя сверкающую сеть над северо-восточной частью Америки. Отлаженно функционировал сервомеханизм, контролируемый компьютерами «Дженерал Атомикс».

Ракеты приведены в боевую готовность. Они нацелились на тысячи целей, перемещаясь вслед за мигающими красно-зелеными огнями, украсившими небо. Ракеты походили на стальных змей с погремушкой, наполненной ждущим своего часа ядом.

Ричардс видел все это, но не сдвинулся с места. Раздвоение сознания доставляло ему странное удовольствие. Эта раздвоенность была как безумие. Покрытый засохшей кровью палец перемещался по карте строго на юг. Вот юг Спрингфилда, запад, а теперь...

Держать их в поле зрения.

...Минус 19
счет продолжается...

— Мистер Ричардс!

— Слушаю.

— Мы миновали Ньюарк, штат Нью-Джерси.

— Да, — сказал Ричардс. — Я слежу, Холлоуэй!

Холлоуэй не ответил, но Ричардс знал, что он его слушает.

— Они все время держат нас на мушке, да?

— Да, — ответил Холлоуэй.

Ричардс взглянул на Маккоуна.

— Воображаю, как они совещаются, смогут ли пожертвовать своей лучшей ищейкой. Представь себе, что они решили эту проблему. В конце концов какие проблемы — натакают новую ищейку.

Маккоун зарычал на него, но Ричардс подумал, что это был совершенно бессознательный жест, доставшийся Маккоуну от его предков, неандертальцев, которые скорее всего подкрадывались к своим противникам сзади с огромными камнями, а не бились с ними в честном и бесхитростном бою.

— Когда мы сможем уйти из-под контроля, капитан?

— Уже не сможем. Во всяком случае не на южном направлении. Мы прорвемся к морю только после того, как пересечем буровые вышки в прибрежных водах Северной Каролины.

— А все, что к югу — это пригород Нью-Йорка?

— Да, можно сказать, что так, — сказал Холлоуэй.

— Благодарю.

Ньюарк распластался и выгнулся дугой под ними, как пригоршня дешевых украшений, небрежно валяющихся в черной бархатной шкатулке какой-нибудь дамы.

— Капитан.

Устало:

— Да.

— А теперь правьте на запад.

Маккоун вздрогнул, как будто его ткнули в спину. Амелия удивленно кашлянула.

— На запад? — переспросил Холлоуэй. Голос у него был несчастным и впервые испуганным. — Вы хотите лететь в этом направлении. Мы попадем на малонаселенную территорию. Пенсильвания между Харрисбургом и Риттсбургом — это сплошные фермы. К востоку от Кливленда нет ни одного большого города.

— Вы, кажется, вырабатываете стратегию вместо меня, капитан?

— Нет, я...

— Правьте на запад, — отрывисто приказал Ричардс. Ньюарк закачался под ними.

— Ты сошел с ума, — сказал Маккоун. — Они нас взорвут.

— С тобой и пятью невинными людьми на борту? В нашей уважаемой стране?

— Это будет ошибкой, — хрипло произнес Маккоун. — Намеренной ошибкой.

— А ты что, не читал *«Нэшнл Репорт»*? — спросил Ричардс, все еще улыбаясь. — Мы не совершаем ошибок. Мы не совершали ошибок с 1950 года.

Ньюарк исчез за крылом, его заменила тьма.

— Что-то ты больше не смеешься, — сказал Ричардс.

...Минус 18 счет продолжается...

Через полчаса вновь раздался голос Холлоуэя. Он казался взволнованным.

— Ричардс, с нами связался Ред Хардинг и сообщил, что они собираются направить на нас интенсивное вещание. Из Федерации Игр. Мне сказали, что вам стоит подключиться к Фри-Ви.

— Спасибо.

Он оценивающе оглядел экран Фри-Ви и собрался было включить его, но убрал руку, будто переднее сиденье с вмонтированным в него экраном было обжигающе горячим. Его охватило странное ощущение ужаса и сознание того, *что он где-то видел все это*. Все это удивительно походило на то, что было вначале. Шейла с ее тонким утомленным лицом, а внизу, в холле — запах капусты, которую варила миссис Дженнер. Рев игр. *«Через упорный труд — к богатству»*, *«Поплавай с крокодилами»*. Стоны Кэти. Другого ребенка и быть не могло, даже если бы он мог все отыграть назад, избежать всего этого и вернуться к началу. Даже если бы это досталось неимоверной ценой.

— Включи, — сказал Маккоун. — Может, они собираются предложить нам... тебе... что-нибудь.

— Заткнись, — сказал Ричардс.

Он помедлил, позволив ужасному ощущению заполнить его, как тяжелой жидкостью. Странное ощущение предчувствия. Он был тяжело ранен. Его рана все еще кровоточила, он плохо держался на ногах, и ему казалось, что ноги существуют где-то далеко от него. Он не знал, хватит ли у него сил решить этот ребус, когда придет пора.

Ричардс хмыкнул, снова наклонился вперед и нажал кнопку Вкл. Фри-Ви немедленно развернула перед ними свою яркую, четкую, усиленную специальным сигналом жизнь. Лицо, заполнив собой весь экран, было очень черным и до боли знакомым. Это был Дэн Киллиэн. Он сидел за украшенным эмблемой Игр столом красного дерева, сделанного в форме почек.

— Привет, — тихо сказал Ричардс.

Он чуть не вывалился из кресла, когда Киллиэн поднял глаза, усмехнулся и ответил:

— Приветствую вас, мистер Ричардс.

...Минус 17
счет продолжается...

— Я не имею возможности вас видеть, — сказал Киллиэн, — но могу вас слышать. Ваш голос транслируется через передающее устройство, что находится на камбузе. Мне сказали, что вас подстрелили.

— Ну, это не совсем правда, — ответил Ричардс. — Я поранился, пробираясь через леса.

— А, да, — сказал Киллиэн. — Знаменитое путешествие по лесу. Бобби Томпсон увековечил его в эфире как раз сегодня вечером — прибыв к вашей нынешней эпохее, разумеется. Завтра эти леса будут заполнены людьми, ищущими лоскутки вашей рубашки или даже гильзы.

— Какой кошмар, — сказал Ричардс. — Что-то вы фальшивите.

— Вы, Ричардс, самый сильный участник Игры, который когда-либо был. Благодаря сочетанию везения и искусности, вы, определенно, величайший игрок. Вы достаточно значительны, чтобы мы могли предложить вам одну вещь.

— Предложить мне что? Прогреть по телевидению на всю страну в роли расстрелянного?

— Угон самолета — эффектный, но самый глупый в вашей ситуации шаг. И знаете почему? Потому что впервые рядом с вами нет ваших. Они остались на земле. И даже эта женщина, которая вас выгораживает. Вы можете считать, что она заодно с вами. *Она* сама даже может так считать. Но это не так. Здесь, наверху, вас, Ричардс, окружают только наши люди. Вы уже почти мертвец. Наконец-то.

— Мне много раз уже так говорили, а я все живу и живу.

— Последние два часа вы живете лишь постольку, поскольку это нужно Федерации Игр. И в частности — мне. Именно я настаивал предложить вам одну вещь. Мне препятствовала старая гвардия — такие вещи никогда не

делались. Но я настоял на своем. Так вот, ты спрашивал меня, кого ты можешь погубить, пробираясь с автоматом в руках. Один из тех, кого ты можешь погубить, буду я. Ричардс, вы удивлены?

— Пожалуй. Я-то думал, что ты — просто домашний ниггер.

Киллиэн откинул голову и захохотал, но смех его звучал принужденно — это был смех человека, поставившего на карту все и работавшего с большим напряжением.

— Излагаю суть дела, Ричардс. Лети на своем самолете в Хардинг. В аэропорту тебя будет ждать «Лимузин» от Федерации. Будет сообщено о твоей якобы казни. А ты вступишь в нашу команду.

Маккоун задохнулся от ярости:

— Ах ты, ублюдок черный!

Амелия Вильямс выглядела ошеломленной.

— Отлично, — сказал Ричардс. — Я хорошо знаю ваши штучки, но это здорово. Какой бы из вас, Киллиэн, получился продавец подержанных машин!

— Разве, судя по поведению Маккоуна, я выгляжу лжецом?

— Маккоун — одаренный актер. В аэропорту он так прекрасно пел и танцевал, что может рассчитывать на Оскара. — Ричардс был обеспокоен. Он припомнил, как Маккоун настаивал, чтобы Амелия принесла кофе, когда ему показалось, что он может взорвать «Ирландца», как Маккоун яростно и жестко противостоял ему, — все это не укладывалось в схему. Или укладывалось? Мысли цеплялись одна за другую. — Может, вы поступаете так без его ведома. Рассчитывая на то, что онотреагирует на руку вам.

Киллиэн сказал:

— Ваш номер с пластиковой взрывчаткой, мистер Ричардс, завершен. Мы знаем — *знаем* — что вы блефуете. А вот на этом столе есть маленькая красная кнопочка, и это не блеф. Через 20 секунд после того, как я ее нажму, ваш самолет будет уничтожен ракетами «земля-воздух» с ядерными боеголовками.

— «Ирландец» — это тоже не фальшивка, — сказал Ричардс. Но во рту его появился привкус крови. Обман выплывал наружу.

— Напротив. На «Дженерал Атомикс Локхид» — невозможно пронести пластиковую взрывчатку. И дело обошлось без сигналов тревоги. На самолете есть четыре отдельных детектора специально для поимки террористов. Пятый детектор установлен в парашюте, который вы попросили. Могу вам сообщить, что когда вы поднялись на борт, мы с большим интересом и трепетом наблюдали за сигнальными огнями контрольной башни аэропорта. Все как один думали, что «Ирландец» у вас есть. Вы нас так сильно в этом убедили, что нам казалось, что контрольная панель всего лишь подтвердит это. Мы испытали огромное облегчение, когда увидели, что лампы не загорелись. Я убежден, что у вас и не было возможностей добыть эту взрывчатку. Вам это раньше и в голову не приходило, пока вас не приперли к стенке. Ну, это уже не имеет значения.

Маккоун внезапно оказался у Ричардса за спиной.

— Ну, наконец-то, — сказал он, ухмыляясь. Наконец-то, я прострелю тебе башку, козел, — он приставил оружие к виску Ричардса.

...Минус 16 счет продолжается...

— Если ты это сделаешь, ты — покойник, — сказал Киллиэн.

Маккоун поколебался, отошел на шаг назад и с недоверием уставился на экран. Его лицо снова начало кривиться и сжиматься. Губы его двигались, безуспешно пытаясь исторгнуть звук. Когда это ему удалось, это был шепот, полный сдержанной ярости.

— Я его сейчас прикончу. Здесь. Сейчас. И мы все будем в безопасности. Мы...

Киллиэн устало произнес:

— Ты и сейчас в безопасности, чертов идиот. А схватить его может и Донахью, если это понадобится.

— Этот человек — преступник! — Маккоун заговорил громче. — На его совести — кровь офицеров полиции. Он повинен в авиационном пиратстве. Он... Он публично оскорбил меня и мое ведомство.

— Сядь на место, — сказал Киллиэн, и его голос был холоден, как пространство открытого космоса. — Пора тебе вспомнить, кто платит тебе жалованье, мистер Главный Охотник.

— Я обращаюсь к Президенту Совета! — Маккоун все больше разъярялся. Он брызгал слюной. — А тебя, черножопый, на куски изрубят после этого всего! Тебя, черного бездарного чертова сукина сына...

— Прошу вас бросить оружие на пол, — произнес новый голос. Ричардс оглянулся, пораженный. Это был штурман Донахью, он выглядел совершенно по-другому: хладнокровнее и ужаснее. Его салные волосы поблескивали в полутьме кабины. В руках у него был автоматический пистолет «Магnum-Спирнгстен», и он был направлен на Маккоуна. — Роберт С. Донахью, ветеран. Совет Федерации Игр. Брось пистолет на пол.

...Минус 15 счет продолжается...

Маккоун смерил его долгим взглядом, и швырнул оружие в толстый ковер.

— Ах ты...

— Все это мы уже слышали, — сказал Донахью — Возвращайся в салон второго класса и будь пайнкой.

Маккоун отступил на несколько шагов назад, издавая бессильное рычание. Он смотрел на Ричардса как вампир, осененный крестным знаменем, из допотопного фильма ужасов.

Когда он ушел, Донахью насмешливо поприветствовал Ричардса дулом пистолета и улыбнулся.

— Он больше не доставит вам хлопот.

— И все-таки ты похож на гомика, — упрямо произнес Ричардс.

Улыбочка Донахью улетучилась. Он с минуту пялился на Ричардса с неожиданной тупой неприязнью, а потом двинулся вперед.

Ричардс отвернулся к экрану. Он ощутил ровное бие-ние своего сердца. Он больше не задыхался, ноги его больше не подкашивались. Он адаптировался к угрозе смерти.

— Вы здесь, мистер Ричардс? — спросил Киллиэн.

— Да, я здесь.

— Проблема улажена?

— Да.

— Отлично. Вернемся к тому, о чем мы говорили.

— Валяйте.

Киллиэн вздохнул, уловив тон Ричардса.

— Я повторяю: мы знаем, что вы блефуете, и это усугубляет ваше положение, но скрепляет наш союз доверием. Понимаете, почему?

— Да, — отрешенно сказал Ричардс. — Это означает, что вы в любую минуту можете подстрелить эту птичку. Или приказать Холлоуэю посадить самолет в нужное место. А Маккоун ухлопает меня.

— Вот именно. Ты понимаешь, что нам известен твой блеф?

— Нет. Но вы поприличнее Маккоуна. Использовать слугу как ищейку — хороший ход.

Киллиэн засмеялся.

— Ах, Ричардс. Вы — то, что надо. Такая редкая, яркая птица. — И все же в его голосе слышалось усилие, напряжение, давление. Ричардс понял, что Киллиэну известно нечто такое, о чем ему очень не хотелось бы сообщать.

— Если у вас действительно была бы взрывчатка, вы бы вырвали кольцо, когда Маккоун приставил пистолет

к вашему виску. Вы же знаете, он хочет убить вас. А вы все еще сидели здесь.

Ричардс понял, что все позади, он понял, что им было известно. Его лицо искривилось усмешкой. Киллиэн смог бы это оценить. Он был человеком ясного и сардонического склада ума. Если хотят отыграться, пусть тогда заплатят сполна.

— Я не принимаю ваших условий. Если вы будете меня принуждать, все взлетит на воздух.

— А вы будете не вы, если не доведете это дело до конца. Мистер Донахью!

— Да, сэр. — Холодный, деловой голос Донахью почти одновременно возник и в переговорном устройстве, и с экрана Фри-Ви.

— Пожалуйста, вернитесь и заберите ридикюль миссис Вильямс из кармана мистера Ричардса. Ни в коем случае не причиняйте ему вреда.

— Слушаюсь, сэр. — Ричардс в ужасе припомнил, как в Управлении Игр делали копию с его карточки Идентификации.

Клик-клик-клик.

Вновь возник Донахью и направился к Ричардсу. Его лицо было спокойным, холодным и пустым. *Запрограммированным.* Это слово замелькало у Ричардса в мозгу.

— Не двигайтесь с места, прелесть моя, — остерег его Ричардс, легко переместив руку внутри кармана пальто. — В безопасности только те, кто на земле. А ты вместе с нами всеми отправишься на Луну.

Он подумал, что решительный шаг может хоть на секунду остановить его, и глаза его, казалось, чуть-чуть мигнули, выдавая неуверенность, и тут он вспомнил все опять. Кажется, он прогуливался по Котэ д'Азур, или подошел к тараторящему гомосеку, съезжившемуся в темной аллее.

Ричардс торопливо обдумывал, схватить ли ему парашют и бежать. Безнадежно. Бежать? Куда? Все пространство самолета кончалось мужским туалетом в конце третьего класса.

— Свидимся в аду, — печально произнес он и сделал рывок в кармане. На этот раз реакция была лучше. Не совсем такой, как нужно, но лучше. Донахью издал что-то вроде хрюканья и закрыл лицо руками, проделав древний, как мир, жест. Обнаружив, что он еще на этом свете, он опустил руки, смущенный и злой.

Ричардс вытащил из кармана своего грязного потрепанного пальто ридикюль Амелии Вильямс и швырнул его. Сумочка ударилась Донахью в грудь и шлепнулась к его ногам, как подстреленная птичка. Рука Ричардса была потной и скользкой. Она лежала на колене и казалась ему странной, белой и чужой. Донахью поднял сумочку, небрежно осмотрел ее и отдал Амелии. Ричардса это зрелище повергло в идиотски-печальное состояние. Как будто он потерял старого друга.

— Бум, — сказал он тихонько.

...Минус 014 счет продолжается...

— Твой парень очень неплох, — устало сказал Ричардс, когда Донахью снова удалился. — Я ожидал, что он дрогнет, но надеялся, что он наложит в штаны.

Он начал замечать в глазах странное двоение. Оно появлялось и проходило. Он осторожно потрогал бок. Рана снова неохотно затягивалась.

— Что на этот раз? — спросил он. — Вы установили камеры в аэропорту, чтобы каждый мог видеть, как этот сорвиголова получит все, что ему причитается?

— Ближе к делу, — мягко сказал Киллиэн. Его лицо было темным, непроницаемым. Если он что то и утаивал, то сейчас это находилось практически на поверхности. Ричардс знал об этом. И вдруг его снова наполнил ужас. Ему хотелось протянуть руку и выключить Фри-Ви. Не слышать этого больше. Он почувствовал, что внутренности его начинают медленно и ужасно дрожать — трястись

в буквальном смысле, по-настоящему. Но выключить экран он не мог. Ну, разумеется, не мог. Это ведь Свободное телевидение.

— Изыди, сатана, — хрипло сказал он.

— Что? — Киллиэн казался испуганным.

— Ничего. Выкладывайте, что там у вас.

Киллиэн молчал. Он взглянул на свои руки. Он снова поднял глаза. Ричардс ощущал до этого неведомую область в мозге, стонущую от дурных предчувствий. Ему казалось, что призраки бедняков и безымянных пьяниц, спящих в аллеях, зовут его по имени.

— Маккоун выдохся, — мягко произнес Киллиэн. — И ты это знаешь, потому что ты сам это сделал. Раздавил его, как яичную скорлупу. Мы хотим, чтобы ты занял его место.

У Ричардса, которому казалось, что он пересек ту черту, за которой уже ничто не могло потрясти его, отвисла челюсть от недоверчивого изумления. Наверняка это было ложью. Это должно было быть ложью. Однако Амелия теперь могла успокоиться. Им не было причин врать или внушать ему какие бы то ни было иллюзии. Он был один и ранен. А Маккоун и Донахью были вооружены. Одна пуля, пущенная ему в левый висок, и с ним все кончено, без шума, путаницы и суеты.

Вывод: Киллиэн говорил истинную правду.

— Да вы спятили, — пробормотал он.

— Нет. Ты — лучший «Бегущий», который когда-либо у нас был. А лучший бегущий должен обладать отменной наблюдательностью.

Раскрой хоть немного свои глаза и ты увидишь, что «Бегущий» придуман не только для удовольствия масс и избавления от опасных людей, но и еще кое для чего. Система работает бесперебойно, Ричардс, она всегда охотится за новыми, свежими талантами. Так и должно быть.

Ричардс пытался говорить, но ничего не мог вымолвить. Страх все еще находился в нем, и он ширился, рос, укреплялся.

— Еще никогда Главный Охотник не имел семьи, — наконец сказал он. — Ты должен знать, почему. Возможности для шантажа...

— Бен, — сказал Киллиэн с безграничной мягкостью, — твои жена и дочь мертвы. Они мертвы уже более десяти дней.

...Минус 013 счет продолжается...

Дэн Киллиэн говорил, судя по всему, еще какое-то время, но Ричардс слышал его лишь отдаленно, его голос искажался странным эхом в его сознании. Он будто находился в очень глубоком колоде и слышал чей-то далекий зов. Его разум стал окутываться полуночной тьмой, и тьма служила своего рода фоном для демонстрации слайдов из семейного альбома. Старый «Кодак» Шейлы, покачивающийся в залах супермаркетов, и отрывной блокнот под ее рукой. Мини-юбки, только что вновь вошедшие в моду. Две застывшие фигуры, сидящие в конце причала (вход свободный) спинами к камере и смотрящие на воду. Соединенные руки. Тонированная сепией фотография жениха в плохо сидящем костюме и невесты в надетом специально к этому случаю лучшем материнском платье, стоящих перед мировым судьей с большой бородавкой на носу. Они хихикали над этой бородавкой всю свою первую брачную ночь. Черно-белое фото потного, по пояс голого человека в просвинцованном фартуке, переключающего рычаги коробки передач мощного двигателя в похожей на огромный склеп подземной камере, освещаемой дуговыми лампами. Цветная фотография в мягких тонах (мягких затем, чтобы скрыть потрепанное, неприглядное окружение), изображающая женщину с большим животом, стоящую у окна и выглядывающую из-за рваной занавески, ожидающую, когда ее муж пройдет по улице, направляясь домой. Свет

мягкой кошачьей лапой лежит на ее щеке. Последняя картина: другая допотопная фотокарточка худого парня, высоко над головой держащего свою крошку-малышку, с выражением странной смеси триумфа и любви, лицо его растянuto в широкой победной улыбке. Картины начали вспыхивать все быстрее; проносясь мимо, они не приносили при этом никаких чувств: ни печали, ни любви, ни горечи утраты — ничего, кроме холодного новокаинового оцепенения.

Киллиэн убеждал его, что Система не имела никакого отношения к их смерти, это были несчастные случаи. Ричардсу казалось, что он верит ему — не только потому, что его рассказ слишком походил на вранье, чтобы на самом деле быть ложью, но потому, что Киллиэн знал, что если Ричардс согласится выполнять предложенную работу, первым местом, где он остановится будет Ко-Оп Сити, где один только час на улицах без промедления откроет ему правду.

Убийцы. Их было трое. («Или это уловка?» — мучительно спрашивал себя Ричардс. Ее голос по телефону звучал несколько таинственно, как будто она что-то скрывала). Они, вероятно, были застигнуты врасплох. Возможно, что они сделали какое-то угрожающее движение в сторону Кэти, а Шейла попыталась защитить дочь. Обе они умерли от колотых ран.

Последнее вывело его из оцепенения.

— Я по горло сыт этой чепухой! — взревел он внезапно. Амелия отступила назад и закрыла лицо руками. — Что произошло? Скажи, что произошло?!

— Я не могу сказать больше ничего. Твоей жене нанесли более шестидесяти ран.

— Кэти, — опустошенно сказал Ричардс, без всяких мыслей, и Киллиэн дрогнул.

— Бен, тебе нужно какое-то время, чтобы подумать обо всем этом?

— Да, да.

— Мне очень, очень жаль, парень. Я клянусь своей матерью, что мы ничего общего с этим не имеем. Если

бы этим занимались мы, то мы бы изолировали их от тебя, с правом посещения, если бы ты не возражал. Человек не может добросовестно работать на тех, кто уничтожил его семью. Мы это знаем.

— Мне нужно время для размышления.

— Как Главный Охотник, — мягко сказал Киллиэн, — ты сможешь уложить этих ублюдков в глубокую яму. И многих, таких как они.

— Я хочу подумать. До свидания.

— Я...

Ричардс протянул руку и погрузил Фри-Ви в темноту. Он сидел в кресле, как каменный. Его руки расслабленно свисали между колен. Самолет продолжал с гудением удаляться в темноту.

— Наконец, — подумал он. — Вот все и раскрылось. Все, до конца.

...Минус 012 счет продолжается...

*Прошел час.
И Морж сказал:
«Пришла пора
Подумать о делах
Потолковать о сургуچه
Капусте, королях
И почему, как суп в котле,
Кипит вода в морях».*

Картины пролетали в его голове. Стейси, Брэдли. Элтон Парракис со своим детским лицом. Кошмар бега. Поджигание газет в подвале ИМКА, той самой последней спичкой. Катящиеся и визжащие колесами автомобили с бензиновыми моторами, стэн-ган, плюющийся огнем. Кислый голос Лоулина. Лица этих двух ребятишек, юных агентов гестапо.

Ну, а почему бы и нет?

Его теперь ничего не связывало, а потому не было и никакой морали. Да и какая мораль может быть у освободившегося и покорившегося судьбе?

Насколько мудрым был Киллиэн, если он видел это, чтобы показать Ричардсу спокойно и с мягкой жестокостью, насколько тот одинок. Брэдли и его отравляющие воздух выбросы казались далекими, несуществующими, не имеющими никакого значения. Противогазы. Да, в свое время идея носовых фильтров казалось страшно важной. Ничего подобного.

Бедняки всегда будут с тобой.

Верно. Даже чресла Ричардса произвели еще один объект для убивающей машины. В конце концов бедняки адаптируются, мутируют. Их легкие выработают собственную фильтрующую систему через десять или пятьдесят тысяч лет, и тогда они поднимутся, сорвут искусственные фильтры и будут смотреть, как их хозяева корчась валяются на земле, захлебываясь в атмосфере, где кислород составляет лишь незначительную часть. Ну, а какое будущее ждет Бена Ричардса? Однако все это только лишь сопли.

Будет время беды. Они будут ждать его и готовиться к нему. Будет и ярость, и даже вспышки мятежей. Бесплодные попытки снова предать гласности намеренное отравление воздуха? Возможно. Они позаботятся об этом. Позаботятся и о нем, — предчувствуя время, когда он позаботится о них. Инстинктивно он чувствовал, что может сделать это. Он подозревал, что у него, возможно, есть некоторый талант для этой работы. Они помогут ему, излечат его. Лекарства и врачи. Изменяют его рассудок.

А потом будет мир. Причины разногласий будут вырваны с корнем.

Он страстно жаждал мира, подобно тому, как странник в пустыне жаждет воды.

Амелия Вильямс монотонно плакала в своем кресле, хотя все слезы уже давно должны были высохнуть. Его

мало интересовало, что станет с ней. Она не могла благополучно вернуться к мужу и детям в своем теперешнем положении. Она больше не та женщина, которая притормозила возле остановки и голова которой была заполнена мыслями о еде и приемах, клубах и стряпне. Она теперь тоже была помечена красным.

Ему казалось, что должны быть лекарства, курсы лечения, какие-то обследования. Место, где расходятся Пути — уколы совести за то, что выбран не тот путь. Мысленный карнавал в темно-коричневых тонах.

Он вдруг захотел подойти к ней, ободрить, сказать, что она не совсем сломлена, что одна таблетка транквилизатора приведет ее в порядок и она станет лучше прежней.

Шейла. Кэти.

Их имена приходили и повторялись снова, отдаваясь в ушах словно колокольный звон, словно слова, которые повторялись, пока они не потеряют всякий смысл.

Повторите-ка свое имя более пятидесяти раз и вы обнаружите, что вы — никто. Печаль была невыносимой. Он мог ощущать лишь расплывчатое чувство гнева и замешательства: они провели его, загнали, покуда он не выдохся, и вот теперь оказалось, что он в глубокой жопе. Он вспомнил мальчугана, учившегося с ним в начальной школе: у того свалились штаны, когда он давал Обет Верности.

Самолет продолжал гудеть. Он проспал три четверти часа. Картинки лениво появлялись и исчезали, все происшедшее было лишено всякой эмоциональной окраски.

Затем появилась последняя картинка из альбома: глянцеваая карточка 8×10, снятая унылым полицейским фотографом, вероятно, жевавшим резинку. Улика №3, господа присяжные! Избитое и изрезанное маленькое тельце в коляске, залитой кровью. Пятна и потеки на грубо оштукатуренных стенах и сломанная Матушка Гусыня на колесиках, купленная за десять центов. Большой, липкий сгусток на одноглазом плюшевом мишке.

Он внезапно проснулся, резко вскочил на ноги с широко открытым в безумном вопле ртом. Поток воз-

духа, вырывавшийся из легких, был настолько силен, что язык его трепетал, как парус. Все, абсолютно все с самого первого класса было неожиданно ясным, уныло-реальным, подавляющим, ужасным. Он обладало шероховатой подлинностью истерической бульварной газетной вырезки, как, например, фото Лоулина, которого вытаскивали из этого ангара в Топека. Все, абсолютно все было очень реальным, в кричащих рекламных цветах.

Амелия испуганно завизжала в унисон, съежившись в кресле, с глазами огромными, как треснувшие фарфоровые дверные ручки, пытаясь затолкать в рот весь кулак.

Донахью угрожающе двигался через проход с ружьем наперевес. Его глаза походили на маленькие, горящие от возбуждения черные бусинки.

— Что это? Что случилось? Маккоун?

— Нет, — сказал Ричардс, ощущая, что он спокоен настолько, чтобы его голос не звучал сдавленно и отчаянно. — Плохой сон. Моя девочка.

— О... — Глаза Донахью смягчились в притворном сочувствии.

Он не знал, как сделать это наилучшим образом. Возможно, он останется тупицей на всю жизнь. А может быть, он и научится. Он повернулся, чтобы уйти.

— Донахью?

Донахью осторожно обернулся.

— Я вас здорово напугал, не так ли?

— Нет. — Донахью отвернулся при этом коротком ответе. Его шея была в жирных складках. Его ягодички в обтягивающих голубых фирменных штанах были привлекательными, как у девушки.

— Я могу напугать вас еще больше, — заметил Ричардс, — я могу пригрозить, что сорву вашу кислородную маску.

Донахью удалился.

Ричардс устало прикрыл глаза. Глянцевая фотография 8×10 появилась снова. Открыл. Закрыл. Фотогра-

фия пропала. Он подождал, и, когда удостоверился, что она не вернется (тут же), открыл глаза и включил Фри-Ви.

Экран зажегся, и на нем появился Киллиэн.

...Минус 011
счет продолжается...

— Ричардс, — Киллиэн наклонился вперед, не делая ни малейших попыток замаскировать свое напряжение.

— Я решил принять ваши условия, — сказал Ричардс. Киллиэн откинулся и улыбнулся одними глазами.

— Я очень рад, — сказал он.

...Минус 010
счет продолжается...

— Господи, — сказал Ричардс. Он стоял на проходе в кабину пилота.

Холлоуэй обернулся.

— Привет.

Он говорил с кем-то, под названием Детерит Уор. Данинджер пил кофе. За сдвоенными пультами управления никто не наблюдал. Однако они поворачивались, откидывались и переключались так, как будто их трогали руки и ноги призраков. Стрелки качались. Лампочки мигали. Казалось, что продолжается непрерывная загрузка и выдача данных в компьютере — сама по себе.

— Кто ведет самолет? — спросил замороженный Ричардс.

— Отто, — сказал Данинджер.

— Отто?

— Отто — автопилот. Понял? Дешевый каламбур. — Данинджер вдруг засмеялся. — Рад видеть тебя в нашей

команде, дружище. Ты не поверишь, но нашим ребятам пришлось изрядно потрудиться, чтобы добраться до тебя.

Ричардс безразлично кивнул.

Холлоуэй прервал наступившую неловкую паузу.

— Отто тоже достает меня. Даже после двадцати лет знакомства с ним. Но он стопроцентно надежен. Правда, сложен, как черт. Рядом с ним любое из старых устройств выглядело бы, как... ну, как ящик с апельсинами рядом с Чиппендейловским бюро.

— В самом деле? — Ричардс всматривался в темноту.

— Да. Вы задаете ему ПН, пункт назначения, и Отто берется за дело, с помощью голосового радара, и так весь путь. Пилот не требуется, правда, не считая взлета и посадки. И в случае неприятностей.

— А многое ли вы сможете сделать, если случится неприятность? — спросил Ричардс.

— Мы можем помолиться, — сказал Холлоуэй. Возможно, он замыслил это как шутку, но в этой кабине это прозвучало со странной искренностью.

— Неужели эти колеса действительно управляют самолетом? — спросил Ричардс.

— Только движением вверх-вниз, — пояснил Данинджер. — Педали контролируют движение налево-направо.

— Это похоже на детский педальный автомобиль.

— Немногим более сложный, — сказал Холлоуэй. — Здесь просто чуть побольше кнопок, скажем так.

— А если у Отто крыша поедет?

— Ничего не случится, — сказал с ухмылкой Данинджер. — Если это и произойдет, ты просто возьмешь управление на себя. Но компьютер никогда не ошибается, приятель.

Ричардс хотел уйти, но вид вращающихся штурвалов, перемещающихся кнопок и педалей удерживал его. Холлоуэй и Данинджер вернулись к своим делам — непонятным цифрам и приемникам, в которых слышались фоновые электрические разряды.

Холлоуэй однажды обернулся, он казался удивленным тем, что Ричардс все еще здесь. Он усмехнулся и показал в темноту.

— Ты скоро увидишь Хардинг, скоро прибудем. Мы уже почти на месте.

— Когда же?

— Ты сможешь увидеть огни через пять или шесть минут.

Когда Холлоуэй обернулся в следующий раз, Ричардс уже ушел. Он сказал Данинджеру:

— Я буду очень доволен, когда мы приведем этого парня в чувство. Это просто привидение.

Данинджер угрюмо опустил голову; на его лице мелькали зеленые вспыхивающие отсветы от контрольных приборов.

— Ему не понравился Отто. Ты понял это?

— Я понял, — сказал Холлоуэй.

...Минус 009 счет продолжается...

Ричардс брел вниз по узкому коридору, где едва мог протиснуться человек. Фридмен, связист, не поднял глаз. Донахью тоже. Ричардс шагнул в переход и остановился.

Запах кофе был сильным и приятным. Он налил себе чашку, добавил немного сгущенных сливок и сел на одно из незанятых кресел для стюардесс. Кофейник фирмы «Силекс» булькал и пускал пар.

В прозрачных холодильных контейнерах находился полный набор роскошных замороженных блюд. Бар был уставлен крошечными бутылочками из тех, что предлагают в самолетах.

«Человек имеет право на хорошую выпивку», — подумал он. Он отхлебнул кофе. Кофе был крепкий и вкусный. Кофейник булькал.

«Я здесь», — подумал он и хлебнул. Да, без сомнения. Он был здесь, и он просто потягивал кофе.

Всю посуду аккуратно убрали. Раковина из нержавеющей стали, сияющая, как драгоценный камень в оправе. И, разумеется, этот «Силекс» на плите, булькающий и пускающий пар. Шейла всегда хотела такой. «Силекс» всегда с тобой, утверждала она, улыбаясь.

Он плакал.

На борту был крошечный туалет, где раньше мелькали попки стюардесс. Дверь была полуоткрыта и он мог видеть все, что было внутри, вплоть до голубой, тщательно продезинфицированной воды в бачке. Испражняйтесь со скромным комфортом на высоте 50000 футов.

Он допивал свой кофе, смотрел на то, как булькает и выпускает пар «Силекс», и плакал. Его плач был очень спокойным и совсем беззвучным. Плач и кофе закончились одновременно.

Он поднялся и опустил свою чашку в раковину из нержавеющей стали. Он поднял «Силекс», держа его за коричневую пластмассовую ручку, и тщательно вытряс кофе в отверстие стока. Маленькие бусинки пара оседали на толстом стекле.

Он вытер глаза рукавом куртки и вернулся в узкий коридор. Он переступил порог кабины Донахью, держа «Силекс» одной рукой.

— Ты не хочешь кофе? — спросил Ричардс.

— Нет, — коротко ответил Донахью, не подымая глаз.

— Разумеется, ты хочешь кофе, — сказал Ричардс, и с размаху опустил тяжелый стеклянный кофейник на опущенную голову Донахью, собрав все силы, на какие он был способен.

Напряжение заставило вновь открыться рану на его боку, однако кофейник остался цел. Ричардс подумал, не был ли он укреплен чем-нибудь (Витамин В-12, может быть?), чтобы он не разбивался в случае сильной качки. На кофейнике появилось огромное, просто невероятное пятно крови. Донахью молча повалился на стол, заваленный картами. Поток крови побежал по пластиковому покрытию верхней из них и уже начал капать на пол.

— Отвечайте, как слышно, С-1-9-8-4, — ясный голос раздался по радио.

Ричардс все еще держал «Силекс». Он был покрыт слоем волос Донахью.

Он бросил его, но звона не было. Даже здесь ковры. Стекланный пузырь «Силекс» выпучился на него, как мигающий, подернутый кровью глаз. Глянцевая фотокарточка Кэти в коляске неожиданно появилась вновь, и Ричардса передернуло.

Он поднял мертвую тушу Донахью за волосы и пошарил внутри его голубой летной куртки. Пушка была на месте. Он был готов уже бросить его обратно на стол, но что-то удержало его, и он поднял его еще выше. Нижняя челюсть Донахью безжизненно висела, рот сложился в идиотскую усмешку. Кровь капала в него.

Ричардс стер кровь с одной из ноздрей и заглянул внутрь.

И точно, там было что-то маленькое, очень маленькое. Мерцание фильтрующей сеточки.

— Сообщите приблизительное время прибытия, С-1-9-8-4, — голос из радио.

— Эй ты! — Фридман кричал через весь зал. — Донахью!

Ричардс захромал в проход. Он чувствовал невероятную слабость. Фридман смотрел вверх.

— Ты не скажешь Донахью, чтобы он поднял свой зад и ответил?

Ричардс попал в него как раз над верхней губой. Зубы разлетелись как разбитое дикарское ожерелье. Волосы, кровь, мозги расплескались (причудливыми пятнами) на стене позади кресла, где девушка на трехдолларовом плакате вытянула свои бессмертные ноги на полированной кроватной спинке из черного дерева.

Раздалось сдавленное восклицание из пилотского отсека, и Холлоуэй сделал отчаянный, обреченный прыжок, чтобы захлопнуть дверь. Ричардс заметил, что у того появился очень маленький шрам на лбу в виде вопросительного знака. Это был шрам типа того, что мог бы получить маленький мальчик, ищущий приключений, при падении с низкой скамейки, играя в летчика.

Он выстрелили Холлоуэю в живот и тот издал мощный потрясенный звук: «О!.. О!» Ноги выскользнули из-под него, и он упал лицом вниз.

Данинджер повернулся в своем кресле, лицо его напоминало дряблую луну.

— Не убивай меня, а? — сказал он. У него не хватило завода, чтобы превратить это в утверждение.

— Сейчас — мягко произнес Ричардс и нажал спусковой крючок. Что-то выскочило и зажглось с кратким неистовством позади Данинджера, когда тот упал.

Тишина.

— Отвечайте. Е-Т-А, С-1-9-8-4, — сказала радио.

Ричардса неожиданно вырвало и он выбросил из себя большой кусок кофе и желчи. Мышечное сокращение еще больше разорвало рану у него на боку, добавив сильную, стучащую боль.

Он захромал к пульту управления, где рычаги все еще опускались и скользили в бесконечном, сложном танце. Сколько циферблатов и кнопок!

Неужели они поддерживают непрерывную связь в течение такого важного полета? Разумеется.

— Отвечаю, — сказал Ричардс небрежно.

— У вас есть Фри-Ви на борту, С-1-9-8-4? У нас какие-то неполадки с передачей. Все нормально?

— Прием — вас понял, — ответил Ричардс.

— Скажи Данинджеру, что он должен мне одно пиво, — загадочно сказал голос, и затем остались только фоновые атмосферные разряды.

Отто вел авиобус.

Ричардс вернулся, чтобы закончить свое дело.

...Минус 007 счет продолжается...

— О, Боже, — Амелия Вильямс застонала.

Ричардс бегло осмотрел себя. Весь его правый бок, от ребер до бедра, был ярко и сверкающе красным.

— Кто бы подумал, что в старике окажется столько крови? — сказал Ричардс.

Маккоун неожиданно бросился в отделение первого класса. Ричардса он заметил с первого взгляда. Пушка Маккоуна была уже в воздухе. Он и Ричардс выстрелили одновременно.

Маккоун исчез за холстом, разделяющим первый и второй класс. Ричардс тяжело опустил голову. Он чувствовал страшную усталость. На животе у него появилась огромная дыра. Он мог бы разглядеть через нее свои внутренности.

Амелия кричала не переставая, ее руки оттягивали щеки вниз, превращая лицо в пластиковую ведьмину маску.

Маккоун шатаясь возвращался в первый класс. Он ухмылялся. Казалось, что половина его лица была снесена, но все же он ухмылялся.

Он выстрелил дважды. Первая пуля прошла у Ричардса над головой. Вторая ударила его под ключицу.

Ричардс выстрелил снова. Маккоун раскачался, закрутился вокруг себя в бестолковом варианте чечетки. Пистолет выпал у него из пальцев. Казалось, что Маккоун оценивает качество белого пластикового потолка в отделении первого класса, вероятно сравнивая его с его

собственным, во втором классе. Он упал. Запах пороха и горелого мяса был ясен и чист, как запах яблок в прессе для сидра.

Амелия продолжала кричать. Ричардс подумал, каким замечательно нормальным и здоровым казался ее голос.

...Минус 006 счет продолжается...

Ричардс поднялся очень медленно, удерживая свои внутренности на месте. Ощущение было такое, как будто бы кто-то зажигал спички у него в животе.

Он шел медленно вдоль прохода, нагнулся, одна рука на солнечном сплетении, как бы делая поклон. Он поднял парашют одной рукой и потащил его за собой. Кольцо серых кишок выскочило у него между пальцами, и он затолкал его назад. Это оказалось очень больно. Он смутно испытывал ощущение, как будто он срал собственными внутренностями.

— Боже, — стонала Амелия Вильямс. — Бо-Бо-Бо-Боже. О, Господи.

— Одевай это, — сказал Ричардс.

Она продолжала раскачиваться и стонать, не слыша его. Он бросил парашют и дал ей пощечину. Он не смог вложить в удар нужную силу. Он сложил кулак и ударил ее еще раз. Наконец она заткнулась. Ее глаза изумленно смотрели на него.

— Одевай это, — повторил он. — Как рюкзак. Понимаешь, как?

Она кивнула.

— Я. Не могу. Прыгать. Боюсь.

— Мы падаем. Ты должна прыгать.

— Не могу.

— Хорошо. Тогда я тебя застрелю.

Она выскочила из кресла, оттолкнув его, и начала натягивать парашютный мешок на себя с диким, лихора-

дочным усилием. Она отступала от него, одновременно боролась с застешками.

— Нет. Эта должна быть снизу.

Она переместила ремень с огромной скоростью, отступая в сторону тела Маккоуна, по мере того как Ричардс приближался. Кровь текла у него изо рта.

— Теперь застегни карабин на кольце. Вокруг. Твоего живота.

Она сделала это дрожащими пальцами, всхлипнув, когда у нее сорвалось в первый раз. Она смотрела безумными глазами ему в лицо.

Она немного поскользнулась в крови Маккоуна, затем перешагнула через него.

Они пробрались через второй класс в третий одним и тем же путем. Спички у него в животе сейчас заменила ровно горящая зажигалка.

Запасной выход был закрыт пироболтами и рычагом, управляемым пилотом. Ричардс протянул ей пистолет.

— Стреляй в дверь. Я...не выдержу отдачи.

Закрыв глаза и отвернув лицо, она дважды нажала спусковой крючок пистолета Донахью. Магазин опустел. Дверь оставалась закрытой, и Ричардс почувствовал вялое болезненное отчаяние. Амелия Вильямс нервно вертела в пальцах парашютное кольцо, дергая его слабыми рывками.

— Может быть... — начала она, но дверь неожиданно распахнулась в ночь, вытянув Амелию наружу вместе с собой.

...Минус 005
счет продолжается...

Согнувшись пополам, как человек идущий в урагане, Ричардс подвигался от выбитой двери, держась за спинки кресел. Если бы они летели выше, где разность давлений

больше, его бы также выбросило потоком воздуха. Но и сейчас ему пришлось выдержать сильный удар выходящего воздуха, его несчастные кишки связками вырвались наружу и сейчас волочились за ним по полу. Прохладный ночной воздух, разряженный и резкий на высоте 2 тысяч футов, был как ушат холодной воды. Зажигалка превратилась в факел, внутри у него все пылало.

Через 2-й класс. Лучше. Ветер не так силен. Сейчас через распростертое тело Маккоуна (пожалуйста, переступай) и через первый класс. Кровь свободно текла у него изо рта.

Он остановился на входе в служебный отсек и попытался собрать внутренности. Он знал, что снаружи им не нравится. Нисколько. Они становятся грязными. Ему захотелось заплакать над своими бедными, хрупкими внутренностями, которые никогда не просили ничего подобного.

Он не смог упаковать их обратно внутрь. Ничего не выходило, они все перепутались. Пугающие картинки из школьных учебников по биологии промелькнули у него перед глазами. Перед ним забрезжила убийственная истина — истина его собственной предстоящей смерти, и он отчаянно закричал, выплевывая сгустки крови. Но, прислонившись к дверному проходу, как пьяный к фонарному столбу, он увидел, что предметы вокруг него закрываются за движущимся предсмертным затемнением.

Все. Я умираю.

Он закричал вновь, возвращая мир назад в мучительный фокус. Не сейчас. Я не должен.

Он рванулся в кабину пилота, кишки канатами свисали вокруг него. Удивительно, как много их умещалось внутри. Таких круглых, плотных, тщательно заполненных.

Он наступил на какую-то часть, которая принадлежала ему, и что-то внутри потянулось. Вспышка боли была за пределами понимания, за пределами мира, и он закричал, расплескивая кровь на дальней стене. Он потерял равновесие и упал бы, не останови его стена под углом 60°.

Ранение в живот. Я ранен в живот.

Его сознание ответило на это безумными щелчками. Осталось сделать только одну вещь.

Предполагалось, что ранение в живот — это одно из худших. Когда-то на полуночном обеденном перерыве они спорили о худшем способе окончить свои дни; это было, когда он еще был сопляком. Здоровые и сильные, полные жизни, крови и вечного дерьма, они, глотая сэндвичи, сравнивали относительные достоинства радиационного облучения, замерзания, падения с высоты, удара кинжалом. И кто-то упомянул ранение в живот. Харрис, может быть. Толстяк, который пил запрещенное на работе пиво.

«Это очень больно», — сказал Харрис и это занимает много времени. И все они кивнули и торжественно согласились, хотя никто из них понятия не имел о боли.

Ричардс заковылял вверх по узкому коридору, держась за обе стены, чтобы не упасть. Мимо Донахью. Мимо Фридмана и его радикальной зубной операции.

Онемение кралось вдоль его рук, и боль в животе (в том, что было раньше животом) становилась сильнее. И все же, несмотря на все это, он двигался, и его развороченное тело пыталось выполнить команды безумного Наполеона, запертого внутри его черепа.

Господи, неужели все кончено с Рико?

Он не поверил бы, что у него в мозгу столько образов, которые он мог бы вспомнить в свой смертный час. Казалось, что его мозг сворачивается в комок, пожирая себя в эти последние лихорадочные секунды.

Еще. Одна Вещь.

Он упал на тело Холлоуэя и лежал на нем, внезапно чувствуя, что засыпает. Немного поспать. Да. Лишь минутку. Слишком тяжело подняться. Отто, мурлыкающий что-то, напевал укачивающую, усыпляющую колыбельную. Ш-ш-ш. Овечки на лужайке, корова в поле.

Он поднял голову — невероятное усилие: его голова была стальной, чугунной, свинцовой — и посмотрел на сдвоенные рычаги управления, продолжающие свой та-

нец. За ними в плексигласовом иллюминаторе Хардинг, слишком далеко.

Он на сеновале, в глубоком сне.

...Минус 004
счет продолжается...

Радио беспокойно выкрикивало:

— С-1-9-8-4, вы слышите меня. Вы идете слишком низко. Отвечайте. Отвечайте. Нужно ли нам включать Контроль управления? Отвечайте. Отвечайте. Отв...

— Заткнись, — прошептал Ричардс.

Он начал ползти к ныряющим, раскачивающимся рычагам управления. Педали опускались и поднимались. Рули щелкали. Он закричал, почувствовав новую вспышку жуткой боли. Петля кишок зацепилась за подбородок Холлоуэя. Он пополз назад. Освободил их. Снова полз.

Его руки ослабли и некоторое время он поплыл в невесомости, уткнувшись носом в мягкий ворсистый ковер. Он оттолкнулся от пола и вновь пополз.

Забраться в кресло Холлоуэя было все равно, что подняться на Эверест.

...Минус 003
счет продолжается...

Это здесь. Огромный, квадратичный и выпирающий в ночное небо силуэт. Лунный свет сделал его похожим на мраморный.

Ричардс немного повернул штурвал. Пол упал влево. Ричардса бросило в сторону, и он едва не вывалился из

кресла. Он повернул штурвал назад, но слишком резко, и пол наклонился вправо. Горизонт шатался как сумасшедший.

Теперь педали. Так. Уже лучше.

Он осторожно толкнул штурвал от себя. В одно мгновение цифры на циферблате перед его глазами изменились от 2000 до 1500. Он отпустил штурвал. Еще немного, и он уже ничего не будет видеть. Правый глаз уже практически отключился. Странно, что глаза отключаются поодиночке.

Он вновь надавил на штурвал. Сейчас казалось, что самолет плывет в невесомости. Цифры на датчике скользили с 1500 на 2000 и даже до 900. Он потянул штурвал назад.

— С-1-9-8-4, — сейчас голос был очень встревоженным — Что случилось? Отвечайте!

— Поори еще, приятель. — прохрипел Ричардс.

...Минус 002 счет продолжается...

Огромный самолет шел своим курсом через ночь, как осколок льда, и сейчас Ко-Оп Сити раскинулся под ним как груда разломанных картонных коробок.

Он шел на него, прямо на Здание Игр.

...Минус 001 счет продолжается...

Сейчас огромный ревуший самолет пересекал пролив, вероятно, поддерживаемый в воздухе рукой Господа. Какой-нибудь свихнувшийся наркоман, стоящий в двер-

ном проеме, смотрел вверх и думал, что перед ним галлюцинация, последнее наркотическое видение, спускающееся, чтобы унести его на Главные атомные небеса, наверное, где еда бесплатна, и под каждой кучей скрывался термоядерный реактор.

Рев моторов заставлял людей выбегать из дверей, их лица тянулись вверх, как бледные языки пламени. Витрины магазинов звенели и обрушивались внутрь. Ветер, поднятый самолетом, гнал мусор по сточным канавам в сторону трущоб. Полицейский выронил свою рацию и, закрыв голову руками, кричал и не слышал своего крика.

Самолет продолжал падать, и сейчас он двигался над крышами как парящая серебряная летучая мышь, его правое крыло прошло мимо магазина Триумфальная Колонна в каких-то 12 футах. Повсюду над Хардингом передачи Фри-Ви прекратились из-за экранирования, и жители смотрели на молочно-белые экраны с тупой, боязливой недоверчивостью.

Гром заполнил мир.

Киллиэн оторвался от своих бумаг и посмотрел в огромное окно, которое являлось одной из стен его кабинета.

Мерцающая панорама города от Южного Города до Полумесяца исчезла. Все окно занимал приближающийся реактивный самолет «Локхид-Тристар». Его бортовые огни загорались и гасли, и только одно мгновение, одно безумное мгновение, Киллиэн, к своему ужасу и удивлению, смог разглядеть Ричардса, смотрящего на него. Его лицо было измазано кровью, его черные глаза горели дьявольским огнем.

Ричардс улыбался.

И грозил ему пальцем.

— Господи, — это было все, что успел вымолвить Киллиэн.

...000...

Слегка накренившись, «Локхид» намертво врезался в Здание Игр на высоте трех четвертых от полной высоты здания. Его баки были еще более чем на четверть полны. Его скорость была чуть больше 500 миль в час.

Взрыв невероятной силы осветил ночь, как гнев Божий, и огненный дождь обрушился на город.

МЕТОД ДЫХАНИЯ

МЕТОД ДЫХАНИЯ

I. Клуб

Возможно, в этот снежный и ветреный вечер 23 декабря 197... года я оделся чуть быстрее, чем обычно. Я подозреваю также, что и другие члены клуба сделали то же самое. В ненастные вечера в Нью-Йорке очень трудно поймать такси, и я заказал машину по телефону. Я сделал заказ в пять тридцать на восемь часов, и моя жена удивленно подняла брови, но ничего не сказала. Без четверти восемь я уже стоял под козырьком подъезда нашего дома на 58 Ист-Стрит, где мы жили с Эллен с 1946 года. В пять минут девятого такси еще не было, и я поймал себя на том, что в нетерпении мечусь вверх-вниз по ступенькам.

Машина приехала в десять минут девятого. Я влез в такси, довольный, что наконец укрылся от ветра, но в то же время злясь на водителя, как, по-видимому, он того заслуживал. Этот ветер, пришедший вчера вместе с фронтом холодного воздуха из Канады, свистел и завывал вокруг машины, заглушая шум водительского радио и раскачивая антенну. Большинство магазинов было еще открыто, однако на тротуарах почти не было видно запоздалых покупателей. Те же, кто решился выбраться из дома, выглядели как-то неуютно или даже болезненно.

Весь день непогодилося, и теперь снова повалил снег — сначала тонкой завесой, а затем плотными вихревыми потоками, кружившимися впереди нас. Возвратясь домой сегодня, я наверняка буду вспоминать об этом сочетании снега, такси и Нью-Йорка с еще большим чувством

дискомфорта. Впрочем, никто не знает заранее, что будет потом.

На углу Второй и Сороковой улицы большой рождественский колокольчик из фольги пролетел над перекрестком словно привидение.

«Жуткий вечер, — сказал водитель. — Завтра в морге окажется еще пара десятков трупов. Алкашей да нескольких грязных шлюх».

«Вполне возможно»

Таксист задумался. «Ну что ж, это даже к лучшему, — сказал он наконец. — Меньше расходов на пособия, разве нет?»

«Ваше рождественское милосердие, — ответил я, — просто поразительно».

Таксист задумался. «Вы что, один из этих слюнявых либералов?» — спросил он через некоторое время.

«Я отказываюсь отвечать на том основании, что мой ответ может быть использован против меня», — сказал я. Таксист фыркнул, что должно был означать: «Ну почему мне всегда везет на всяких умников?», но больше ничего не добавил.

Я вышел на пересечении Второй и Тридцать пятой и прошел пол-квартала вниз до клуба, навстречу завывающему ветру, нагнувшись и придерживая шляпу одетой в перчатку рукой. Как никогда раньше, моя жизненная сила сжалась где-то глубоко в моем теле до размеров маленького дрожащего огонька в газовой колонке. В семьдесят три человек ощущает холод быстрее и глубже. В таком возрасте лучше сидеть дома перед камином, или, по крайней мере, у электрического обогревателя. В семьдесят три воспоминания о горячей крови — это скорее не воспоминания, а академический отчет.

Снегопад утихал, но сухой, как песок, снег все еще хлестал меня по лицу. Я обрадовался, увидев, что ступени, ведущие наверх к двери 249Б, были посыпаны песком. Конечно, работа Стивенса — он достаточно хорошо знал древнюю алхимию: кости превращаются не в золото, а в стекло.

Стивенс был там, он стоял, распахнув дверь, и через мгновение я оказался внутри. Через обшитый красным деревом холл и двойные двери, распахнутые на три четверти, на рельсах, я поспешил вниз, в библиотеку с читальней и баром. Это была темная комната, где светились лишь случайные островки — читальные лампы. На дубовом паркете лежал отблеск более густого света, и я слышал потрескивание березы в огромном камине. Тепло разливалось по всей комнате. Рядом сухо и слегка нетерпеливо зашуршала газета. Это, наверное, Йохансен, со своим «Уол Стрит Джорнал». И через десять лет можно было бы узнать о его присутствии по тому, как он читал свои газеты. Занятно, если не сказать, удивительно.

Стивенс помог мне снять пальто, бормоча что-то об ужасном вечере: прогноз обещал сильный снегопад до утра.

Я согласился с тем, что вечер выдался действительно ужасный, и огляделся на эту большую с высокими потолками комнату. Ненастный вечер, потрескивающий огонь и... история о духах. Я сказал, что в семьдесят три горячая кровь — это уже в прошлом? Может быть, это и так. Но я почувствовал тепло в груди от чего-то иного, не связанного с огнем или радушностью Стивенса.

Я думаю, это было потому, что настала очередь Маккэррона рассказывать историю.

Я прихожу в это здание из коричневого камня на Восточной Тридцать пятой улице вот уже десять лет, через почти регулярные промежутки времени. В моих мыслях я называю его «клуб джентльменов» — забавный анахронизм времен еще до Глории Стайнем. Но даже сейчас я не знаю, ни что он на самом деле такое, ни как он возник.

В ту ночь, когда Эмлин Маккэррон рассказал свою историю о методе дыхания, только шестеро из нас — в клубе тогда насчитывалось всего одиннадцать членов — выбрались из дома в непогоду. Я вспоминаю годы, когда в клубе могло состоять лишь восемь постоянных членов, но бывали времена, когда их было, по крайней мере, двадцать, а то и больше.

Я полагаю, Стивенс мог знать, как все это возникло, и я уверен, что он был там с самого начала, сколько бы лет с тех пор не прошло. И я верил, что Стивенс был старше, чем он выглядел. Намного старше. Он говорил со слабым бруклинским акцентом, но несмотря на это он был агрессивно корректен и пунктуален, как английский дворецкий третьего поколения. Его сдержанность была частью его обаяния, а его маленькая улыбка — закрытой и запечатанной дверью. Я никогда не видел никаких клубных записей, если он хранил их. Никто не говорил мне об обязанностях, — здесь не было обязанностей. Мне ни разу не позвонил секретарь — здесь не было секретаря. И в 249Б на 35 Ист-Стрит нет телефонов. Не было и коробки с мраморными черными и белыми шарами. И, наконец, у клуба — если это клуб — никогда не было названия.

Впервые я попал в клуб (как я должен его теперь называть) как гость Джорджа Уотерхауза. Он возглавлял адвокатскую фирму, в которой я работал с 1951 года. Мое продвижение на фирме — одной из трех крупнейших в Нью-Йорке — было стабильным, но крайне медленным. Я трудился, как мул, но у меня не было настоящих способностей. Я знаю людей, которые начинали с моей помощью и делали гигантские скачки, в то время как я продвигался медленным шагом. Я наблюдал за всем этим без особого удивления.

За все время до того дня, когда Уотерхауз зашел ко мне в офис в начале ноября, мне довелось лишь обменяться с ним парой любезных фраз, посещать вместе обязательный банкет, устраиваемый фирмой ежегодно в октябре и встречаться чуть чаще накануне спада 196... года.

Этот визит был столь необычным, что у меня возникли неприятные мысли об увольнении, равно как и надежды на неожиданное продвижение. Уотерхауз стоял у двери, облокотившись о косяк, со своим сверкающим значком общества Фи-Бета-Капа на пиджаке и говорил вежливые общие фразы — ничего из того, что он сказал, не имело какого-то значения. Я ждал, когда он закончит с любезностями и перейдет к делам: «Да, по поводу этой справки

Кейси» или «Нас попросили расследовать назначение мэром Салковича на...» Но, казалось, дел никаких и не было. Он посмотрел на часы и сказал, что ему была приятна наша беседа и что ему надо идти.

Я все еще не мог прийти в себя от растерянности, когда он повернулся и обронил: «Есть место, которое я посещаю по вечерам в большинство вторников — что-то вроде клуба. В основном старые дурни, но некоторые из них могут составить неплохую компанию. У них запас превосходных вин, если вы ценитель. Время от времени кто-то из них рассказывает хорошую историю. Почему бы вам не пойти как-нибудь вечером туда, Дэвид? Как мой гость».

Я пробормотал что-то в ответ и до сих пор я не уверен, что я тогда сказал. Я был смущен этим предложением. Казалось, что оно было сделано под влиянием минуты, но его холодно-голубые англосаксонские глаза под густыми завитками бровей явно говорили о другом. И если я не могу вспомнить точно, что я ответил на это загадочное предложение, то только потому, что в тот момент неожиданно понял, что нечто подобное я и ожидал от него все это время.

В тот вечер Эллен восприняла эту новость с любопытством, переходящим в раздражение. Я работал с Уотерхаузом, Карденом, Лаутоном, Фрейзером и Эффингемом уже около пятнадцати лет, и было понятно, что я уже не мог надеяться занять более высокое положение в фирме. Эллен же сочла, что таким образом фирма нашла более дешевый способ моего вознаграждения за службу.

«Старики, собирающиеся, чтобы рассказать истории о войне или поиграть в покер, — сказала она. — Предполагается, что ты будешь проводить счастливые вечера в библиотеке, пока они не отправят тебя на пенсию... Да, я приготовлю тебе виски со льдом». Она нежно меня поцеловала. Бог знает, что Эллен прочитала на моем лице, но она преуспела в этом за все те годы, что мы прожили вместе.

Ничего не произошло в последующие недели. Когда я мысленно возвращался к необычному предложению

Уотерхауза — воистину необычное, ибо оно исходило от человека, с которым я встречался не чаще двенадцать раз в году и которого я видел в обществе от силы на трех приемах или вечеринках, включая банкет фирмы в октябре, — мне начинало казаться, что я неправильно истолковал выражение его глаз, и что он действительно пригласил меня случайно и забыл об этом. Или даже сожалел, что так поступил. Но вскоре он зашел ко мне как-то уже под вечер. Хотя ему было уже за семьдесят, он все еще выглядел атлетически. Он спросил: «Если вы по-прежнему не прочь выпить что-нибудь в клубе, не хотите ли прийти сегодня?»

«Хорошо... Я...»

«Прекрасно. — Он вложил мне в руку листок бумаги. — Здесь адрес».

Он ждал меня у входа в клуб в тот вечер, и Стивенс открыл нам дверь. Вино было превосходно, как и обещал Уотерхауз. Он не сделал ни малейшей попытки представить меня присутствующим — сначала я счел это проявлением снобизма, но потом отбросил эту мысль. Но двое или трое сами представились мне. Одним из них оказался Эмлин Маккэррон, тогда ему было под семьдесят. Он протянул руку, и мы обменялись коротким рукопожатием. Его кожа была сухой и жесткой, почти как у черепахи. Он спросил меня, играю ли я в бридж. Я ответил, что не играю. «Дьявольски хорошая штука, — сказал он. — Эта проклятая игра сделала больше, чтобы убить интеллектуальную беседу после ужина, чем что-либо другое в этом веке». С этими словами он удалился в полумрак библиотеки, где полки с книгами, казалось, уходили в бесконечность.

Я поискал глазами Уотерхауза, но он исчез. Чувствуя себя немного не в своей тарелке, я подошел к камину. Как я, по-моему, уже упоминал, он был огромных размеров, особенно для Нью-Йорка, где квартиросъемщики вроде меня с трудом могли себе представить подобную роскошь, служащую для чего-то большего, чем приготовление воздушной кукурузы и поджаривание хлеба. Камин в 249Б

на 35 Ист-Стрит был достаточно большим, чтобы зажарить в нем быка. Вместо каминной доски его обрамляла каменная арка. Ее центральный камень немного выступал, он находился как раз на уровне моих глаз, и даже при таком слабом свете я без труда смог прочитать вырезанную на нем надпись: ЭТО САМ РАССКАЗ, А НЕ ТОТ, КТО ЕГО РАССКАЗЫВАЕТ.

«Вот вы где, Дэвид, — сказал Уотерхауз за моим плечом, и я вздрогнул. Он вовсе не бросил меня, а только отлучился ненадолго куда-то, чтобы принести напитки. — Вы предпочитаете скотч с содовой, не так ли?».

«Да. Спасибо, мистер Уотерхауз».

«Джордж, — сказал он. — Здесь просто Джордж».

«Хорошо, Джордж, — произнес я, хотя мне показалось немного безумным называть его по имени. — Откуда все...»

«На здоровье», — сказал он.

Мы выпили.

«Стивенс держит бар. Он делает превосходные напитки. Он любит говорить, что это не бог весть какое, но очень полезное умение».

Виски притупило мое чувство растерянности и неловкости (но только притупило, а не развеяло полностью — я провел полчаса, рассматривая мой гардероб и раздумывая, что же надеть. В итоге я выбрал темно-коричневые широкие брюки и грубый твидовый пиджак, надеясь, что мне не придется быть в окружении людей в смокингах или в джинсах и спортивных рубашках. И, похоже, я не очень-то ошибся в выборе). В новой обстановке всегда очень остро ощущаешь все, что происходит вокруг, пусть даже самые незначительные события. И в тот момент, держа виски и сэндвич в руках, я очень хотел быть уверенным, что ничего не ускользнуло от моего внимания.

«Здесь имеется книга для гостей, где я должен расписаться? — спросил я. — Что-то вроде этого?»

Он выглядел удивленным. «У нас нет ничего подобного, — сказал он. — По крайней мере, я так полагаю». Он обвел взглядом затемненную тихую комнату. Иохансен

зашуршал своим Уол Стрит Джорнал. Я увидел как Стивенс проскользнул в дверь на другом конце комнаты, словно привидение в своем белом пиджаке. Джордж поставил свой виски на край стола и подбросил полено в огонь. Искры взвились вверх по черной каминной трубе.

«Что это означает? — спросил я, указывая на надпись на камне. — У вас есть какие-нибудь соображения?». Уотерхауз внимательно прочел ее, будто видел впервые. **СЕКРЕТ В РАССКАЗЕ, А НЕ В РАССКАЗЧИКЕ.**

«Думаю, у меня есть одна идея, — сказал он. — У вас тоже может быть появится, если вы придете снова. Да, я бы сказал, что у вас может появиться идея или две. В свое время. Желаю приятно провести время, Дэвид».

Он удалился. Хотя это может показаться странным, но, предоставленный самому себе в совершенно незнакомой обстановке, я действительно приятно проводил время. Для начала, я всегда любил книги, а здесь было много интересных книг. Я медленно проходил вдоль полок, рассматривая корешки книг, насколько это было возможно при таком слабом освещении, вытаскивал то одну, то другую, а потом остановился у узкого окна, над перекрестком на Второй Авеню. Я стоял и смотрел через покрытое инеем стекло на огни светофора у перекрестка, переливающиеся от красного к зеленому, янтарному и снова к красному, и неожиданно почувствовал, как необычное чувство покоя постепенно наполняет меня. О, да, я знаю, что вы скажете: какой глубокий смысл — глазеть на огни светофора и ощущать чувство покоя.

Вы правы, в этом нет никакого смысла. Но это чувство действительно было. Оно заставило меня подумать впервые за многие годы о зимних вечерах в Висконсине, на ферме, где я вырос. Я вспомнил, как я лежал наверху, в недостроенной комнате, дивясь контрасту между свистящим январским ветром снаружи, гнавшим сухой, как песок, снег вдоль ограды, и теплотой моего тела, укрытого двумя стегаными одеялами.

На полках стояли книги по юридическому праву с довольно странными названиями. Я запомнил одно из них:

«Двадцать случаев расчленения и их последствия в свете английского закона». Другой книгой, привлечшей мое внимание, была «Случаи с домашними животными». Я открыл ее — это было учебное пособие по юридической практике (на этот раз речь шла об американском законе) в отношении специфических случаев с животными — от кошек, унаследовавших большую сумму денег, до оцелота, который порвал цепь и сильно ранил почтальона.

Я увидел также собрания Диккенса, Дефо и Троллопа и одиннадцать романов автора по имени Эдвард Грей Севиль. Их обложка была обтянута красивой зеленой кожей, а издательская фирма называлась «Стэдхем и Сын» — надпись была вытеснена золотыми буквами. Я никогда не слышал о Севиле и его издателях. Первый роман «Это были наши братья» был издан в 1911 году. Последний, «Нарушитель», в 1935.

Двумя полками ниже находился большой фолиант с инструкциями для любителей всякого рода конструкторов. Рядом стояла не меньших размеров книга со сценами из знаменитых фильмов. Каждая картинка занимала целую страницу, на противоположной стороне которой можно было прочитать написанные белым стихом стихотворения, посвященные этим сценам. Не очень-то удачная идея, но авторы этих стихов были неординарны: Роберт Фрост, Мариан Мур, Уильям Карлос Уильямс, Уоллас Стивенс, Луис Зуковски, Эрика Йонг. В середине книги я нашел стихотворение Алджернона Уильямса рядом со знаменитой фотографией Мэрилин Монро, где она стоит на решетке метрополитена, стараясь опустить вздувшуюся вверх юбку. Стихотворение называлось «Колокольный звон» и начиналось так:

*Форма ее юбки,
как мы сказали,
напоминает колокол.
Ее же ноги — его язык*

И в том же духе. Не совсем ужасное стихотворение, но далеко не лучшее из того, что написано Уильямсом.

Я имел право на подобное мнение, поскольку я многое читал у Уильямса. Но несмотря на это, я не мог вспомнить этих строк о Мэрилин Монро (даже без фотографии понятно, что речь идет о ней, так как в конце Уильямс пишет: «Мои ноги выстукивают мое имя: «Мэрилин, та belle»). Я искал это стихотворение позже и не мог найти, что ни о чем не говорит, конечно. Стихотворения не похожи на романы или узаконенные мнения, они больше напоминают сорванные ветром листья, и любой объемистый сборник, названный Полным собранием того-то или того-то, не является таковым. У стихотворений есть свойство теряться в каком-нибудь укромном месте, и в этом — часть их очарования и одна из причин того, что они сохраняются. Но...

Откуда-то появился Стивенс с новой порцией виски (к этому моменту я устроился в кресле с томиком Эзры Паунда в руках). На вкус оно было ничуть не хуже первого. Пока я потягивал его, я увидел, что двое из присутствующих — Джордж Грегсон и Гарри Стайн (Гарри уже шесть лет как умер в ту ночь, когда Эмлин Маккэррон рассказал нам историю о методе дыхания) — покинули комнату через маленькую дверь, не болееそろка двух дюймов высотой. Это была дверца, через которую Алиса попала в нору кролика, если там вообще была какая-то дверца. Они оставили ее открытой, и вскоре после их необычного отбытия из библиотеки я услышал стук бильярдных шаров.

Подождал Стивенс и спросил, не хочу ли я еще виски. С чувством сожаления я отказался. Он кивнул: «Очень хорошо, сэр». Его лицо сохраняло неизменное выражение, но все же у меня появилось смутное ощущение, что я ему понравился. Смех оторвал меня от книги спустя некоторое время. Кто-то бросил пакетик с химическим порошком в огонь, и пламя стало разноцветным. Я снова подумал о своем детстве, но без тени ностальгического романтизма. Я почувствовал, что необходимо подчеркнуть это, бог

знает почему. Я подумал о том времени, когда я ребенком делал то же самое. Но в этом воспоминании не было места для грусти.

Я заметил, что все остальные сдвинули кресла в полукруг рядом с камином. Стивенс приготовил дымящееся блюдо превосходных сосисок. Гарри Стайн вернулся через «кроличью» дверь. Грегсон остался в бильярдной комнате, тренируя удар, судя по звукам.

После некоторого колебания я присоединился к ним. История, которую я услышал, была не слишком занимательная. Ее рассказал Норман Стет. Я не хочу пересказывать эту историю, но для того, чтобы сделать вывод о достоинствах или недостатках, достаточно будет сказать, что речь в ней шла о человеке, который утонул в телефонной будке.

Когда Стет, которого уже тоже нет в живых в настоящий момент, завершил свое повествование, кто-то сказал: «Вы должны были бы приберечь эту историю для рождества, Норман». Раздался смех, смысл которого я конечно же не понял. По крайней мере в тот вечер.

Тогда свой рассказ начал Уотерхауз. Такого Уотерхауза я не смог бы представить себе никогда, сколько бы не пытался. Выпускник Йельского университета, член почетного общества Фи-Бета-Капа, седовласый, одетый в тройку, глава столь крупной юридической фирмы — и этот самый Уотерхауз рассказывал историю про учительницу, которая застряла в туалете. Туалет располагался сзади одной из классных комнат, где она преподавала. Однажды она застряла в одной из дырок, и так случилось, что в этот день туалет должны были увезти на выставку «Жизнь, как она есть в Новой Англии» в Бостоне. «Учительница не произнесла ни звука все время, пока туалет загружали на платформу грузовика, она оцепенела от отчаяния и ужаса», — сказал Уотерхауз. И когда дверь туалета распахнулась на автостраде 128 в Сомервилле, в самый разгар часа пик...»

Впрочем, оставим эту историю и все другие, которые могли бы последовать за ней. Это не мои истории сегодня

вечером. Стивенс достал откуда-то бутылку бренди, настолько хорошего, что в это трудно было поверить. Йохансен поднял тост, который мог бы произнести любой из нас: «За сам рассказ, а не за того, кто его рассказывает».

Мы выпили за это.

Чуть позднее собравшиеся стали расходиться. Было не слишком поздно, по крайней мере, еще не полночь, но, когда вам шестой десяток, поздно наступает все раньше и раньше. Я увидел Уотерхауза, надевающего пальто с помощью Стивенса, и решил, что мне тоже пора уходить. Мне показалось странным, что Уотерхауз может удалиться, не сказав мне хотя бы одного слова на прощанье (и было похоже, что именно так он и поступит; ведь если бы я возвратился из библиотеки, где ставил взятую мною книгу на место, сорока секундами позже, он бы уже ушел), хотя это было бы не более странным, чем многое другое, что я увидел за этот вечер.

Я вышел из клуба сразу вслед за ним, и Уотерхауз огляделся вокруг, как будто был удивлен, увидев меня, или испуган, как человек, очнувшийся от дремоты. «Поедем в такси вместе?», — спросил он, как будто бы мы только случайно встретились на этой пустынной, продуваемой ветром улице.

«Спасибо», — ответил я. Но слова означали много больше, чем простая благодарность за предложение поехать в одном такси, и я надеялся, что по моему тону было легко догадаться об этом. Но он кивнул так, словно я не имел в виду ничего другого. Машина с зажженным огоньком медленно ехала вдоль улицы — похоже, таким людям, как Уотерхауз, везло с такси даже в такие ужасно холодные и снежные ночи в Нью-Йорке, когда вы готовы поклясться, что на всем острове Манхеттен не найдется ни одной свободной машины.

В спасительном тепле машины, под размеренные щелчки счетчика, отмеряющего наш путь, я сказал ему, как мне понравился его рассказ. Я не помнил, чтобы я так сильно и непосредственно смеялся с тех пор, как мне

минуло восемнадцать, и я не льстил ему, это было правдой.

«Да? Как мило с вашей стороны сказать мне об этом». Его голос был холодно-вежлив. Я упал духом, чувствуя, как зарделись мои щеки. Вовсе не всегда обязательно слышать хлопок, чтобы знать, что дверь закрылась.

Когда такси подъехало к тротуару у моего дома, я вновь поблагодарил его, и на этот раз он проявил чуть больше теплоты. «Хорошо, что вы пришли по первому же приглашению, — сказал он. — Приходите еще, если захотите. Не ждите приглашения, мы не очень любим церемоний в 249Б. Четверги лучше всего подходят для историй, но клуб открыт каждый вечер».

Я должен буду вступить в его члены?

Вопрос был у меня на кончике языка. Я хотел задать его, мне казалось необходимым спросить об этом. Я обдумывал его, мысленно произносил (по своей адвокатской привычке), чтобы услышать, как он звучит, но в этот момент Уотерхауз сказал таксисту, чтобы он ехал. Такси тронулось, а я стоял на тротуаре, полы моего пальто бились о мои колени, и думал: *«Он знал, что я собираюсь спросить его об этом, он знал это и специально сказал водителю, чтобы тот трогал, а я не успел задать вопрос»*. Затем я сказал себе, что это абсурд или паранойя. И это действительно так. Но в то же время это было правдой. Я мог насмехаться надо всем, но никакая насмешка не может изменить сути того, что есть.

Я медленно подошел к подъезду и зашел внутрь.

Эллен была в полусне, когда я сел на кровать, чтобы снять ботинки. Она повернулась на другой бок и издала какой-то вопросительный звук, я сказал ей, чтобы она спала.

Она опять пробормотала что-то, напоминавшее «Нук-там?».

Сидя в наполовину расстегнутой рубашке, я не решался что-либо сказать. И я вдруг отчетливо осознал, что *если я расскажу ей, то больше никогда не увижу эту дверь с другой стороны*.

«Все было хорошо, — сказал я. — Пожилые люди рассказывали истории о войне».

«Я же тебе говорила».

«Но это был совсем не плохо. Я, может быть, снова пойду туда. Это может быть полезным для моего положения в фирме».

«В фирме, — она чуть подтрунивала надо мной. — Ты старый зануда, любовь моя».

«Чтобы узнать кого-то, надо жизнь положить», — сказал я, но она уже снова заснула. Я разделся, принял душ, надел пижаму, но вместо того, чтобы ложиться спать, накинул халат и взял бутылку виски. Я пил его маленькими глотками, сидя за столом на кухне и смотря в окно на холодную Мэдисон-авеню. Я размышлял. У меня слегка шумело в голове от выпитого за весь вечер алкоголя. Но эти ощущения не были неприятными, как бывает при похмельи.

Когда Эллен спросила меня, как проел вечер, мысли, пришедшие мне в голову, были столь же неясными, как и в тот момент, когда я стоял на тротуаре и провожал глазами отъезжающую машину с Уотерхаузом. Бога ради, что плохого было бы в том, если бы я рассказал жене о безобидном вечере в клубе моего босса? И пусть даже в этом и было что-то зазорное, кто узнал бы, что я это сделал? Нет, воистину все это был смешным и безумным одновременно. Однако, мое сердце подсказывало мне, что то, о чем я думал, действительно имеет место.

Я встретил Джорджа Уотерхауза на следующий день в холле между бухгалтерией и библиотекой. Встретил? Точнее сказать, прошел мимо. Он кивнул мне и удалился, не сказав ни слова... как он поступал все эти годы.

Весь день у меня болели мышцы живота. Это было единственным, что убеждало меня в реальности проведенного мной вечера в клубе.

Прошло три недели. Четыре... пять. Второго приглашения от Уотерхауза не последовало. Наверное, я сделал

что-то не так, не подходил им. Или просто я сам убеждал себя в этом. Подобные мысли угнетали меня. Я полагаю, что со временем мои переживания потеряли бы остроту, утихли, как случается со всякими неприятными ощущениями. Но я не переставал вспоминать наиболее необычные моменты того вечера — отдельные островки света в библиотеке; абсурдный и потешный рассказ Уотерхауза об учительнице, застрявшей в туалете; запах кожи среди узких стеллажей. И мои чувства, когда я стоял у того узкого окна и смотрел на ледяные хрусталики, меняющие цвет от зеленого к янтарному и красному. Я подумал о состоянии покоя, который я тогда испытал.

В течение этих пяти недель я заходил в библиотеку и пролистывал книги Алджернона Уильямса (у меня были собственные три тома, и я уже их просмотрел). Одно издание претендовало на полное собрание стихотворений этого поэта, но и там я не обнаружил «Колокольного звона».

Во время посещения нью-йоркской публичной библиотеки я попытался найти в каталоге карточку с перечислением произведений Эдварда Грея Севиля, но отыскал лишь мистический роман, написанный женщиной по имени Рут Севиль.

Приходите снова, если захотите. Не ждите приглашений...

Тем не менее ,я, конечно же, ждал приглашения. Моя мать приучила меня не принимать легко на веру слова людей, которые говорят вам, чтобы вы заходили к ним в любой момент и что их двери всегда для вас раскрыты. Мне не нужно было открытки с приглашением, принесенной ко мне домой почтальоном, я не это имею в виду, но я действительно ждал чего-то, пусть даже наспех оброненной фразы: «Вы как-нибудь зайдете вечером, Дэвид? Надеюсь, вам с нами не очень скучно». Или чего-нибудь в этом роде.

Но, ничего не дождавшись, я начал более серьезно думать о том, чтобы прийти туда снова, несмотря ни на что. В конце концов, иногда люди действительно желают,

чтобы вы забегали к ним в любое время. Я предполагаю также, что в некоторых местах двери на самом деле открыты, а матери не всегда бывают правы.

...Не ждите приглашений...

Как бы то ни было, так случилось, что 10 декабря этого года я надел свой твидовый пиджак и темно-коричневые брюки и стал искать темно-красный галстук. Я помню, что ощущал свое сердцебиение более отчетливо, чем обычно.

«Джордж Уотерхауз наконец-то сломался и позвал тебя? — спросила Эллен. — Назад в стойло к остальным старым шовинистам?»

«Да, ты права», — сказал я, сознавая, что я солгал ей, наверное, впервые по крайней мере за последние двенадцать лет. Я вспомнил также, что после нашей первой встречи она спросила меня, на что похожа ложь. Старые люди, рассказывающие о войне, ответил я тогда.

«Ну что ж, может быть действительно это обещает твое продвижение», — заметила она, хотя и без особой надежды. К ее чести она сказала это и без особой горечи.

«Случались и более невероятные вещи», — подытожил я и поцеловал ее на прощание.

«Ну-ну», — сказала она, когда я выходил на улицу.

В эту ночь поездка в такси показалась мне слишком долгой. Вечер выдался холодный и звездный. Машина была огромной, и я чувствовал себя маленьким мальчиком, впервые попавшим в большой город. Меня охватило возбуждение, когда такси остановилось перед коричневым зданием клуба. Такие чувства незаметно перестают посещать нас с возрастом, но, ощутив их вновь, вы испытываете удивление, наподобие человека, нашедшего один или два темных волоса в расческе спустя много лет после того, как полностью поседел.

Я расплатился с таксистом и направился к четырем ступенькам, ведущим к двери. Когда я поднялся, мое возбуждение сменилось чувством неуверенности и тревоги. Зачем я приехал сюда?

Дверь была обшита дубовыми панелями и казалась мне крепкой, как ворота замка. Там не было ни звонка, ни

молоточка или камеры, установленной незаметно в тени коридора, и, конечно, Уотерхауз не ждал меня у входа. Я остановился у ступенек и огляделся. Тридцать пятая Восточная улица неожиданно показалась мне более темной, холодной и угрожающей. Коричневый камень выглядел таинственно, как будто скрывая что-то, о чем было бы лучше и не пытаться узнать. Окна напоминали глазницы.

Где-то, за одним из этих окон могли находиться мужчина или женщина, наблюдающие за убийством, — подумал я. Дрожь пробежала по моей спине. — Наблюдающие... или совершающие его.

Вдруг дверь открылась, и появился Стивенс.

Я почувствовал огромное облегчение. Думаю, что у меня не слишком богатое воображение — по крайней мере не в обычных обстоятельствах, — но недавняя мысль отличалась жуткой ясностью предвидения. Я мог бы заговорить об этом, если бы не посмотрел в глаза Стивенсу. Его глаза не знали меня. Совершенно не знали.

В этот момент я вновь с жуткой пророческой ясностью увидел весь мой вечер в деталях. Три часа в тихом баре. Три виски (возможно, четыре), дабы заглушить чувство неловкости и собственной глупости, придя туда, где я не был желанным гостем. Унижение, от которого совет моей матери был призван меня спасти. Совет, чью цену можно понять, лишь преступив его.

Я видел, как я возвращаюсь домой, подвыпивший, но слишком сильно. Я видел себя через стекло такси, увозящего меня к дому, словно через призму детского возбуждения и ожидания. Я слышал, как я говорил Эллен: *«Уотерхауз рассказал ту же самую историю о том, как была выиграна в покер целая партия бифштексов для Третьего Батальона... Они ставили по доллару за очко, ты представляешь?.. Пойду ли я еще?.. Может быть, но я сомневаюсь»*. На этом бы все и закончилось. Но только не мое унижение.

Я увидел все это в глазах Стивенса. Затем глаза потеплели. Он слегка улыбнулся и сказал: «Мистер Эдли! Заходите. Я возьму ваше пальто».

Я поднялся по ступенькам, и Стивенс плотно прикрыл за мной дверь. Насколько другой может показаться дверь, когда находишься с теплой стороны! Стивенс взял мое пальто и ушел с ним. Я остался в холле, глядя на свое отражение в зеркале — мужчину пятидесяти трех лет, чье лицо стареет на глазах.

Я прошел в библиотеку.

Иохансен был там, со своим Уол Стрит Журнал. В другом островке света Эмлин Маккэррон сидел за шахматной доской напротив Питера Эндрюса. Маккэррон был худым мужчиной с бледным лицом и тонким, как бритва, носом.

Эндрюс был огромным, с покатыми плечами и вспыльчивым характером. Широкая рыжеватая борода висела на его груди. Сидя друг против друга над шахматной доской, они смотрелись, как индейский тотем: орел и медведь.

Уотерхауз тоже был здесь, он листал сегодняшнюю «Таймс». Он поднял голову, кивнул мне без всякого удивления и вновь уткнулся в газету.

Стивенс принес мне виски, которого я не просил.

Я взял его с собой к стеллажам и нашел те загадочные тома в зеленых обложках. Этим вечером я начал читать сочинения Эдварда Грея Севиля. Я взялся с самого начала, с книги «Они были нашими братьями». С тех пор я прочитал все одиннадцать романов и считаю их одними из самых утонченных произведений нашего века.

В самом конце вечера я услышал историю — всего одну, — в то время как Стивенс разносил бренди. После того, как рассказ был закончен, все начали собираться уходить. Стивенс заговорил, обращаясь ко всем нам. Он стоял в дверном проеме, выходящем в холл. Его голос был низким и приятным: «Кто будет рассказывать историю к Рождеству?»

Все застыли на месте и смотрели друг на друга. Кто-то рассмеялся.

Стивенс, улыбаясь, но сохраняя серьезность, хлопнул дважды в ладоши, как школьный учитель, призывающий

свой класс к порядку: «Ну же, джентльмены, кто будет рассказывать?»

Питер Эндрюс прочистил горло: «У меня кое-что имеется к случаю. Я, правда, не знаю, подойдет ли это, но если...»

«Это будет забавно», — прервал его Стивенс, и в комнате снова раздался смех. Эндрюса дружески хлопали по спине. Потоки холодного воздуха проносились по холлу, пока народ расходился.

Словно по волшебству, передо мной возник Стивенс, держа мое пальто. «Хороший вечер, мистер Эдли. Всегда рады вас видеть».

«Вы на самом деле собираетесь в вечер под Рождество?» — спросил я, застегивая пальто. Я был немного разочарован тем, что не смогу услышать рассказ Эндрюса, потому что мы твердо решили поехать в Скенектеди и провести праздники у сестры Эллен.

Стивенс посмотрел на меня как-то весело-удивленно. «Ни в коем случае, — сказал он. — Рождество — это время, которое мужчина должен проводить с семьей. Хотя бы в этот вечер. Вы согласны, сэр?»

«Ну конечно».

«Мы всегда собираемся во вторник перед Рождеством. В этот день у нас всегда много народу».

Он не сказал *членов клуба*. Случайно или нет?

«Много историй было рассказано в комнате у камина, мистер Эдли. Историй всякого рода, комических и трагических, ироничных и сентиментальных. Но во вторник перед Рождеством обычно повествуется о чем-нибудь сверхъестественном. Всегда было так, насколько я помню».

По крайней мере, это объясняло то, что во время моего первого посещения кто-то заметил Норману Стету, что он должен был бы приберечь свою историю для Рождества. Я готов был спросить Стивенса еще о многом, но увидел предостережение в его глазах. Это не означало, что он не ответит на мои вопросы. Скорее, что я не должен их задавать.

«Что-нибудь еще, мистер Эдли?»

Мы остались одни. Неожиданно холл показался мне более темным, лицо Стивенса бледнее, а его губы ярче, чем всегда. В камине выстрелило полено, и красный отблеск скользнул по полированному паркету. Мне показалось, что я услышал что-то напоминающее звук удара в тех отдаленных комнатах, куда я еще не заходил. Мне очень не понравился этот звук. Очень.

«Нет, — сказал я не совсем ровным голосом. — Думаю, что нет».

«Что же, спокойной ночи», — попрощался Стивенс, и я вышел наружу. Я слышал, как тяжелая дверь захлопнулась за моей спиной. Щелкнул замок. Я шел навстречу огням Третьей авеню, не оборачиваясь и, в какой-то мере, боясь посмотреть назад, словно мог увидеть нечто ужасное, следующее за мной по пятам, или обнаружить что-то, о чем лучше не догадываться. Я дошел до угла, увидел такси и помахал ему.

«Опять истории о войне?» — спросила Эллен, когда я пришел. Она лежала в постели с Филиппом Марлоу, единственным любовником, который у нее был.

«Была одна история или две, — ответил я, вешая пальто. — В основном я читал книгу».

«Только когда ты не хрюкал».

«Согласен. Когда не хрюкал».

«Послушай-ка вот это: Когда я впервые увидел Терри Леннокса, он был пьян и сидел в серебристом «Роллс-Ройсе» у террасы «Танцоров». Эллен продолжила: «У него было молодое лицо, но белые, цвета кости, волосы. Судя по его глазам, можно было сказать, что каждый волос на его голове был крашеным, однако он выглядел как и любой другой красивый молодой парень, тративший слишком много денег на кабак, который и существует для этой цели и никакой другой». Неплохо, а? Это...»

«Долгое прощание», — сказал я, снимая ботинки. — Ты читаешь мне один и тот же отрывок раз в три года. Это часть твоего жизненного цикла».

Она наморщила нос: «Хрю-хрю».

«Спасибо».

Она вернулась к книге. Я вышел на кухню и взял бутылку виски. Когда я возвратился, Эллен оставила книгу открытой на одеяле и пристально посмотрела на меня: «Дэвид, ты собираешься вступить в этот клуб?»

«Я думаю, что это возможно... если меня попросят». Я чувствовал себя неуютно. Вероятно, я еще раз сказал ей неправду. Если бы существовало членство в 249 Б на 35 улице, я бы уже был членом клуба.

«Я рада за тебя, — сказала она. — Тебе необходимо что-то постоянное сейчас. Я не уверена, что ты отдаешь себе в этом отчет, но тебе это нужно. У меня есть Комитет по правам женщин и Театральное общество. И ты тоже нуждался в чем-то».

Я сел на кровать рядом с ней и взял «Долгое прощание». Это было новое издание в светлой обложке. Я помнил, как я покупал оригинальное издание в подарок на день рождения Эллен. В 1953.

«Мы что, уже старые?», — спросил я ее.

«Боюсь, что да», — сказала она и ослепительно улыбнулась.

Я положил книгу и коснулся ее груди: «Слишком стара для этого?»

Она потянула на себя покрывало с видом великосветской дамы, а потом, хихикая, сбросила его ногой на пол.

«Побей меня, папочка, — сказала она. — Я плохо себя вела».

«Хрю-хрю», — ответил я, и мы оба рассмеялись.

Наступил пред рождественский вторник. Этот вечер был похож на все остальные, за исключением двух обстоятельств. Было больше народу, возможно, не меньше восемнадцати человек. И остро ощущалась атмосфера возбужденного обещания. Иохансен лишь бегло пробежал глазами свою газету и присоединился к Маккэррону, Хьюгу Биглмэну и ко мне. Мы сидели у окон и говорили о том о сем, пока неожиданно не завели горячий и часто смешной спор о довоенных автомобилях.

Была еще, — сейчас, когда думаю об этом, — и третья особенность: Стивенс приготовил великолепный пунш. Он был мягким, хотя и с ромом и специями, и подавался из невероятного кувшина, похожего на ледяную скульптуру. Беседа становилась все оживленней по мере того, как уменьшался уровень пунша в кувшине.

Я перевел взгляд в сторону маленькой двери, ведущей в бильярдную, и был поражен, увидев, как Уотерхауз и Норман Стет засовывали бейсбольные карточки в какое-то подобие цилиндра. При этом они громко смеялись.

Повсюду образовывались, а потом расходились грудой людей. Становилось все позднее... и наконец, когда настало время, в которое обычно все начинали расходиться, я увидел Питера Эндрюса, сидящего перед камином с каким-то пакетом в руке. Он бросил его в огонь не распечатав, и через мгновение пламя заплясало всеми цветами спектра, пока вновь не стало желтым. Мы расставили стулья по кругу. Через плечо Эндрюса увидел камень с выгравированным изречением: СЕКРЕТ В РАССКАЗЕ, А НЕ В РАССКАЗЧИКЕ.

Стивенс скользил среди нас, забирая бокалы и возвращая их с бренди. Слышались негромкие пожелания «Счастливого Рождества» и «Это гвоздь сезона, Стивенс», и я впервые увидел, как здесь расплачивались, протягивая десятидолларовую и даже стодолларовую бумажку.

«Спасибо, мистер Маккэррон... мистер Йохансен... мистер Биглмэн...»

Я прожил в Нью-Йорке достаточно долго, чтобы знать, что во время Рождества чаевые текут рекой: что-то мяснику, что-то булочнику и владельцу скобяной лавки, не говоря уже о швейцаре, мажордоме и уборщице, приходившей по вторникам и пятницам. Я еще не встречал людей моего круга, которые относились бы к этому как к обязательному пустяку... однако, мне не хотелось плохо думать о ком-нибудь в этот вечер. Деньги давались по доброй воле и легко...

Я нашел свой бумажник. В нем я всегда держал за фотографиями Эллен пятидолларовую бумажку на всякий

случай. Когда Стивенс подал мне бренди, я положил ее ему в руку безо всякого колебания, хотя и не был богат.

«Счастливого Рождества, Стивенс», — сказал я.

«Спасибо, сэр. И вам того же».

Он раздал бренди, собрал чаевые и ушел. В какой-то момент, уже на середине рассказа Эндрюса, я повернул голову и увидел его стоящим в двери, словно тень, густая и молчаливая.

«Сейчас я адвокат, как многие знают, — сказал Эндрюс, отпив из своего бокала. Он прочистил горло и снова пригубил. У меня несколько контор на Парк Авеню, вот уже 22 года. До этого я был ассистентом в адвокатской фирме, ведущей свои дела в Вашингтоне. Однажды вечером, в июле, меня попросили задержаться допоздна, чтобы составить перечень дел для справки адвокату, что не имело никакого отношения к данной истории. Вскоре в контору вошел человек, который в то время был одним из наиболее известных сенаторов в Капитолии и ставший впоследствии президентом. Его рубашка была испачкана в крови, а глаза буквально вылезали из орбит.

«Мне нужно поговорить с Джо», — сказал он. Джо, как вы понимаете, был никто иной, как Джозеф Вудс, глава моей фирмы и один из самых влиятельных частных адвокатов в Вашингтоне. К тому же он являлся близким другом этого сенатора.

«Он ушел домой несколько часов тому назад», — объяснил я ему. Говоря откровенно, я был ужасно напуган — он выглядел, как человек, который только что попал в жуткую аварию или участвовал в смертельной схватке. Глядя на его лицо, которое я часто видел в газетах, все в запекшейся крови, с нервно подергивающейся щекой под обезумевшим глазом, я все сильнее поддавался панике.

«Я могу позвонить ему, если вы...» Я уже держал в руках телефон, сходя с ума от желания переложить свалившуюся на меня ответственность на кого-то другого. Заглянув за спину сенатора, я увидел кровавые следы, оставленные им на ковре.

«Я должен поговорить с Джо немедленно, — повторил он, будто не слышал моих слов. — Кое-что находится в багажнике моей машины... То, что я обнаружил в Вирджинии. Я стрелял в это, но не мог убить. Это не человек, и я не мог это убить».

Он начал хихикать, потом засмеялся и, наконец, закричал. Он все еще продолжал кричать, когда я дозвонился до мистера Вудса и попросил его, ради всего святого, приехать как можно скорей...»

Я не собираюсь рассказывать историю Питера Эндрюса полностью. По правде говоря, я не уверен, что осмелился бы ее рассказать. Достаточно будет сказать, что этот рассказ был столь ужасным, что я думал о нем в течение нескольких недель. Как-то за завтраком Эллен посмотрела на меня и спросила, почему я закричал ночью: «Его голова! Его голова на земле все еще говорила!»

«Я думаю, это был сон, — сказал я. — Один из тех, которые потом невозможно вспомнить».

Но я тут же опустил глаза и полагаю, что Эллен поняла, что это была ложь.

В один из августовских дней следующего года я работал в библиотеке, и меня позвали к телефону. Это был Уотерхауз. Он спросил, не могу ли я зайти к нему в кабинет. Когда я пришел, я увидел, что там находились также Роберт Карден и Генри Эффингем. В первый момент я подумал, что меня собираются обвинить в каких-то неразумных и некомпетентных поступках.

Карден подошел ко мне и сказал: «Джордж полагает, что настало время сделать вас младшим партнером, Дэвид. Мы все согласились».

«Вы должны пройти этот путь, Дэвид. Если все будет хорошо, мы сделаем вас полноправным партнером к Рождеству», — заверил Эффингем.

В эту ночь мне не снилась кошмары. Мы с Эллен, изрядно выпившие, выбрались пообедать в одно джазовое заведение, которое не посещали почти шесть лет, и слушали удивительного голубоглазого негра, Дикстера Гор-

дона, дувшего в свою трубу почти до двух утра. На следующее утро мы проснулись с неприятными ощущениями в желудке и головной болью и не могли полностью поверить в то, что произошло. Самым невероятным было то, что мой заработок поднялся до восьми тысяч долларов в год, хотя мы перестали верить в возможность такого повышения.

Фирма послала меня на шесть недель в Копенгаген, и когда я вернулся, то узнал, что Джон Хенрахен — один из постоянных посетителей 249Б — умер от рака. Был произведен сбор средств для его жены, которая оказалась в трудном положении. Меня уговорили заняться подсчетом собранной суммы и оформлением банковского чека. Набралось больше десяти тысяч долларов. Я передал чек Стивенсу и предполагаю, что он отослал его по почте.

Так уж случилось, что Арлин Хенрахен была членом театрального общества Эллен, и Эллен рассказала мне через какое-то время, что Арлин получила анонимный чек на десять тысяч четыреста долларов. К чеку приложена короткая и загадочная записка: «От друзей вашего мужа Джона».

«Разве это не самая удивительная вещь, которую ты когда-либо слышал в жизни?», — спросила меня Эллен.

«Нет, — сказал я, — но, по-видимому, она входит в первую десятку. У нас есть еще клубника, Эллен?»

Прошли годы. Я обнаружил наверху в 249Б множество комнат: кабинет, спальню, где гости иногда оставались на ночь (хотя после того, как я услышал звук удара или мне показалось, что я услышал, лично я предпочел бы остановиться в хорошем отеле), небольшой, но хорошо оборудованный гимнастический зал и бассейн с сауной.

Кроме этого, имелось также длинная узкая комната во всю длину здания с двумя дорожками для игры в шары.

За эти годы я перечитал романы Эдварда Грея Севиля и открыл для себя совершенно удивительного поэта, равного, может быть, Эзре Паунду и Уолласу Стивенсу, по имени Норберт Роузен. Согласно справке в конце

одного из томов его сочинений, он родился в 1924 и был убит в Анзио. Все три тома его лирики были изданы фирмой «Стэдхем и сын» в Нью-Йорке и Бостоне.

Помню, что я вновь побывал в нью-йоркской публичной библиотеке в один из светлых весенних дней (я не уверен, в каком именно году) и заказал подшивку «Литерари Маркет Плейс» за 20 лет. Это было ежегодное издание форматом с «Желтые страницы», одну из крупнейших газет в городе. Мне кажется, что служащий библиотеки готов был отказать мне. Но я настаивал и тщательно просмотрел каждый том. И если предполагалось, что в ЛМП указаны все издатели США, то я не обнаружил там фирму «Стэдхем и сын». Год спустя или, может быть, два я разговаривал с владельцем книжной антикварной лавки и спросил его об этом издании. Он никогда не слышал о нем.

Я подумал о том, чтобы спросить Стивенса, но вспомнил о предупреждении, которое увидел в его глазах, и решил оставить свой вопрос без ответа.

И, конечно, на протяжении всех этих лет, было рассказано немало историй.

Смешных, о потерянной или приобретенной любви, тревожных и даже несколько рассказов о войне, хотя и не таких, о которых думала Эллен, задавая мне вопросы.

Лучше всего я помню историю Джерарда Тоузмена — его рассказ об американском оперативном центре, обстрелянном артиллерией за четыре месяца до окончания Первой мировой войны, весь личный состав которого погиб, за исключением Тоузмена.

Лесроп Каррутэрс, американский генерал, которого каждый тогда считал безумным (он был ответственным за, по крайней мере, восемнадцать тысяч смертей), стоял у карты линий фронта, когда взорвался снаряд. Он объяснял очередную безумную операцию на флангах, которая могла бы стать успешной только с точки зрения производства новых вдов.

Когда пыль рассеялась, Джерард Тоузмен, растерянный и оглушенный, весь в крови, сочившейся из его носа, ушей

и уголков глаз. подошел к телу генерала. Оглядев то, что осталось от центра, он посмотрел вниз... и закричал, а потом засмеялся.

Собственного голоса он не услышал, но его крики и смех привлекали внимание врачей, убедившихся, что кто-то остался жив под этими развалинами.

Каррутэрс не был изувечен взрывом, по крайней мере, как сказал Тоузмен, «не в том виде, в каком солдаты этой затяжной войны привыкли представлять себе увечье — люди с оторванными руками, без ног, без глаз, с легкими, сморщенными от газа. Нет, — сказал он — ничего этого не было. Мать этого человека сразу бы опознала его. Но карта... та карта перед которой он стоял, когда разорвался снаряд...

Она каким-то образом впечаталась в его лицо. Тоузмен смотрел на ужасную татуированную маску смерти. На надбровной дуге Лесропа Каррутэрса находился каменный берег Бретани, Рейн, как голубой рубец, струился вниз по его левой щеке. Несколько винодельческих провинций расположились на его подбородке. Сахара обхватила его горло, как петля палача, а на вздутом глазном яблоке отпечаталось слово «Версаль».

Это была наша рождественская история 197... года.

Я вспоминаю много других, но для них нет здесь места. Честно говоря, и для истории Тоузмена также... но это была первая «Рождественская история», услышанная мною в 249Б, и я не мог удержаться от того, чтобы ее не рассказать. Наконец, во вторник перед нынешним рождеством, после того, как Стивенс хлопнул в ладоши, призывая нас к вниманию, и спросил, кто осчастливит нас рождественской историей, Эмлин Маккэррон проговорил: «Думаю, что у меня есть кое-что заслуживающее внимания. Лучше рассказать сейчас, чем никогда. Господь закроет мои уста довольно скоро».

За все годы проведенные мной в 249Б, я никогда не слышал, чтобы Маккэррон рассказывал истории. Может быть, именно поэтому я вызвал такси столь рано и, когда Стивенс разнес пунш шестерым собравшимся, кто отва-

жился выбраться из дома в этот холодный и ветреный вечер, почувствовал сильное волнение. Я не был в одиночестве — те же чувства отражались на лицах остальных присутствующих.

Старый и сухой, Маккэррон сидел в центральном кресле у камина, держа пакетик с порошком в своих узловатых руках. Он высыпал его, и мы смотрели на меняющееся цвет пламя, пока оно вновь не стало желтым. Стивенс обошел нас, предлагая бренди, и мы отдали ему его рождественский гонорар. В какой-то момент во время этой церемонии я услышал звон монет, переходящий из рук дающего в руки получателя; в другой раз при свете огня я увидел тысячную купюру. В обоих случаях Стивенс был одинаково почителен и корректен. Вот уже десять лет, немногим больше или меньше, прошло с тех пор, когда я впервые переступил порог 249Б вместе с Джорджем Уотерхаузом, и в то время как многое изменилось в мире снаружи, ничего не менялось здесь внутри. Казалось, что Стивенс не постарел не то, что бы на один месяц, а даже ни на один день.

Он удалился в тень, и на мгновение воцарилась абсолютная тишина. Мы слышали даже, как шипел кипящий сок на дровах в камине. Эмлин Маккэррон смотрел в огонь, и мы проследили за его взглядом. Языки пламени казались особенно неистовыми в этот вечер.

Я почувствовал себя загипнотизированным огнем. То же самое, как я предполагаю, должен был ощущать и пещерный человек, породивший нас, сидя у костра в то время, как ветер гулял и завывал вокруг его холодной пещеры.

Наконец, не отводя глаз от огня, немного наклонившись вперед и соединив руки между коленями, Маккэррон заговорил.

II. Метод дыхания

Мне сейчас почти восемьдесят, что говорит о том, что я родился вместе с веком. Вся моя жизнь была связана со зданием, которое стоит прямо поперек Мэдисон Сквер Гарден. Это здание, выглядящее как большая серая тюрьма, является в настоящее время больницей, как должно быть известно многим из вас. Это — больница Гарриет Уайт Мемориал.

Гарриет Уайт, чьим именем она названа, была первой женой моего отца, получившей первый опыт работы сиделкой, когда еще действительно паслись овцы на Овечьем лугу в Центральном парке. Ее статуя стоит на постаменте во дворе перед зданием, и если кто-то из вас ее видел, то, наверное, испытал удивление, как женщина с таким суровым лицом могла посвятить себя столь мягкой профессии. Девиз, высеченный в основании статуи, еще менее располагает к себе: «Нет покоя без боли, поэтому мы определяем спасение через страдание».

Я был рожден внутри этого серого здания 20 марта 1900. И вернулся туда как стажер в 1926. Двадцать шесть — это слишком поздно, чтобы делать первые шаги в мире медицины, но у меня уже была практика во Франции в конце Первой мировой, где я пытался заштопать разорванные животы и доставал морфин на черном рынке, который часто был плохого качества.

Как и все поколение хирургов перед Второй мировой войной, мы были хорошими практиками: и между 1919 и 1928 в высших медицинских школах были зарегистрировано удивительно мало случаев отчислений за непригодностью. Мы были старше, более опытни и уравновешен-

ны. Были ли мы также и мудрее? Не знаю, но, несомненно, мы были более циничными. Никогда не случилось ничего подобного той чепухе, о которой пишут в популярных романах о врачах, падающих в обморок или блюющих во время первого вскрытия.

Гарриет Уайт Мемориал также сыграл центральную роль в событиях, которые случились со мной девять лет спустя после моего поступления в больницу. И эту историю я хочу рассказать вам сегодня, джентльмены.

Вы можете сказать, что это не совсем подходящая история для Рождества (хотя разведка произошла как раз в сочельник), но я вижу в ней, какой бы ужасной она ни была, проявление той поразительной силы, которая заложена в обреченных и богом проклятых человеческих существах. В ней я вижу также невероятные возможности нашей воли и ее ужасную и темную силу.

Рождение само по себе, джентльмены, — лишь одна из множества ужасных вещей. Сейчас стало модным, чтобы отцы присутствовали при рождении собственных детей, и эта мода способствовала тому, что у многих мужчин появилось чувство вины, которого, я полагаю, они не всегда заслуживали (некоторые женщины потом с умением и жестокостью им воспользовались). Это считается нормальным и даже полезным. Однако, я видел мужчин, выходящих из операционной нетвердой походкой, с белыми бескровными лицами. Я видел, как они теряли сознание от криков и обилия крови. Я вспоминаю одного отца, который неплохо держался... только начал истерически кричать, когда его сын пытался проложить себе дорогу в мир. Глаза ребенка были открыты, казалось, что он осматривается вокруг, а затем его глаза остановились на отце...

Рождение — это удивительная вещь, джентльмены, но я никогда не находил его прекрасным. Я думаю, что оно слишком грубо, чтобы быть прекрасным. Матка женщины похожа на двигатель. С зачатием этот двигатель приводится в действие. В начале он работает почти вхолостую... Но с приближением рождения он все набирает и набирает

обороты. Его холостой стук становится размеренным гулом, а затем переходит в пугающий рокот. Коль скоро этот двигатель был заведен, каждая будущая мать должна понимать, что ее жизнь поставлена на карту. Либо она родит, и двигатель остановится, либо этот двигатель начнет разгоняться все сильнее, пока не взорвется, неся кровь, боль и смерть.

Эта история о рождении, джентльмены, в канун другого рождения, которое мы празднуем вот уже почти две тысячи лет.

Моя медицинская практика началась в 1929 — слишком плохом году, чтобы что-то начинать. Мой дед оставил мне в наследство небольшую сумму денег, и хотя я и был удачливее многих моих коллег, мне пришлось вертеться, чтобы прожить в последующие четыре года.

К 1935 дела пошли немного лучше. У меня появились настоящие пациенты и некоторые больные, проходящие амбулаторное лечение в Уайт Мемориал. В апреле месяце того года я увидел нового пациента — женщину, которую я буду называть Сандра Стенсфилд, что почти соответствует ее настоящему имени. Это была молодая женщина, с бледной кожей, утверждавшая, что ей двадцать восемь лет. После осмотра я понял, что на самом деле она была на три-четыре года моложе. У нее были светлые волосы, изящная фигура и высокий рост — около пяти футов и восьми дюймов. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не излишняя суровость ее черт. В ее глазах светился ум, а линия рта была столь же резкой и решительной как у каменной статуи Гарриет Уайт перед зданием больницы. Имя, которое она указала в карточке, было не Сандра Стенсфилд, а Джейн Смит. Осмотр показал, что она примерно на втором месяце беременности. Обручального кольца она не носила.

После предварительного осмотра, но до того, как были получены результаты анализов, моя медсестра Элла Дэвидсон, сказала: «Та девушка, что приходила вчера,

Джейн Смит? Я больше чем уверена, что это вымышленное имя».

Я согласился. И все же я ей восхищался. В ее поведении не было и тени нерешительности, стыдливости и робости. Меня поражала ее прямота и деловитость. Казалось даже, что и вымышленное имя она взяла по деловым соображениям, а не от стыда. Она как бы говорила вам: *«Вы требуете имя, чтобы занести его в вашу картотеку. Таков порядок. Что же, вот вам имя. Чем полагаться на профессиональную этику человека, которого я не знаю, я лучше положусь на саму себя».*

Элла отпустила несколько замечаний на ее счет, типа «современные девицы» и «наглая молодежь», но она была доброй женщиной, и я думаю, что эти слова были произнесены так, для проформы. Она прекрасно понимала, так же как и я, что кем бы ни была моя новая пациентка, она не имела ничего общего с проституткой с выцветшим взглядом и на высоких каблуках. Напротив, «Джейн Смит» была крайне серьезной и целеустремленной молодой женщиной. Она оказалась в неприятном положении и была полна решимости пройти через это со всем достоинством, на которое способна.

Через неделю она пришла во второй раз. Стоял обычный день — один из первых настоящих весенних дней. Воздух был мягким, небо — молочно-голубого цвета, и чувствовался запах ветра — теплый, едва ощутимый запах возрождения природы. В такие дни хочется уйти от всех забот и волнений, сидя рядом с прекрасной женщиной где-нибудь в Кони Айленде, с корзиной для пикника на разостланном покрывале, а на твоей спутнице — большая белая шляпка и платье без рукавов, прекрасное, как и сам день.

На «Джейн Смит» было платье с рукавами, но все равно не менее прекрасное, чем тот день весны. Из белого льна с коричневой окантовкой. Она надела также коричневые туфельки, белые перчатки и шляпку «колокол», немного старомодную — первый признак того, что она была далеко не богатой женщиной.

«Вы беременны, — сказал я. — Думаю, что вы не очень-то в этом сомневались, да?»

Если и должны быть слезы, подумал я, то они появятся сейчас.

«Да, — ответила она с завидным самообладанием. В ее глазах не было и намека на слезы. — Я догадывалась».

Возникла небольшая пауза.

«Когда я должна родить?» — спросила она почти беззвучно.

«Это будет рождественский ребенок, — сказал я. — Примерный срок — десятое декабря, плюс минус две недели».

«Хорошо. — Она поколебалась немного, а потом решилась, — Вы будете принимать роды? Даже если я не замужем?»

«Да, — сказал я. — При одном условии».

Она нахмурилась, и в этот момент ее лицо стало еще больше походить на лицо Гарриет Уайт. Трудно поверить, что хмурое выражение лица молодой женщины двадцати трех, вероятно, лет может быть настолько грозным. Но именно таким оно и было. Она уже была готова уйти, и даже мысль о том, что ей придется начинать все сначала с другим врачом, не смогла бы ее удержать.

«И каким будет это условие?» — спросила она подчеркнуто холодно.

Теперь уже я почувствовал желание отвести свои глаза от ее лица, но я выдержал ее взгляд. «Я настаиваю на том, чтобы знать ваше настоящее имя. Мы можем продолжать наши финансовые отношения при помощи наличных денег, если вас это больше устраивает, и миссис Дэвидсон по-прежнему будет выдавать вам рецепты на имя Джейн Смит. Но если мы собираемся отправиться вместе в это путешествие в течение следующих семи месяцев, я хотел бы иметь возможность обращаться к вам по имени, на которое вы отзывались всю вашу жизнь».

Я закончил свою миленькую, наигранно строгую речь, ожидая, пока она обдумает мои слова. Я был почти уверен, что она поднимется, поблагодарит меня и исчезнет навсег-

да. Я испытал бы растерянность, если бы это произошло. Она нравилась мне. Более того, мне нравилась прямота и решимость, с которыми она бралась за проблему, в то время как девяносто из ста женщин на ее месте запутались бы в собственной лжи и от страха и стыда перед такой ситуацией оказались бы неспособными ее преодолеть.

Я полагаю, что многим нынешним молодым людям такая ситуация показалась бы нелепой и даже невообразимой. Все стремятся сейчас продемонстрировать широту взглядов в отношении того, что беременная женщина без обручального кольца должна быть окружена большим вниманием и заботой, чем любая другая. Но джентльмены хорошо знают, что в те времена все было по-другому. Бытующие тогда нравственные нормы и лицемерие ставили незамужнюю беременную женщину в крайне затруднительное положение. В те годы замужняя беременная женщина чувствовала себя счастливой и гордой тем, что собиралась выполнить предназначение, данное ей Богом. Незамужняя же выглядела проституткой в глазах окружающих, да и сама была склонна считать себя таковою. Она была, используя выражение Эллы Дэвидсон, «легкой» женщиной, а в те времена о «легкости» забывали не скоро. Такие женщины уезжали рожать и жить в другие города. Некоторые из них глотали таблетки или выбрасывались из окон. Другие шли к подпольным акушеркам-мясникам с грязными руками или пытались сделать все сами. За мою хирургическую практику четыре женщины умерли у меня на глазах от потери крови из-за тяжелых ранений матки. Помню один случай, когда ранение было нанесено зазубренным горлышком бутылки, привязанным к вену. Сейчас трудно в это поверить, но подобные вещи происходили, джентльмены. В общем, такая ситуация была для здоровой молодой женщины худшей из всех, какие только можно вообразить.

«Я согласна, — сказала она, наконец. — Это справедливо. Меня зовут Сандра Стенсфилд». Она протянула мне руку. С удивлением я пожал ее. Я был рад, что Элла Дэвидсон не видела, как я сделал это. Она бы ничего не

сказала, но целую неделю кофе был бы горше, чем обычно.

Она улыбнулась в ответ на мое замешательство — я думаю — и посмотрела на меня открыто. «Я надеюсь, мы будем друзьями, доктор Маккэррон. Сейчас мне нужен друг. Я немного напугана».

«Я вас понимаю и постараюсь стать вашим другом, если смогу, мисс Стенсфилд. Я что-нибудь могу для вас сделать в настоящий момент?»

Она открыла сумочку и достала блокнот и ручку. Раскрыв блокнот, она посмотрела на меня. В какой-то момент я с ужасом подумал, что она спросит у меня имя и адрес акушера. Затем она сказала: «Я хотела бы знать, что мне лучше есть. Для ребенка, конечно».

Я громко рассмеялся. Она взглянула на меня с удивлением.

«Извините. Просто у вас такой деловой вид».

«Ну уж наверное. Этот ребенок теперь часть моих дел, разве не так?»

«Да, естественно. У меня есть брошюра, которую я даю всем моим беременным пациенткам. Здесь говорится о диете, весе, питье, курении и многом другом. Пожалуйста, не смейтесь, когда будете читать. Это затронет мои чувства, потому что я сам писал текст».

Хотя это был скорее памфлет, а не брошюра, однако это не помешало ему стать впоследствии книгой: «Практическое руководство по беременности и родам». В то время я серьезно увлекался акушерством и гинекологией и, начав довольно поздно из-за войны, не собирался терять время. Меня подбадривала мысль о том, что я увижу множество счастливых женщин в ожидании ребенка и приму много детей за мою практику. Так и случилось: по последним подсчетам я участвовал в появлении на свет около двух тысяч младенцев — достаточно, чтобы заполнить пятьдесят классных комнат.

Я читал много литературы о беременности и родах и более разумно применял свои знания по этому вопросу, чем в других областях медицинской практики. Поскольку

я был энтузиастом и у меня сложились собственные представления о предмете, то предпочел написать собственную брошюру, чем следовать избитым предписаниям, которыми в избытке потчевали беременных женщин. Я не буду излагать полный набор этих предписаний — для этого не хватило бы и ночи, — но приведу лишь два примера.

От будущих матерей требовали как можно меньше находиться на ногах и тем более не совершать длительных прогулок из-за опасности выкидыша и других «нежелательных для родов» последствий. Но роды как таковые — это в первую очередь тяжелая работа, и давать подобные советы — все равно, что сказать футболисту, готовящемуся к важной встрече, чтобы он как можно больше проводил время сидя и сохранял силы для предстоящей игры! Другой столь же «мудрый» совет, часто даваемый многими докторами упитанным женщинам, — начать курить! Курить! Эти рекомендации отражены в имевшем хождение лозунге тех дней: «Возьми сигарету Lucky вместо конфеты». Те, кто думает, что, вступив в двадцатый век, мы вошли в эпоху просвещенной медицины, не представляет, какие безумные идеи иногда приживаются и в наши дни.

Я дал мисс Стенсфилд мою брошюру, и она внимательно изучала ее в течение минут пяти. Когда я спросил у нее разрешения закурить трубку, она кивнула мне, не отрываясь от чтения. Потом она подняла глаза и улыбнулась: «Вы радикал, доктор?»

«Почему вы это говорите? Не потому ли, что я советую ожидающим ребенка женщинам ходить пешком, а не ездить в прокуренных и трясущихся поездах подземки?»

«Витамины... всякого рода... плавание и дыхательные упражнения! Какие дыхательные упражнения?»

«Об этом вы узнаете позже, но я не радикал. Далеко не радикал. Я тот, кто задерживает на пять минут моего следующего пациента».

«О, прошу прощения». Она быстро встала, запихивая толстую брошюру в сумочку.

«Ничего».

Она набросила на себя легкое пальто, смотря на меня своими карими глазами. «Нет, — сказала она. — Вы совсем не радикал. Ну а теперь вы себя чувствуете более... умиротворенно? Я правильно подобрала слово?»

«Вполне подходяще, — сказал я. — Это слово мне нравится. Скажите миссис Дэвидсон, чтобы она выписала талон на следующее посещение. Я хочу вас видеть в начале следующего месяца».

«Ваша миссис Дэвидсон меня не одобряет».

«Я уверен, что это не так. — Но я никогда не умел врать, и теплота, возникшая между нами, сразу же испарилась. Я не провожал ее до двери моего кабинета. — Мисс Стенсфилд?»

Она обернулась и застыла в ожидании вопроса.

«Вы собираетесь оставить ребенка?»

Она окинула меня взглядом, потом улыбнулась той загадочной улыбкой, секрет которой знают только беременные женщины. «О, да», — услышал я в ответ, и она ушла.

До конца этого дня я занимался похожими друг на друга случаями пищевого отравления, ожогов кипятком, вытаскивал кусок металла из глаза и дал направление на госпитализацию моему старому пациенту, у которого, я уверен, была раковая опухоль. Я совершенно позабыл о Сандре Стенсфилд. Элла Дэвидсон напомнила мне о ней, заметив:

«Возможно, она вовсе и не потаскушка».

Я оторвал взгляд от карточки моего последнего пациента. Я изучал ее, ощущая раздражение, которое чувствует большинство врачей, оказавшихся не в силах помочь больному. Мне пришла в голову мысль, что вместо всех этих колонок «Сумма к оплате», «Оплачено полностью» или «Пациент переведен», я должен был бы написать «Ордер на смерть». Наверное, с черепом и костями вверх, как на бутылках с ядом.

«Простите?»

«Я о вашей мисс Джейн Смит. Она сделала удивительную вещь сегодня утром после того, как записалась на

прием. Поза миссис Дэвидсон давала недвусмысленно понять, что эту вещь она одобряла.

«И что же она сделала?»

«Когда я дала ей талон на посещение, она попросила подсчитать ее расходы. Все до единого. Включая роды и пребывание в больнице».

Это действительно вызывало удивление. Не забывайте, что речь идет о 1935 году, а мисс Стенсфилд, похоже, была предоставлена самой себе. Жила ли она в достатке? Сомневаюсь. Ее платье, туфли и перчатки были красивыми, но она не носила ювелирных украшений. И к тому же, ее шляпка явно уже вышла из моды.

«И вы сделали, что она просила?»

Мисс Дэвидсон посмотрела на меня так, словно я лишился чувств.

«Конечно же, я сделала это! И она заплатила всю сумму. Наличными».

Это обстоятельство, по-видимому, больше всего поразило миссис Дэвидсон (самым приятным образом, несомненно), но только не меня. Единственное, чего не могут делать все Джейн Смит этого мира, так это выписывать чеки. «Она вытащила из сумки бумажник, открыла его и отсчитала деньги прямо на моем столе, — продолжала миссис Дэвидсон. — Затем убрала рецепт туда, где лежали деньги, положила бумажник в сумочку и попрощалась. Совсем неплохо, если подумать о том, как иногда мы вынуждены бегать за их так называемыми «респектабельными» милостями, чтобы они заплатили по счету!»

По непонятной причине я почувствовал себя огорченным. Я не был доволен тем, что Сандра Стенсфилд сделала это, вызвав такую радость у миссис Дэвидсон, как и не был доволен самим собой. Сам не знаю, почему. Что-то во всем этом заставляло меня почувствовать собственную неполноценность.

«Но не могла же она заплатить за пребывание в больнице, ведь так?» — спросил я. В конечном счете, это не имело никакого значения, но мне нужно за что-нибудь зацепиться, чтобы дать выход охватившему меня чувству

огорчения. «Разве можно сказать заранее, сколько времени ей придется пролежать в больнице. Или вы читаете будущее, Элла?»

«Я ей говорила то же самое, но она спросила, сколько времени в среднем находятся в больнице женщины при отсутствии каких-либо осложнений. Я сказала, что шесть дней. Разве нет?»

Я был вынужден признать, что это так.

«Она сказала, что заплатит за шесть дней, а если ей придется пролежать дольше, то она внесет дополнительную плату. Но если...»

«Если меньше, то мы можем возместить ей лишние расходы», — утомленно закончил я. Я подумал: «Черт бы побрал этих женщин». И тут же рассмеялся. У нее есть голова на плечах. Невозможно это отрицать. И неплохая голова.

Миссис Дэвидсон позволила себе улыбнуться... И если я в какой-то момент, особенно сейчас, когда нахожусь в старческом маразме, начинаю верить, что знаю все о людях, которые меня окружают, то пытаюсь вспомнить эту улыбку. До этого дня я готов был поклясться жизнью, что никогда не увижу, как миссис Дэвидсон, одна из самых «правильных» женщин, которых я когда-либо знал, улыбается при мысли о девушке, забеременевшей не в замужестве.

«Голова на плечах? Может быть, доктор. Но она знает свои умственные способности, это уж точно».

Прошел месяц, и мисс Стенсфилд пришла вновь в назначенное ей время, просто возникнув из этого удивительного человеческого потока, каким был и есть Нью-Йорк. На ней было надето голубое платье, которое выглядело довольно оригинально, хотя и явно было выбрано среди множества ему подобных. Ее туфельки не очень подходили к нему — это была та же коричневая пара, в которой она приходила в последний раз.

Я тщательно осмотрел и ее и счел, что все идет нормально. Я сказал ей об этом, и она осталась довольна.

«Я нашла витамины, которые нужно принимать во время беременности».

«В самом деле? Превосходно».

Ее глаза озорно сверкнули: «Аптекарь предостерегал меня от их употребления».

«Избави меня Бог от этих порошковых дел мастеров — сказал я, и она приснула в ладошку. Это был жест ребенка, покоряющий своей произвольностью. — Я еще не встречал аптекарей, которые не были бы неудавшимися врачами. И республиканцами. Эти витамины — пока еще в новинку, и к ним относятся в подозрении. Вы последовали его совету?»

«Нет, только вашему. Вы же мой врач».

«Благодарю».

«Не за что. — Она посмотрела прямо мне в глаза, уже не хихикая. — Доктор, когда по мне станет заметно?»

«Не раньше августа, я думаю. Или сентября, если вы будете носить... гм, широкие одежды».

«Спасибо». Она взяла свою сумочку, но не встала сразу, чтобы уйти. Я подумал, что она хочет поговорить, но не знает, как и с чего начать.

«Вы ведь работаете, правда?»

Она кивнула. «Да, я работаю».

«Могу я спросить, где? Если вы считаете, что я не должен...»

Она засмеялась, но каким-то ломанным, невеселым смехом. «В универсальном магазине. Где еще незамужняя женщина может работать в городе? Я продаю духи толстым леди, которые смачивают свои волосы, а затем накручивают на тонкие бигуди».

«Как долго вы еще сможете там работать?»

«Пока мое деликатное положение не станет заметным. Предполагаю, что тогда меня попросят уйти, чтобы не огорчить какую-нибудь толстую леди. Потрясение от того, что их обслуживает беременная женщина без обручального кольца, может вызвать выпрямление волос».

Почти мгновенно ее глаза заблестели от слез. Ее губы задрожали, и я стал нащупывать платок. Но слезы не

закапали. Глаза вновь прояснились, губы затвердели, но тут же смягчились. Она просто решила, что не будет терять контроля над своими эмоциями. И не потеряла. Это было впечатляющее зрелище.

«Извините, — сказала она. — Вы очень добры ко мне. Я не хочу отплатить вам за вашу доброту, рассказывая всякие банальные истории».

Она встала, чтобы идти, и я поднялся вместе с ней.

«Я умею слушать, — сказал я, — и у меня есть время. Мой следующий пациент отменил свой визит».

«Нет, — ответила она. — Спасибо, но не стоит».

«Хорошо, — согласился я. — Но я хотел бы сказать кое-что еще».

«Да?»

«Не в моих правилах делать так, чтобы мои пациенты — любые пациенты — оплачивали вперед услуги, которые им будут оказаны. Я думаю, что если вы... то есть, если бы вы хотели... или вам необходимо...» — промямлил я и замолчал.

«Я уже четыре года в Нью-Йорке, доктор. И по своей природе я терпелива. После августа или сентября я вынуждена буду жить на мои сбережения, пока не смогу снова устроиться на работу. Это не очень много, и иногда, по ночам, мне становится страшно».

Она внимательно посмотрела на меня своими чудесными карими глазами.

«Мне казалось, что будет лучше — надежней скорее, — если я заплачу за ребенка. В первую очередь. Потому что я много думаю о нем, а искушение истратить эти деньги может стать очень сильным».

«Хорошо, — сказал я. — Но, пожалуйста, запомните, что если они вам понадобятся, сразу скажите мне об этом».

«И снова разбудить дракона в миссис Дэвидсон, — Игривые огоньки вновь появились в ее глазах. — Не думаю, что это нужно делать. Ну, а теперь, доктор...»

«Вы намерены проработать до конца, сколько сможете? Это действительно необходимо?»

«Да, я должна. Но почему вы спрашиваете?»

«Боюсь, мне придется поугатать вас немного, прежде чем вы пойдете», — сказал я.

Ее глаза стали чуть шире. «Не делайте этого, — попросила она. — Я и так уже достаточно напугана».

«Именно поэтому я и собираюсь поговорить с вами. Сядьте, мисс Стенсфилд». Но поскольку она осталась стоять, я добавил: «Прошу вас».

Она села. Не очень охотно.

«Вы находитесь в довольно-таки незавидном положении, — начал я, сидя на краю письменного стола. — Но вы не без изящества справляетесь с встающими на вашем пути трудностями».

Она собиралась что-то сказать, но я поднял руку, прося не перебивать меня.

«Это очень похвально. Но я не хотел бы, чтобы вы навредили своему ребенку вследствие заботы о вашем финансовом положении. У меня была пациентка, которая, несмотря на мои предостережения, из месяца в месяц продолжала туго затягивать пояс. Она была тщеславной, глупой и скучной женщиной, и я не верю, что она на самом деле хотела ребенка. Я бы не подписался под многочисленными теориями о подсознании, которые обсуждаются сегодня чуть ли не на каждом углу, но если бы я в них верил, я бы сказал, что она — или часть ее — пыталась убить младенца».

«И она это сделала?» — Ее лицо оставалось спокойным.

«Нет, вовсе нет. Но ребенок родился с опозданием. Вполне возможно, что он так или иначе родился бы позже срока — мы мало что знаем о причинах этого явления. Но она сама могла вызвать это».

«Я понимаю, куда вы клоните, — сказала она низким голосом. Вы не хотите, чтобы я тоже затягивалась, так что я смогу оставаться на работе еще месяц или шесть недель. Честно говоря, такая мысль приходила мне в голову. Что ж, спасибо за то, что вы меня напугали».

На этот раз я проводил ее до двери. Мне хотелось спросить ее, сколько у нее оставалось денег и как долго она сможет прожить на них. Но я слишком хорошо знал,

что на такой вопрос я не услышал бы ответа. На прощание я пошутил по поводу ее витаминов. Она ушла. Я думал о ней в свободные минуты весь следующий месяц, и....

На этом месте Иохансен прервал рассказ Маккэррона. Они были друзьями, и это, как мне кажется, давало ему право задать вопрос, о котором мы все думали.

«Ты любил ее, Эмлин? Ведь поэтому ты постоянно упоминаешь о ее глазах, улыбке и о том, как ты «думал о ней в свободные минуты?»

Я подумал, что подобное вмешательство должно было рассердить Маккэррона, однако этого не произошло. «Ты вправе задать этот вопрос», — сказал он и замолчал, глядя в огонь. Могло показаться, что он задремал. В этот момент выстрелило сухое полено, искры закружились в камине, и Маккэррон посмотрел вокруг, сначала на Иохансена, а потом на всех остальных.

«Нет, я не любил ее. То, что я говорил о ней, очень напоминает те детали, которые обычно замечает влюбленный мужчина — выражение глаз, одежда, смех». Он зажег свою трубку специальной зажигалкой, затянулся и выпустил облачко дыма, стлавшееся вокруг его головы ароматной завесой.

«Я восхищался ею. И мое восхищение росло с каждым ее появлением. Думаю, что некоторые из вас воспринимают мой рассказ как историю любви, перечеркнутую обстоятельствами.

Но это не имеет ничего общего с реальностью. Ее история завершилась в последующие полгода, и когда, джентльмены, вы услышите ее, то, уверен, убедитесь, насколько она во многом типична, как утверждала сама Сандра. Она попала в Нью-Йорк как тысячи других девушек, приехав из небольшого города...

...в Айове или Небраске. А, может быть, в Миннесоте, я не помню. Она изучала драматическое искусство и участвовала в спектаклях местного городского театра. В местном еженедельнике были опубликованы хорошие ре-

цензии одного драматического критика с ученой степенью, и она отправилась в Нью-Йорк, чтобы начать карьеру актрисы.

Она была практичной даже в этом — насколько позволяло столь непрактичное само по себе устремление. Ей захотелось попасть в Нью-Йорк, как она сама рассказывала, не потому что она верила в то, на что намекали иллюстрированные журналы: любая девушка, приезжающая в Голливуд, может стать звездой. Она говорила, что приехала в Нью-Йорк, чтобы приоткрыть дверь в новый мир, а также потому, как мне кажется, что больше любила драматический театр, чем звуковое кино.

Она устроилась на работу в универсальный магазин и поступила на театральные курсы. Ее отличали ум и железная воля, но в ней было столько же человеческих качеств, как и в любом другом человеке. К тому же она была одинока. Так одинока, как только, пожалуй, могут чувствовать себя простые девушки из небольших городов Среднего Запада. Тоска по дому — это не всегда то смутное, ностальгическое и даже прекрасное чувство, каким мы его себе привыкли представлять. Оно может быть острым, как нож, и превращаться в болезнь не в переносном, а в прямом смысле. Оно может изменить взгляды человека на жизнь. Лица на улице становятся для него не безразличными, а отталкивающими и даже злопадными. Тоска по дому — это настоящая болезнь, боль вырванного с корнем растения.

Мисс Стенсфилд, сколь очаровательной и решительной она ни была, не имела иммунитета от этой болезни. Все случившееся с ней затем настолько естественно, что и не стоит труда рассказывать об этом. На курсах вместе с ней учился некий молодой человек. Несколько раз они вместе проводили вечер. Она не любила его, но ей был нужен друг. Когда она поняла, что он никогда им не станет, произошло два события: она обнаружила, что беременна, и рассказала об этом молодому человеку. Он сказал, что останется с ней, и у них все будет «пристойно». Через неделю он съехал с квартиры, не

оставив ей своего нового адреса. И тогда она пришла ко мне.

Когда мисс Стенсфилд была на четвертом месяце, я познакомил ее с Методом дыхания, сейчас он называется методом Ламаза. В те времена, как вы понимаете, о господине Ламазе никто не слышал.

«В те времена» — эта фраза появляется все чаще и чаще, я заметил. Я приношу свои извинения, но ничего не могу с этим поделать. Все, о чем я вам рассказал и расскажу, произошло в те времена или в те дни, если хотите.

Итак... «в те времена», сорок пять лет тому назад, посещение родильного отделения в любой крупной американской больнице напомнило бы вам визит в сумасшедший дом. Женщины, плачущие навзрыд, женщины, кричащие о том, что хотели бы умереть, женщины, стенающие, что они не перенесут таких мучений, женщины, взывающие к Христу, чтобы он простил им их преступления, женщины, выкрикивающие такие слова, что их мужья и отцы никогда бы не поверили, что они им известны. Все это — вещи общеизвестные, несмотря на то, что большинство женщин рожают почти в абсолютной тишине, за исключением мычащих звуков натуги, которые, впрочем, ассоциируются у нас с любым тяжелым физическим трудом.

К сожалению, врачи отчасти повинны в этой истерии. Ей способствуют также и рассказы, которые беременная женщина слышит от подруг и родственников, уже испытавших, что такое роды. Поверьте, если вам скажут, что что-то будет болезненным, вы действительно почувствуете боль. Большей частью боль находится в вашем сознании, и когда женщина уверует в то, что роды — это страшно болезненный процесс, и об этом ей говорит ее мать, сестры, подруги и ее врач, то она уже внутренне готова испытать сильные мучения.

Даже всего за шесть лет практики я привык к тому, что женщины пытаются справиться в двойной проблемой: дело не только в том, что они беременны и должны готовиться

к рождению ребенка, но и в том, что над ними нависла тень смерти. Многие стараются привести свои дела в порядок, чтобы, если они умрут, их мужья могли бы продолжать без них.

Сейчас не подходящее время для лекции по акушерству, но вы должны знать, что длительное время до тех дней роды считались крайне опасными в западных странах.

Революция в медицине, начавшаяся около 1900 года, сделала этот процесс более безопасным, но только ничтожно малое число врачей удосужилось сообщить об этом своим пациенткам. Одному Богу известно, почему. В этой связи, стоит ли удивляться, что большинство родильных домов ассоциировались с местом для умалишенных? И вот все эти несчастные женщины проходят через то, о чем из-за викторианских предрассудков, господствующих в то время, знают лишь в самых общих чертах. Их охватывает страх и изумление, которые они моментально воспринимают как невыносимую боль, и большинство из них начинает чувствовать, что скоро умрут собачьей смертью.

Во время чтения литературы о беременности я обнаружил принцип «тихих» родов и основную идею Метода дыхания. При криках тратится энергия, которую можно использовать для выталкивания плода. Это приводит к перенасыщению кислородом, а перенасыщение включает аварийную систему функционирования организма: надпочечники начинают работать на полную мощность, дыхание и пульс учащаются, что совсем не нужно. Метод дыхания же помогает матери сосредоточиться на самом процессе и справиться с болью, используя ресурсы собственного тела.

К тому времени этот метод широко применялся в Индии и Африке; в Америке его использовали шошоны, микмаки и другие индейские племена, эскимосы всегда прибегали к нему. Однако, как вы можете догадаться, большинство западных врачей нисколько им не интересовалось. Один из моих коллег возвратил мне мою отпечатанную на машинке брошюру, где красным карандашом перечеркнул целый раздел о Методе дыхания. На полях

он написал, что, если бы он захотел что-либо прочитать о «предрассудках черномазых», он просто купил бы издание «Страшных сказок!»

Я все же не выкинул этот раздел моей брошюры, как он советовал, а попробовал добиться результатов на практике. Некоторые женщины достигли впечатляющих успехов. Другие же, казалось, понимали суть метода, но полностью теряли самообладание, как только сокращения матки становились сильнее. В большинстве случаев, как мне удалось выяснить, сама идея была раскритикована друзьями и родственниками, которые никогда ни о чем подобном не слышали, а потому не верили, что что-то может получиться.

Метод основывался на предположении, что, хотя и не бывает одинаковых родов в их специфических моментах, все они похожи в своих общих чертах. Существует четыре стадии родов: схватки, срединные роды, рождение и выведение последа. Сокращения вызываются напряжением мышц живота и предлобковой зоны и часто появляются на шестом месяце беременности. Многие женщины при первой беременности ожидают чего-то ужасного, внутренних спазмов, хотя это чисто физическое ощущение, похожее на боль, когда сводит мышцу. Женщина, применяющая Метод дыхания, начинает дышать сериями коротких, размеренных вдохов и выдохов, когда чувствует, что подходят схватки. Воздух выдыхается резкими толчками, как если бы вы дули в трубу в стиле Диззи Гиллеспи.

Во время срединных родов, при которых более болезненные сокращения поступают каждые пятнадцать минут, женщина переходит к долгим вдохам и выдохам — так дышат бегуны на длинные дистанции, когда совершают свой финишный рывок. Чем сильнее схватки, тем продолжительнее вдох-выдох. В моей брошюре, я назвал эту стадию «качание на волнах».

На последнем этапе надо быть особенно внимательными к тому, что я называю «локомотив», а инструкторы Ламаза стадией дыхания «чу-чу». Последняя фаза родов

сопровождается болями, которые чаще всего описывают как глубокие и тупые. В этот момент женщину охватывает непреодолимое желание вытолкнуть ребенка. Вот та точка, джентльмены, когда этот удивительный и жуткий двигатель набирает полные обороты. Шейка матки полностью раскрыта. Ребенок уже начал свое короткое путешествие по родовому каналу, и если вы посмотрите прямо между ног матери, то увидите родничок младенца, пульсирующий всего в нескольких дюймах от выхода из материнского тела. Женщина должна дышать при помощи коротких и резких вдохов и выдохов, но не наполняя свои легкие, а контролируя ритм дыхания. Она как бы подражает звуку паровозной трубы.

Такое дыхание благоприятно воздействует на организм: насыщенность кислородом сохраняется высокой, но при этом не включается аварийная система. В то же время, женщина полностью владеет собой, может задавать вопросы и способна выполнять указания врача. Но еще более важен моральный эффект, получаемый при использовании Метода дыхания. Мать чувствует, что она активно участвует в рождении ее ребенка и даже может частично управлять этим процессом.

Вы должны понимать, что весь процесс тесно связан с состоянием ума пациента. Его уязвимость — и этим я бы объяснил все неудачи, если бы их у меня было много — заключается в том, что пациентку, убежденную собственным врачом, могут отговорить родственники, которые и слышать ничего не захотят о таком варварском методе.

С этой точки зрения мисс Стенсфилд была идеальной пациенткой. У нее не было ни друзей, ни родственников, способных поколебать ее веру в Метод дыхания (хотя, честно говоря, я очень сомневаюсь, что кто-то смог бы отговорить ее от того, что она для себя решила), если она сама в него поверит. И она поверила.

«Это немного напоминает самогипноз, да?» — спросила она, когда я в первый раз рассказал ей о Методе.

Я согласился, не скрывая восхищения. «Вот именно! Но вы не должны допускать мысли, что это всего лишь

трюк, и не отчаиваться, если что-то не будет получаться сразу».

«Никаких таких мыслей у меня нет. Я очень вам благодарна. Я буду очень стараться, доктор». Она была просто создана для Метода дыхания и, если пообещала стараться, то можно было не сомневаться, что так и будет. Я никогда не видел раньше, чтобы кто-то отнесся к этой идее с таким энтузиазмом. Мисс Стенсфилд принадлежала к категории людей, которые предпочитают крепко держать собственную жизнь за горло.

Когда я говорю, что она полностью решила посвятить себя Методу дыхания, то нисколько не грешу против истины и думаю, что ее последний день работы в универмаге подтверждает это.

Этот день настал в конце августа. Мисс Стенсфилд была стройной молодой женщиной в прекрасной форме. Любой врач может подтвердить, что такие женщины, несущие своего первого ребенка, способны «не выдавать» своего положения в течение пяти, или даже шести месяцев. Но затем, в один прекрасный день, все становится явным.

Она пришла на очередной осмотр первого сентября и, рассмеявшись, рассказала мне, что, как выяснилось, Метод дыхания имеет еще одно применение.

«Какое же?» — спросил я.

«Это даже лучше, чем считать до десяти, когда рассердишься на кого-то, — сказала она. Ее карие глаза сверкали. — Хотя люди смотрят на тебя, как на лунатика, когда начинаешь пыхтеть и сопеть».

Она охотно поведала мне, что произошло на работе. В прошлый понедельник она, как обычно, вышла на работу. Я полагаю, что это забавное и резкое превращение из стройной молодой женщины в явно беременную женщину, случилось в выходные дни. Или ее начальница пришла к выводу, что ее подозрения перестали быть просто подозрениями.

«Зайдите ко мне в кабинет во время перерыва», — холодно сказала ей эта женщина, некто миссис Келли. До этого момента она держалась очень дружелюбно по отно-

шению к мисс Стенсфилд. Миссис Келли показывала ей фотографии двух своих сыновей, учащихся в институте. Она постоянно спрашивала ее, не встретила ли она уже «милого юношу».

Теперь же от этой дружелюбности не осталось и следа. Мисс Стенсфилд сказала мне, что, входя в кабинет миссис Келли, она знала, что произойдет.

«У вас неприятность», — резким голосом произнесла эта добрая, казалось бы, женщина.

«Да, — сказала мисс Стенсфилд. — Некоторые люди называют это так».

Щеки миссис Келли стали цвета старого кирпича. «Не умничайте со мной. Судя по вашему животу, вы и так были слишком умны».

Я словно воочию видел обеих женщин, пока слышал рассказ мисс Стенсфилд, — ее карие глаза смотрят прямо, она не желает опускать их или как-то по-иному продемонстрировать признаки смущения. Я думаю, что с практической точки зрения она гораздо лучше, чем миссис Келли, представляла себе все трудности своего положения.

«Я должна сказать, что вы не очень-то стыдитесь того, что обманули меня!», — с горечью сказала миссис Келли.

«Я никогда вас не обманывала. Вы ни словом не обмолвились о моей беременности до сегодняшнего дня, — она с любопытством посмотрела на миссис Келли. — Как вы можете говорить, что я вас обманула?»

«Я пригласила вас к себе в дом! — вскричала миссис Келли. — Я позвала вас на обед... с моими сыновьями». Она неприязненно взглянула на мисс Стенсфилд.

В этот момент мисс Стенсфилд рассердилась не на шутку. Так, как, по ее словам, она не сердилась ни разу в жизни. Она прекрасно отдавала себе отчет в том, какую реакцию может вызвать ее положение, когда оно обнаружится, но вы все можете подтвердить, джентльмены, какая разница существует между теорией и ее практическим результатом.

Положив руки на колени, мисс Стенсфилд сказала твердо: «Если вы намекаете на то, что я когда-нибудь

пыталась или могла бы попытаться соблазнить ваших сыновей, это самая грязная и низкая ложь, которую я когда-либо слышала в своей жизни».

Голова миссис Келли дернулась, как от пощечины. Две женщины мерили друг друга взглядом, разделенные письменным столом. В комнате чувствовался слабый запах цветов. Это мгновение, как показалось мисс Стенсфилд, длилось бесконечно долго.

Затем миссис Келли рывком открыла ящик стола и достала темно-желтый чек. Показывая зубы, словно откусывая каждое слово, она сказала: «Когда сотни порядочных девушек ищут работу в нашем городе, я не думаю, что мы нуждаемся в услугах какой-то проститутки, дорогая».

Она сказала мне, что именно это презрительное «дорогая» окончательно вывело ее из себя. Миссис Келли, с широко раскрытыми глазами и открыв рот наблюдала как миссис Стенсфилд, сцепив пальцы с такой силой, что на них появились синяки (они уже побледнели, но все еще были заметны, когда она пришла ко мне первого сентября), начала с шумом выдыхать воздух сквозь плотно сжатые губы.

Вряд ли эту историю можно было назвать забавной, но я не удержался от смеха, и мисс Стенсфилд присоединилась ко мне. Миссис Дэвидсон заглянула в кабинет — наверное, чтобы убедиться, что мы не надышались закисью азота — и закрыла за собой дверь.

«Это единственное, что я могла сделать, — сказала мисс Стенсфилд, все еще смеясь и вытирая платком слезы. — Потому что в тот момент, я ясно представила, как я смахиваю с ее стола флакончики с духами. Я увидела, как они разбиваются на мелкие кусочки и наполняют комнату жутким зловонием».

«Я собиралась сделать это и, казалось, ничто не могло бы меня удержать. Но тогда я начала дышать, как паровоз, и все прошло. Я нашла в себе силы взять чек и уйти. Я не могла поблагодарить ее, потому что все еще изображала паровоз!»

Мы снова рассмеялась, а потом она стала серьезной.

«Все уже позади, и мне сейчас даже немного жаль ее — или, может быть, я веду себя чересчур высокомерно?»

«Вовсе нет. Я просто удивлен, что вы можете испытывать сейчас такие чувства».

«Можно я покажу вам то, что я купила на выходное пособие?»

«Конечно, если вы этого хотите».

Она открыла кошелек и вынула маленькую плоскую коробочку. «Я купила это в ломбарде, — сказала она. — За два доллара. Это был единственный момент за все время этого кошмара, когда я действительно почувствовала стыд. Разве это не странно?»

Она открыла коробочку и положила на стол, чтобы я смог увидеть ее содержимое. В ней лежало обычное обручальное кольцо.

«Я буду делать все как нужно, — сказала она. — Я снимаю комнату в доме, который миссис Келли назвала бы «добропорядочным пансионом». Моя хозяйка добра ко мне... но миссис Келли тоже была добра и дружелюбна. Я думаю, она может в любой момент попросить меня съехать, и боюсь, что, если я попрошу ее вернуть мне деньги, которые я заплатила вперед, она рассмеется мне в лицо».

«Но это будет незаконно. Есть суды и адвокаты, которые помогут вам...»

«Суды — это мужские клубы, — ответила она с уверенностью в голосе, — не способные с пониманием отнестись к женщине в моем положении. Может быть, я сумею получить назад мои деньги, а, может быть, и нет. В любом случае, все расходы и неприятности вряд ли стоят сорока семи долларов или около того. И впредь я намерена стать более практичной».

«Я заметила одно местечко в нижней части Вилледжа. Это, правда, третий этаж, но комната чистая и стоит на пять долларов в месяц дешевле, чем та, которую я снимаю в настоящий момент». Она вытащила кольцо из коробочки. «Я надела его, когда хозяйка показывала мне комнату».

Она надела его на третий палец левой руки с легким выражением неприязни, в котором, как мне кажется, она не отдавала себе отчета. «Вот так. Теперь я миссис Стенсфилд. Мой муж был водителем грузовика, он погиб в аварии на автостраде Питтсбург — Нью-Йорк. Ужасно грустно. Но я больше не проститутка, а мой ребенок не будет незаконнорожденным».

Она посмотрела на меня, и в ее глазах появились слезы.

«Прошу вас, — сказал я и взял ее руку в свою. Она была очень холодной. — Не надо, дорогая».

Она повернула руку ладонью вниз и посмотрела на кольцо. Затем улыбнулась, и, поверьте мне, джентльмены, ее улыбка была столь же горькой, как горчица. По ее щеке скатилась одинокая слеза.

«Когда я слышу, как некоторые циники говорят, что волшебству и чудесам нет места в наше время, я уверена, что они заблуждаются, правда, доктор Маккэррон? Когда вы покупаете кольцо за два доллара, и это кольцо в один миг избавляет вас от незаконного рождения и нелегальности вашего положения, как это можно назвать, если не волшебством? Дешевым волшебством».

«Мисс Стенсфилд... Сандра, если я могу... если вас нужна помощь, все, что я смогу...»

Она убрала свою руку — может быть, если бы я взял ее правую руку, она бы этого не сделала. Я говорил вам уже, что не любил ее, но в этот момент я мог почувствовать любовь к ней, я был готов полюбить ее. Возможно, если бы я взял ее правую руку вместо той, с предательским кольцом, и она позволила бы мне поддержать ее руку в своей немного дольше, пока бы я не согрел ее своим теплом, — возможно, я полюбил бы эту женщину.

«Вы хороший, добрый человек, и вы многое сделали для меня и моего ребенка. Ваш Метод дыхания — несравнимо большее чудо, чем это ужасное кольцо. Кроме всего прочего, он спас меня от тюрьмы за предумышленные разрушительные действия».

Вскоре после этого она ушла, а я подошел к окну и смотрел, как она шла вдоль улицы к Пятой авеню. Боже,

я восхищался ею даже тогда! Она выглядела такой хрупкой, такой молодой и явно беременной, но ничуть не неуверенной или пугливой. Она шла по улице как бы с сознанием собственного права на свое место в этом мире.

Она исчезла из вида, и я вернулся к столу. Мой взгляд вдруг привлекла фотография в рамке, висевшая на стене рядом с моим дипломом, и страшная дрожь пробежала по моему телу. Жуткий страх сжал мое горло, и я почувствовал, что задыхаюсь. Это был ужас предчувствия, джентльмены. Я не хочу спорить о том, могут ли происходить подобные вещи или нет. Я знаю, что могут, поскольку испытал это на себе. Именно тогда, в тот жаркий сентябрьский полдень. И я молю Бога, чтобы мне не довелось испытать это еще раз.

Снимок был сделан моей матерью в тот день, когда я окончил медицинский институт. Я стоял перед Уайт Мемориал, заложив руки за спину и сияя, как ребенок, который целый день резвился и прыгал по аллеям Пэлисейд парка. Слева от меня виднелась статуя Гарриет Уайт, и хотя ее верхняя часть была отсечена кадром, пьедестал и жестокая надпись — «Не существует покоя без боли; таким образом, мы определяем спасение через страдание» — были четко различимы. И у подножия статуи первой жены моего отца, как раз под надписью, Сандра Стенсфилд погибла почти четыре месяца спустя во время несчастного случая, случившегося в тот момент, когда она приехала в больницу, чтобы родить на свет своего ребенка.

Она переживала, что меня не окажется в больнице, когда ей придет время рожать, что я уеду на Рождество и мне нельзя будет позвонить. Ее пугало, что роды будет принимать другой врач, который не будет знать о ее желании воспользоваться Методом дыхания и вместо этого применит наркоз.

Я старался успокоить ее, как только мог. У меня не было причин уезжать из города, не было семьи, которую следовало навестить во время рождественских праздников. Моя мать умерла двумя годами раньше, и у меня никого

не осталось, за исключением незамужней тетки в Калифорнии, а поезда я не любил, сказал я мисс Стенсфилд.

«Вы чувствуете себя одиноким?» — спросила она.

«Иногда. Обычно я слишком занят. Возьмите вот это. — Я написал свой номер телефона на карточке и протянул ее мисс Стенсфилд. — Позовите меня, если дозвонитесь до приемной больницы, когда начнутся схватки».

«О, нет, я не могу...»

«Вы хотите пользоваться Методом дыхания или довериться какому-нибудь костоправу, который подумает, что вы свихнулись, и даст вам эфира, когда вы начнете выдыхать, как паровозная труба?»

Она улыбнулась: «Ну хорошо. Вы меня убедили».

Тем не менее, осень проходила, но волнения не покидали ее.

В самом деле ее попросили освободить комнату, где она жила, когда я впервые встретился с ней. Она переехала в Вилледж, и это, как оказалось, было ей только на пользу. Она даже нашла какую-то работу. Слепая женщина с неплохим доходом наняла ее для легкой домашней работы, а также для чтения вслух произведений Портера и Бака. Она жила на первом этаже в том же доме, что и мисс Стенсфилд. У мисс Стенсфилд появился тот цветущий вид, который свойственен здоровым женщинам на последних трех месяцах беременности. Но на ее лице лежала какая-то тень. Когда я разговаривал с ней, она отвечала мне с какой-то излишней медлительностью. Как-то раз, когда она не ответила вовсе, я поднял глаза и увидел, что она рассматривает фотографию в рамке на стене со странным, мечтательным выражением. Я почувствовал, как меня обдало холодом... и ее ответ, не имевший ничего общего с моим вопросом, несколько не успокоил меня.

«У меня такое чувство, доктор, и иногда очень сильное, что я обречена».

Глупое, мелодраматическое слово! Однако, джентльмены, у меня был готов сорваться ответ: «Да, я тоже

чувствую это». Я прогнал от себя эти мысли — врач, произносящий такие вещи, должен немедленно продать свой инструмент и медицинские книги и попытаться счастья в плотницком деле или стать водопроводчиком.

Я сказал ей, что она не первая беременная женщина, у которой возникают подобные чувства. Они известны любому врачу, и их часто называют Синдромом Долины Теней. По-моему, я уже упоминал об этом, джентльмены.

Мисс Стенсфилд серьезно кивнула мне в ответ, и я вспоминаю, как молодо она выглядела в тот день и каким большим казался ее живот. «Я знаю об этом, — сказала она. — Я испытываю эти ощущения, но они как бы отделены от того другого чувства. Оно... как что-то неясно вырисовывающееся. Я не могу описать это более точно. Это глупо, но я не могу от него избавиться».

«Вы должны попытаться, — сказал я. — Это же очень хорошо для...»

Но она уже была далеко от меня. Она снова изучала фотографию.

«Кто это?»

«Эмлин Маккэррон, — ответил я, стараясь перевести все в шутку. Но у меня получилось немного глуповато. — Перед Гражданской войной, совсем еще молодой».

«Нет, я узнала вас, конечно, — сказала она. — Женщина. Можно определить, что это женщина по юбке и туфлям. Кто она?»

«Ее имя — Гарриет Уайт», — промолвил я и подумал: *«Она будет первой, чье лицо вы увидите, когда приедете рожать»*. Холод вернулся вновь, жуткий и беспредельный. *Ее каменное лицо*.

«А что говорит надпись на основании статуи?» — спросила она, все еще находясь в каком-то оцепенении.

«Я не знаю, — солгал я. — Я недостаточно силен в разговорной латыни».

В эту ночь я видел самый плохой сон в своей жизни. Я проснулся от ужаса и если бы я был женат, то напугал бы свою жену до смерти.

Во сне я открыл дверь своего кабинета и увидел Сандру Стенсфилд. На ней были коричневые туфли, красивое белое платье с коричневой канвой и чуть вышедшая из моды шляпка. Но шляпка находилась между ее груди, потому что она держала голову в руках. Белое платье было запачкано кровью. Кровь хлестала из ее шеи и заливала потолок.

Ее удивительные карие глаза были широко раскрыты и смотрели на меня.

«Обречена, — сказала ее голова. — Обречена. Я обречена. Нет спасения без страдания. Это дешевое волшебство, но это все, что мы имеем».

Я закричал и проснулся.

Настал и прошел день, когда должен был подойти ее срок — 10 декабря. Я осмотрел ее 17 декабря и сказал, что ребенок безусловно родится в 1935, но скорее всего после Рождества. Мисс Стенсфилд восприняла эту новость с хорошим настроением. Казалось, она отбросила все омрачающие ее ощущения. Миссис Гиббс, слепая женщина, нанявшая мисс Стенсфилд, была ею очень довольна. Она даже рассказала своим друзьям о мужественной молодой вдове, которая, несмотря на все невзгоды и собственное затруднительное положение, не унывает и смело смотрит в будущее. Многие из друзей старой женщины выказали готовность взять мисс Стенсфилд на работу после рождения ребенка.

«Я тоже подвела их к этому, — сказала она мне. — Ради ребенка. Но только до тех пор, пока я окончательно не встану на ноги и не найду что-нибудь постоянное. Иногда мне кажется, что самое худшее из всего случившегося — то, что я по-другому стала смотреть на людей. Иной раз я думаю: ну как я могу спокойно спать, когда я обманула эту милую золотую старушку? А потом я говорю себе: «Если бы она знала, то показала бы мне на дверь, как и все другие». Но все равно, ложь есть ложь, и порой мне становится тяжело на сердце».

Перед тем как уйти в этот день, она достала маленький сверток и робко положила его на стол. «Счастливого Рождества, доктор».

«Вы не должны были, — сказал я, выдвигая ящик стола и доставая собственный сверток. — Но я тоже приготовил для вас...»

Она удивленно взглянула на меня, и мы оба рассмеялись. Она подарила мне серебряную заклепку для галстука, а я — альбом для фотографий ее ребенка. У меня сохранилась заклепка, и вы видите, что я надел ее сегодня. Что случилось с альбомом, мне неизвестно.

Я проводил ее до двери, и тут она обернулась, положила руки мне на плечи, поднялась на мыски и поцеловала меня в губы. Ее губы были холодны и тверды. Это был не страстный поцелуй, но и не тот, что вы ждете от сестры или тети.

«Еще раз спасибо, доктор, — сказала она, чуть задыхаясь. Ее щеки слегка зарделись, а карие глаза ярко блестели. — Спасибо за все».

Я засмеялся — немного неуклюже. «Вы говорите так, словно мы с вами больше не увидимся, Сандра». Во второй и последний раз я назвал ее по имени.

«Нет, мы еще встретимся, — возразила она. — Я в этом нисколько не сомневаюсь».

Она была права, хотя ни один из нас не мог предвидеть, при каких страшных обстоятельствах произойдет наша последняя встреча.

Схватки начались в самый канун рождества, после шести вечера. К тому времени выпавший за весь день снег превратился в лед.

Миссис Гиббс жила в просторной квартире на первом этаже, и в шесть тридцать мисс Стенсфилд осторожно спустилась вниз, постучала в дверь ее квартиры и попросила разрешения вызвать по телефону такси.

«Что, маленький беспокоит, дорогая?» — спросила миссис Гиббс, уже волнуясь.

«Да. Схватки только начались, но я беспокоюсь из-за погоды. Такси будет ехать очень долго».

Она вызвала такси, а потом позвонила мне. В это время, в шесть сорок, волны боли следовали с интервалом в двадцать пять минут. Она повторила мне, что решила поторопиться из-за непогоды. «Мне бы не хотелось родить ребенка на заднем сиденьи такси», — сказала она. Ее голос был совершенно спокойным.

Такси опаздывало, а родовые схватки протекали немного быстрее, чем я предсказывал. Но, как я уже говорил, не бывает абсолютно похожих друг на друга родов. Таксист, видя, что его пассажир вот-вот разродится, помог ей спуститься по скользким ступеням, все время повторяя «Будьте осторожны, леди». Мисс Стенсфилд только кивала, сосредоточившись на глубоких вдохах и выдохах, в то время как конвульсии сотрясали ее тело. Дождь со снегом барабанил по крышам машин, стекая гигантскими каплями по светящейся желтой табличке такси. Миссис Гиббс рассказывала мне позже, что молодой водитель нервничал больше, чем ее «бедная, дорогая Сандра», что, вероятно, так же явилось причиной несчастья.

Другой причиной, несомненно, был сам Метод дыхания.

Таксист пробирался по скользким улицам, медленно проезжая перекрестки. Он сказал, что звук ровного и глубокого дыхания, идущий с заднего сидения, заставлял его нервничать и постоянно смотреть в зеркало, чтобы проверить, все ли в порядке с женщиной. Он утверждал, что не нервничал бы так, если бы она просто вскрикивала, как, по его мнению, и должны себя вести рожаящие женщины. Он спросил ее один или два раза, как она себя чувствует, и она лишь кивнула в ответ, продолжая «качание на волнах» с глубокими вдохами и выдохами.

За два или три квартала до больницы она, наверное, почувствовала, что наступает конечная стадия родов. Прошел час с того момента, как она села в такси, но все равно это были необычайно быстрые роды для женщины,

не имевшей раньше детей. Водитель заметил разницу в ее дыхании. «Она задышала, как собака в сильную жару, док», — сказал он. Она начала работать в ритме «паровоза».

В эти минуты таксист увидел просвет с нескончаемым потоке машин и устремился в него. Путь к больнице был теперь открыт. Она находилась всего в нескольких кварталах впереди. «Я уже видел статую рядом с ней», — продолжал водитель.

Стремясь как можно быстрее избавиться от терпящей муки беременной женщины, он нажал на газ, и машина рванулась вперед, заскользив по покрытому дорогу льду.

Я прибыл в больницу примерно в то же время, что и такси, только лишь потому, что недооценил всю сложность вождения в таких условиях. Я считал, что найду мисс Стенсфилд наверху, уже подготовленной к родам. Я поднимался по ступеням, когда неожиданно заметил пересечение двух огней, отразившееся на ледовой дорожке, которую еще не успели посыпать золой. Я повернулся вовремя, чтобы увидеть, как все произошло.

Машина скорой помощи выезжала с площадки перед корпусом неотложной терапии, в то время, как такси с мисс Стенсфилд подъезжало к больнице. Такси ехало слишком быстро, чтобы успеть затормозить. Водитель запаниковал и резко нажал на тормоз вместо того, чтобы «подкачать» его. Такси закружилось и начало переворачиваться на бок. Зажженная мигалка «скорой» отбрасывала полосы кроваво-красного света, освещавшего место происшествия. В какой-то момент полоса света упала на лицо Сандры Стенсфилд. Это было лицо из моего сна — окровавленное, с широко раскрытыми глазами.

Я выкрикнул ее имя, сбегал две ступеньки вниз, поскользнулся и упал, растянувшись. Я почувствовал парализующую боль в локте, но все же сумел взобраться на свой черный портфель. За всем остальным я наблюдал лежа, ощущая звон в ушах и острую боль в локте.

«Скорая» затормозила и также начала вращаться, ударившись задом об основание статуи. Двери распахнулись,

и каталка, к счастью пустая, выскочила, словно язык, и помчалась вниз по улице на своих колесах. Молодая женщина на тротуаре закричала и попыталась убежать, когда две машины приблизились друг к другу. Сделав два больших шага, она поскользнулась и упала на живот. Ее сумочка вылетела у нее из рук и заскользила по ледяному тротуару, словно бита по дорожке кегельбана.

Такси продолжало вертеться и теперь двигалось назад. Я хорошо видел водителя. Он крутил руль как сумасшедший. «Скорая» отскочила от статуи и врезалась в бок такси. Машина закружилась с новой силой и со всего маху ударилась об основание постамента. Горевшая желтая табличка взорвалась, словно бомба. Левый бок такси смялся, как папиросная бумага. Через мгновение я увидел, что удар не полностью пришелся на левую сторону. Машина угодила в угол пьедестала с такой силой, что могла бы быть разрезана пополам.

Во все стороны брызнули стекла. А моя пациентка была выброшена через правую половину заднего стекла изуродованной машины, как тряпичная кукла.

Я снова был на ногах, не замечая этого. Я помчался вниз по обледелым ступеням, снова поскользнулся, но устоял. Единственное, в чем я отдавал себе отчет — это мисс Стенсфилд, лежащая в тени зловещей статуи, рядом с тем местом, где «скорая» нашла успокоение, перевернувшись на бок, а ее мигалка продолжала разрывать ночь красными вспышками. Было что-то до жути ненормальное в лежавшей фигуре, но, честно говоря, я не хотел верить, что знаю в чем дело, пока моя нога не наткнулась на какой-то предмет. То, что я задел, заскользило прочь, как сумочка молодой женщины. Оно скорее скользило, чем катилось. И только колыхание волос, перепачканных в крови и усеянных осколками стекла, но узнаваемых по их золотистому оттенку, заставило меня понять, что это было. Во время аварии ей оторвало голову. Ее-то и задела моя нога.

Двигаясь, словно во сне, я подошел и перевернул ее тело. Я думаю, что пытался закричать, как только увидел

это. Но не смог издать ни единого звука. Женщина еще дышала, вы представляете, джентльмены. Ее грудь поднималась и опускалась в ритме быстрого и легкого дыхания. Снег падал на ее раскрытое пальто и окровавленное платье. И я слышал какой-то высокий свистящий звук. Он походил на шум закипающего напитка. Это ветер входил и выходил через ее открытое горло — маленькие вскрики воздуха, проходящего через голосовые связки, у которых не осталось рта, чтобы обратить их в членораздельные звуки.

Я хотел убежать, но у меня не было сил. Я упал на колени рядом с ее телом, прикрывая рот рукой. Вдруг я заметил свежую кровь, проступающую через нижнюю часть ее одежды... и какое-то движение. И неожиданно поверил в то, что еще можно спасти ребенка.

Мне кажется, что, когда я задрал ее одежду до груди, я засмеялся. Наверное, я обезумел. Ее тело было еще теплым. Я помню это. Я помню, как оно колыхалось при ее дыхании. Один из фельдшеров скорой помощи подошел ко мне, шатаясь, словно пьяный, и держась одной рукой за голову. Сквозь его пальцы сочилась кровь.

Я все еще смеялся. Мои руки убедились в том, что она полностью раскрыта.

Фельдшер смотрел на обезглавленное тело Сандры Стенсфилд широко раскрытыми глазами. Я не знаю, сознавал ли он, что тело еще дышало. Возможно, он приписывал это нервной реакции, что-то вроде конечного рефлекса. Цыплята могут бегать некоторое время с отрезанной головой, а люди лишь дернутся раз другой... да и только.

«Хватит глазеть на нее и найди мне простыню», — зашипел я на него.

Он поплелся куда-то, но не в направлении «скорой». Он просто удалился в ночь. Я не представляю, куда он делся. Я повернулся к мертвой женщине, хотя она была и не совсем мертва, помедлил немного и скинул пальто. Я приподнял ее бедра, чтобы подложить его под тело. Я все еще слышал дыхание, производимого ее лишенным

головы телом. Иногда я до сих пор слышу его, джентльмены. В моих снах.

Пожалуйста, поймите, что все произошло в считанные секунды. Мое восприятие было доведено до крайнего предела, и потому мне казалось, что прошло много времени. Из больницы только начали выбегать люди, чтобы узнать, что случилось, и рядом со мной пронзительно закричала какая-то женщина, увидевшая отрезанную голову на мостовой.

Я раскрыл свой черный портфель, благодаря бога, что не потерял его при падении, и достал короткий скальпель. Разрезав нижнее белье, я отложил его в сторону. Водитель «скорой» приблизился ко мне, но остановился, как вкопанный, не дойдя несколько шагов. Я посмотрел на него в ожидании простыни, но понял, что ничего не добьюсь от него. Он уставился на дышавшее тело, и его глаза начали округляться и, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Затем он грохнулся на колени и воздал к небу руки. Он собирался молиться, я почти уверен в этом. Фельдшер мог и не знать, что увиденное им невозможно, но этот парень знал наверняка. Через минуту он убрался восвояси, еле живой.

В тот день я взял с собой хирургические щипцы, даже не знаю, почему. Я не пользовался ими более трех лет после того, как один врач, не буду называть его, пробил ими висок новорожденного, вытаскивая его из чрева матери. Ребенок мгновенно умер.

Но, тем не менее, мои щипцы были при мне в тот вечер.

Тело мисс Стенсфилд напряглось, а живот стал как камень. Я увидел темя ребенка, окровавленное, в плевре, но пульсирующее. Значит, он был жив.

Твердь снова размягчилась. Темя исчезло из вида. Чей-то голос позади меня спросил: «Чем могу помочь, доктор?»

Это была медсестра средних лет, тот тип женщины, который часто становится опорой в нашей профессии. Ее лицо было бледным, как молоко, и хотя на нем застыло

выражение суеверного ужаса при виде этого странно дышащего тела, я не заметил в ее глазах ни малейшего признака того опасного состояния шока, которое лишает людей способности действовать.

«Нужна простыня, — быстро сказал я. — Думаю, что у нас есть еще шанс». Позади нее я разглядел около дюжины человек из больницы, столпившихся на ступенях и не желающих приблизиться. Много ли им было видно оттуда? У меня не было возможности узнать об этом наверняка. Могу лишь сказать, что в течение нескольких дней после этого случая многие в больнице избегали меня (некоторые и после), и никто, включая и эту медсестру, никогда не спрашивал меня о том, что произошло.

Она повернулась и направилась к больнице.

«Сестра! — позвал я. — У нас нет времени. Возьмите простыню в «скорой». Ребенок вот-вот появится».

Она пошла к машине, скользя по мокрому снегу своими туфлями на белых каблуках. Я повернулся к мисс Стенсфилд.

Вместо того, чтобы замедлиться, дыхание стало более учащенным, и тело снова напряглось. Голова ребенка появилась опять, но на этот раз не исчезла. Он просто начал выбираться наружу. Щипцы не понадобились вовсе. Ребенок словно выплыл в мои руки. Я видел, как снег падал на его окровавленное тельце. Это был мальчик. Его маленькие кулачки зашевелились и он издал тонкий жалобный крик.

«Сестра! — закричал я. — Шевелите побыстрее вашей задницей, черт бы вас побрал!»

Это прозвучало слишком грубо, но на мгновение я почувствовал, что я снова во Франции и снаряды опять будут свистеть над головой.

Раздался рокот пулеметов, и немцы будут возникать из мрака, скользя, падая и умирая в грязи и копоты. *«Дешевое волшебство, — подумал я, видя, как человеческие тела шатаются, поворачиваются и падают. — Но ты права, Сандра, это все, что мы имеем».*

Я никогда еще не был настолько близок к тому, чтобы потерять рассудок, джентльмены.

«Сестра, ради всего святого!»

Ребенок заплакал опять — такой тонкий, потерянный звук! — и замолчал. Пар, поднимавшийся от его тела, стал намного реже.

Я поднес его лицо ко рту, ощущая запах крови и легкий аромат плаценты. Дунув в его рот, я услышал слабый ответный выдох. Наконец, медсестра подошла, и я протянул руку за простыней.

Она стояла в нерешительности, не отдавая мне простынь. «Доктор, а что... что если это монстр?»

«Дайте мне простыню, — сказал я. — Дайте мне ее, иначе я надену вам вашу задницу на голову».

«Хорошо, доктор», — ответила она очень спокойно (мы должны благословлять женщин, джентльмены, которые часто понимают нас только потому, что не пытаются понять). Я завернул ребенка и отдал его медсестре.

«Если вы уроните его, я заставлю вас съесть эту простыню».

«Да, доктор».

«Это дрянное дешевое волшебство, но это единственное, что нам дал Господь».

«Да, доктор».

Я наблюдал, как она возвращалась в больницу с ребенком и как толпа расступилась, пропуская ее. Затем я поднялся и попятился от тела. Это дыхание, как у ребенка — толчок, пауза... толчок... пауза.

Я опять начал пятиться, и моя нога на что-то наткнулась. Я обернулся. Это была ее голова. Подчинившись какому-то приказу внутри меня, я встал на колени и перевернул голову. Глаза были раскрыты — ее карие глаза, которые всегда были полны жизни и решимости. И они все еще были полны решимости. *Джентльмены, она видела меня.*

Ее зубы были плотно сжаты, а губы чуть приоткрыты. Я слышал, как воздух входил и выходил через эти зубы и губы в ритме «паровоза». Ее глаза двигались: они

скосились чуть влево, словно чтобы лучше меня видеть. Ее губы раскрылись. Они выговорили четыре слова: «Спасибо, доктор Маккэррон». И я услышал их, джентльмены. Но не из ее рта. Из голосовых связок, в двадцати футах от меня. Но поскольку ее язык, губы и зубы — то, что мы используем для артикуляции слов, находились здесь, ее слова были лишь набором звуков. Однако, количество этих звуков соответствовало количеству гласных во фразе «Спасибо, доктор Маккэррон».

«Поздравляю, мисс Стенсфилд, — сказал я. — У вас мальчик».

Ее губы пришли в движение, и позади меня раздался тонкий едва различимый звук... *аииии...*

Решимость в ее глазах погасла. Казалось, что теперь они смотрят на что-то вне меня, может быть, на это черное, заснеженное небо. Потом они закрылись. Она задышала снова и остановилась. Все было кончено.

От тех событий, что произошли у меня на глазах и свидетелями которых стали служанка, водитель и, может быть, кто-то из собравшихся у входа в больницу людей, догадывающихся о случившемся, остались лишь следы этой ужасной катастрофы... и ребенок, конечно.

Я посмотрел на статую Гарриет Уайт. Она стояла невозмутимо, ее каменный взгляд был устремлен куда-то вдаль, поверх парка, как будто ничего достойного внимания и не произошло, и такая удивительная решимость ничего не значила в этом жестоком и бесчувственном мире. Или, что еще хуже, только она одна и имела какое-то значение, только в ней одной был какой-то смысл.

Помню, что я стоял на коленях перед ее головой и рыдал. Я все еще рыдал, когда подошедшие врачи и две медсестры помогли мне встать и увели в больницу.

У Маккэррона погасла трубка.

Он зажег ее, а мы продолжали сидеть в абсолютной тишине. Снаружи яростно завывал ветер. Маккэррон по-

смотрел по сторонам, словно удивляясь, что мы еще оставались в комнате.

«Вот и все, — сказал он. — Конец истории!»

«Чего вы еще ждете? Огненные колесницы?» — фыркнул он, а потом задумался.

«Я оплатил все расходы на ее похороны. У нее больше никого не было, вы знаете. — Он улыбнулся. — Да, моя медсестра, Элла Дэвидсон, настаивала на том, чтобы внести двадцать пять долларов, что для нее было огромной суммой. Но когда Дэвидсон настаивает на чем-то...» Он пожал плечами и затем рассмеялся.

«Вы уверены, что это не было простым рефлексом? — услышал я собственный голос. — Вы действительно уверены...»

«Абсолютно уверен», — невозмутимо сказал Маккэррон. — Завершение ее родов длилось не секунды, а минуты. И иногда я думаю, что она могла бы держаться и дольше, если бы было необходимо. Слава богу, что этого не понадобилось».

«А что с ребенком?» — спросил Иохансен.

Маккэррон затянулся «Его усыновили, — сказал он. — И вы понимаете, что даже в те времена все документы об усыновлении держались в секрете».

«Понятно, но что с ребенком?» — снова спросил Иохансен, и Маккэррон засмеялся с некоторым раздражением.

«Вы всегда идете до конца, не так ли?» — спросил он Иохансена.

Иохансен покачал головой. «Некоторые люди не могут иначе, на их беду. Ну, и что с ребенком?»

«Хорошо, раз вы настаиваете, вы конечно понимаете, что мне было интересно узнать о нем как можно больше. Я действительно следил за его судьбой и продолжаю это делать. Некий молодой человек и его жена, жившие в Мэне и не имевшие детей, усыновили ребенка и назвали его... ну, скажем, Джоном — хорошее имя, не правда ли».

Он затянулся, но его трубка снова погасла. Я чувствовал присутствие Стивенса за моей спиной. Вскоре мы

разойдемся и вернемся к нашим будням. А истории, как сказал Маккэррон, начнутся лишь в следующем году.

«Ребенок, который родился той ночью, возглавляет в настоящий момент английское отделение одного из самых престижных частных колледжей в стране, — сказал Маккэррон. — Ему еще нет и сорока пяти. Он слишком молод для такой должности. Но в один прекрасный день он может стать президентом этого заведения. Я не сомневаюсь в этом. Он красив, умен и обаятелен.

Однажды, по какому-то случаю, я обедал с ним в клубе преподавателей колледжа. Нас было четверо. Я мало говорил и, в основном, наблюдал за ним. У него решимость его матери, джентльмены... и такие же карие глаза».

III. Клуб

Стивенс, как всегда, стоял наготове с нашими пальто, желая всем наисчастливейшего Рождества и выражая благодарность за проявленную щедрость. Я постарался оказаться последним, и Стивенс ничуть не удивился, когда я сказал:

«Я хотел бы задать один вопрос, если вы не возражаете».

Он улыбнулся. «Конечно, нет», — ответил он.

«Рождество — подходящее время для вопросов».

Где-то внизу, слева от холла — там мне не доводилось бывать — звонко тикали старинные часы. Я слышал запах старой кожи, пропитанного маслом дерева и, чуть более слабый, почти неуловимый запах одеколона Стивенса.

«Но я должен предупредить вас, — добавил Стивенс, — что лучше не задавать слишком много вопросов. Если вы решили продолжать приходить сюда».

«Кого-нибудь уже выгоняли за то, что они задавали много вопросов?» Выгоняли было не совсем то слово, которое я хотел произнести, но по смыслу оно подходило тому, что я имел в виду.

«Нет, — ответил Стивенс своим как всегда низким и вежливым голосом. — Просто они предпочли держаться подальше отсюда».

Я выдержал его взгляд, чувствуя, как мурашки пробежали по моей спине, словно невидимая холодная рука легла мне на позвоночник. Я вспомнил странный звук, который шел сверху, и еще раз попытался представить, сколько же комнат было там на самом деле.

«Если вы все еще хотите задать вас вопрос, то я к вашим услугам. Вечер уже закончился и...»

«И вам предстоит долгий путь поездом?» — спросил я, но Стивенс лишь нетерпеливо посмотрел на меня.

«Хорошо, — решил я. — Здесь в библиотеке есть книги, которые я нигде больше не смог найти. Ни в нью-йоркской библиотеке, ни в каталогах букинистов, ни в публикуемых справочниках. Бильярдный стол в Маленькой комнате имеет марку «Норд». Я никогда не слышал о такой и позвонил в Международную комиссию по торговым маркам. У них зарегистрировано два «Норда» — один производит лыжи, а другой изготавливает кухонные принадлежности. В длинной комнате находится музыкальный автомат «Seafront». Но в списках комиссии имеется лишь «Seeburg», а не «Seafront».

«В чем суть вашего вопроса, мистер Эдли?»

Его голос был мягок, как обычно, но что-то жуткое появилось неожиданно в его глазах... нет, честно говоря, даже не в глазах. Ужас, который я почувствовал, пронизывал всю атмосферу вокруг. Размеренный ход часов перестал быть звуком, задаваемым маятником — это было топание ног палача. Запахи масла и кожи стали резче и несли в себе какую-то угрозу. И когда снаружи вновь послышался резкий порыв ветра, я был уверен, что распахнувшаяся дверь представит моему зору не Тридцать пятую улицу, а безумный пейзаж в стиле Кларка Эштона Смита, где острые силуэта деревьев вычерчены на стерильном горизонте, над которым сияют два красных солнца.

Он прекрасно знал, что я собираюсь спросить. Я понял это по его серым глазам.

Откуда взялись здесь эти вещи? Я хотел спросить именно это. О, я прекрасно знаю откуда вы родом, Стивенс; этот акцент не из измерения икс, а из Бруклина. Но куда вы идете? Откуда у вас эта печать безвременья во взгляде и на лице? И, Стивенс, где мы находимся сейчас, в эту секунду?

Но он ждал моего вопроса.

Я открыл рот, и вопрос, вышедший из моих уст, был таков: «Много ли комнат наверху?»

«О, да, сэр, — сказал он, не упуская моего взгляда. — Очень много. Человек даже может потеряться. На самом деле, люди теряются. Иногда мне кажется, что они уходят далеко. Двери и коридоры».

«И входы и выходы?»

Его брови слегка поднялись: «Да. Входы и выходы».

Он продолжал ждать, но я уже спросил достаточно — я подошел к краю чего-то, что, возможно, сведет меня с ума.

«Спасибо, Стивенс».

«Не за что, сэр». Он подал мне пальто.

«Еще будут истории?»

«Здесь, сэр, всегда много историй».

Этот вечер произошел много лет назад, а за эти годы моя память явно не улучшилась. Но я прекрасно помню ощущение страха, охватившее меня, когда Стивенс широко раскрыл дубовую дверь — страха, что я увижу тот чуждый ландшафт в кровавом свете двух солнц, которые могут зайти и принести тьму на много часов или на века. Я не могу объяснить это, но уверяю вас, что тот мир существует. Я убежден в этом также, как Маккэррон был убежден, что оторванная голова Сандры Стенсфилд продолжала дышать. Я подумал в те нескончаемые секунды, что дверь откроется, и Стивенс вышвырнет меня в этот мир, и я услышу, как дверь навсегда захлопнется за мной.

Но вместо всего этого я увидел Тридцать пятую улицу и такси, ожидающее перед домом. Я почувствовал страшное облегчение.

«Да, всегда много историй, — повторил Стивенс. — Спокойной ночи, сэр».

Всегда много историй.

Действительно, их было много. И когда-нибудь, может быть, я расскажу вам еще одну.

ДЕДА

ДЕДА

Шеридан медленно ехал вдоль торгового центра, когда у главного входа увидел малыша, вытолкнутого дверью прямо под светящуюся надпись «КАЗЕНТАУНСКИЙ». Это был маленький мальчик, лет наверняка не старше пяти и уж никак не младше трех. На личике у него было написано как раз то, что хотел Шеридан: сдерживается, чтобы не заплакать, но слезы вот-вот брызнут.

Шеридан помедлил, чувствуя, как подымается внутри знакомая волна отвращения к себе... но с каждой вылазкой ощущение это становилось чуточку слабее, не столь назойливым. После первой он неделю спать не мог. Все думал об этом жирном Турке, величающем себя мистер Маг, думал о том, что вытворяет тот с детьми.

— Я катаю их на яхте, мистер Шеридан, — пояснил Турок, но вышло «Я касай их на яхса, миссер Шеридан». И улыбнулся. Не суй свой нос куда не просят, говорила эта улыбка, говорила громко и ясно, без всякого акцента.

Больше Шеридан не спрашивал, но это не значит, что он перестал размышлять. Он метался, ворочался с боку на бок, мечтая, чтоб все повернулось вспять — тогда он поступил бы по-другому, тогда он поборол бы искушение. Во второй раз он мучился почти так же... в третий поменьше... а в четвертый уже не забивал голову дурацкими вопросами, что же это за «яхса» и чем может закончиться для ребятишек прогулка на ней.

Шеридан загнал фургон на одну из стоянок перед торговым центром, стоянку, которая чуть ли не всегда пустует, ибо предназначена для машин водителей-инвали-

дов. На задок фургона Шеридан предусмотрительно прикрепит специальный номер, выдаваемый инвалидам: это оберегало его от подозрений и позволяло беспрепятственно пользоваться удобной стоянкой.

Ты каждый раз надеешься, что тебя не схватят, но каждый раз за день или два до выхода на дело крадешь у инвалидов номера.

К черту эту муру; он нынче попал в затруднительное положение, а тот парнишка может ему помочь.

Он вылез из машины и направился к малышу, который озирался вокруг, все более и более впадая в панику. Да, подумал Шеридан, ему, должно быть, лет пять, а то и шесть — только что на вид чересчур слабый и хилый. В резком свете флюоресцентных ламп, бьющем сквозь стеклянные двери, мальчик казался белым, как полотно, и больным. Может, он и вправду был болен, но Шеридан все-таки склонялся к мысли, что ребенок просто напуган.

Малыш с надеждой смотрел на проходивших мимо людей: одни из них еще только торопились в торговый центр за покупками, в то время как другие уже возвращались из недр магазина, нагруженные коробками и свертками, прибалдевшие, точно от наркотиков, с тем особым выражением на лице, которое зовется, вероятно, удовлетворением.

Малыш, одетый в джинсы «Таффскин» и футболку с надписью «Питсбургские пингвины», высматривал того, кто мог бы прийти ему на подмогу, того, кто взглянул бы на него и сразу сообразил, что тут что-то неладно, высматривал того, кто задаст ему единственно верный вопрос — «Ты отстал от папы, сынок?» — высматривал друга.

Вот он я, думал Шеридан, приближаясь. Вот он я, сына, я буду твоим другом.

Он был уже почти у цели, когда заметил, что из торгового зала к дверям не спеша направился полицейский. Рука в кармане, сигареты, наверное, ищет. Если он выйдет, то непременно увидит мальчика, а значит, пиши пропало.

Черт, пронеслось в голове у Шеридана. Не хватало еще, чтоб его засекли заговаривающим с ребенком.хлопот потом не оберешься.

Поэтому Шеридан остановился и тоже принялся рыться в карманах, якобы проверяя, на месте ли ключи. Его взгляд перепрыгивал с мальчика на полицейского и обратно. Мальчик начал плакать. Он не заревел навзрыд, пока еще, но крупные слезы, отливавшие красным в отсветах вывески «КАЗЕНТАУНСКИЙ ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР», уже побежали по гладким щекам.

Девушка из справочной будки махнула полицейскому и что-то ему сказала. Она была хорошенькая, темноволосая, лет двадцати пяти; он — блондин с песочного цвета волосами и усиками. Когда он шагнул к будке и оперся о нее локтями, Шеридан подумал, что эта парочка похожа на рекламу сигарет, которую помещают в журналах на последней странице обложки. Дух Салема. «Лаки Страйк»: Зажги Мою Удачу. Его тут чуть кондрашка нехватила, а они там шашни разводят. Девчонка строит парню глазки. Как мило.

Шеридан решил, что у него появился шанс. У мальчонки вон грудь ходуном ходит, он того и гляди заревет в голос, а тогда уж кто-нибудь обязательно обратит на него внимание. Не хочется, конечно, действовать под носом у полицейского, но если Шеридан не расплатится с мистером Регги в течение ближайших двадцати четырех часов, два здоровых бугая не замедлят нанести ему визит и устроить экспромтом маленькую хирургию, добавив на каждую руку еще по несколько локтевых сгибов.

Он подошел к малышу, крупный мужчина в обычной ван-хейзенской рубашке и брюках цвета хаки, мужчина с широким обычным лицом, в котором с первого взгляда угадывалась доброта. Он присел на корточки, положив руки мальчонке на бедра, чуть выше коленей, и мальчик повернул к нему свое бледное, испуганное личико. Глаза у парнишки были зеленые-зеленые, как изумруды, а наполнявшие их слезы лишь усиливали этот чудный оттенок.

— Ты отстал от папы, сынок? — мягко спросил Шеридан.

— Мой Деда, — размазывая по щекам слезы, сказал малыш. — Папы тут нет, а я... я не могу найти Д-д-деду!

Вот теперь он разрыдался, и женщина, направлявшаяся в магазин, озабоченно оглянулась.

— Все в порядке, — успокоил ее Шеридан, обнял мальчика за плечи и легонько подтолкнул вправо... к фургону. Потом посмотрел внутрь магазина.

Теперь полицейский стоял, наклонившись к девушке из справочной. Похоже, между ними уже что-то наклевывалось... а если и нет, то вскоре наклюнется. Шеридан расслабился. Коп ничего не заметит, если будет продолжать в том же духе. Да и очередь к кассам загораживает ему обзор. А раз так, то обделаться дельце проще пареной репы.

— Я хочу к Деда! — плакал мальчик.

— Ну конечно, хочешь, еще бы не хотел, — сказал Шеридан. — И мы будем его сейчас искать. Гляди веселей.

Он настойчиво потянул мальчишку вправо.

Мальчик поднял глаза. В них появилась надежда.

— А вы можете его найти? Можете найти, мистер?

— Безусловно, — заявил Шеридан и ухмыльнулся. — Искать пропавших — это... это, если хочешь, моя профессия.

— Правда? — Малыш робко улыбнулся, но глаза его по-прежнему были на мокром месте.

— Абсолютно, — заверил Шеридан, мельком глянув внутрь магазина, чтоб убедиться, что полицейский не обращает на них внимания. Коп, которого из-за толпы было едва видно (а ему, соответственно, едва видно Шеридана и мальчика, если оглянется), даже не смотрел в их сторону. — Во что был одет твой деда, сынок?

— В костюм, — сказал мальчонка. — Он почти всегда в нем ходит. Я только однажды видел его в джинсах. Малыш говорил это так, будто Шеридан прекрасно знал, что предпочитает из одежды Деда.

— Готов поспорить, что костюм черный, — объявил Шеридан.

Глаза мальчика загорелись, полыхнув красным в отсветах вывески, словно слезы превратились в кровь.

— Вы его видели! Где? — Парнишка дернулся было в сторону дверей, и Шеридану пришлось насильно увлечь его вправо. Получилось нехорошо. Только бы он не устроил здесь сцену. Это бросилось бы в глаза прохожим, и потом они обязательно припомнили бы мужчину, который куда-то тащил упиравшегося мальчонку. Надо заманить его в фургон. У фургона все стекла, кроме лобового, поляризованные; даже в шести дюймах от них не видно, что творится внутри.

Первым делом надо заманить его в фургон.

Шеридан коснулся руки мальчика:

— Я видел его не в магазине, сынок. Я видел его вон там. Он указал на стоянки, где терпеливо поджидали хозяев бесконечные взвода машин. Вдалеке, за ними, тянулась подъездная дорожка, за которой, в свою очередь, сияли сдвоенные желтые дуги «Макдональдса».

— А почему Деда пошел туда? — спросил мальчик так, словно Шеридан или Деда — а то и оба вместе — окончательно спятили.

— Не знаю, — ответил Шеридан. Мысли мелькали у него в голове со скоростью экспресса, перестукивая на стычках рельс, — так всегда бывает, когда наступает самый ответственный момент и необходимо принять единственное приемлемое решение. Деда. Не папа, не дядя, а Деда. Деда значит дедушка. — Но я абсолютно уверен, что это был он. Пожилой мужчина в черном костюме. Седой весь... а галстук вроде бы зеленый...

— Деда носит голубой галстук, — поправил мальчик. — Он знает, что мне так больше нравится.

— Ну да, может, и голубой, — охотно согласился Шеридан. — В сумерках разве разберешь? Пойдем-ка сядем ко мне в машину и покрутимся тут, посмотрим, куда запропастился твой Деда. Лады?

— Вы уверены, что это был Деда? Не пойму, что ему понадобилось там, где они...

Шеридан пожал плечами.

— Послушай, малыш, если ты думаешь, что это не он, то лучше тебе самому походить и поискать. Глядишь, и найдешь. — С этими словами он резко повернулся и зашагал прочь, к своему фургону.

Этот маленький гаденыш не клюнул. А не стоит ли вернуться и попробовать еще разок? Нет, и так уже много времени потеряно — да и глаза мозолить ни к чему, в два счета можно загреть на двадцать лет в Хаммертон Бей. Разумнее двинуть в какой-нибудь другой торговый центр. В Скотервилле, например. Или...

— Подождите, мистер! — Это кричал малыш, и в голосе его была паника. Топоток кроссовок. — Подождите! Я ведь сказал ему, что хочу пить, вот он, наверное, и пошел туда... чтобы принести мне что-нибудь попить. Подождите!

Шеридан обернулся, расплывшись в улыбке.

— Неужели ты подумал, сынок, что я и впрямь брошу тебя?

Он повел мальчика к своему фургону — четыре года уж симпатяге, покрашенному в неопиcуемый голубой цвет. Он распахнул дверцу и улыбнулся малышу, который с сомнением смотрел на него своими зелеными глазами, ярко выделявшимися на бледном маленьком личике.

— Прошу в мою карету, — сказал Шеридан.

Малыш забрался в кабину и, сам того не подозревая, перешел в собственность Бриггса Шеридана — в ту самую минуту, когда дверка захлопнулась.

У Шеридана не было проблем с бабами. Он мог пить или не пить — по настроению. Единственной проблемой его были карты, любые игры в карты — лишь бы на деньги. Он потерял все: работу, кредитные карточки, дом, который достался от матери. Ему не довелось пока сидеть за решеткой, но едва столкнувшись с мистером Регги, он понял, что тюрьма по сравнению с этим типом — сущий рай.

В тот вечер он вел себя как последний идиот. Лучше бы сразу все спустил. Когда спускаешь все сразу, то

расхолаживаешься, возвращаешься домой, смотришь по телеку проделки коротышки Карсона, а потом идешь спать. Но когда срываешь первый банк, то теряешь голову. В тот вечер Шеридан потерял голову, и к концу игры задолжал 17000 долларов. В это было трудно поверить, он был потрясен, ошарашен несправедливостью проигрыша. По дороге домой он старался не напоминать себе, что должен мистеру Регги не семьсот, не семь тысяч, а семнадцать тысяч звонких монет. Как только мысли перескакивали на это, он начинал хихикать и включал приемник в машине погромче.

Но на следующий вечер ему было уже не до смеху, когда две гориллы — ребята, которым несложно добавить на каждую руку по несколько локтевых сгибов, если не заплатишь, — притащили его в контору мистера Регги.

— Я заплачу, — залепетал Шеридан. — Заплачу, пожалуйста, это не проблема, через пару дней, самое большее через неделю, ну, через две недели на худой конец...

— Ты утомил меня, Шеридан, — сказал мистер Регги.

— Я...

— Заткнись. Думаешь, я не знаю, что ты будешь делать, если дать тебе неделю? Ты пойдешь кланчить к дружку сотню-другую — если найдется дружок, у которого можно кланчить. А если не выгорит с дружком, то бомбанешь виноводочную лавчонку... коли кишка не тонка. Но я сомневаюсь в этом, хотя... все возможно. — Мистер Регги подался вперед, подперев подбородок, и улыбнулся. От него несло одеколоном «Тед Лапидус». — А если даже ты и отыщешь двести завалящих долларов, то что с ними сделаешь?

— Отдам их вам, — прошептал Шеридан. Еще немного и он намочил бы в штаны. — Я отдам их вам, честное слово!

— Не отдашь, — возразил мистер Регги. — Ты попытаешься отыгаться. А мне достанется воз и маленькая тележка твоих дерьмовых оправданий. Вот о чем ты сейчас думаешь, друг мой, вот о чем.

Шеридан захныкал.

— Эти мальчики могут надолго уложить тебя в больницу, — мечтательно протянул мистер Регги. — Тебе на каждую руку поставят по капельнице, и из носа будут вдобавок торчать трубки.

Шеридан заплакал.

— Но я добрый. Я дам тебе шанс, — сказал мистер Регги и подтолкнул к Шеридану через стол сложенный листочек бумаги. — Ты должен найти общий язык с этим человеком. Он зовет себя мистер Маг, но на деле такой же мешок дерьма, как и ты. А теперь вон отсюда. Вернешься через неделю. Твоя долговая расписка полежит пока на этом столе. Либо ты выкупаешь ее, либо мои друзья примутся за тебя. И тогда, как выразился некий Букер Т., однажды начав, они не остановятся, не получив полного удовлетворения.

На листочке было написано настоящее имя Турка. Шеридан отправился к нему и услышал о детях и прогулках на «яхсе». Мистер Маг выписал также чек на сумму чуть больше той, что значилась в долговой расписке, оставшейся у мистера Регги. С тех пор Шеридан стал кружить около торговых центров.

Он вырулил со стоянки, посмотрел, нет ли машин, и выехал на дорожку, ведущую к «Макдональдсу». Малыш сидел на переднем сидении, руки на коленках, в глазах — беспокойство. Шеридан завернул за угол.

— Зачем мы объезжаем его? — спросил малыш.

— А вдруг твой Деда выйдет через заднюю дверь, — пояснил Шеридан. — Не дрейфь, малыш. Мне кажется, именно здесь я его и видел.

— Видели? В самом деле видели?

— Не сомневаюсь даже.

Волна облегчения омыла лицо парнишки, и на мгновение Шеридан почувствовал к нему жалость — «я ведь не монстр и не маньяк какой, черт побери». Но с каждым разом он увязал в долгах все глубже и глубже, а этот ублюдок Регги без малейших угрызений совести сидел у

него на шее. Сейчас Шеридан был должен не 17 000, как в первый раз, не 20 000 и даже не 25 000. Сейчас он был должен тридцать пять тысяч, и вернуть их нужно не позднее субботы, если он не хочет, чтоб у него прибавилось локтей.

На задворках, возле контейнера для мусора, он остановился. Сюда никто не сунется. Ладушки. Он запустил левую руку в карман на двери, предназначенный для карт и прочей ерунды, и выудил оттуда стальные наручники. Их голодные пасти были разинуты.

— Почему мы тут остановились, мистер? — спросил малыш, и в голосе его был страх; похоже, мальчик понял, что есть на свете кое-что похуже, чем отстать от Деда в кишащем покупателями торговом центре.

— Только на секундочку, ты не думай, — успокоил его Шеридан. Горький опыт учил, что нельзя недооценивать шестилетнего ребенка. Вторая жертва Шеридана заехала ему по яйцам и чуть не удрала. — Я просто вспомнил, что забыл надеть очки. За это прав могут лишить... Где-то они тут были, на полу, в футляре. Скорей всего, к тебе соскользнули. Посмотри, будь добр.

Малыш нагнулся за очечником, который был пуст. Шеридан наклонился и ловко защелкнул один наручник у него на запястье. И началось. Разве не твердил он себе, что это большая ошибка — недооценивать шестилетку? Малыш сопротивлялся, как дикий кот, извивался угрем — вот уж не подумаешь, глядя на этого шкета. Брыкался, царапался и молотил по дверце, вскрикивая тонко, почти по-птичьи. Наконец он добрался до ручки, и дверка распахнулась.

Шеридан сграбастал малыша за шиворот и втащил назад. Попытался защелкнуть второй наручник на специальной подпорке, что рядом с сиденьем, но промахнулся. Малыш тяпнул его за руку, дважды, до крови. Черт, зубы как бритвы. Рука заныла. Шеридан ударил малыша по губам, того отбросило — кровь Шеридана на губах, подбородке, капает на край футболки. Шеридан ухитрился-таки защелкнуть второй наручник на подпорке и откинул-

ся на спинку своего сидения, посасывая тыльную сторону правой ладони.

Боль не утихала. Он отнял руку ото рта и стал рассматривать ее в слабом свете приборной доски. Две неглубоких рваных борозды, каждая по два дюйма длиной, тянулись от запястья к костяшкам пальцев. Кровь медленными ручейками выталкивалась из них. И все-таки рановато успокаивать пацана другими средствами — теми, которые портят товар.

— Испорсишь совар — испорсишь цена, — предостерегал Турок.

Нет, нельзя винить малыша — он, Шеридан, сделал бы то же самое. Надо бы продезинфицировать рану, как только представится возможность, а то и укол засадить — он где-то читал, что человеческий укус самый опасный. А малыш молодец.

Шеридан выжал сцепление, объехал здание, задом вырулил на подземную дорожку и свернул налево. В Талуда Хейтс, на окраине города, у Турка просторный дом, построенный в стиле ранчо. Ехать туда Шеридан должен был в случае необходимости окружным путем. Тридцать миль. Минут сорок пять или час.

Он миновал щит с надписью «СПАСИБО ЗА ПОКУПКИ, СДЕЛАННЫЕ В ПРЕКРАСНОМ КАЗЕНТАУНСКОМ ТОРГОВОМ ЦЕНТРЕ», свернув налево, и набрал дозволенные сорок миль в час. Вытащив из заднего кармана носовой платок, он обмотал им правую руку и сосредоточился на преследовавших его сорока тысячах баксов, обещанных Турком.

— Ты пожалеешь, — сказал малыш.

Шеридан раздраженно покосился на него, вырванным из забытья. В мечтах ему пришло двадцать очков, а мистеру Регги ни шиша.

Малыш опять заплакал; слезы по-прежнему отливали красным. Уж не болен ли он, в который раз подумал Шеридан... может, подхватил какую-нибудь заразу. Ну да ничего, дай Бог, мистер Маг выложит денежки до того, как разнюхает, что тут нечисто.

— Когда Деда найдет тебя, ты пожалеешь, — канючил малыш.

— Ага, — согласился Шеридан и закурил. Он свернул с 28-го шоссе на необозначенную на карте гравийную дорогу. Теперь слева раскинулась болотина, а справа — девственные леса.

Малыш дернул закованной ручонкой и захныкал.

— Угомонись. Себе же больнее сделаешь.

Малыш тем не менее дернул снова. Последовавший за этим протестующий скрежет Шеридану совсем не понравился. Он посмотрел туда, и челюсть у него чуть не отвисла: металлическая подпорка сбоку сиденья — подпорка, которую он собственноручно приваривал, — немного погнулась. Проклятье, подумал Шеридан. И зубы, как бритвы, и силен, оказывается, как вол.

Он двинул кулаком в мягкое плечико:

— Перестань!

— Не перестану!

Малыш опять рванулся, и Шеридан увидел, что металлическая подпорка погнулась еще больше. Господи, разве ребенок способен на это?

Все из-за паники, ответил он сам себе. Паника придала силы.

Но прежде ведь никто из них не делал этого, а многие между тем были в куда худшем состоянии.

Шеридан открыл бардачок и вынул оттуда шприц для подкожных инъекций. Турок дал ему этот шприц, наказав использовать лишь в самом крайнем случае. Наркотики, говорил Турок (выходило наркосики), могут испортить товар.

— Видал?

Малыш кивнул.

— Хочешь, чтобы я сделал тебе укол?

Малыш затряс головой. Глаза у него были большие и испуганные.

— То-то же. Смотри у меня. Это живо повыбьет дурь из головы. — Он помешкал. Ему вовсе не хотелось это говорить — черт побери, он не такой уж плохой парень,

когда не сидит на крючке, — но сказать надо. — А может, и прикончит даже.

Малыш уставился на него, губки дрожат, личико цвета пепла.

— Если прекратишь дергаться, я не буду делать тебе укол. Лады?

— Лады, — прошептал малыш.

— Обещаешь?

— Да. — Верхняя губа у мальчика приподнялась, приоткрыв верхние зубы. Один из них был запачкан кровью Шеридана.

— Поклянись мамой.

— У меня никогда не было мамы.

— Черт, — ругнулся Шеридан, почувствовав отвращение, и дал газу. Теперь он ехал быстрее — не только потому, что шоссе скрылось наконец из виду. Этот малыш, кажись, того... привидение. Побейте же его Турку, получить денежки и — прости прощай.

— Мой Деда сильный, мистер.

— Неужели? — спросил Шеридан, а про себя подумал: «Еще бы не сильный. До дому, верно, без палочки добирается, силач хренов».

— Он меня найдет.

— Угу.

— Он меня по запаху найдет.

Очень может быть, согласился мысленно Шеридан. Даже он чувствовал запах, исходивший от малыша. У страха, конечно, свой, неповторимый аромат, и предыдущие вылазки приучили Шеридана к нему. Но этот был каким-то нереальным — смешанный запах пота, слякоти и скисшей аккумуляторной батареи.

Шеридан приоткрыл окно. Слева тянулись и тянулись бескрайние болота. Ломаные щепки лунного света мерцали в стоялой воде.

— Деда умеет летать.

— Ага, — сказал Шеридан, — я готов поспорить, что это у него получается гораздо лучше после пары бутылок «Ночного экспресса».

— Деда...
— Заткнись, малыш, лады?
Малыш заткнулся.

Миля через четыре болотина превратилась в широкое пустынное озеро. Здесь Шеридан свернул налево, на грунтовку с разъезженными колеями. Через пять миль, если держать все время на запад, будет еще один поворот, направо, а там — сорок первое шоссе. И рукой подать до Талуда Хейтс.

Шеридан бросил взгляд на озеро, гладкую, посеребренную лунным светом простыню... а потом лунный свет исчез. Его заслонили.

Сверху послышалось хлопанье, будто огромные простыни полощутся на бельево́й веревке.

— Деда! — закричал малыш.
— Заткнись. Это всего лишь птица.

И вот тут он испугался, здорово испугался. Он смотрел на малыша. Тот опять приподнял верхнюю губку и показал зубки. Зубки были очень белые и очень большие.

Нет... не большие. Большие — не то слово. Длинные. Особенно те два сверху, с каждой стороны. Называются они еще, черт, так... Клыки.

Мысли вдруг снова понеслись с места в карьер, пере-стукивая, точно колеса поезда на стыках рельс.

«Я сказал ему, что хочу пить».

Не пойму, что ему понадобилось там, где они
(? едят, он хотел сказать едят?)

«Он меня найдет. Он меня по запаху найдет. Мой Деда умеет летать».

«Пить я сказал ему что хочу пить вот он наверно и пошел туда, чтобы принести мне что-нибудь попить, пошел туда, чтобы принести мне ЧТО-НИБУДЬ попить, пошел туда...»

Что-то грузное, неуклюже опустилось на крышу фургона.

— Деда! — снова завопил малыш, замирая от восхищения, и внезапно дорога впереди пропала — огромное

перепончатое крыло с пульсирующими венами полностью закрыло лобовое стекло.

Мой Деда умеет летать.

Шеридан закричал и ударил по тормозам, надеясь стряхнуть обосновавшуюся на крыше мерзость. Справа раздался протестующий скрежет изнемогающего металла, оборвавшийся на сей раз огорченным сухим треском. А через секунду пальцы мальчика вцепились Шеридану в лицо, разодрав щеку.

— Он украл меня, Деда! — тонко, почти по-птичьи восклицал малыш. — Он украл меня, он украл меня, этот плохой дядька украл меня!

Ты не понял, малыш, подумал Шеридан. Он сунул руку в бардачок и достал шприц. Я не плохой дядька. Просто я попал в затруднительное положение, черт бы его побрал, а в обычных обстоятельствах я был бы тебе за дедушку...

Но когда рука, скорее длинный коготь, нежели рука, разбила боковое стекло и вырвала у Шеридана шприц — вместе с двумя пальцами, — он смекнул, что это неправда.

Мгновение спустя Деда с мясом выдрал левую дверцу — только петли сверкнули, покореженные, ненужные теперь петли. Шеридан увидел трепещущий плащ, своего рода черную пару — и галстук. Галстук и вправду был голубой.

Впившись когтями в плечи, Деда выволок Шеридана из машины. Когти пропороли пиджак и рубашку и глубоко вонзились в плоть. Зеленые глаза Деда вдруг стали кроваво-красными, точно розы.

— Мы пошли в магазин только потому, что моему внуку захотелось игрушку «Трансформер», сборно-разборную, — прошептал Деда, и его дыхание отдавало смрадом гнилого мяса. — Таковую, какие показывают по телевизору. Все дети хотят их иметь. Лучше бы вы оставили его в покое. Лучше бы вы оставили нас в покое.

Шеридана тряхнули, будто тряпичную куклу. Он вскрикнул, и его снова тряхнули. Он услышал, как Деда заботливо спрашивает у мальчика, охота ли тому еще пить; услышал, как мальчик сказал, что да, очень, плохой

дядька напугал его так, что в горле совсем пересохло. Затем Шеридан увидел у себя перед носом коготь, за долю секунды до того, как тот исчез под подбородком и вонзился гвоздем в шею — толстым, беспощадным, жестоким. Этот гвоздь разорвал глотку быстрее, чем Шеридан сообразил, что произошло, и последнее, что он увидел, прежде чем провалиться в черноту, были мальчик, сложивший ладошки лодочкой и подставивший их под теплую струю — точь-в-точь как, будучи ребенком, делал это сам Шеридан, подставляя сложенные лодочкой руки под кран, чтобы напиться в знойный летний день, — и Деда, нежно, с величайшей любовью ерошивший мальчонкины волосенки.

ГАЗОНОКОСИЛЬЩИК

ГАЗОНОКОСИЛЬЩИК

Несколько последних лет Гарольд Паркетт всегда ужасно гордился аккуратно подстриженным газоном перед своим домом. Купив однажды большую, выкрашенную в серебряную краску газонокосилку «Лонбой», он скрупулезно следил за тем, чтобы его газоны никогда не оставались неподстриженными. Подстригал их один парень, живший неподалеку от него в том же квартале — всего по пять долларов за каждую подстрижку. В те золотые деньки Гарольд Паркетт частенько любил развалиться в своем кресле в обществе баночки пива, лениво послушать радиорепортаж об игре Бостонских «Ред Сокс» и неторопливо порассуждать о том, что Бог, как всегда, на небесах, а на земле, как всегда, все в порядке, включая и его собственный газон. Однако, в середине октября прошлого года судьба сыграла с Гарольдом Паркеттом скверную шутку. Однажды, когда тот парень в последний раз за тот сезон подстригал его газон, жизнерадостно и ни о чем не подозревая толкая перед собой мерно стрекочущую газонокосилку, соседский пес — это была собака Кастонмейеров — загнал прямо под ее ножи кошку других соседей — Смитов.

Испугавшись предсмертного вопля бедного животного, дочь Гарольда пролила на свой новый джемпер полкварты шерри «Коул-Эйд», а его жена целую неделю после этого мучалась ночными кошмарами — даже несмотря на то, что ничего не видела своими глазами и не слышала. Она появилась несколько минут спустя и увидела только, как парень счищает с ножей газонокосилки красно-зеленое с

ключьями шерсти и перемолотыми костями месиво. Плачущие миссис Смит и Алисия наблюдали за всем этим, стоя немного поодаль. Алисия, однако, уже успела переодеться и была в светло-голубых джинсах и в одном из своих отвратительных коротких свитеров. Обе бросали сквозь слезы безжалостные и совершенно несправедливые проклятия в адрес ни в чем, в общем-то, неповинного «убийцы».

Прослушав с неделю стоны и бормотание жены во сне, Гарольд решил избавиться от газонокосилки. Он подумал, что теперь она ему просто не нужна. В том году он нанимал ПРОСТО газонокосильщика, а в будущем году наймет газонокосильщика СО СВОЕЙ газонокосилкой. Может быть, думал он, жена перестанет после этого стонать по ночам и к нему снова вернется нормальный сон.

Итак, он отвез серебряного «Лонбоя» в магазин Фила Санoko и выменял его на совершенно новый черный костюм от Келли, а Фил выставил газонокосилку рядом с каким-то наосом и повесил на нее написанную от руки табличку «ПРОДАЕТСЯ».

Ну а в этом году он как-то все откладывал и откладывал наем нового газонокосильщика, хотя это и было уже необходимо. Когда он позвонил, наконец, все тому же, кстати, парню, его мать сказала, что Фрэнк поступил в университет и теперь здесь не живет. Гарольд удивленно пожал плечами и пошел к холодильнику, чтобы взять банку пива, думая по дороге о том, как неумолимо быстро летит время и покачивая от удивления головой.

«Ред Сокс» никак не могли подняться выше четвертого места и Гарольд отложил наем нового газонокосильщика до начала мая, а потом и до начала июня. Все уикенды он просиживал на веранде, мрачно наблюдая за нескончаемым потоком все новых и новых парней, вертевшихся вокруг его уже повзрослевшей и полногрудой дочери, меняющихся чуть ли не каждую неделю и каждый раз неизменно уводящих ее в местный кинотеатришко, почтительно кивнув ему головой на прощание. А трава тем

временем все росла и росла. Этим летом была очень хорошая погода — три дня сияло солнце, на четвертый шел небольшой теплый дождик, три дня солнце, на четвертый — дождь. Почти как по часам. Трава разрасталась с невероятной быстротой и буйством.

Вот прошел и июнь, и к середине июля газон выглядел скорее как какой-нибудь задний двор, поросший бурьяном или, в лучшем случае, как некошенный луг с кормовыми травами. Джек Кастонмейер уже начал отпускать разные шуточки по поводу того, например, какие нынче цены на люцерну и вообще на сено. А четырехлетняя дочка Дона Смита Дженни стала прятаться в этой траве, когда ее звали к завтраку или к ужину есть овсяную кашу.

Однажды, уже в конце июля, Гарольд вышел во внутренний дворик и увидел соседскую курицу, нахально косившуюся на него из высоченной густой травы, которой заросла даже задняя дорожка. Ну что ж, решил он, тянуть с этим делом больше не следует. Он вернулся в дом, выключил радио, взял в руки свежую газету и раскрыл ее на отделе рекламных объявлений. Уже в середине первого столбца он нашел то, что ему было нужно: ПОДСТРИЖКА ГАЗОНОВ. НЕДОРОГО. 776-2390.

Гарольд набрал указанный номер, ожидая услышать противный голос какой-нибудь домохозяйки, гнусаво подзывающей к телефону своего оболтуса-сына. Вместо этого в трубке профессионально зазвучал приятный голос секретарши: «Пастэрел Гринери», услуги по вызовам. Чем мы можем вам помочь?»

В двух словах Гарольд объяснил голосу, чем «Пастэрел Гринери» может помочь ему, удивляясь тому, что газонокосильщики имеют уже даже секретарш. Поинтересовавшись оплатой, он услышал в ответ вполне приемлемую цифру.

Гарольд повесил трубку с каким-то странным тревожным чувством и снова вышел на веранду. Усевшись в кресло, он включил радио и отрешенно уставился на субботние облака, проплывавшие по субботнему небу. Карла и Алисия ушли навестить его мать, и он был в доме

один. Для них будет приятным сюрпризом, подумал он, если газонокосильщик закончит свою работу до их возвращения.

Он открыл банку пива и, услышав по радио, что Дик Дрэго удален с поля за двойное касание, недовольно покачал головой. Снаружи прямо в остекление веранды задул легкий ветерок. В траве недовольно застрекотали сразу несколько потревоженных им сверчков. Гарольд пробурчал что-то нелестное в адрес Дика Дрэго и задремал.

Через полчаса его разбудил неприятно-дребезжащий звонок во входную дверь. Медленно поднявшись, он допил пиво и пошел открывать.

На крыльце стоял толстяк в грубой хлопчатобумажной робе, измазанной зеленым соком скошенной травы. В углу рта у него была зажата зубочистка.

Комбинезон на его животе оттопыривался так сильно, что Гарольд подумал, что толстяк, может быть, проглотил баскетбольный мяч.

— Да? — вяло промямлил Гарольд, не проснувшись еще и наполовину.

Толстяк улыбнулся, перекинул зубочистку из одного уголка рта в другой, поддернул комбинезон за лямки и сдвинул на затылок свою зеленую бейсболку. Ее козырек был испачкан свежим машинным маслом. И вот он стоял, улыбался и благоухал свежескошенной травой, землей и машинным маслом.

— Я из «Пастэрел», приятель, — весело проговорил он, непринужденно почесывая себя чуть ниже живота и не переставая улыбаться. — Это ведь вы звонили, не так ли? Не так ли, приятель?

— Хм... Насчет газона? Так это вы?

— Да, я, — ответил газонокосильщик и жизнерадостно рассмеялся, глядя на слегка распухшее ото сна лицо Гарольда.

Газонокосильщик бесцеремонно шагнул мимо беспомощно отступившего в сторону Гарольда в дом и, пройдя через кухню, жилую комнату и гостиную, оказался на

веранде, выходящей на задний двор. Наконец, Гарольд окончательно проснулся и понял, что все в порядке — это человек, вызванный им по телефону. Он видел людей такого типа и раньше — сантехники, например, или дорожные рабочие. Такие всегда найдут свободную минутку, чтобы отложить в сторону свои инструменты и, закулив «Лаки Страйк» или «Кэмел», посмотреть на тебя так, будто они — соль земли и запросто могут переспать с твоей женой чуть ли не в любой момент, стоит им только захотеть этого. Гарольд всегда немного побаивался таких людей — загорелых, с сеточкой морщин вокруг глаз, всегда знающих, что им делать.

— Задний дворик особенно зарос, — сказал Гарольд человеку невольно понизившимся голосом. — Он почти правильной квадратной формы, ровный и совсем без препятствий, но зарос, все-таки, очень сильно, — его голос дрогнул, вернулся в свой нормальный регистр и Гарольд добавил, как бы извиняясь:

— Боюсь, я немного запустил его.

— Не волнуйтесь, дружище. Расслабьтесь. Все просто отлично. Отлично-отлично-отлично, — улыбнулся газнокосильщик, его глаза просто сияли от счастья. — Чем выше трава, тем лучше. Хорошая у вас здесь почва, плодородная, вот в чем дело. А все благодаря Цирцее. Я всегда это говорю.

БЛАГОДАРЯ ЦИРЦЕЕ?

Газнокосильщик повернулся к радиоприемнику и прислушался. Диктор объявил, что только что с поля удален Ястржемски.

— За «Ред Сокс» болеете? Я — за «Янкиз».

Он снова вернулся в дом и деловито прошел в гостиную. Гарольд устало и с грустью провожал его глазами, успев утомиться от его беспардонности.

Толстяк уселся в кресло и неодобрительно покосился на лужу пива под столом с валявшейся посередине пустой банкой из-под него с надписью «Курз». Гарольд от этого взгляда хотел уже было даже сходить на кухню за шваброй, но потом передумал.

НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ, ДРУЖИЩЕ. РАССЛАБЬТЕСЬ.

Он раскрыл газету на финансово-экономическом разделе и стал пристально всматриваться в таблицу последних биржевых котировок. Будучи настоящим республиканцем, он считал, что должен быть всегда в курсе всех финансовых новостей, а представителей Уолл-стрит вообще представлял себе по меньшей мере полубогами...

(БЛАГОДАРЯ ЦИРЦЕЕ?)

... он очень часто и очень сильно жалел о том, что такие условные обозначения, как, например, pct. и Kdk или «от 3,28 до 2/3» остаются для него в большинстве случаев не больше, чем иероглифами на древних каменных табличках. Однажды он купил три акции компании «Мидуэст Байснбэгз, Инкорпорейтед», а компания неожиданно прекратила свое существование в 1968 году, и он потерял на этом целых семьдесят пять долларов. Теперь он понимал, что, несмотря на ту неудачу, за такими компаниями, как «Байснбэгэры» большое будущее. И это будущее не за горами. Они часто обсуждали это с Сонни — барменом из «Голдфиш Боул». Сонни объяснил Гарольду, что его ошибка заключалась в том, что он поспешил тогда на целых пять лет, а должен был бы...

Его снова потянуло в дремоту, но вдруг неожиданно встряхнуло и даже напугало спросонья каким-то непонятным и очень сильным ревом.

Резко вскочив на ноги и опрокинув при этом кресло, Гарольд испуганно огляделся по сторонам.

— Это что, газонокосилка? — спросил Гарольд Паркетт сам у себя. — Господи, ЭТО ЧТО, ГАЗОНОКОСИЛКА?

Он выбежал из дома на парадное крыльцо, но увидел только, как, как раз в этот момент, трясущаяся красная тележка с надписью «ПАСТЭРЕЛ ГРИНЕРИ, ИНК.» на боку с ревом скрылась за углом его дома, направляясь, по-видимому, во внутренний дворик. Теперь рев действительно доносился уже оттуда. Гарольд ринулся через весь дом обратно, выскочил на веранду и остановился, как вкопанный.

То, что он увидел, было просто отвратительно.

Он не мог поверить собственным глазам.

Красная газонокосилка, которую принес толстяк, двигалась сама по себе. Никто ее не толкал и никого не было рядом с ней даже поблизости. Она двигалась с оглушительным ревом, неистово трясясь и неудержимо продираясь сквозь буйные заросли травы на заднем дворе Гарольда Паркетта подобно какому-то ужасному красному исчадию ада. Она визжала, редела и с громкими хлопками выбрасывала в воздух голубые облачка маслянистого дыма. Это было какое-то механическое сумасшествие, переполнявшее Гарольда ужасом, у него просто голова пошла кругом. В воздухе висел густой терпкий запах свежескошенной травы.

Но уж что было действительно отвратительным, так это сам газонокосильщик.

Газонокосильщик скинул с себя абсолютно всю одежду, всю до последней ниточки. Она была аккуратно сложена в самом центре заднего дворика. Совершенно голый, весь в травяной зелени, он полз на четвереньках вслед неистовствовавшей газонокосилки и ел только что скошенную ей траву. Зеленый сок стекал по его подбородку на огромный, отвисший почти до самой земли отвратительный живот. Каждый раз, когда газонокосилка делала разворот, он поднимался на ноги, как-то бесновато подскакивал, а затем снова бросался на четвереньки.

— ПРЕКРАТИТЕ! — кричал Гарольд Паркетт. — НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЕ!

Но газонокосильщик не обратил на него решительно никакого внимания. То же самое можно было бы сказать и про его красного дьявольского напарника. Напротив, они стали двигаться еще быстрее. К неописуемому ужасу Гарольда, ему показалось, что газонокосилка, с ревом пронесясь мимо него, как бы ухмыльнулась сверкавшей на солнце никелированной решеткой, под которой с бешеной скоростью вращались остро заточенные ножи.

И тут Гарольд увидел крота. Оглушенный и перепуганный, он выскочил из травы прямо перед газонокосилкой.

Еще одна секунда — и он был бы перемолочен вместе с травой, в которой только что находился. Этот маленький коричневый комочек панически метнулся в сторону, намереваясь спрятаться от рычащего красного монстра под верандой.

Газонокосилка, как живая, резко свернула в сторону от линии своего движения и устремилась за кротом.

Уже через пару секунд она настигла его, с грохотом и завыванием подмяла под себя и через мгновение от крота осталось только кровавое месиво из шерсти и внутренностей, живо напомнив Гарольду об аналогичной участи соседской кошки год назад. С кротом было покончено и газонокосилка, сделав резкий поворот, вернулась к линии своего прежнего движения.

Газонокосильщик неотступно следовал за ней на четвереньках в некотором отдалении. Быстро перебирая руками и ногами, он остервенело пожирал только что скошенную траву. Гарольд наблюдал за всем этим широко распахнутыми глазами, совершенно парализованный от ужаса. Огромный отвратительный живот голого толстяка раздувался прямо на глазах. Он напрочь забыл обо всех акциях, котировках и «Байснбэгэрах». Он видел только, как... **ГАЗОНОКОСИЛЬЩИК, В ТОЧНОСТИ ПОВТОРИВ ЗИГЗАГ, СДЕЛАННЫЙ ТОЛЬКО ЧТО ЕГО МЕХАНИЧЕСКИМ НАПАРНИКОМ, ДОБРАЛСЯ ДО КРОТА И ПРОГЛОТИЛ ЕГО, ПОЧТИ НЕ ЖУЯ.**

Чувствуя, как у него темнеет в глазах, Гарольд опустил ветрозащитный экран на дверь веранды и запер ее. Вдруг его сильно вырвало. Он понял, что вот-вот упадет в обморок. Это **УЖЕ** был обморок. Плохо слушающимися ногами он подошел к кровати на веранде и, опустившись на нее в изнеможении, закрыл глаза...

Кто-то тряс его за плечи. Это была Карла. Он не вымыл посуду и не вынес мусор. Карла будет очень недовольна, но это, все же, намного лучше, чем то, что он пережил. Карла все продолжала трясти его за плечи, возвращая его из кошмарного сна в нормальный мир. Милая Карла — она была для него сейчас как спасательный круг в стихии,

с которой сам он справиться был уже не в состоянии. Она ласково улыбалась ему, очаровательно обнажая при этом свои мелкие передние зубы, которые он так любил...

Зубы... Но это были не ее зубы!.. У Карлы довольно слабые и мелкие зубы, а эти — крупные, крепкие и... между ними... какие-то...

Волокна.

Между зубами были какие-то зеленые волокна, которые выглядели как...

ТРАВА?

— О, Господи, — прошептал Гарольд.

— Вы что, приятель, сознание потеряли? А?

Над ним стоял, наклонившись, газонокосильщик. Он улыбался и между зубами у него свисали эти страшные зеленые волокна. Они были у него и на губах, и на подбородке. Он был в них почти весь. На дворе было тихо, но повсюду висел этот ужасный запах травы и выхлопных газов.

Гарольд приподнялся на кровати, опустил ноги на пол и тупо уставился на замершую газонокосилку. Вся трава была аккуратно подстрижена. Но собирать ее не было никакой необходимости — травы просто не было. Ее съел газонокосильщик. Гарольд почувствовал, что с его головой творится что-то невообразимое. Он покосился на толстяка и, вздрогнув, поморщился. Он был просто ужасен. Из уголков его рта стекали зеленые струйки травяного сока.

— Что это? — взмолился Гарольд.

— Это? — кивнул толстяк в сторону газона. — Это новая методика, которую решил испытать наш босс. Довольно неплохо, кстати, получается. На самом деле, приятель. Убиваем двоих зайцев одним выстрелом — и к завершающей стадии испытаний приближаемся, и деньги зарабатываем. Понимаете? Конечно, сплошь и рядом многие клиенты, мягко говоря, очень удивляются и не могут понять, что это такое они видят собственными глазами. Но босс всегда согласен на жертвы. Понимаете? Это как хорошая смазка для колес.

Гарольд молчал. В его голове зловеще пульсировало только одно слово — «жертвы». А еще он раз за разом вспоминал одну и ту же картинку — как из ревущей газонокосилки вылетает искромсанная тушка крота, который еще две-три секунды назад был живым.

— Конечно, — еле вымолвил Гарольд, с трудом поднимаясь на ноги, совсем как наполовину разбитый параличом трясущийся старец.

Когда ему, наконец, удалось это сделать, он вспомнил вдруг строку из одной фолк-рок песенки, которые любила слушать Алисия: «Трава, благословленная Господом нашим».

Газонокосильщик весело шлепнул себя по зеленому, как недозревшее яблоко, бедру:

— Отличная технология, дружище! Просто чертовски хороша! Я вижу, вы все поняли правильно. Вы не будете против, если я отмечу это в своем докладе, когда вернусь в офис? Может, какое-нибудь поощрение получу.

— Конечно, — ответил Гарольд, отступая от него в сторону черного хода и стараясь удержать на лице улыбку. — А теперь вы можете закончить работу до конца, а мне, я думаю, лучше всего сейчас немного вздремнуть...

— Конечно, приятель. Не буду вам мешать, — сказал газонокосильщик, грузно поднявшись с корточек на ноги.

В глаза Гарольду бросилась необычайно длинная щель между большими и остальными пальцами ног, как будто... нога была, подобно копыту, раздвоена.

— С первого раза это для всех очень необычно, — добавил газонокосильщик. — Но вы привыкаете. В вас чувствуется добрая закалка.

Он пристально осмотрел полную фигуру Гарольда и задумчиво проговорил:

— У вас хорошие данные, приятель. Может, для вас это будет неожиданным и странным, но наш босс всегда ищет новые таланты. Вроде вас.

— Босс... — едва слышно пробормотал Гарольд.

Газонокосильщик остановился на нижних ступеньках лестницы и, обернувшись, пристально посмотрел на Гарольда Паркетта.

— Итак, приятель, мне кажется, что вы уже догадались... Трава, благословленная Господом нашим... и вообще.

Гарольд осторожно потряс головой и газонокосильщик, увидев это, громко рассмеялся.

— Пан. Нашего босса зовут Пан.

Сделав шаркающее движение ногой по свежескошенной траве, он подпрыгнул, завел газонокосилку и она с оглушительным ревом стала кружиться вокруг дома.

— Соседи!.. — начал было Гарольд, но газонокосильщик только весело взмахнул рукой и исчез за углом.

Газонокосилка кружила вокруг дома с бешеной скоростью, непередаваемо оглушительным ревом и жуткими завываниями. Вслед за ней носился на четвереньках не менее жуткий толстяк с отвратительным раздувшимся животом, весь зеленый от облепившего его сока травы и, самое главное, голый. Совершенно голый. Гарольд в ужасе схватился за голову и закрыл глаза, как будто этим он мог остановить это кошмарное гротескное представление, которое наверняка давно уже наблюдали из своих окон его соседи Кастонмейеры и Смиты — закоренелые демократы. Наблюдали, наверное, с не меньшим ужасом и обмениваясь при этом многозначительными взглядами вроде «Говорил же я вам!..»

Вместо того, чтобы созерцать этот кошмар еще и самому, Гарольд быстро подошел к телефону, схватил трубку и набрал номер ближайшего полицейского участка.

— Сержант Холл, — ответил голос на другом конце провода.

Гарольд зажал пальцем свободное ухо и прокричал в трубку:

— Мое имя Гарольд Паркетт. Адрес — 1421 Ист Эндикотт Стрит. Я хочу сообщить вам...

О чем? О чем он хочет сообщить? О том, что какой-то человек, босса которого зовут Пан, терзает его газон? О том, что у него раздвоение ступни?

— Я слушаю вас, мистер Паркетт.

Вдруг его осенило:

— Я хочу сообщить вам об акте публичного обнажения.

— Публичного обнажения? — переспросил сержант Холл.

— Да. Здесь один человек подстригает мой газон. Так вот, он хм...

— Вы имеете в виду, что он голый? — вежливо, но недоверчиво подсказал ему сержант Холл.

— Да-да, именно голый! — подтвердил Гарольд, с трудом контролируя разбегающиеся мысли. — Совершенно голый! Бегаёт по моему газону прямо перед парадной дверью у всех на виду и трясёт своим жирным задом, как на каком-нибудь нудистском пляже! Пожалуйста, немедленно пошлите кого-нибудь сюда!

— Ваш адрес 1421 Уэст Эндикотт? — уточнил сержант Холл.

— Ист, черт бы вас побрал! — взвыл Гарольд. — Ист, а не Уэст!

— Вы уверены, что он совершенно голый? Вам видны его э-э... гениталии и так дальше?

Гарольд хотел сказать что-то еще, но успел только прокашляться. Рев газонокосилки быстро становился все громче и громче, как будто она стремительно приближалась к нему, заглушая все звуки во Вселенной. Он почувствовал, как к его горлу подступает огромный шершавый комок.

— Вы можете говорить? — тупо бубнил в трубку сержант Холл. — Очень плохо слышно. У вас, наверное, что-то с телефоном...

С треском распахнулась входная дверь, и Гарольд с ужасом увидел, как это механическое чудовище въезжает в дом. Вслед за ним, все еще голый, шел сам газонокосильщик. Чувствуя, что он сейчас на самом деле сойдет с ума, Гарольд увидел, что теперь толстяк был зеленым совершенно весь — с головы до пят. Особенно сочного, как сама трава, цвета были его волосы. Он непринужденно вертел на пальце свою бейсболку.

— А вот это была ваша ошибка, приятель, — укоризненно сказал газонокосильщик. — Не стоило вам забывать, все-таки, что это — трава, благословленная Господом нашим...

— Алло? Алло, мистер Паркетт...

Рука Гарольда задрожала и выронила телефонную трубку — газонокосилка двигалась прямо на него, подстригая ворсистый индейский ковер, недавно купленный Карлой, и выплевывая сзади клочья коричневой шерсти.

Гарольд оцепенел, как кролик перед удавом, и смотрел на нее с отвисшей челюстью до тех пор, пока, разделавшись с ковром, она не добралась до кофейного столика, стоявшего у самых его ног. Когда, наконец, она отбросила его в сторону, отхватив при этом одну ножку и в мгновение ока перемолов ее в мелкие опилки, Гарольд перепрыгнул через кресло и, споткнувшись о стул, опрометью бросился к кухне.

— Не поможет, приятель, — кинул ему вдогонку газонокосильщик. — Гораздо лучше будет, если вы покажете мне, где у вас лежит самый острый нож, — ласково добавил он. — Тогда я помогу вам принести себя в жертву совершенно безболезненно...

Толкнув тяжелое кресло на газонокосилку и рассчитывая, что это прикроет его хотя бы на несколько мгновений, Гарольд рванулся к входной двери. Газонокосилка, как живая, увернулась от кресла, сделала негодующий оглушительный выхлоп и устремила за Гарольдом. Ударом плеча он распахнул дверь веранды вместе с ветрозащитным экраном, сорвав все это с замков. Спрыгивая с крыльца, он чувствовал, он слышал, что газонокосилка уже почти настигла его, что еще несколько мгновений — и она примется за его пятки. Он уже даже чувствовал ее запах.

Газонокосилка взвыла на верхней ступеньке подобно горнолыжнику, приготовившемуся к старту. Убегая от нее по свежескошенной траве заднего дворика, Гарольд чувствовал, что ему становится все тяжелее и тяжелее — слишком много банок пива было выпито сегодня и слиш-

ком часто прикладывался он вздремнуть. Он чувствовал, что она уже в каких-то сантиметрах от него. Падая, он обернулся и увидел через плечо, как обе его ступни исчезают под газонокосилкой.

Последним, что увидел и услышал Гарольд Паркетт, была громоздящаяся на него газонокосилка, ее мелькавшие с бешеной скоростью зелено-красные ножи (от травы и от его собственной крови) и то, как она натужно заревела, перемалывая кости его ног. Над газонокосилкой возвышалось жирное и нервно трясущееся лицо самого газонокосильщика.

— Чертовщина какая-то, — озадаченно проговорил лейтенант Гудвин после того, как были сделаны последние фотографии. Он кивнул двум людям в белых халатах, чтобы они подъехали со своими носилками на колесиках.

— Меньше двух часов назад он позвонил в участок и сообщил, что по его газону бегают какой-то голый парень.

— Да ну? — удивился патрульный Кули.

— Да. То же самое сказал и один из его соседей. Некий Кастонмейер. Он тоже звонил нам, но он думал, что это был сам Паркетт. Может быть, так и было, Кули. Может быть, так и было.

— Сэр?

— Я говорю, что, может быть, так оно и было, — мрачно повторил лейтенант Гудвин и, поморщившись, потер себе висок. — Наверняка это был какой-нибудь буйно-помешанный. Как мне уже надоели эти шизофреники! Спасу от них никакого не стало.

— Да, сэр, — вежливо поддакнул Кули.

— Где остальная часть тела? — спросил один из санитаров.

— В ванной в углу заднего дворика, — ответил Гудвин, задумчиво глядя в небо.

— Вы сказали в ванной? — переспросил санитар.

— Да, именно так я и сказал! — раздраженно бросил Гудвин.

Патрульный Кули подошел к ванной, стоявшей в глубине дворика и побледнел.

— А может, — медленно проговорил лейтенант Гудвин, — это был сексуальный маньяк.

— Есть какие-нибудь отпечатки? — поинтересовался Кули, с трудом сдерживая отвращение от увиденного в ванной.

— Спросите еще про следы, — грустно проговорил Гудвин, кивнув на аккуратно и очень коротко подстриженную траву.

Кули смущенно прокашлялся.

Лейтенант Гудвин засунул руки глубоко в карманы и стал глубокомысленно покачиваться с носков на пятки.

— Мир, — начал он мрачно и глубокомысленно, — полон сумасшедших. Никогда не забывайте об этом, Кули. Самых разнообразных шизофреников и маньяков. Этот Паркетт разъезжал по собственному дому с включенной газонокосилкой. Представляете?

— Не, сэр.

Гудвин внимательно обвел взглядом аккуратно подстриженный газон Гарольда Паркетта и еще глубокомысленнее произнес:

— Один человек, увидев черноволосого шведа, сказал: «Это наверняка негр, только кожу перекрасил».

Гудвин поплелся вокруг дома. Кули последовал за ним. В воздухе вокруг них стоял приятный свежий аромат недавно скошенной травы.

НОЧНОЙ ПРИБОЙ

НОЧНОЙ ПРИБОЙ

После того, как парень был уже мертв и в воздухе повис густой запах горелого мяса, мы все снова пошли на пляж. Кори нес свой старый радиоприемник — из тех, что размером с чемодан и которым батареек нужно, наверное, штук сорок. Но на нем, все-таки, можно было слушать и кассеты. Качество звучания и громкость были, конечно, не ахти какими, но работал он вполне сносно. До того, как Кори ввели Аб, он был довольно состоятельным человеком, но с тех пор деньги волновать его перестали. Даже эта старая магнитола была для него только осколком прошлого. Приемник мог поймать только две радиостанции. Первая, портсмутская, называлась WKDM и пичкала своих слушателей исключительно религиозными программами вперемежку с новостями. Даже ди-джеи были у них все какие-то рехнутые. Подборочки у них были приблизительно такие: Перри Комо — «Молитва», Джонни Рэй — «Псалом», Джеймс Дин — «Восточный Эдем», ну и так далее. Где только откапывали такие... Однажды какой-то идиот запел песенку под названием... что-то вроде «Вязания снопов». Мы с Нидлзом просто по земле катались от хохота. Чуть истерика не случилась.

Массачусетская станция была намного лучше, вообще совсем другое дело, но поймать ее можно было только в ночное время. Отличная молодежная радиостанция — много хорошей музыки и презабавные письма от радиослушателей. Думаю, они применяли для ретрансляции оборудование станций WRKO или WBZ, а может быть, WDOPE, KUNT или WA6 или какой-нибудь еще такого класса после

того, как там все умерли или просто побросали свои рабочие места. Очень веселая радиостанция — просто ухохотаться, помереть со смеху можно. Как раз ее мы и слушали, когда шли обратно на пляж. Сюзи держала меня под руку, Келли и Джоан шли впереди, Нидлз плелся где-то сзади за нашими спинами. Замыкал шествие Кори, размахивая своим радиочемоданом в такт шагам. Стоунз пели свою «Энджи».

— Ты ЛЮБИШЬ меня? — то дело спрашивала меня Сюзи. — Я просто хочу знать: ты меня ЛЮБИШЬ?

Она просто нуждалась в том, чтобы я постоянно заверял ее в своей любви. Я был для нее плюшевым мишкой, как в одноименной песенке Элвиса.

— Нет, — честно ответил я. Она уже в те годы была настоящей толстухой. И если она доживет до старости, в чем я сильно сомневаюсь, то станет настоящей жирной свиньей. К тому же, она была слишком болтлива.

— Ты мерзавец, — прохныкала она, и, вырвав свою руку, закрыла лицо. Ее покрытые лаком ногти тускло блеснули в свете почти полной луны, поднявшейся около часа назад.

— Снова реветь будешь?

— Заткнись! — крикнула она, и я понял, что сейчас она точно разревется.

Мы вышли на гребень холма, с которого начинался спуск к пляжу, и я остановился. Я всегда ненадолго останавливался на этом месте. До того, как применили Аб, здесь был общественный пляж. Туристы, веселые компании и семьи, выехавшие на пикник, визгливая малышня, их толстозадые бабули в белых панамах или с шезлонгами с солнцезащитными козырьками и так далее. Люди на подстилках валялись здесь под ярким солнышком вперемежку с обгрызенными кукурузными початками и конфетными обертками, свежий морской воздух был смешан с автомобильными выхлопами и запахом машинного масла с находившейся тут же неподалеку стоянки.

Но сейчас никакой грязи и мусора нет. Все съедено приливом. Всю эту хреновню слизнул своим огромным прохладным языком океан. Люди уже не придут сюда и не

нагадят здесь снова, как раньше. Есть только мы, но от нас не много вреда. Мы любили пляж, очень любили — и не мы ли только что сделали ему жертвоприношение? Даже Сюзи любила его, маленькая толстозадая сучка Сюзи в дурацких расклешенных брюках клюквенного цвета.

Песок был почти безупречно белым и покрытым мелкими ветряными барханчиками, как в пустыне. Только кое-где валялись на нем небольшие спутанные клубки бурых морских водорослей и щепки, принесенные прибоем. Все кругом было залито ярким лунным светом, предметы отбрасывали сочные чернильно-черные тени с четкими очертаниями. Высокая спасательная вышка, находившаяся ядрах пятидесяти от нас, была совершенно белой в этом свете и походила на какой-то гигантский фантастический скелет, грозно возвышающийся над пляжем.

И прибой, ночной прибой, выбрасывающий на берег пенистые волны вдоль всей береговой линии, на сколько хватало глаз. Может быть, эти волны еще прошлой ночью были где-нибудь у берегов Англии.

«Энджи» в исполнении Стоунз, — с потрескиванием объявил ди-джей из динамика радиоприемника. — Свою сегодняшнюю встречу с вами я открыл этой песенкой неспроста несмотря на то, что ей уже много лет. Ведь настоящее искусство вечно, а это его произведение — чистое, как говорится, золото. Я — Бобби. Сегодня ночью с вами должен был быть Фред, но Фреда подкосил грипп и он весь буквально-таки опух. Только не волнуйтесь, пожалуйста, дорогие слушатели и особенно слушательницы. С Фредом все будет в порядке».

В этом месте Сюзи хихикнула сквозь слезы, а я шагнул, наконец, к пляжу и быстро зашагал под уклон.

— Подождите! — послышался сзади голос Кори. — Берни! Эй, Берни, подожди!

Ведущий радиостанции без умолку тараторил какие-то забавные четверостишия, а его ассистентка спросила вдруг, куда он поставил пиво. Он что-то ответил ей через плечо, отвернувшись, видимо, от микрофона, — я так и не разобрал, что. Пока они разбирались, где там у них

пиво, мы уже почти дошли до пляжа. Я обернулся, чтобы посмотреть, где Кори. Он, как всегда, плелся сзади, и его походка была настолько потешной, что мне даже стало немного жаль его.

— Побегали, — предложил я Сюзи.

— Зачем?

— Просто так. Потому, что я очень люблю побегать, — сказал я, шлепнув ее по заднице. Она снова захныкала.

Мы побежали. Тяжело пыхтя, как загнанная лошадь, она шлепнулась в песок где-то у меня за спиной и закричала, чтобы я остановился, но я уже выкинул ее из головы. Ветер свистел у меня в ушах и трепал мои волосы. Я вдыхал полной грудью резкий и терпкий запах морской соли. Все ближе и ближе были слышны тяжелые удары прибоя. Вода была как черное стекло с резко выделяющимися на нем белыми гребнями пены. Я скинул резиновые шлепанцы и побежал дальше босиком, не заботясь о том, что могу поранить себе ногу случайно подвернувшимся под нее осколком какой-нибудь раковины с острыми краями. Кровь просто кипела в моих жилах!

Вот я вбежал под навес, где уже был Нидлз. Келли и Джоан стояли снаружи, держась за руки и глядя на воду. Не останавливаясь, я сделал несколько кувырков через голову, чувствуя, как песок сыплется мне за шиворот, и остановился около Келли. Он вскочил на меня верхом и шлепнул по ляжке, как наездники стегают своих лошадей. Джоан расхохоталась.

Вообще всем было очень весело. Всем, кроме Сюзи, которая уже не бежала, а еле волочила ноги. Даже Кори уже почти догнал ее.

— Небольшой костерчик, — сказал Келли.

— Думаешь, он в самом деле так и приехал из Нью-Йорка, как рассказал нам? — спросила Джоан.

— Не знаю.

Лично я не видел никакой разницы в том, так он приехал, как рассказал нам, или не так, из Нью-Йорка или откуда-нибудь еще. Когда мы натолкнулись на него, он сидел за рулем огромного роскошного «Линкольна» и

что-то бессвязно бормотал, мало чего, по-видимому, понимая. Его голова раздулась до размеров футбольного мяча, а шея, напротив, была тоненькой как сосиска. На коленях у него лежал путеводитель, почему-то вверх ногами. Видимо, ему было все равно. Мы вытащили его из машины, связали веревкой, нашедшейся у него же в багажнике, втащили на самый высокий холм около пляжа и сожгли там. Он сказал, что его зовут Элвин Сэкхейм и все время, как в бреду, звал свою бабушку. Он даже Сюзи принял за свою бабушку. Ее это очень развеселило. Бог ее знает, почему. У нее какое-то очень необычное, мягко выражаясь, чувство юмора. Вы бы знали, какие странные вещи могут порой рассмешить ее.

Сжечь его предложил Кори, и это не было шуткой. Учась в колледже, он прочел массу книг по колдовству и черной магии и, отведя нас в темноту за «Линкольном» Элвина Сэкхейма, он сказал нам шепотом, что если мы принесем жертву темным силам, то, может быть, духи защитят нас от А6.

Конечно, никто из нас не поверил сначала во все это, но постепенно разговор становился все серьезнее и серьезнее. Для нас это было по меньшей мере дико, но в конце концов мы решились и сделали это. Мы привязали его к штативу, на котором был раньше наблюдательный бинокль, в который, если опустить десятицентовик, можно было увидеть в ясную погоду практически весь Портленд. Проверив, достаточно ли крепко он привязан, мы разошлись в разные стороны в поисках сухих веток или дров, как дети, играющие в новую игру. Все это время Элвин Сэкхейм почти безжизненно болтался там, где мы его оставили, уронив голову на грудь и невнятно бормоча что-то своей воображаемой бабушке. Глаза Сюзи ярко горели, как у какой-нибудь ведьмы во время шабаша, грудь сильно вздымалась от учащенного взволнованного дыхания. Все происходившее ей явно нравилось. Когда в поисках дров мы спустились в небольшую ложбинку за холмом, она подошла ко мне и, обняв, крепко поцеловала в губы. Ее губы были покрыты толстым слоем помады и

поэтому ее поцелуй был похож скорее на прикосновение чего-то очень жирного и сального с приторным сладким запахом.

Я с очень недовольным видом оттолкнул ее в сторону, и она начала с тех пор дуться на меня.

Набрав достаточное количество сухих веток и досок, мы вернулись наверх и обложили ими Элвина Сэкхейма до пояса. Нидлз крутанул колесико своего «Зиппо» и костер стал быстро разгораться, даже бумаги не понадобились. Сэкхейм закричал почему-то только после того, как огонь коснулся волос на его голове. Запах поплыл как от свежеприготовленной китайской свинины.

— Дай мне сигарету, Берни, — попросил Нидлз.

— Сзади тебя, в машине, у заднего стекла пачек, наверное, пятнадцать валяется.

— Идти не хочется, — проговорил он с какой-то странной улыбкой и прихлопнул комара на руке.

Я дал ему сигарету и присел на песок. Мы с Сюзи встретили Нидлза в Портленде. Он сидел на бордюре перед зданием театра и играл Лидбелли на старой большой гитаре. Гитара была настолько дорогой, что у нас, почему-то, не возникло никаких сомнений в том, что он просто стащил ее где-нибудь. Звуки гитары неслись вдоль всей Конгресс-стрит, как будто он играл в концертном зале.

Сюзи, наконец, добрела до навеса, все еще не в силах отдышаться оттого, что пробежала несколько метров.

— Ты мерзавец, Берни, — пропыхтела она, плюхнувшись в песок.

— Ну, Сюзи. Давай-ка смени пластинку. Эта у тебя что-то совсем заедает.

— Подонок! Сукин сын безмозглый! БАРАН!

— Исчезни, — тихо сказал я, — или в глаз получишь. Сомневаешься?

Она снова заплакала. Ньюни она распускать любила. Может быть, даже больше всего на свете. К этому времени подошел Кори. Он попытался успокоить ее, положив ей руку на плечо, но получил в ответ сильный удар локтем прямо

между ног. Прошипев сквозь зубы какое-то самое сильное, наверное, его ругательство, он скрючился и отошел в сторону и, в конце концов, красноречиво плюнул в ее сторону.

— Я УБЬЮ ТЕБЯ! — взвизгнула она и бросилась вдруг на него, молотя по воздуху руками, как двумя пропеллерами. Кори от удивления несколько раз хлопнул глазами и, чуть не упав, бросился наутек, держась руками за свой самый важный орган. Разъяренная Сюзи неслась за ним во всю прыть, препотешно тряся своим жирным задом и истерично выкрикивая самые разнообразные ругательства и проклятия. Нидлз запрокинул голову и громко расхохотался. Шум прибоя почти заглушал звуки радиоприемника.

Келли и Джоан куда-то исчезли. Повертев головой, я увидел, что они ушли уже далеко вдоль берега по самой кромке воды. Идут себе в обнимочку и не видят всего этого цирка. Они выглядели так, как будто только что сошли с рекламного плаката какого-нибудь туристического агентства — ПОСЕТИТЕ УДИВИТЕЛЬНУЮ СЕЙНТ-ЛОРКУ. Ну прямо точь-в-точь. Они действительно здорово смотрелись, просто позавидовать можно.

— Берни?

— Что? — отозвался я. Я как раз вспоминал в тот момент, как Нидлз чиркнул своей зажигалкой и поднес огонек к сухим веткам у ног того бедняги, совсем как средневековый палач во времена инквизиции или как какой-нибудь звероподобный неандерталец.

— У меня начинается, — тихо проговорил он.

— Да? — я быстро посмотрел на него. — Ты уверен?

— Конечно уверен. Голова болит, желудок. Мочеиспускание тоже болезненное.

— Может, это просто Гонконгский грипп. У Сюзи он уже был и прошел. Правда, с осложнением на мозг, — усмехнулся я. Это было еще в университете, где-то за неделю до его закрытия и приблизительно за месяц до того, как человеческие тела начали вывозить за город грузовиками и закапывать в огромные могилы с помощью экскаваторов и бульдозеров.

— Смотри, — сказал он и, широко раскрыв рот, зажег перед ним зажигалку, чтобы было виднее. Я приподнялся и отчетливо разглядел первые грязно-серые пятна на его языке и слизистой горла, первые признаки опухания.

Да, это был Аб... никаких сомнений.

— Действительно, — констатировал я и без того очевидный факт.

— Но я не так уж плохо себя, вообще-то, чувствую, — сказал он. — По крайней мере внушаю себе это и не раскисаю... Признайся, ты ведь очень много и часто о нем думаешь.

— Вовсе нет, — соврал я.

— Думаешь... Как и тот парень. Ты тоже думаешь об этом, мне можешь не рассказывать. А что касается того бедолаги, то я считаю, что мы даже лучше ему сделали. А он даже и не понял, наверное, ничего.

— Понял.

— Не важно, — пожал он плечами и повернулся к морю.

Мы молча курили и смотрели на волны, с шумом выкатывавшиеся на песок и с шипением скатывавшиеся обратно. Все-таки, это не миновало Нидлза. Я сразу стал воспринимать все окружающее как-то по-другому. Был уже конец августа. Через пару недель уже, может быть, начнутся первые заморозки. Самое время перебраться куда-нибудь потеплее, под хорошую крышу с теплым очагом. Зима. К Рождеству, может быть, никого из нас уже не останется в живых. Может быть, все мы будем лежать и разлагаться в какой-нибудь гостинице чьего-то заброшенного дома, а приемник Кори будет еще какое-то время продолжать тихо работать, стоя на журнальном столике или книжной полке, если радиостанции к тому времени будут еще работать. Через никому не нужные уже занавески будет пробиваться слабый зимний свет.

Мое воображение нарисовало все это настолько ярко и явственно, что я передернул плечами. Не стоит думать о зиме в августе.

— Вот видишь? — рассмеялся Нидлз. — Ты ДУМАЕШЬ об этом.

Что мог я ему возразить? Я только поднялся на ноги и сказал:

— Пойду поищу Сюзи.

— Может быть, мы последние люди на земле, Берни. Ты не думал еще об этом?

В бледном лунном свете он сам выглядел наполовину покойником: черные круги под глазами на осунувшемся лице с обостренными чертами, мертвенно-бледные тонкие пальцы как кости...

Я подошел к воде и пристально посмотрел вдоль прибрежной линии в одну и в другую стороны, но не увидел ничего, кроме пустынного пляжа и черных волн с аккуратными белыми гребешками пены. Шум прибоя превратился уже в настоящий грохот, который сотрясал, казалось, всю землю. Я закрыл глаза и ввинтился в песок голыми пятками. Песок был прохладным, влажным и очень плотным. А если мы действительно последние люди на Земле, тогда что? Оставалось надеяться только на то, что к утру мои мысли будут не такими мрачными.

Тут я увидел Сюзи и Кори. Сюзи восседала на Кори, как на диком мустанге, брыкаящемся, возмущенно трясущем головой и разбрызгивающем пену. Оба были мокрыми от пота. Я не спеша подошел к ним и столкнул ее с бедного Кори ногой. Освобожденный Кори быстро вскочил с четверенек и отбежал в сторону.

— Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ! — заорала Сюзи, разинув при этом свою пасть так, как будто хотела проглотить меня. Пасть эта была как вход в комнату смеха. Когда я был малышом, мама часто водила меня в Гаррисоновский парк, где была очень любимая мною комната смеха с кривыми зеркалами. На фасаде этого здания вокруг входной двери было нарисовано огромное лицо весело смеющегося клоуна, а дверь была как раз как бы его ртом.

— Ну, давай, вставай, — протянул я ей руку. Она недоверчиво взялась за нее и поднялась. Вся она была в налипшем на мокрую одежду и кожу песке.

— Как ты посмел ударить меня?! Как ты мог...

— Да ну тебя, — попытался я оборвать ее, но остановить ее просто как проигрыватель было невозможно, пока это самой ей не надоедало.

Мы медленно побрели по песку к остальной компании. Они уже подходили к небольшому домику недалеко от пляжа. В нем, конечно, никого не было. В домике было всего четыре кровати, причем одна из них — двуспальная, но для одного из нас места все равно не хватало. Нидлз великодушно объявил, что будет спать на полу. Его, похоже, начинало одолевает безразличие ко всему.

В домике кроме жилых помещений, находившихся на верхнем этаже, была еще и небольшая лавка, располагавшаяся внизу. Все было покрыто уже довольно заметным слоем пыли. Решив посмотреть, что нам может пригодиться, я спустился в лавку. На полках лежало множество хлопчатобумажных футболок с надписью «ЭНСОН БИЧ» и трехцветным морским пейзажем на груди, дешевенькие медные браслеты, которые сияют как золотые при покупке, но начинают зеленеть уже на следующий день, яркие и тоже дешевые сережки из какого-то светлого металла, волейбольные мячи, безвкусно раскрашенные фарфоровые статуэтки, изображающие мадонну с младенцем, полиэтиленовые пакеты с забавной надписью «ВОТ, ЖЕНА, КУПИЛ ТЕБЕ ПОДАРОК», бенгальские огни к Четвертому июля, который, похоже, никто и никогда праздновать уже не будет, пляжные полотенца и покрывала с изображениями роскошных девиц в бикини в окружении названий различных знаменитых курортов, среди которых ярче всего выделялась, конечно, надпись ЭНСОН БИЧ, воздушные шары, женские купальники и мужские плавки чуть ли не всех оттенков радуги и прочая ерунда. По всему полу были разбросаны чьи-то визитные карточки. В углу был небольшой бар с зазывающей вывеской ОТВЕДАЙТЕ НАШИХ УСТРИЦ.

Я часто приезжал в Энсон Бич, когда учился в высшей школе. В последний раз это было за семь лет до Аб, я приезжал тогда с девушкой по имени Морин. Это была высокая и очень красивая девушка. Чаще всего она надевала на пляж свой любимый купальник — розовый, а я

шутил по этому поводу, что купальника совсем не видно, а если приглядеться то выглядит он как нижнее белье. Мы любили выходить на дощатый причал и подолгу смотреть на океан, залитый лучами яркого солнца. Под босыми ногами доски причала были почти нестерпимо-горячими, но нам это все равно очень нравилось и мы так ни разу и не отведали ИХ УСТРИЦ.

— Что ты там высматриваешь?

— Да так просто, смотрю, что может пригодиться.

Ночью мне приснился кошмарный сон с участием Элвина Сэкхейма, и я проснулся весь в холодном поту. Он сидел за рулем своего сверкающего желтого «Линкольна» и, уставившись куда-то в пространство остекленевшими глазами, о чем-то разговаривал со своей бабушкой. Но страшным было не это. Самым страшным было то, что это был не просто Элвин Сэкхейм. Это был обгоревший зловонный труп Элвина Сэкхейма. Он все говорил и говорил, а я все никак не мог проснуться и чуть не задохнулся во сне от жуткого зловония, исходившего от него.

Сюзанна спала совершенно спокойно, неуклюже раскидав во сне ноги. На моих часах было без десяти четыре утра, но они остановились. На улице было еще темно. На море было сильное волнение, и волны разбивались о берег с невероятным грохотом. На самом деле была уже четверть пятого, и скоро должен был начаться рассвет. Я вылез из постели, подошел к балконной двери и распахнул ее. Мое разгоряченное тело приятно обдало прохладным свежим ветром с моря. Все-таки, несмотря ни на что, я не хотел умирать.

Я спустился в лавку и нашел там, подсвечивая себе огоньком зажигалки, четыре упаковки пива «Буд» и несколько больших картонных коробок с самыми разнообразными сигаретами. Пиво было теплым, поскольку электричества не было и холодильник поэтому не работал. Я не отношусь к любителям теплого пива. Пиво есть пиво, а настоящее пиво должно быть холодным. Выбирать, однако, не приходилось. Я взял пачку сигарет и, выйдя на

крыльцо, уселся на каменные ступеньки. Открыв банку, я сделал несколько больших глотков.

Ветер с океана уже почти высушил мою кожу от противного липкого пота, и я почувствовал, как начинаю сходить с ума от мыслей о том, что я сижу вот здесь и пью пиво, а практически все остальное человечество уже погибло. Уничтожено. Не ядерным или каким-нибудь биологическим оружием. ПРОСТО ГРИПП. У меня появилось желание поставить огромную мемориальную доску в память о себе где-нибудь на Бонневильском соляном озере, например. Из бронзы. И чтобы ее хорошо было видно издали. И большими буквами на ней: ПРОСТО ГРИПП.

Я швырнул пустую банку в левую сторону от крыльца. Она пусто звякнула о бетон и закатилась за угол здания. Невдалеке на пляже черным треугольником темнел навес, под которым мы вчера стояли. Я подумал о том, как хорошо было бы, если бы Нидлз тоже проснулся сейчас и спустился ко мне.

— Берни?

Она стояла в дверях, накинув на себя мою рубашку. Ненавижу, когда кто-нибудь надевает мои вещи. К тому же, от нее воняло, как от свиньи.

— Ты больше не любишь меня? Да, Берни?

Я ничего не ответил ей. Бывают моменты, когда я чувствую какое-то вселенское сострадание буквально ко всему, что окружает меня. Сейчас мне было очень жаль ее, хотя она этого совершенно не заслуживала.

— Можно посидеть с тобой?

— Вряд ли мы здесь вместе поместимся.

Она обиженно шмыгнула носом и повернулась, чтобы уйти.

— Нидлз подцепил А6, — тихо сказал я.

Она остановилась и посмотрела на меня. Ее лицо было совершенно спокойным. Не лицо даже, а какая-то совершенно тупая физиономия.

— Не шути так, Берни.

Я молча закурил сигарету.

— Не может быть. Он же... У него же...

— Да, у него не было А2. Гонконгского гриппа, как у тебя, у меня, у Кори, у Джоан. Как у всех, одним словом.

— Но, значит, у него нет...

— Иммунитета против А6, — закончил за нее я.

— Может быть, мы тоже, все-таки, можем заразиться им от него?

— Вряд ли. Но это не исключено. Получается, он просто наврал нам, что перенес А2, чтобы мы взяли его с собой тогда, — задумчиво проговорил я.

— Конечно наврал, — вздохнула она. — Я бы точно так же поступила на его месте. Никто ведь не хочет оставаться один... Пойдем, может быть, спать?

— Нет, я посижу еще.

Она ушла в дом. Я мог и не говорить ей о том, что А2 не дает практически никаких гарантий против А6. Она сама прекрасно знала об этом. Я сидел и смотрел на прибор. Несколько лет назад Энсон был одним из главных центров серфингистов в Америке. Вдалеке я увидел какую-то высокую вышку типа наблюдательной. Через несколько мгновений она как-то пропала. Не знаю — может быть, ее просто стало не видно, а может быть, она просто померещилась мне. Иногда Келли так мерещится Джоан или кто-нибудь или что-нибудь еще. В последнее время они, кстати, пристрастились отделяться от всей остальной компании и бродить вместе по окрестным холмам, горам или пляжу. Вот и сейчас их наверняка нет наверху.

Я спрятал лицо в ладони и с силой сжал его, чувствуя руками каждую образовавшуюся напряженную морщинку.

А волны все обрушивались на песок и откатывались, обрушивались и откатывались, обрушивались и откатывались... Бесконечно. Мы приехали сюда летом, я и Морин. В первое лето после окончания высшей школы и перед поступлением в колледж, задолго до того, как А6 пополз из юго-восточной Азии и постепенно накрыл весь земной шар черным покрывалом смерти. Мы ели пиццу, слушали радио и втирали друг другу в спину масло для загара. Стояла замечательная погода. Яркое солнце, ослепительно-белый песок и пронзительно голубой океан...

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ЦВЕТЫ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ЦВЕТЫ

Ранним майским вечером 1963 года вверх по третьей авеню Нью-Йорка быстро шагал молодой человек. Одну руку он держал в кармане. Воздух был очень мягким и свежим. Начинало смеркаться. Цвет неба медленно изменялся от голубого к нежно-фиолетовому. Это был как раз один из тех городских вечеров, за которые некоторые люди так любят город. Люди, выходящие в вечер из кафе, ресторанов и магазинов или просто стоящие у их дверей, блаженно улыбались. Какая-то старая леди, вышедшая из бакалеи с двумя огромными сумками, приветливо улыбнулась молодому человеку:

— Эй, красавчик!

Тот тоже ответил ей полуулыбкой и лениво вскинул в приветствии свободную руку.

ОНА ПРОВОДИЛА ЕГО УМИЛЬНЫМ ВЗГЛЯДОМ И ПОДУМАЛА: «СТРАШНО ВЛЮБЛЕН В КОГО-НИБУДЬ, НЕ ИНАЧЕ».

Он действительно именно так и выглядел. На нем был светлый серый костюм, узкий галстук немного ослаблен, а верхняя пуговица рубашки расстегнута. Темные волосы коротко и аккуратно подстрижены. Светло-голубые глаза были глазами очень порядочного человека. В лице его не было ничего примечательного, но в тот мягкий весенний вечер, в мае 1963 года на Третьей авеню в Нью-Йорке, он действительно БЫЛ красавчиком, и пожилая женщина поймала себя на том, что ностальгически вспоминает собственную молодость, и подумала о том, что весной красив каждый, кто торопится на свидание, кого ожидает

приятный обед или ужин вдвоем, а потом, может быть, и танцы. Весна, пожалуй, единственное время года, когда ностальгия не в тягость, и она была очень довольна тем, что поприветствовала этого милого юношу и что он махнул ей в ответ рукой.

Энергичной походкой с все той же полуулыбкой на губах молодой человек перешел на другую сторону 63-й стрит. Пройдя полквартала, он увидел старика со светло-зеленой тележкой, полной цветов. Это были, в основном, желтые нарциссы и поздние крокусы. Были еще гвоздики и несколько чайных роз — тоже в основном желтые или белые. Он жевал кукурузные хлопья и слушал громоздкий транзистор, стоявший на углу тележки.

По радио передавали плохие новости, которые никто не слушал: маньяк-убийца до сих пор не пойман, хороших известий из маленькой азиатской страны под названием Вьетнам (диктор произнес это название «Вайт-нам») по-прежнему не получено — остается пока ждать, в Ист-ривер найдено тело женщины — личность не установлена, суду присяжных штата Нью-Йорк не удалось доказать причастность некоторых членов администрации штата к истории с крупной партией героина — еще одна битва в войне с наркомафией проиграна, русские провели еще одно ядерное испытание. Все это казалось в этот вечер каким-то нереальным и совершенно никого не волновало. Воздух был мягким и теплым. Двое мужчин с отвисшими от пива животами пересчитывали свои пятицентовики и время от времени обменивались дружескими шутивными тумакami. Весна плавно переходила в лето, а лето в городе — пора романтических мечтаний.

Молодой человек прошел мимо цветочника, и голос диктора постепенно стих у него за спиной. Затем он вдруг остановился и, задумавшись, обернулся. Немного поколебавшись, он достал из нагрудного кармана пиджака бумажник и, заглянув внутрь, положил его обратно. Затем он потрогал какой-то предмет в другом кармане, и на мгновение на его лице появилось выражение озадаченности, одиночества и какой-то почти загнанности или заби-

тости. Он сунул руку в другой карман, и на лицо снова вернулось выражение нетерпеливого ожидания чего-то очень для него приятного.

Улыбаясь, он направился обратно к цветочной тележке. Он купит ей цветов — ей это будет очень приятно. Он любил смотреть, как зажигаются ее глаза — она просто обожала сюрпризы. Обычно это были небольшие скромные подарки, поскольку особенно богатым назвать его было нельзя. Как правило, это была, например, коробка леденцов или какой-нибудь недорогой декоративный браслет, а однажды он преподнес ей целую сумку валенсийских апельсинов, зная, что этот сорт — ее самый любимый.

Цветочник встретил возвращающегося к его тележке молодого человека в сером костюме неподдельно искренним восклицанием:

— Мой юный друг!

Старику было лет, может быть, шестьдесят восемь и несмотря на довольно теплую погоду на нем был поношенный теплый вязаный свитер тоже серого цвета и мягкая фетровая шляпа. Лицо его было испещрено глубокими морщинами, сильно прищуренные глаза слезились, а рука с сигаретой по-старчески дрожала. Но он тоже прекрасно помнил, что такое молодость и что такое весна, когда не ходишь, а буквально паришь над землей, едва касаясь ее ногами. Обычно лицо цветочника было довольно кислым, но сейчас он улыбался почти так же, как улыбалась этому молодому человеку та пожилая дама. Страхивая крошки кукурузных хлопьев, он подумал: «Если этот юноша болен любовью, о нем необходимо немедленно позаботиться».

— Сколько стоят ваши цветы? — спросил молодой человек.

— Я сделаю вам хороший букет за доллар. А вот чайные розы, выращенные в теплице. Стоят подороже — по семьдесят центов за одну. Могу продать их вам дюжины всего за три доллара пятьдесят центов.

— Дороговато.

— Хорошее никогда не стоит дешево, мой юный друг. Разве ваша мама никогда не говорила вам об этом?

— Может быть, и говорила, — ухмыльнулся молодой человек.

— Конечно говорила. Я сделаю вам букет из шести чайных роз: две красных, две желтых и две белых. Это самые лучшие мои цветы, да вы и сами видите. Их запах вскружит голову любой крошке. Я добавлю к ним еще две-три веточки папоротника. Прекрасно. А могу сделать обычный букетик за доллар.

— Этих? — спросил молодой человек, продолжая улыбаться.

— Мой юный друг, — проговорил, тоже улыбаясь и стряхивая пепел с сигареты в водосточную решетку, цветочник, — в мае никто не покупает цветы самому себе. Это как национальный закон. Вы понимаете, о чем я говорю?

Молодой человек немного наклонил голову и представил себе Норму — ее удивленные и счастливые глаза и мягкую улыбку.

— Думаю, что понимаю, — ответил он.

— Конечно понимаете. Так что будете брать?

— Так что бы вы посоветовали?

— Что ж, скажу. Советы и консультации бесплатно?

— Пожалуй, лучше бесплатно, — ответил с улыбкой молодой человек.

— Ну, бесплатно, так бесплатно. О'кей, мой юный друг. Если вы хотите купить цветы для своей матушки, то я могу набрать вам букет из нескольких нарциссов, крокусов и степных лилий. Увидев их, она не скажет вам ничего вроде «о, сынок, как они мне нравятся, но они ведь, наверное, очень дорого стоят — не стоит тебе так транжирить деньги».

Молодой человек закинул назад голову и громко расхохотался.

— Но если это девушка, — продолжил цветочник, — то тогда совсем другое дело, сын мой. Ты, наверное, и сам понимаешь. Если вы принесете ей букет чайных роз, ей

будет некогда заниматься подсчетами. А? Она в ту же секунду просто бросится вам в объятия...

— Я возьму чайные розы, — быстро проговорил молодой человек.

Тут уж расхохотался и цветочник. Стоявшие неподалеку и пересчитывавшие свои медяки любители пива отвлекались от своего неотложного занятия и тоже заулыбались.

— Эй, парень! — крикнул один из них. — Тебе обручальное кольцо не нужно? Могу тебе уступить по дешевке. Самому мне как-то надоело носить.

Молодой человек улыбнулся и покраснел до самых корней волос.

Цветочник выбрал ему шесть роз, немного подрезал кончики их стеблей, побрызгал на бутоны водой и обернул их красивой хрустящей бумагой.

— Погода сегодня вечером как раз такая, какой вам и хотелось бы, — послышалось из динамика радиоприемника. — Воздух — мягкий и теплый. На небе ни облачка. Температура — чуть выше шестидесяти градусов. Идеальная погода для романтического созерцания звезд после того, как стемнеет. Наслаждайтесь Великим Вечерним Нью-Йорком!

Цветочник скрепил бумажный сверток скотчем и посоветовал молодому человеку сказать своей девушке, чтобы она добавила в вазу с водой немного сахара для того, чтобы цветы постояли подольше.

— Я скажу ей, — пообещал молодой человек и дал старику пятидесятидолларовую бумажку. — Спасибо.

— Это моя работа, мой юный друг, — сказал цветочник, отдав ему доллар и два четвертака на сдачу, Его улыбка стала немного более грустной. — Поцелуйте ее от меня.

«Фо Сизнз» запели по радио «Шерри». Молодой человек засунул сдачу в карман и зашагал вверх по улице. Его глаза были широко раскрыты, а во взгляде сквозила какая-то тревога и напряженное ожидание. Он, казалось, не видел никакого движения жизни вокруг него, не заме-

чал, что на Третью авеню уже опускаются сумерки — его взгляд был устремлен куда-то внутрь него самого. Внутрь и вперед. Но кое-что он, все-таки, замечал: женщину, например, толкавшую перед собой детскую коляску или ребенка, комично перепачкавшего всю мордашку мороженым. Еще он обратил внимание на маленькую девочку, прыгавшую со скалкой и звонко распевавшую в такт своим прыжкам:

*«Бетти и Генри вначале целуются,
Ну а затем? Затем женихуются.
Ну а потом? Потом, ясно, женятся.
И в результате — извольте, младенец».*

По дороге ему попались еще две курящих женщины, оживленно обсуждавших проблемы, связанные с беременностью, группа мужчин, смотрящих бейсбол по огромному цветному телевизору, выставленному в витрине магазина. Несмотря на четырехзначную цифру, аккуратно нарисованную на ценнике рядом с телевизором, лица всех игроков были какими-то зелеными, а поле — наоборот, неопределенного бордового цвета. «Нью-Йорк Нетс» выигрывали у «Филлиз» со счетом 6:1.

Он прошел мимо, не заметив, как те две куривших женщины прервали свою беседу и проводили его долгим тоскливо-задумчивым взглядом. Время, когда цветы дарили им самим, было у них уже в далеком-далеком прошлом. Не заметил он и молодого регулировщика, который остановил все движение на перекрестке между Третьей и Шестидесят девятой улицами специально для того, чтобы он мог пройти. Ему, вероятно, просто бросилось в глаза мечтательное выражение молодого человека — точно такое же, какое было и у него, когда он время от времени придирчиво оценивал свою внешность в маленькое зеркальце для бритья, которое он нет-нет, да и вытаскивал из кармана. Не заметил он и двух молоденьких девушек, которые, пройдя ему навстречу, обернулись, обнялись и рассмеялись.

На перекрестке с 73-й улицей он остановился и повернул направо. Эта улица была немного темнее, и по обеим ее сторонам было множество небольших полуподвальных ресторанчиков с итальянскими названиями. Где-то вдалеке в полусумерке угасающего дня местные мальчишки играли в какую-то очень шумную игру. Молодой человек не собирался идти так далеко и, пройдя полквартала, свернул в узкий переулок.

Теперь на небе уже были хорошо видны мягко мерцающие звезды. Переулок был темным и тенистым. У одной из стен смутно угадывался ряд мусорных баков. Теперь молодой человек был совершенно один. Нет, не совсем один — в сумерках вдруг послышалось какое-то волнообразное завывание, и он неприязненно поморщился. Это была любовная песня какого-то не в меру эмоционального кота, и ничего приятного он в ней не находил.

Он замедлил шаг и взглянул на часы. Они показывали четверть восьмого, и Норма как раз должна была...

И тут он увидел ее. Сердце сразу же забилось часто-часто. Она шла в его сторону и была одета в темно-голубые широкие брюки и стильную матросскую блузку. Каждый раз, когда он видел ее **ВПЕРВЫЕ**, он очень волновался. Это всегда был какой-то мягкий шок. Она была так **МОЛОДА!**..

Он улыбнулся. Он просто **ЗАСИЯЛ** этой улыбкой и прибавил шаг.

— Норма! — окликнул он ее.

Она взглянула на него и приветливо улыбнулась... Но как только они приблизились друг к другу, улыбка как-то почти сразу померкла и стала немного напряженной.

Его улыбка тоже стала какой-то неуверенной, и на мгновение он почувствовал небольшое замешательство. Ее лицо над светлым пятном блузки было видно не очень хорошо, но в нем уже вполне определенно угадывалась нарастающая тревога. Было уже довольно темно... Неужели он ошибся? Конечно нет. **ЭТО БЫЛА НОРМА.**

— Я купил тебе цветы, — облегченно вздохнул он и протянул ей букет.

Она взглянула на цветы, снова улыбнулась и мягко отстранила его руку.

— Большое спасибо, но вы ошиблись. Меня зовут...

— Норма, — прошептал он и вытащил из нагрудного кармана пиджака увесистый молоток с короткой ручкой.

— Они для тебя, НОРМА... они всегда для тебя... все для тебя...

Она побледнела от ужаса и отпрянула от него назад, широко раскрыв глаза и рот. Это была не Норма. Настоящая Норма была давно мертва. Десять лет уже как мертва. Но сейчас это было не важно. Сейчас важно было то, что она набрала уже полные легкие воздуха, чтобы закричать. Он остановил этот уже поднимавшийся крик сильным ударом молотка прямо в голову. Он убил этот крик одним движением. Букет упал на землю, и чайные розы — красные, желтые и белые — рассыпались совсем недалеко от мусорных баков, за которыми, оглашая всю округу непрерывающимися утробными воплями, остервенело занимались любовью кошки.

Одно движение — и крик не вырвался наружу. Но он обязательно вырвался бы, промедли он хоть долю секунды, потому что это была не Норма. Ни одна из них не была Нормой. Он в исступлении колотил своим молотком по совсем уже изувеченному лицу, еще, еще, еще, еще... ОНА НЕ БЫЛА НОРМОЙ, и поэтому он все наносил и наносил нескончаемые страшные удары — один за одним, один за одним, один за одним...

Точно так же, как он проделал это уже пять раз до этого.

Спустя несколько секунд, а может быть, и через полчаса, он и сам бы не смог сказать точно через сколько, он спрятал молоток обратно в карман и поднялся над распростертой на мостовой черной тенью. Между ней и мусорными баками лежали чайные розы. Он развернулся и не спеша вышел из темного переулочка. Теперь было уже совсем темно. Мальчишки, шумевшие в конце улицы, разошлись по домам. Если на костюме брызги крови, подумал он, то их будет не так заметно в сумерках, если

не выходить на ярко освещенные места. Ее имя было НЕ Норма, но он знал свое имя. Его имя было... было...

ЛЮБОВЬ.

Его имя было Любовь, и он шел по темным улицам потому, что Норма ЖДАЛА его. И он найдет ее. Обязательно найдет. Совсем скоро.

На его лице появилась улыбка. Выйдя на 73-ю улицу, он прибавил шаг. Супружеская парочка средних лет, вышедшая посидеть перед сном на ступеньках своего подъезда проводила прошедшего мимо них молодого человека долгим взглядом. Голова его была мечтательно запрокинута назад, взгляд устремлен вдаль, на губах полуулыбка.

— Как давно я не видела тебя таким, — заворуженно проговорила женщина.

— Что?

— Ничего, — ответила она, глядя вслед молодому человеку в сером костюме, исчезающему во мраке надвигающейся ночи, и подумала о том, что прекраснее весны может быть только молодость и любовь.

ЖЕНЩИНА В КОМНАТЕ

ЖЕНЩИНА В КОМНАТЕ

Вопрос стоит так: сможет ли он сделать это?

Он не знает. Он знает только, что она постоянно глотает всевозможные таблетки, чаще всего оранжевые, и смешно морщится при этом, издавая при этом не менее смешные чавкающие звуки. Но эти — совсем другое дело. Это даже не таблетки, а пилюли в желатиновых капсулах. На упаковке написано, что в их состав входит ДАРВОН. Он нашел их в ящике ее шкафа, где она хранила лекарства, и теперь, раздумывая, вертел их в руках. Насколько он помнит, это — сильнодействующее снотворное, которое доктор прописал ей до того, как ее положили в клинику. Она мучилась тогда жестокой бессонницей. Ящик забит лекарствами полностью, но разложены они в определенном порядке, как будто в этом есть какой-то тайный смысл. Какие-то свечи... Он имеет лишь смутное представление о том, как они применяются. Знает он только, что они вставляются в прямую кишку, а затем их воск растапливается теплом тела. От одной мысли об этом ему стало не по себе. Никакого удовольствия в том, чтобы вставить в задницу какие-то восковые палочки, он не видел. МОЛОЧКО МАГНЕЗИИ, АНАХИН (Болеутоляющее при артрите), ПЕПТОБИСМОЛ и много-много других. По названиям лекарств он мог бы проследить весь ход течения ее болезни.

Но эти пилюли — совсем другое дело. От обычных пилюль с Дарвоном они отличаются тем, что имеют серые желатиновые капсулы и размером покрупнее. Покойный отец называл их еще лошадиными пилюлями. Надпись на

упаковке гласит: Аспирин — 3,5 мг, Дарвон — 1,0 мг. Проглотит ли она их, если он даст их ей сам? ПРОГЛОТИТ ЛИ? Весь дом наполнен звуками: холодильник то включается, то выключается, гулко лязгая при этом, в печной трубе отвратительно зазывает ветер, но особенно раздражает его кукушка из часов — эта идиотская птица кукукает каждые полчаса. Он подумал о том, какая грызня начнется между ним и его братом за право обладания домом после смерти матери. Все вокруг говорит об этом. Она, конечно, умрет, но пока она находится в Центральной Клинике штата Мэн, в Льюистоне. Палата 312. Ее поместили туда тогда, когда её боли стали настолько сильными, что она была уже не в состоянии даже дойти до кухни и сварить себе кофе. Иногда, когда он навещал ее, она просто кричала от боли, сама этого не сознавая, поскольку часто теряла при этом сознание.

Лифт, поднимаясь, поскрипывает. Он от нечего делать внимательно изучает инструкцию по пользованию этим чудом техники. Из инструкции следует, что лифт абсолютно безопасен и надежен независимо от того, поскрипывает он или нет. Она здесь уже почти три недели, и сегодня ей сделали операцию под названием «кортотомия». Он не уверен в том, что правильно произносит это название, но так уж он запомнил. Доктор сказал ей, что «кортотомия» не такая уж сложная и болезненная операция, как она, наверное, думает. Он вкратце объяснил ей, что операция заключается в том, что в определенный участок ее мозга будет введена через шею длинная тонкая игла, сравнив это с тем, как если бы игла эта была введена просто-напросто в апельсин для укола определенного зернышка, высвеченного с помощью рентгеновского аппарата. И еще раз подчеркнул, что это почти совсем безболезненно. Участок, которого должна достичь игла, является болевым центром, который будет уничтожен посланным на конец иглы радиосигналом. Одно мгновение — и боль исчезает. Все равно, что выключить телевизор. И опухоль в ее желудке уже не будет беспокоить ее так, как раньше.

Мысленно представив себе эту операцию, он почувствовал, как ему стало даже немного дурно — это было куда похлеще введения каких-то там свечей в задний проход! Он вспомнил прочитанную недавно книгу Майкла Кристона «Терминатор», где описывалось, как в человеческий мозг вживлялись различные электроды, контакты и всевозможные провода. Если верить Кристону, то приятного в этом мало.

Дверь лифта открывается на третьем этаже, и он выходит наружу. Это старое крыло здания клиники и пахнет почему-то опилками. Этот сладкий приятный запах напомнил ему о веселых деревенских ярмарках и далеком детстве. Пилюли он оставил в бардачке машины и не выпил, к тому же, ничего для храбрости перед этим визитом.

Стены выкрашены в два цвета: снизу коричневым, сверху — белым. Он подумал, что если и есть в природе сочетания более удручающие, чем коричневое с белым, то это, наверное, черное с розовым. Как жизнь и смерть. Он улыбнулся сам себе от столь удачного сравнения, но вместе с тем почувствовал и некоторое отвращение.

Длинные двухцветные коридоры клиники встречались возле лифта в форме буквы Т. Рядом с лифтом находился питьевой фонтанчик, рядом с которым он всегда останавливался, чтобы хотя бы еще немного оттянуть время и сосредоточиться. Там и сям вдоль стен было расставлено различное медицинское оборудование, как чьи-то забытые, как на детской площадке, странные игрушки. А вот хромированные носилки на литых резиновых колесиках, на которых пациентов отвозят в операционную, чтобы сделать им «кортотомию» или что-нибудь еще. Вот еще какое-то приспособление округлой формы, назначение которого ему не известно. Что-то вроде колеса для белки. А вот носилки на колесах с двумя подвешенными сверху сосудами для физрастворов. Трубки, идущие от них сматаны в причудливые клубки и повешены на специальные крючки на стойках. Все эти замысловатые и немного пугающие приспособления вызвали у него яркие ассоци-

ации с картинками Сальвадора Дали. В конце одного из коридоров — кабинет медсестер с огромными стеклами вместо стен. Оттуда до него доносится их веселый смех и запахи кофе.

Он пьет из фонтанчика и медленно направляется к ее палате. Ему страшно от того, что он может увидеть там и он надеется, что застанет ее сейчас спящей. Если она спит, то будить ее он не станет.

Над дверью каждой палаты небольшое застекленное окошечко с лампой. Когда пациент нажимает на кнопку у изголовья своей постели, окошечко загорается красным светом. В небольшом холле посередине коридора он увидел нескольких ходячих больных, прогуливающихся вдоль большого окна во всю стену, сделанного, видимо, уже недавно, так как само здание было довольно старым. Они были одеты в грубые дешевые халаты в белую и голубую полоски и с кокетливыми отложными воротничками. Халаты эти назывались на местном жаргоне «джонни». На женщинах «джонни» выглядели еще куда ни шло, но на мужчинах — по меньшей мере странно и, уж конечно, довольно потешно. Почти все мужчины были обуты в больничные коричневые тапки из кожзаменителя, у женщин же на ногах были более мягкие матерчатые шлепанцы с разноцветными шерстяными помпонами. Такие же выдали и его матери, но она называла их тапочками.

Медленно перебирающие ногами молчаливые больные напомнили ему о фильме ужасов под названием «Ночь, когда воскресают мертвые». Они двигались так медленно, как будто пол вокруг них был облит майонезом или подсолнечным маслом и они боялись поскользнуться. Движения их были настолько плавными и медлительными, как будто внутри у них вместо костей и обычных для всех нормальных людей органов была какая-то жидкая субстанция, заключенная в тонкую оболочку их кожи. Некоторые из них были на костылях. Их неторопливое шествие было и пугающим, и вызывающим жалость и сочувствие одновременно. Никакой конкретной цели ни у одного из

них нет — это видно по лицам, они просто прогуливаются вдоль стен и окна коридора и холла. Как студенты в перерывах между занятиями, вот только занятия у них совсем другие.

Из динамиков, развешанных в нескольких местах вдоль коридора, доносится веселенькая песенка «Джим Дэнди» в исполнении «Блэк Оук Арканзас» («Давай, Джим Дэнди! Давай, Джим Дэнди!» — задорно выкрикивает фальцет). Двое больных оживленно обсуждают достоинства и недостатки Никсона, только не размахивают при этом руками, как это бывает обычно. В их голосах он слышит явный французский акцент, Льюистон населен преимущественно французами, которые очень берегут свои национальные традиции: говорят обычно на родном языке, а по праздникам с удовольствием танцуют свои джиги и рилы, причем делают это с таким трогательным упоением и любовью, с каким происходят драки в барах на Лисбон-стрит.

Он остановился перед дверью палаты, в которой находилась его мать, и пожалел о том, что не выпил для храбрости. Ему тут же стало стыдно этой мысли — ведь он шел все-таки к своей матери. Она, правда, настолько одурманена элавилом, что все равно ничего не заметила бы. Элавил — это сильный транквилизатор, который они дают больным в онкологическом отделении, чтобы их не волновало так сильно то, что они умирают.

Обычно он каждый день покупал в супермаркете «Сонни» одну шестибаночную упаковку пива «Блэк Лэйбл», возвращаясь с работы домой. Поинтересовавшись школьными успехами детей, он уютно устраивался в кресле и включал телевизор. Три банки за «Сезам-стрит», две за «Мистером Роджером» и одну за ужином.

Сегодня он хотел купить еще одну упаковку специально для этой поездки. Ему предстояло проехать двадцать две мили от Рэймонда до Льюистона по дорогам 302 и 202. В дороге он пить, конечно, не собирался, но перед тем, как подняться наверх, он мог бы выпить пару баночек для того, чтобы успокоиться, а потом мог бы вернуться еще — ведь у него оставалось бы их целых четыре...

Это просто дает ему возможность, точнее предлог, выйти из палаты, если вдруг станет слишком не по себе от вида умирающей матери. Он всегда оставляет машину не с той стороны клиники, куда выходят окна палаты №312, а с другой. Правда, там вместо специальной стояночной площадки для автомобилей обычная ноябрьская слякоть, слегка прихваченная за ночь корочкой льда. После выпитого пива, а в еще большей степени просто из-за страха войти в палату ему вдруг захотелось в туалет, и он решил выйти на улицу — больничный туалет выглядит слишком удручающе: кнопка вызова сестры слева от сливного бачка, хромированная, как какой-нибудь хирургический инструмент, ручка для слива воды, банка с розовым раствором марганца для дезинфекции над раковиной. Довольно мрачные аксессуары, уж поверьте.

У него вообще появилось вдруг сильное желание медленно уехать отсюда домой, но он взял себя в руки. Если бы знать заранее, что так случится, то сегодня он точно не поехал бы сюда. Возвращаясь с улицы, он вспомнил о том, что дома его дожидается целая шестибаночная упаковка пива, и ему стало немного повеселее. Первой мыслью, которая пришла к нему после этой, была мысль о том, что СЕГОДНЯ ЦВЕТ ЕЕ КОЖИ БУДЕТ, МОЖЕТ БЫТЬ, НЕ ТАКИМ ОРАНЖЕВЫМ, КАК В ПРОШЛЫЙ ЕГО ПРИЕЗД СЮДА. Следующей мыслью была мысль о том, КАК БЫСТРО ОНА УЖЕ УМИРАЕТ — БУКВАЛЬНО НА ГЛАЗАХ, как будто спешить не опоздать на поезд, который совсем уже скоро отправляется и увезет ее отсюда в небытие. Она совершенно неподвижна в своей кровати, за исключением, разве что, глаз. Но это ее внутреннее движение очень заметно и очень стремительно. Вся ее шея покрыта каким-то ярко-оранжевым веществом, похожим на йод, только намного гуще. Возле левого уха пластырь. Под ним — игольчатый радио-кристалл, подавляющий деятельность ее болевого центра, но и парализовавший ее на шестьдесят процентов. Фактически она абсолютно неподвижна, но глаза ее следят за ним неотрывно.

— Не надо было тебе видеть меня сегодня, Джонни. Мне сегодня не очень хорошо. Может быть, завтра? Завтра, мне кажется, должно быть лучше.

— А что тебя беспокоит?

— Больше всего — зуд. По всему телу. Мои ноги вместе?

Ему не видно под полосатой больничной простыней, вместе ее ноги или нет. В палате очень жарко и ноги немного приподняты над кроватью с помощью тросов — для того, чтобы пролежни не появлялись хотя бы на них. На второй кровати, стоящей немного подальше от окна, никого нет. «Больные появляются и исчезают, — подумал он, — а моя мать здесь постоянно, как будто осталась навсегда. О, Боже!»

— Они вместе, мама.

— Опустим их, пожалуйста, Джонни. Я очень устаю так. А после этого тебе лучше уйти. Я никогда еще не выглядела, наверное, настолько ужасно. Очень чешется нос, а я не могу ничем пошевелить. Чувствуешь себя такой беспомощной, когда чешется нос и не можешь его почесать.

Он чешет ей нос, а затем освобождает ее ноги от поддерживающих тросов и мягко опускает их одну за одной на кровать. Она похудела настолько сильно, что он свободно может обхватить икры ее ног пальцами одной руки, хотя руки у него не такие уж и большие. Она тяжело вздыхает и со стоном закрывает глаза. По ее щекам скатываются на уши две маленькие слезинки.

— Мама?

— Ты можешь, наконец, опустить мои ноги?

— Я уже опустил их.

— Ох... Ну, тогда все хорошо. Кажется, я плачу. Я не хочу, чтобы ты видел мои слезы. Я ведь никогда не плакала при тебе. Это просто от боли, но все равно постараюсь, чтобы ты больше этого не видел.

— Хочешь сигарету?

— Сначала дай мне, пожалуйста, глоток воды. У меня все пересохло во рту и в горле.

— Конечно. Сейчас.

Он берет с тумбочки ее стакан с гибкой виниловой трубкой внутри и выходит из палаты. Направляясь к питьевому фонтанчику за углом, он видит толстого человека с эластичной повязкой на ноге, медленно плывущего, как во сне, вдоль коричнево-белого коридора. Человек держит «джонни» запахнутым на груди судорожно скрюченными руками и неслышно переставляет ноги в своих мягких домашних тапочках. Шажки его настолько крохотны, что едва заметны, неподвижный взгляд устремлен куда-то очень далеко.

Дойдя до фонтанчика, Джонни набирает полный стакан воды и возвращается с ним обратно в палату №312. Плакать она уже перестала и, с трудом вытянув губы, берет ими виниловую трубочку, очень напоминая ему этим движением верблюдов, которых он видел, путешествуя однажды по Египту. Какое осунувшееся лицо! Такое лицо он видел у нее лишь однажды, очень давно, когда ему было всего двенадцать лет и она тяжело болела воспалением легких. Но такой страшной худобы тогда все равно не было. Предсмертной худобы. Он и его брат Кевин переехали недавно в Мэн специально для того, чтобы позаботиться о ней на старости лет. И вот его мать прикована к постели и умирает. Очень тяжело умирала и его бабушка, мама его мамы. Гипертония постепенно сделала ее совершенно беспомощной, а один из очередных инсультов лишил ее, вдобавок к этому, еще и зрения. Случилось это как раз в день ее восьмидесятишестилетия. Хорош подарочек, нечего сказать. Она тоже так и лежала постоянно в постели, слепая и совершенно беспомощная. Еще более жалкой делали ее кружевные чепчики, которые она очень любила. Кружева на ее белье были везде, где только можно, но чепчики она любила особенно. Ее часто мучила тяжелая одышка, и временами она не могла вспомнить, что было утром на завтрак, но зато могла, например, безошибочно перечислять всех президентов Соединенных Штатов начиная с Айка. В этом доме, где он недавно нашел пилюли, прожило три

поколения рода ее матери, хотя ее родители, конечно, уже давно умерли. Однажды, когда ему было лет десять, он, не дождавшись, когда всех позовут к завтраку, стащил что-то со стола. Он не помнил, что; кажется, какую-то гренку или лепешку. Его мать как раз забрасывала тогда в старенькую дряхлую стиральную машину грязные бабушкины простыни. Мать, почуяв неладное, быстро повернулась к нему и, выхватив из машины мокрую тяжелую простынь, с силой хлестнула его по руке. Гренка или лепешка, вывалившись из нее от удара, упала прямо на стол. Второй удар пришелся по спине. Ему было тогда не столько больно, сколько обидно. Он был просто оглушен этой обидой и выкрикнул матери что-то очень дерзкое. Удары посыпались на него один за другим. Эта женщина, которая лежит сейчас перед ним в этой страшной палате, с яростью хлестала его грязной мокрой простыней снова, снова и снова, крича при этом: «Не смей больше раскрывать без разрешения старших свой поганый рот! Подрасти сначала! Не смей! Не смей! Не смей!» Каждый выкрик сопровождался тяжелым ударом мокрой вонючей простыни. Никогда в жизни после этого ему не было так смертельно обидно, как тогда. Это стало чуть ли не самым сильным впечатлением его детства и очень долгое время он был уверен, что не может быть ничего обиднее, чем быть избитым мокрой грязной простыней собственной матерью. И только спустя довольно много лет он начал постигать искусство не обижаться.

Она пьет воду медленно, маленькими глоточками и вдруг на него наваливается сильный панический страх, как если бы он УЖЕ дал ей эти пилюли. Немного придя в себя, он снова спрашивает, не хочет ли она покурить.

— Пожалуй, — отвечает она. — Главное, чтобы доктор не узнал. А после этого ты уйдешь. Может быть, завтра мне будет немного лучше.

Он достает из пакета, принесенного им, пачку «Кул», прикуривает ей одну сигарету и осторожно вкладывает ее между указательным и средним пальцами ее левой руки.

Она с большим трудом подносит ее к губам и делает слабую затяжку. Он забирает у нее сигарету и держит ее дальше сам.

— Я прожила всего шестьдесят лет, и вот уже мой сын держит для меня сигарету, потому что сама я не в состоянии это сделать.

— Не будем об этом, мама. Мне не трудно.

Она снова затягивается и не выпускает фильтр из губ так долго, что он начинает беспокоиться — не навредил ли он ей сигаретой. Глаза ее закрыты.

— Мама?

Глаза медленно приоткрываются. Взгляд совершенно отсутствующий.

— Джонни...

— Все нормально? Тебе не стало плохо от сигареты?

— Нет. Как долго ты уже здесь?

— Да не очень. Я, наверное, лучше пойду. Поспи.

— Хм-м-м-м-м...

Он выбрасывает сигарету в унитаз и быстро выскальзывает из палаты, думая при этом: «Я хочу поговорить с этим доктором. Черт побери, я должен увидеть доктора, который сделал это!»

Входя в лифт, он подумал, что словом «доктор» называют уже почему-то любого человека, который достиг любого, пусть даже самого ничтожного уровня в своей профессии, о том, что доктора слишком часто бывают очень жестоки и объясняют это каким-то мистическим и доступным только им уровнем гуманности. Но «Я не думаю, что она протянет очень долго», — говорит он своему брату этим вечером. Брат живет в Андровере, В семидесяти милях к западу. В клинику он приезжает только раз или два в неделю.

— Но, по крайней мере, ей уже не так больно? — спрашивает Кев.

— Она говорит, что больше всего ее беспокоит зуд.

Пилюли лежат в кармане его свитера. Жена уже давно спит и не слышит их разговора. Он вытаскивает коробочку из кармана и рассеянно вертит ее в руках, как кроличью

лапку. Коробочку с пилюлями, которую он стащил из пустого дома его матери. Из дома, в котором когда-то очень давно, когда они были еще маленькими мальчишками, они жили все вместе с бабушкой и с дедушкой.

— Ну, значит ей лучше.

Для Кева всегда все «лучше», как будто все в мире неуклонно движется к какой-то великой светлой вершине. Младший брат никогда не разделял такого его оптимизма.

— Она парализована.

— Разве это так важно теперь?

— Конечно ВАЖНО, черт побери! — взрывается он, думая о ее ногах под полосатой больничной простыней.

— Джон, она умирает.

— ОНА ЕЩЕ НЕ УМЕРЛА!

Вот что самое страшное для него. Разговор пойдет сейчас по кругу с затрагиванием всяких бессмысленных мелочей вроде платы за телефон. Но главное не в этом. Главное в том, что она пока еще не умерла. Она лежит сейчас в палате №312 с больничной биркой на запястье и прислушивается, если не спит, к звукам радио, едва доносящимся к ней из коридора. И скоро, по словам доктора, предстанет перед Всевышним. Но прощание с жизнью будет для нее очень мучительным. Доктор — высокий широкоплечий человек с песчано-рыжей бородой ростом, наверное, больше шести футов. Когда в предпоследний визит к матери они стояли около кровати, и она начала вдруг засыпать, доктор, мягко взяв его за локоть и выведя из палаты в коридор, сказал:

— Видите ли, при такой операции, как кортотомия, некоторое уменьшение моторной функции неизбежно. У вашей матери это уменьшение получилось очень значительным, но она может немного двигать сейчас левой рукой. Думаю, через две-четыре недели сможет двигать и правой.

— Сможет она ходить?

Доктор задумчиво уставился в потолок, и борода, поднявшись, приоткрыла воротничок его клетчатой рубашки. Этим он почему-то вдруг напомнил Джонни Эл-

гернона Суинберна. Понятно почему: все в этом человеке было прямой противоположностью бедному Суинберну.

— Думаю, что нет. По крайней мере это очень маловероятно. Вы должны быть готовы к этому.

— Она будет прикована к постели до конца жизни?

— Скорее всего — да.

Он начинает чувствовать восхищение этим человеком, но почему-то вперемешку с недоверием. Какое-то странное, двойное чувство. Ему то кажется, что этот человек на редкость добр, то, что он непередаваемо жесток.

— Как долго она сможет прожить так?

— Трудно сказать. Опухоль блокирует сейчас одну ее почку. Вторая действует нормально. Но когда опухоль распространится и на нее — она заснет.

— Уремическая кома?

— Да, но не совсем так. Термин «уремия» употребляется обычно лишь в узком кругу медицинских специалистов. Для простых людей, не очень близко знакомых с медициной, все выглядит несколько проще.

Но Джонни прекрасно знает, что такое «уремия» — его бабушка умерла от того же самого, хотя у нее и не было рака. Ее почки просто практически перестали функционировать, и она впала в глубокую кому. Как-то в послеобеденное время, как всегда в своей кровати, она просто тихо умерла во сне. Джонни был первым, кто заподозрил, что это не просто коматозный сон, когда старики спят с открытым ртом. На ее щеках не успели высохнуть следы от двух маленьких слезинок, а она уже была мертва. Ее беззубый полуоткрытый рот и старчески сморщенные потрескавшиеся губы вызвали у него тошнотворную ассоциацию со сгнившим и ссохшимся помидором, завалившимся недели две назад за какой-нибудь кухонный шкаф и оставшийся там незамеченным до тех пор, пока не начал вонять. Он поднес ей ко рту маленькое круглое зеркальце и терпеливо подержал его там минуту. Увидев, что на зеркальце не появилось ни малейших признаков запотевания, он позвал мать.

— Она говорит, что ее все еще мучают боли. И сильный зуд.

Доктор важно наклонил голову вбок, напомнив ему на этот раз Виктора де Грута.

— Ей КАЖЕТСЯ, что ей больно. Это мнимые боли. На самом деле никаких болевых ощущений она не испытывает. Вот почему так важен фактор времени. Ваша мать практически не в состоянии исчислять время секундами, минутами или часами. Она просто не чувствует его. Грубо говоря, для нее это то же самое, что дни, недели и месяца.

До него, наконец, с большим трудом доходит смысл того, о чем говорит этот высокий широкоплечий человек с бородой, и это пугает его. Где-то в отдалении тихо звенит какой-то звонок. Доктор не перестает говорить, желая закончить начатую мысль, однако этот звонок — сигнал того, что ему надо куда-то идти.

— Можете вы сделать что-нибудь для нее?

— Очень немного.

Говорит он очень тихо и спокойно. По крайней мере, он, что называется, «не вселяет ложной надежды».

— Может случиться что-нибудь еще хуже, чем кома?

— Конечно МОЖЕТ. Но мы не можем предсказать это с достаточной степенью точности. Это совершенно непредсказуемо. Поведение болезни можно сравнить с поведением акулы. И то, и другое прогнозам не поддается. У нее может развиваться, например, отечность или опухание брюшной полости.

— Еще одна опухоль?

— Нет, вы неправильно поняли меня — это не злокачественное новообразование, а просто опухание брюшной полости, при котором она раздувается подобно камере футбольного мяча. Это опухание может потом спасть, а после этого появится снова. Я думаю, однако, что вряд ли стоит подробно останавливаться на таких деталях сейчас. Я считаю, что исход операции в любом случае можно будет считать успешным. «А ЕСЛИ НЕТ?! — думает Джонни. — А ЕСЛИ НЕТ?!» Что будет, если вдруг, не дай Бог, произойдет наоборот? И ему все-таки придется дать ей эти пилюли?! Что будет, если его схватят за руку?! Он не хочет оказаться на скамье подсудимых по обвинению

в «убийстве из милосердных побуждений». У него совершенно нет желания попасть на галеры. Мысленно он уже видит вопящие заголовки газет: **МАТЕРЕУБИЙЦА ПОЙМАН ЗА РУКУ НА МЕСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**. Приятного мало.

Сидя в машине, он все вертит и вертит в руках коробку с надписью **ДАРВОН**. Вопрос стоит все также: **СМОЖЕТ ЛИ ОН СДЕЛАТЬ ЭТО?** Должен ли он? Он прекрасно помнит ее слова: «**КАК БЫ Я ХОТЕЛА, ЧТОБЫ ВСЕ ЭТО ПОСКОРЕЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ! ВСЕ БЫ СДЕЛАЛА ДЛЯ ЭТОГО, ЛИШЬ БЫ НЕ МУЧИТЬСЯ!**» Кевин предлагает выделить ей комнату в его доме для того, чтобы она могла умереть не в клинике, а среди близких людей. В клинике держать ее тоже больше не хотят. Прописали ей какие-то новые пилюли, от которых речь ее стала еще более бессвязной и невнятной. Это было уже на четвертый день после операции. Они просто хотят как-нибудь поскорее избавиться от нее, чтобы ее возможную смерть от неудачно проведенной кортотомии можно было как-нибудь списать просто на обычный рак. И она, таким образом, может остаться практически полностью парализованной вплоть до самой смерти, которая, не исключено, может наступить не так уж и скоро.

Он пытается представить себе, что значит потерять чувство времени. Как она справляется с этим. И вообще, так ли уж это важно для нее? Наверное, это что-то вроде того, как попытаться собрать и распутать несколько десятков клубков шерсти, разбросанных и запутанных игривым котенком. Пожалуй, даже намного сложнее. Длинная череда дней, проведенных в палате №312. Длинная череда ночей, проведенных в палате №312. И все это в хаотическом нагромождении друг на друга...

К кнопке вызова медсестры они приспособили небольшой рычажочек с веревочкой, другой конец которой привязали к указательному пальцу ее левой руки — она уже не в состоянии дотянуться до этой кнопки и нажать ее, если вдруг ей понадобится помощь или просто возникнет необходимость в утке.

Но даже и это ей уже неподконтрольно — она практически не чувствует своих внутренних органов так же, как не чувствует ног или рук, и о том, что сходила под себя, узнает только по доносящемуся запаху. За время пребывания в клинике она похудела с шестидесяти восьми до сорока трех килограммов, а все ее мышцы атрофированы настолько, что ее тело можно сравнить разве только что с телом плюшевой куклы. Имеет ли это какое-нибудь значение для Кева?

Способен ли он, Джонни, на убийство? Ведь он хорошо понимает, что это, как ни крути, самое настоящее убийство. Причем не просто убийство, а матереубийство, как будто он — внутриутробный плод из ранних рассказов Рэя Брэдбери, задачей которого является убийство вынашивающего его организма. Причем убийство во время родов — убийство организма, уже даровавшего ему жизнь. И действительно, Джонни был единственным ребенком в семье, с рождением которого были связаны большие трудности. После появления на свет его старшего брата Кевина, доктор сказал его матери, что лучше бы ей не иметь больше детей, поскольку это связано с большим риском для жизни...

Ее рак начался именно с матки.

Его жизнь и ее смерть начались в одном и том же месте.

Как будто там появился какой-то его темный двойник, который уже медленно и грубо подталкивает ее к краю могилы.

Так почему же он сам не может сделать это более быстро и безболезненно? НЕ ЛУЧШЕ ЛИ будет сделать это ему самому?

Он уже постепенно приучил ее к тому, что когда ей больно (вернее, когда ей КАЖЕТСЯ, что ей больно), он дает ей аналгин. Она уже воспринимает это спокойно. Таблетки лежат в выдвижном ящичке тумбочки в футляре от очков для чтения, которые ей уже больше не понадобятся. Они решили убрать их из тумбочки так же, как и ее вставные зубы, опасаясь того, что она может произвольно втянуть их в себя и задохнуться. Сестра выдает ей

таблетки сама. Но они с Джонни придумали такую вот хитрость с футляром для очков, поскольку она питает очень большое уважение, просто мистическое какое-то преклонение перед всевозможными таблетками и глотает аспирин до тех пор, пока не побелеет язык.

Конечно, он без труда сможет дать ей эти пилюли. Трех-четыре будет вполне достаточно. Тысячи четырех-сот гранов аспирина, четырех сотен гранов Дарвона для пожилой женщины, вес которой уменьшился на пять месяцев на одну треть — более, чем достаточно.

Никто не знает, что у него есть эти пилюли — ни Кевин, ни жена. Он думает о том, что было бы лучше, если бы в палату №312 положили кого-нибудь еще. Тогда бы он не так волновался. Тогда его непричастность была бы еще более очевидна, а если дело дойдет до расследования, то вину его доказать будет значительно труднее. Действительно, так было бы лучше. Если бы в палате лежала еще какая-нибудь женщина, то он был бы очень благодарен за это Провидению...

— Ты выглядишь сегодня лучше.

— Правда?

— Намного. Как ты себя чувствуешь?

— Ох, не очень. Сегодня не очень хорошо.

— Давай посмотрим, как двигается твоя правая рука.

Она медленно и очень с большим трудом отрывает ее от простыни. Рука со скрюченными пальцами замирает на какое-то мгновение в воздухе и падает — ТУМ. Он улыбается ей, и она улыбается ему в ответ.

— Тебя сегодня осматривал доктор?

— Да, он приходил. Он каждый день ко мне приходит. Очень мило с его стороны. Дай мне, пожалуйста, немного воды, Джон.

Он дает ей стакан с трубочкой.

— Спасибо тебе, Джон, за то, что ты так часто навещаешь меня. Ты очень хороший сын.

Она снова плачет. Вторая кровать пуста. То и дело мимо застекленной стены палаты проплывает грязно-белые или голубые «джонни». Дверь полуоткрыта. Он осторожно

забирает у нее стакан, тупо пытаюсь сообразить, «полупустой он или полуполный».

— А как левая рука?

— О, намного лучше.

— Давай посмотрим.

Она поднимает ее. Мать всегда была левшой и, может быть, поэтому левая рука оправляется от губительных для моторных функций осложнений после кортотомии быстрее. Она медленно сжимает пальцы в кулак, сгибает руку в локте, похрустывая суставами запястья и пальцев. Вокруг рука неожиданно падает на простыню с глухим звуком — ТУМ.

— Я совсем не чувствую ее.

Он подходит к стенному шкафу, открывает его, достает из него пальто, в котором она приехала в клинику и вынимает из его кармана ее кошелек. Она панически боится воров. Она просто помешалась на них с тех пор, как услышала от бывшей своей соседки по палате, что у одной пожилой дамы в старом крыле клиники украли пятьсот долларов, которые она прятала в тапочке. Она уже несколько раз рассказывала ему об уборщицах, которые готовы слямзить буквально все, что плохо лежит, особенно у спящих больных. Его мать вообще стала помешана слишком на многом. Однажды она рассказала ему дрожащим голосом об одном человеке, который якобы зашел как-то поздно ночью в ее палату и, спрятавшись под кровать, просидел там до утра, а потом так же тихо ушел. Это конечно можно было бы объяснить действием многочисленных транквилизаторов, которыми они ее пичкают. Но главная причина, без сомнения, в том, что у нее наметились явные нелады с психикой. Просто паранойя какая-то. Вообще-то здесь самое настоящее разгулье для наркоманов — таблетки можно без труда стащить из аппаратной в конце коридора, которая почему-то никогда не запирается. Может быть, это сделано даже нарочно. Приближение смерти не так, наверное, трагично, когда находишься под мягким черным одеялом транквилизаторов. Чудеса современной науки.

В кошельке кроме денег лежат еще и ее таблетки. Он возвращается с ним к кровати, садится на стул и открывает его.

— Дать тебе что-нибудь отсюда?

— О, Джонни, я не знаю...

— Выпей что-нибудь. Может, тебе станет легче.

Ее левая рука медленно отрывается от простыни и, покачиваясь, поднимается как поврежденный вертолет. Она неуверенно подносит ее к кошельку и, опустив пальцы внутрь, достает оттуда упаковку каких-то таблеток.

— Отлично! Молодец! — аплодирует Джонни.

Но она отворачивает лицо, вернее глаза, в сторону и произносит плачущим голосом:

— В прошлом году я могла поднять этими руками два полных ведра воды.

Ну, вот и время. Нужно делать это сейчас. В палате очень жарко, но на лбу у него выступает холодная испарина. «Если она не попросит сейчас аспирин, — думает он, — то я НЕ СДЕЛАЮ ЭТОГО. Не сегодня». Но он знает, что если не сегодня, то, значит, уже никогда.

— Ну ладно, Джонни, дай мне пару моих пилюль, — говорит она, с опаской косясь на полуприкрытую дверь.

Она всегда просит его об этом именно так, слово в слово. Как заядлый наркоман. Но старается не выходить, однако, за рамки предписаний врача. Разве что совсем немного. Ведь она потеряла слишком много веса, да и здоровья тоже, и боится «перебрать», точно так же выражались и они с приятелями, когда баловались в колледже разными наркотиками. Ведь при ослабленном организме очень легко не рассчитать дозировку и оказаться на волосок от смерти. А можно и «перебрать». Одна лишняя таблетка или ПИЛЮЛЯ — и ты за гранью. Как раз это, говорят, и случилось с Мэрилин Монро.

— Я привез тебе кое-какие пилюли из дома.

— Да?

— Очень хорошее болеутоляющее.

Он вытаскивает коробочку из кармана и протягивает, чтобы показать ей. Она может читать только с очень

близкого расстояния, да и то различает только крупные буквы.

— Я уже принимала Дарвон раньше. Он не помогает мне.

— Здесь концентрация выше.

— Выше концентрация? — переспрашивает она, медленно переводя взгляд с коробочки на него.

В ответ он только глупо улыбается. Говорить он уже просто не может. Точно так же было, когда он впервые узнал женщину на заднем сидении автомобиля его друга и вернулся домой уже очень поздно. Когда мать спросила его, как он провел сегодня время, он точно так же глупо улыбался ей в ответ, как и сейчас.

— А я смогу их разжевать?

— Не знаю. Думаю, что их можно просто проглотить.

— Ну, хорошо. Только смотри, чтобы никто ничего не увидел.

Он вынимает из коробочки пузырек, открывает пластмассовую крышечку и вытаскивает из него ватку, прикрывающую пилюли сверху. Смогла бы она проделать все это практически одной левой рукой, которая, к тому же, болтается в воздухе, как поврежденный вертолет? Поверят ли они этому? Он не знает. Может быть, об этом даже никто и не задумается. Кому какое дело, в конце концов.

Он вытряхивает на ладонь шесть капсул и украдкой наблюдает за тем, как она смотрит на него. Это много. Слишком много. Даже она должна понимать это. Если она скажет сейчас что-нибудь об этом, он сейчас же ссыплет все обратно и даст ей одну обычную болеутоляющую таблетку, применяемую при артрите.

По коридору быстрыми шагом проходит сестра, и он, замерев, быстро отгораживается от нее спиной. Каблочки процокали мимо. Руки, пытающиеся собрать капсулы вместе, трясутся.

Его мать не говорит ничего и только смотрит на пилюли, ни о чем не подозревая, как если бы это были просто обычные пилюли.

— Ну, давай, — говорит он ей своим обычным голосом, как ни в чем не бывало, и вкладывает первую капсулу ей в рот.

Она пытается разжевать желатиновую оболочку беззубыми деснами и морщится.

— Что, горькие?

— Да нет, не очень.

Он дает ей следующую пилюлю, еще одну... Она все так же мусолит их деснами перед тем, как проглотить. Четвертая... Отпив глоток воды через трубочку, она улыбается ему и он с ужасом видит, как ядовито-желтым стал ее язык. Если с силой надавить ей сейчас на живот, а еще лучше ударить по нему, то ее вырвет и смерть, которую она проглотила только что, окажется на простыне. Но он не может. Он никогда не мог ударить свою мать.

— Посмотри, пожалуйста, ноги вместе?

— Проглоти сначала еще вот эти.

Он дает ей пятую пилюлю... И шестую... Потом смотрит, вместе ли ее ноги. Вместе.

— Я, пожалуй, посплю немного, — говорит она.

— Ол райт. А я пойду попить.

— Ты всегда был очень хорошим сыном, Джонни.

Уголком простыни он тщательно стирает с пузырька отпечатки своих пальцев и ставит его в коробочку, проделав то же самое и с ней. Коробочку он вкладывает обратно в кошелек, а крышку от пузырька оставляет на тумбочке, не забыв потереть и ее. Кошелек он тоже кладет на тумбочку, хладнокровно рассуждая при этом: «ОНА ПОПРОСИЛА МЕНЯ ДОСТАТЬ ЕЙ КОШЕЛЕК ИЗ ПАЛЬТО, ЧТО ВИСИТ В СТЕННОМ ШКАФУ. Я СДЕЛАЛ ЭТО ПЕРЕД САМЫМ СВОИМ УХОДОМ И ХОТЕЛ ПОМОЧЬ ЕЙ ВЫТАЩИТЬ ОТТУДА ТО, ЧТО ЕЙ БЫЛО НУЖНО, НО ОНА СКАЗАЛА, ЧТО СПРАВИТСЯ САМА И ПОПРОСИТ ПОТОМ СЕСТРУ ПОЛОЖИТЬ КОШЕЛЕК ОБРАТНО».

Он выходит из палаты и, быстро дойдя до питьевого фонтанчика, жадно припадает к нему губами. Над фон-

танчиком висит зеркало и, выпрямившись, он пристально и долго смотрит в него на свой язык.

С замиранием сердца он возвращается в палату и видит, что она уже спит. Руки беспомощно разбросаны по простыне. Вены на них пульсируют то сильно, то едва заметно и очень неритмично. Он целует ее в лоб. Ее веки слабо вздрагивают, но не открываются.

Все... Остановить это уже невозможно.

Он чувствует, как на него наваливается какая-то страдания — ему ни хорошо, ни плохо. Ему все равно.

Он выходит из палаты на ватных ногах и пытается сосредоточиться на чем-нибудь постороннем. Все равно, на чем — лишь бы на чем-нибудь другом. Бесплезное занятие. Он снова возвращается в палату и выливает себе за шиворот почти полный стакан воды. Холодная вода немного приводит его в чувство, и вдруг его осеняет — ведь он только что чуть не выдал себя с головой. Он достает из кошелька коробочку с пилюлями и прижимает ее и пузырек к ее почти уже безжизненным пальцам, чтобы на них остались их отпечатки. Затем, аккуратно придерживая их уголком простыни, снова возвращает их в кошелек, а кошелек на тумбочку. Прделав это, он быстро, не оборачиваясь, выходит из палаты.

Возвратившись домой, он автоматически усаживается в кресло, даже не разувшись, и включает телевизор, но совершенно не воспринимает того, что там показывают. В мозгу болезненно пульсирует только одна мысль: «Как жаль, что я не поцеловал ее еще хотя бы один раз...» Совершенно забыв о пиве в холодильнике, он вливает в себя стакан за стаканом холодную воду и ждет звонка из клиники.

Я ЗНАЮ, ЧТО
ТЕБЕ НУЖНО

Я ЗНАЮ, ЧТО ТЕБЕ НУЖНО

— Я знаю, что вам нужно.

Элизабет испуганно оторвала взгляд от книги по социологии и увидела довольно непримечательного молодого человека в зеленой поношенной армейской куртке. В первое мгновение он показался ей каким-то очень-очень давним знакомым из далекого смутно помнимого уже прошлого. Это было как «дежа-вю». Но ощущение это, правда, почти сразу же исчезло. Он был приблизительно ее роста, худощав и... как-то странно подергивался, если можно так выразиться — это было какое-то внутреннее, невидимое, но явственно ощущаемое ею подергивание. Волосы на его голове были черными и лохматыми. На носу, сильно увеличивая его темно-карие глаза, сидели массивные очки в роговой оправе и с очень толстыми линзами. Линзы казались не то сильно поцарапанными, не то просто грязными. Нет, теперь она была абсолютно уверена в том, что никогда не видела его раньше.

— Вы знаете, что мне нужно? — переспросила она. — Сомневаюсь.

— Вам нужна двойная порция земляничного мороженого. Правильно?

Она вздрогнула от неожиданности и, прищурившись, посмотрела на него теперь уже внимательнее. Она действительно уже давно собиралась устроить себе небольшой перерыв и пойти съесть мороженое. Элизабет готовилась к выпускным экзаменам и целыми днями просиживала в своей кабинке для индивидуальной научной работы в

библиотеке Студенческого Союза. Впереди было еще очень много работы.

— Правильно? — повторил он и улыбнулся. Улыбка странным образом преобразила его лицо, сделав его из напряженного и даже отталкивающего почти привлекательным. При мысли о его лице ей на ум пришли слова «умное» и даже «миловидное», но, все же, это были не совсем те слова, даже когда он улыбался. Не успев сдержать себя, она улыбнулась ему в ответ. Это было ей совершенно ни к чему. Тратить время на какого-то чудака, который пытается произвести на нее впечатление, причем в самую напряженную пору учебного года, было для нее совершенно недопустимым. Ей предстояло проштудировать еще шестнадцать глав «ВВЕДЕНИЯ В СОЦИОЛОГИЮ».

— Нет, спасибо.

— Пойдемте. Если будете так усердствовать, то просто заработаете себе сильную головную боль без особенной пользы для дела. Ведь вы уже два часа корпите над этой книгой без перерыва.

— Откуда вы знаете?

— Я наблюдал за вами, — быстро ответил он и снова улыбнулся. В этот раз его улыбка понравилась ей меньше. Теперь у нее действительно начинала болеть голова.

— Ну, а теперь хватит, — резко оборвала она — гораздо резче, чем собиралась. — Я не люблю, когда на меня кто-нибудь глазест.

— Извините.

Ей стало немного жалко его, как бывает жалко бездомных собак. Зеленая потертая куртка была явно с чужого плеча и болталась на нем как на вешалке и... да, и носки непарные. Один черный, другой коричневый. Она почувствовала, что сейчас снова улыбнется, но на этот раз сдержалась.

— Я готовлюсь к экзаменам, — сказала она уже мягче.

— Конечно. О'кей.

Она проводила его задумчивым взглядом и снова опустила глаза в книгу, но в голове, напоминая о только что

произошедшей встрече, крутились только одни и те же слова: **ДВОЙНАЯ ПОРЦИЯ ЗЕМЛЯНИЧНОГО МОРОЖЕНОГО.**

В общежитие она вернулась только поздно вечером, уже в 11:15. Элис, ее соседка по комнате, валялась на своей кровати, слушала Нила Даймонда и читала «Историю О».

— Я и не знала, что они обозначили это «Ен — 17», — все еще думая о своей теме, вслух проговорила Элизабет.

— А я вот расширяю кругозор, дорогая. Расправляю, так сказать, крылья своего интеллекта. Поднимаю... Лиз?

— М-м-м?

— Ты слышишь, что я говорю?

— Нет, извини, я...

— Ты, милая, как-то прихлопнуто выглядишь.

— Я встретила сегодня вечером одного парня. Очень забавный.

— Да-а? Действительно, наверное, интересный экземпляр, если уж сумел оторвать великую Роуган от ее любимых талмудов.

— Его зовут Эдвард Джексон Хэмнер младший. Ни больше, ни меньше. Невысокий. Худощавый. Голову не мыл, наверное, с прошлого дня рождения Вашингтона. И эти разноцветные носки. Один черный, другой коричневый.

— Я думала, тебе нравятся мужчины немного другого типа.

— Да нет, Элис. Тут совсем другое. Я занималась в читальном зале на третьем этаже, а он подошел и предложил угостить меня мороженым. Я отказалась и он, извинившись, ушел. Но с той минуты я не могла думать больше ни о чем, кроме мороженого. Как будто он внушил мне не думать больше ни о чем другом. Я просто не могла остановиться и сосредоточиться на том, чем я должна была заниматься. Наконец, я решила сделать небольшой перерыв и спуститься в кафе. И как только я подумала об этом,

этот чудак появился передо мной снова, как из-под земли. В каждой руке у него было по два стаканчика именно того мороженого, которого я хотела — моего любимого земляничного.

— Ну и чем же все закончилось? Я просто вся дрожу от нетерпения.

Элизабет рассмеялась.

— Ну, не могла же я отказать ему и на этот раз. Он присел рядом, мы немного поболтали и выяснилось, что в прошлом году он тоже слушал курс лекций у профессора Брэннера и сдавал потом экзамен.

— Бывают же совпадения!.. Просто чудеса какие-то рождественские...

— Да нет же, послушай. Это на самом деле удивительно. Ты же знаешь, как я в буквальном смысле слова «потею» над этим курсом.

— Да уж. Даже во сне чего-то там бубнишь почти каждую ночь.

— Мой средний балл пока — семьдесят восемь. А для того, чтобы меня не лишили стипендии, нужно иметь не менее восьмидесяти. То есть, за этот экзамен я должна получить не меньше шести баллов. И вот, этот Эд Хэмнер говорит, что профессор Брэннер из года в год использует на своих экзаменах практически одни и те же вопросы, и что он может продиктовать мне их все по памяти.

— Ты хочешь сказать, что у этого парня... как это... фотографическая память?

— Именно. Посмотри-ка.

Она раскрыла свой учебник и вытащила оттуда три исписанных тетрадных листка.

— Выглядит как список вопросов экзамена, — с нарочитой непонятливостью проговорила Элис, взяв их в руки.

— Это он и есть. Эд говорит, что здесь все вопросы с прошлогоднего экзамена Брэннера СЛОВО В СЛОВО.

— Что-то не верится, — равнодушно проговорила Элис.

— Здесь весь материал. Не пропущено ни одной темы.

— Все равно не верю, — она положила листки обратно. — Просто потому что твой новый знакомый — наверняка обычное привидение.

— Он не привидение. Не называй его так.

— О'кей. И этот ЮНОША предложил тебе, конечно, просто выучить ответы на эти вопросы и больше не забивать себе ничем голову, не так ли?

— Конечно, нет.

— Ну даже если и так, не находишь ли ты несколько неэтичной такую подготовку к экзамену?

Элизабет вспыхнула от возмущения и слова незаслуженной обиды успели сорваться с ее языка прежде, чем она сумела сдержать себя:

— О да, конечно! Тебе легко говорить о безнравственности! За твое обучение ведь платят родители. У тебя всегда все в порядке с деканатом, и ты никогда ни в чем не нуждаешься. Стипендия тебе ни к чему! Ты даже... Ну ладно, извини. Вспылила немного. Не стоило мне всего этого говорить.

Элис пожала плечами и снова уткнулась в свою книгу, стараясь всем своим видом продемонстрировать равнодушие.

— Да нет, — проговорила она через несколько секунд, — ты, вообще-то, права. Это не мое дело. Но почему бы тебе, все-таки, не изучить досконально весь материал? Так, для того, чтобы просто быть уверенной в себе.

— Разумеется, я так и сделаю.

Но все-таки при подготовке к экзамену, она руководствовалась прежде всего вопросами, которые дал ей Эдвард Джексон Хэмнер младший.

Выйдя после экзамена из аудитории, она увидела, что он поджидает ее в коридоре. На нем все так же болталась та же самая армейская куртка, когда он приветливо, но несколько напряжено улыбнулся и встал ей навстречу.

— Ну как?

— Думаю, что сдала.

Чувствуя огромное облегчение, она импульсивно чмокнула его в щеку.

— Правда? Ну и отлично! Значит, сработало?

— Как по маслу!

Мысленно она все еще была на экзамене. Ей попался вопрос, который она знала просто блестяще. И вопрос этот СЛОВО В СЛОВО совпадал с одним из тех, что продиктовал ей Эд.

Они спустились в буфет и взяли себе по гамбургеру. Элизабет спросила его о том, как продвигается сдача экзаменов у него самого.

— А я их не сдаю. Освобожден за отличные успехи и примерное поведение. И ты так можешь, если захочешь.

— Так почему же ты до сих пор здесь?

— Ну, должен же я был узнать, как твои успехи.

— Эд, не надо было. Это очень мило с твоей стороны, но...

Снова этот странный и очень тревожный взгляд из-под очков. Она уже видела его раньше.

— Нет, — мягко возразил он. — Я должен был.

— Эд, я очень благодарна тебе. Думаю, что благодаря тебе мне удалось спасти свою стипендию. Я действительно очень благодарна. Но у меня есть парень. Понимаешь?

— Серьезно? — он изо всех сил старался говорить весело и непринужденно, что получалось у него, впрочем, не очень убедительно.

— Вполне. Скоро будет помолвка.

— А он знает о том, какой он счастливчик? Он понимает, насколько он счастлив?

— Я тоже счастлива, — ответила она, думая о Тони Ломбарде.

— Бет, — неожиданно сказал он.

— Что? — вздрогнула она от удивления и неожиданности.

— Никто не называет тебя так, не правда ли?

— Но откуда... да. Никто.

— И даже тот парень?

— И он тоже...

Тони называл ее Лиз. Иногда — Лиззи, что не нравилось ей еще больше.

Он наклонился вперед, пристально глядя ей в глаза:

— А тебе больше всего нравилось бы, если бы тебя называли Бет, не правда ли?

Она рассмеялась, чтобы скрыть свое смущение:

— Что бы это ни было...

— Не будем об этом, — снова улыбнулся он. — Я буду звать тебя Бет. Это лучше. Ты совсем забыла о своем гамбургере.

И вот учебный год закончен, и Элизабет попрощалась с Элис. Отношения между ними были немного натянутыми, и Элизабет было искренне жаль этого. Вину за это она чувствовала прежде всего за собой. Экзамены она сдала прекрасно, особенно по социологии, чему была, разумеется, несказанно рада — ведь набрала она девятью семь баллов — наивысший показатель во всей группе.

Когда она сидела в зале ожидания аэропорта и дожидалась объявления своего рейса, ей уже не казалась такой уж незтичной ее подготовка к экзамену по социологии в читальном зале на третьем этаже. «В конце концов, — успокаивала она себя, — я сама же за это и поплачусь когда-нибудь потом. Ведь, по сути дела, это была вовсе и не подготовка, а самая обыкновенная зубрежка, просто подключение оперативной механической памяти. И все впичканное таким образом в голову выветрится и забудется в первые же дни после экзамена».

Она вытащила из сумочки открытку. Это было уведомление о получении ею денежной премии за отличное окончание учебного года — две тысячи долларов. Этим летом они вместе с Тони должны были проходить кратковременную практику в одном и том же месте — в Бутбэе, штат Мэн. Они учились, правда, на разных факультетах, но самое главное — они должны были быть рядом друг с другом и все свободное время проводить

вместе. Кроме этого, за прохождение практики должны были заплатить еще немного денег — вполне достаточно, если учесть, что на самом деле практически вся практика должна была представлять собой сплошное купание и катание на яхте. Просто чудесно! И все это — благодаря Эду Хэмнеру. По крайней мере — не в последнюю очередь.

На самом же деле ее ожидало самое ужасное лето всей ее жизни.

Июнь был очень дождливым. В домиках, в которых они жили, были постоянные перебои с газом, практика была скучной и неинтересной. Тони со своими друзьями нашел какую-то дополнительную работу по ремонту не то дорог, не то чего-то там еще. Несмотря на то, что это было совсем недалеко от их лагеря, он пропадал там целыми днями. Но хуже всего было то, что Тони совершенно замучил ее по поводу их женитьбы. К удивлению Элизабет, его каждодневные предложения и уговоры были ей скорее неприятны, чем доставляли какую-то радость. Они даже пугали ее.

Что-то было НЕ ТАК.

Что — она не могла понять. Что-то просто ушло, ушло безвозвратно и их отношения рушились буквально на глазах. Однажды ночью уже в конце июля она была сильно напугана своей неожиданной и очень сильной истерикой. Хорошо еще, что в ту ночь не оказалось дома ее соседки по домику — мышеобразной низкорослой девушки по имени Сандра Акерман.

В одну из первых ночей августа ей приснился очень страшный, просто кошмарный сон. Ей приснилось, что она лежит на дне огромной глубокой могилы и не может пошевелить ни рукой, ни ногой, чтобы выбраться из нее наружу. С белого неба, мутного как известь, лил сильный дождь. Лил прямо в лицо, ослепляя и забивая дыхание. К краю могилы медленно подошел Тони. На нем была желтая защитная строительная каска.

— Выходи за меня замуж, Лиз, — слышался его бесцветный глухой голос. — Выходи за меня, или мне придется...

Она пытается сказать, что она согласна, что она сделает все, лишь бы он вытащил ее из этой ужасной грязной ямы. Но паралич полный — она не может пошевелить даже языком.

— О'кей, — говорит Тони. — Тогда мне придется...

И уходит. Она пытается скинуть с себя этот ужасный паралич, но у нее ничего не получается.

И вот... она слышит звук приближающегося бульдозера...

Через несколько секунд она уже видит этого громадного желтого монстра — он толкает перед собой огромную массу мокрой грязной земли. Из кабины выглядывает мокрое, безжалостное, перекошенное злобой лицо Тони.

Он хочет похоронить ее заживо!..

Не в силах пошевелиться или хотя бы выдавить из себя крик о помощи, она может только с ужасом наблюдать, как уже первые комья земли начинают падать в могилу. В ЕЕ могилу...

И вдруг чей-то крик, чей-то очень знакомый голос:

— Убирайся! Оставь ее! Проваливай!

Тони выпрыгивает из бульдозера и, спотыкаясь, убегает.

Она спасена. Она закричала бы от радости, но не может. И вот появляется ее спаситель. Он возвышается над краем ямы как могильщик. Это Эд Хэмнер. Он, как всегда, в своей вечной зеленой куртке и с всклокоченными волосами. Огромные очки съехали и висят на самом кончике носа. Он протягивает ей руку.

— Вылезай, — слышит она его мягкий голос. — Я знаю, что тебе нужно. Вылезай оттуда, Бет.

Она чувствует, что может, наконец, двигаться и вздыхает с огромным облегчением. Она пытается отблагодарить его, но слова громоздятся одно на другое, и она так и не может пока ничего произнести. Эд ласково улыбается

и кивает ей головой. Она берется за протянутую ей руку и опускает глаза, чтобы найти опору для ноги. Подняв глаза снова, она видит, что держится за лапу огромного, просто гигантского волка со сверкающими красным светом глазами и жуткой оскаленной пастью, готовой вцепиться ей в горло.

Она резко проснулась и подскочила в постели от страха. Вся ночная рубашка была мокрой от холодного липкого пота, а тело просто ходуном ходило от крупной дрожи, которую невозможно было остановить. Даже после теплого расслабляющего душа и стакана молока она все никак не могла прийти в себя и заставить себя выключить свет — так и спала, если только это можно было назвать сном, с зажженной лампой.

Через неделю Тони погиб — только не во сне, а по-настоящему.

Она накинула халат и пошла открывать дверь. Элизабет ожидала увидеть Тони, но на пороге стоял Дэнни Килмер, один из его товарищей по работе. Дэнни был очень веселым, остроумным и жизнерадостным парнем. Элизабет и Тони пару раз встречались с ним и его девушкой и довольно неплохо провели вместе время. Но на этот раз Дэнни стоял на пороге как-то очень грузно и совсем не выглядел веселым, как обычно. Напротив, он имел какой-то совершенно больной вид.

— Дэнни? Что...

— Лиз, — медленно, с трудом подбирая слова, проговорил он. — Лиз, ты должна держать себя в руках. Ты... О, ГОСПОДИ!

Он в отчаянии ударил огромным грязным кулаком по косяку двери и заплакал.

— Дэнни, что-нибудь случилось с Тони?..

— Его нет больше. Он...

Но она уже начала терять сознание и не разобрала больше ни одного слова.

* * *

Вся следующая неделя прошла как во сне. История гибели Тони смутно складывалась в ее сознании из кратких газетных сообщений и обрывков того, что рассказывал ей Дэнни в баре гостиницы «ХАРБОР».

Они занимались ремонтом дренажных кульвертов на Хайуэе № 16. Часть автострады была перегорожена и Тони с флажком направлял машины в объезд ремонтируемого участка. Со склона на большой скорости спускался какой-то парень на красном Фиате. Тони махнул ему флажком, но парень скорости не сбросил. Тони стоял около самого грузовика на обочине и отпрыгнуть ему было некуда, а парень ехал настолько быстро, что Тони даже не успел прижаться к машине. Парень в Фиате сломал себе руку и получил тяжелое сотрясение мозга с рваными ранами лица и головы. Тони же скончался на месте. У водителя Фиата был сильный шок — он то впадал в истерику, то вел себя на удивление холодно-рассудительно. Полиция обнаружила, что причиной происшествия был отказ тормозов. Впечатление было такое, что они перегрелись и расплавились. То есть, парень просто не мог остановиться, и Тони стал жертвой трагического стечения обстоятельств.

Шок и пришедшая за ним депрессия Элизабет были усилены еще и возникшим неизвестно откуда чувством вины за случившееся. Это был просто какой-то комплекс вины. Она не знала, как ей избавиться от Тони, и в этом ей помогло само Провидение. Но самым страшным, особенно по началу, было то, что в каком-то отдаленном, тайном уголке подсознания она была даже довольна тем, что все так произошло. Она не хотела замуж за Тони... даже после того ночного кошмара.

За день до отъезда домой у нее началось настоящее нервное расстройство, сопровождавшееся почти полным упадком сил.

Она сидела без движения и без каких бы то ни было мыслей на камне возле домика. Сколько она там проси-

дела — она не помнила. Может быть, час, а может быть, и больше. И вдруг у нее полились слезы. Полились неожиданно, безудержным потоком. Слезы перешли в рыдания, и она плакала до тех пор, пока у нее не заболело горло и голова. Облегчения слезы не принесли — наоборот, она почувствовала себя еще более опустошенной.

И вдруг она услышала:

— Бет.

Это был Эд Хэмнер.

Она вздрогнула и медленно обернулась, почти уверенная в том, что увидит сейчас волка из своего сна. Но это был просто Эд Хэмнер. Он стоял перед ней, залитый лучами яркого солнца и выглядевший странно беззащитным без своей зеленой армейской курки и старых потертых голубых джинсов. На нем были красные шорты до колен, белая бейсбольная рубашка, которая болталась на его костлявой груди как парус без ветра, и кеды. Он, вопреки ожиданию, не улыбался, а очки, отбрасывавшие солнечные блики, не позволяли разглядеть его глаз.

— Эд? — неуверенно спросила она, думая, что это наверняка какая-нибудь галлюцинация. — Это на самом деле...

— Да, это я.

— Но как...

— Я работал в Лэйквудском театре в Скоухигоне и решил зайти на всякий случай к вам. Я застал там... Элис. Так, кажется, ее зовут?

— Да.

— Она сказала мне о том, что случилось, и я сразу же приехал сюда. Бедная Бет...

Он немного наклонил голову и солнечные блики исчезли со стекол его очков, за которыми она не увидела ничего волчьего, ничего хищного — только добрую и мягкую симпатию.

Она снова заплакала, и у нее начала сильно кружиться голова. Ни слова не говоря, он обнял ее за плечи, и сразу же все прекратилось.

* * *

Они поехали пообедать в небольшой ресторанчик в Уотервилле, в двадцати пяти милях от их лагеря. Ресторанчик находился в тихом и спокойном месте — как раз то, что ей нужно было, чтобы уехать куда-нибудь из лагеря, хотя бы на какое-то время, и хоть немного развеяться. Они ехали на машине Эда. Это был новый Корвет. Водил он очень хорошо и без всяких показушных штук. Элизабет не хотела ни о чем говорить и не хотела, чтобы ее успокаивали. Эд, казалось, понимал это и просто включил тихую спокойную музыку.

В ресторанчике, не посоветовавшись с ней, он заказал рыбное меню. Она не чувствовала никакого голода, и ей было, в общем-то, совершенно все равно, что он там заказывает, но когда принесли аппетитно пахнущую рыбу, она почувствовала такое сильное желание есть, что подумала еще, что съест ее сейчас всю. Эта рыба была сейчас именно тем, чего она хотела бы больше всего.

Быстро проглотив все припасенное, она подняла глаза на Эда и нервно усмехнулась. Он курил сигарету и внимательно наблюдал за ней.

— Я становлюсь очень прожорливой, когда нервничаю или просто переживаю, — смутившись, сказала она. — Должно быть, я выглядела просто ужасно.

— Вовсе нет, — успокоил он ее. — Просто ты многое пережила, и твои силы требуют восстановления. Я все прекрасно понимаю. Это ведь как после болезни, правильно?

— Да, именно так.

Он мягко сжал и отпустил ее руку.

— Теперь ты пойдешь на поправку, Бет.

— Правда? На самом деле?

— Конечно. Ну, а теперь скажи мне, какие у тебя планы?

— Я уезжаю завтра домой. Потом — не знаю.

— Но ты, надеюсь, вернешься в колледж?

— Не знаю пока. После того, что произошло, это кажется таким... мелким, незначительным. В моей жизни вообще многое теперь изменилось.

— Со временем все встанет на свои места. Тебе, может быть, трудно поверить в это сейчас, но это на самом деле так — не беспокойся. Сама посмотришь, что будет уже месяца через полтора. А сейчас тебе лучше всего просто отдохнуть.

— Да. Ты, наверное, прав. Но... Можно сигарету?

— Конечно. Они, правда, с ментолом — извини.

Она взяла одну сигарету.

— Откуда ты знаешь, что я не люблю сигареты с ментолом?

— Просто ты выглядишь не так, наверное, как человек, который любит сигареты с ментолом, — пожал он плечами.

Она улыбнулась:

— А ты смешной. Ты знаешь об этом?

Он тоже улыбнулся, но как-то неопределенно.

— Нет, действительно. До твоего появления сегодня у меня как-то все перемешалось в голове, и я никого... никого-никого не хотела, да и не хочу видеть. Но ты — совсем другое дело, Эд. Я очень рада тебе. Действительно очень рада.

— Иногда бывает очень приятно общаться с кем-то, с кем ты ничем не связан. Я правильно тебя понял?

— Пожалуй, — она ненадолго замолчала. — Кто ты, Эд, кроме того, что я о тебе знаю — что ты мой добрый спаситель? Кто ты на самом деле?

Она вдруг поняла, что для нее совершенно необходимо знать это.

Он пожал плечами:

— Да никто так особенно. Просто один из так называемых чудиков, которых можно каждый день видеть в колледже с охапкой книжек под мышкой.

— Эд, ты не чудик.

— Да чудик, чудик, чего уж там, — улыбнулся он. — Всю дорогу прыщи на щеках, как у школьника, никогда не было настоящих друзей, вся жизнь — спокойная и размеренная, как по расписанию, никаких всплесков или романтических приключений. Обычная книжная крыса,

переходящая с курса на курс — все, больше ничего. Когда будущей весной в колледж придут «покупатели» из разных крупных компаний, Эд Хэмнер просто подпишет с одним из них контракт и вообще исчезнет навсегда.

— И тебе не стыдно? — поинтересовалась она с мягким упреком.

В ответ он только улыбнулся, но это была какая-то странная, почти вымученная улыбка.

— А кто твои родители? — спросила она. — Где ты живешь и вообще...

— В другой раз, — оборвал он ее на полуслове. — Сейчас я хочу отвезти тебя назад — тебе ведь предстоит завтра долгий и утомительный перелет на самолете.

Тем вечером она расслабилась в первый раз после гибели Тони. Ощущение, что какая-то ее внутренняя движущая пружина все больше и больше ослабевает, исчезло. Она подумала, что сможет, наконец, быстро и без проблем заснуть, но сон, все-таки, пришел не сразу.

В ее и без того переутомленном мозгу роились сразу несколько не дававших ей покоя вопросов.

ЭЛИС СКАЗАЛА МНЕ... БЕДНАЯ БЕТ.

Но Элис собиралась провести все лето в Киттери, а это — в восьмидесяти милях от Скоухигэна. Хотя, может быть, она просто приехала в Лэйквуд, чтобы сходить, например, в тот же театр.

Его Корвет последней модели. Очень дорогая машина. Подрабатывая в массовке в Лэйквудском театре, такую машину не купишь. Но, может быть, у него просто богатые родители.

В ресторанчике он заказал именно то, что и она сама заказала бы себе — единственное, может быть, блюдо во всем меню, которое вызвало у нее прилив небывалого аппетита.

А сигареты с ментолом? А то, как он поцеловал ее, попрощавшись и пожелав спокойной ночи — ведь она очень хотела, чтобы он поцеловал ее. И причем именно так, как он это и сделал. А...

ТЕБЕ ВЕДЬ ПРЕДСТОИТ ЗАВТРА ДОЛГИЙ И УТОМИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕЛЕТ НА САМОЛЕТЕ.

Он знал, что она собиралась завтра домой, потому что она сама сказала ему об этом. Но откуда ему было знать, что она собирается лететь на самолете? Или что это будет долгий и утомительный полет?

Все это было очень странно и тревожило ее. Тревожило потому, что она была уже наполовину влюблена в Эда.

Я ЗНАЮ, ЧТО ТЕБЕ НУЖНО.

Как голос какого-нибудь капитана подводной лодки, спокойно объявляющий глубину, направление и скорость движения своего корабля. Именно эти слова сказал он ей, пожелав спокойной ночи и поцеловав на прощание.

Он не приехал провожать ее в маленький аэропорт «Огэста», из которого она улетала, и она была довольно сильно удивлена тем, что очень расстроена этим. Она сидела в зале ожидания и думала о том, как, порой незаметно, один человек подпадает под влияние другого — совсем как кролик перед удавом, и это становится очень трудно преодолимой привычкой, от которой не избавиться одним волевым решением, да и...

— **ЭЛИЗАБЕТ РОУГЕН,** — пропел приятный женский голос из громкоговорителей, — **ПОДОЙДИТЕ К БЕЛОМУ ТЕЛЕФОНУ НА ПУНКТЕ МЕЖДУГОРОДНОЙ СВЯЗИ.**

Она быстро нашла этот телефон и услышала голос Эда:

— Бет?

— Эд! Как я рада тебя слышать! Знаешь, я подумала, может быть, ты...

— ... встретишь меня? — рассмеялся он. — Нет, не смогу, к сожалению. Да ты вполне можешь обойтись и без этого. Ты ведь уже совсем взрослая девочка. К тому же, очень красивая. Думаю, ты прекрасно справишься и сама. Может быть, увидимся в колледже?

— Я... да, конечно.

— Хорошо, — сказал он и ненадолго замолчал. — Это просто здорово, Бет. Потому, что я люблю тебя. Я полюбил тебя с первой же нашей встречи.

От этих слов у нее просто отнялся язык, и она не могла произнести ни слова. В ее голове пронесся целый ураган мыслей.

Он снова тихо рассмеялся:

— Нет, не говори ничего. Не сейчас. Увидимся позже. У нас будет еще достаточно времени. Все время будет нашим. Счастливого пути, Бет. До встречи.

Послышались короткие гудки — он оставил ее одну наедине с белой телефонной трубкой в руке и с целым ворохом мыслей и вопросов в голове.

Сентябрь.

Элизабет постепенно, но все же с трудом возвращалась к учебе, да и вообще к жизни в колледже, как будто была оторвана от этого очень долгое время. Давал знать себя шок, пережитый этим летом. Старые привычки и навыки возвращались очень медленно. Ее соседкой по комнате в общежитии была, конечно, снова Элис — они жили вместе из года в год с самого первого курса — так распорядился однажды компьютер, занимающийся расселением студентов. Несмотря на очень разные интересы, да и вообще характеры, они ладили между собой довольно сносно. Элис училась на химическом факультете, Элизабет — на факультете обществоведения. То есть — технарь и гуманитарий, но дело не в этом. Они были сами по себе очень разными, что, однако, не влияло на их уже установившиеся вполне нормальные отношения.

После этого лета эти отношения стали все-таки несколько более прохладными. Элизабет отнесла это к тому их небольшому конфликту, который произошел этой весной по поводу ее подготовки к экзамену по социологии. И не придавала этому особого значения, надеясь, что со временем все забудется и встанет на свои места.

Все, что произошло этим летом, казалось ей теперь каким-то смутным сном. Ей все еще доставляли боль мысли о Тони, и она избегала говорить об этом с Элис, но эта боль была уже не такой сильной, как прежде. Раны начинали постепенно затягиваться. Самым забавным и,

вместе с тем, грустным ей казалось то, что она хорошо понимала, что когда-нибудь, спустя много лет, она будет вспоминать о Тони просто как о парне, с которым она когда-то в молодости училась в колледже.

Гораздо больше ее беспокоило то, что не появлялся Эд Хэмнер. С тех пор он даже ни разу не позвонил ей.

Прошла неделя, вторая, наступил октябрь. Она обратилась в деканат с просьбой подсказать ей адрес студента по имени Эдвард Джексон Хэмнер младший, но в графе «Место жительства» было почему-то только название улицы — Милл-стрит. Но Милл-стрит была очень длинной. Оставалось только ждать. Ее часто приглашали на вечеринки в разные веселые компании, но она каждый раз вежливо отказывалась. Элис удивленно вскидывала брови, но никак не комментировала такое странное поведение подруги. Она просто молчала и, уж конечно, не задавала никаких вопросов. В то время она, к тому же, была очень занята работой над каким-то проектом по биохимии и просто хоронила себя заживо в ворохах книг, проводя большинство вечеров в библиотеке. Элис часто получала письма — по крайней мере, одно-два в неделю. Элизабет возвращалась домой обычно первой и первым делом просматривала почту в надежде увидеть хотя бы одно письмо, адресованное ей. Письмо от Эда. Но каждый раз письма были только для Элис. Одно из них было даже из какого-то частного сыскного агентства.

Зазвонил селектор внутренней связи. Элис, не отрываясь от своих учебников, бросила через плечо:

— Ответь, Лиз. Может быть, это тебя.

Элизабет подошла к селектору:

— Да?

— Лиз, тебя спрашивает какой-то джентльмен, — слышался голос вахтерши.

О, ГОСПОДИ!

— Какой джентльмен? — переспросила она, взявшись рукой за голову — у нее сразу же началась сильная мигрень, впервые за последнюю неделю.

— Его имя Эдвард Джексон Хэмнер младший, — ответила вахтерша и, понизив голос до шепота сказала, — На нем разные носки — один зеленый, другой коричневый.

Рука Элизабет нервно взлетела к воротнику халата.

— О, Господи! Скажите ему, что я сейчас спущусь. Нет, скажите, что через минуту. Нет, через пару минут, о'кей?

— Хорошо, — ответили на том конце провода. — Не волнуйся так, детка.

Элизабет выхватила из стенного шкафа пару широких брюк, короткую джинсовую юбку, что-то еще, вспомнила со стоном, что в волосах у нее бигуди и принялась судорожно выдергивать их.

Элис, наблюдая за этими сборами, молча улыбалась и долго еще смотрела на дверь, захлопнувшуюся за убежавшей Элизабет.

Он выглядел все так же. Совсем не изменился. Все та же поношенная зеленая армейская куртка, которая была по крайней мере на два размера больше, чем нужно. Одна из дужек очков замотана изоляционной лентой. Джинсы — напротив — совсем новые и совершенно неразношенные. И, конечно, традиционно-разноцветные носки — один зеленый, другой коричневый.

Теперь она поняла точно, что любит его.

— Почему ты так долго не звонил? — спросила она, подойдя к нему вплотную.

Он вытащил руки из карманов куртки и улыбнулся.

— Я просто хотел дать тебе время хорошенько поразмыслить обо всем. Ты могла встретить за это время кого-нибудь еще, кто пришел бы тебе по душе больше, чем я.

— Думаю, я и так уже знаю, кто мне больше всех по душе.

— Хорошо. Не хочешь сходить в кино?

— Куда угодно, — глядя ему прямо в глаза, ответила она. — Куда угодно.

С каждым днем она все больше и больше понимала, что в ее жизни не было еще ни одного человека, который бы

так точно и без слов понимал все ее настроения и желания. Их вкусы и наклонности совпадали с точностью до абсолютной. Если Тони любил, например, очень подвижные и напряженные фильмы вроде «Крестного отца», то Эду, так же как и ей, больше нравились комедии или в меру душещипательные серьезные драмы. Однажды, когда у нее было неважное настроение, он вытащил ее в цирк, и плохого настроения как не бывало — вечер они провели просто прекрасно. Было по-настоящему весело, просто замечательно. С учебой тоже было все в порядке — благодаря усердным занятиям в ее любимом для этого месте, на третьем этаже библиотеки в читальном зале. Они очень любили ходить на дискотеки и особенно в дансинги. В старых танцах, которые очень любила Элизабет, Эд был вообще настоящим мастером. Однажды они выиграли даже первый приз в конкурсе танцев пятидесятых годов под названием «Ностальгия». Но самое главное — он всегда безошибочно угадывал все ее желания и всегда старался выполнить каждое из них. Она никогда не чувствовала с его стороны никакого давления, он никогда не торопил ее, как это обычно случалось у нее с другими мужчинами, которые были до Эда. Все шло размеренно, как по составленному ей самой расписанию — начиная с первого поцелуя и заканчивая той их незабываемой первой ночью, когда они остались с Эдом до утра у одного из его друзей. Квартира самого Эда была действительно на Милл-стрит, на третьем этаже одного из ее домов. Они часто бывали там, но у Элизабет никогда не было ощущения, что она входит в жилище обычного Дона Жуана. Он всегда искренне желал только того, чего желала она. Все продвигалось просто прекрасно.

* * *

Закончился очередной семестр и наступила пора кратковременных каникул. Элизабет стала замечать какую-то странную озабоченность своей соседки. В тот день Эд должен был заехать за Элизабет после полудня — они собирались куда-то поехать вместе обедать. Элизабет несколько раз обратила внимание на то, что Элис как-то странно хмурит брови и косится на большой конверт,

лежащий на углу ее стола, будто бы не решаясь раскрыть его при Элизабет. Один раз она совсем уж было собралась спросить у Элис, что это, но потом решила, что лучше не стоит. Может быть, это какой-нибудь новый проект.

Когда Эд довез ее тем вечером обратно до общежития, шел сильный снег.

— До завтра? — спросил он. — На моем месте?

— Да. Я нажарю кукурузных зерен.

— Отлично, — прошептал он и поцеловал ее. — Я люблю тебя, Бет.

— Я тоже тебя люблю.

— Хочешь, останемся завтра ночевать у меня? — тихо спросил Эд.

— Хорошо, Эд, — ответила она тоже очень тихо. — Как ты захочешь.

— Хорошо, — прошептал он, глядя ей прямо в глаза. — Спокойной ночи, малыш.

— Спокойной ночи.

Она думала, что Элис уже спит, и вошла в комнату очень тихо, но Элис не спала и сидела за своим столом.

— У тебя все в порядке, Элис?

— Я должна поговорить с тобой, Лиз. Об Эде.

— А что такое?

— Сейчас узнаешь, — осторожно начала Элис. — Думаю, что после того, как мы закончим этот разговор, мы не сможем больше оставаться подругами. Точнее говоря — ты, скорее всего, не захочешь. Да и мне во всем этом многое не нравится. Так что я хочу, чтобы ты выслушала меня внимательно.

— Может быть, тогда лучше не стоит и начинать этот разговор?

— Нет, я просто должна это сделать.

Элизабет почувствовала какое-то любопытство, переходящее в гнев.

— Ты что, имеешь какие-то виды на Эда? Разнюхивала что-нибудь о нем?

Элис только молча посмотрела на нее.

— Похоже, ты глаз на него положила?

— Да нет же. Если бы это было так — я давно бы уже действовала по-другому.

Элизабет посмотрела на нее озадаченно. Интуитивно она чувствовала, что то, что скажет сейчас Элис — правда. Неожиданно ей стало страшно.

— Две вещи беспокоят меня в Эде Хэмнере, — начала Элис. — Во-первых, в письме, в котором ты сообщила мне о смерти Тони, ты написала, что, как здорово, что я встретила Эда в Лэйквудском театре, как он приехал прямо в Бутбэй и поддерживал тебя в тяжелую минуту. Но я не встречалась с ним, Лиз. В это лето я и близко не была рядом с Лэйквудским театром.

— Но...

— Как он узнал о том, что Тони погиб? Понятия не имею. Я знаю только, что я ему об этом не говорила. Дальше: помнишь тот наш разговор весной перед твоим экзаменом по социологии его якобы фотографической памяти? Да он не помнит, какие он носки надел с утра!

— Слушай, не сваливай все в одну кучу! — попыталась возразить Элизабет. — Это ведь...

— Это лето Эд Хэмнер провел в Лас-Вегасе, — медленно проговорила Элис. — В середине июля, за полмесяца с лишним до смерти Тони, он приехал оттуда в Пемэкуид, недалеко от Бутбэя, и снял там номер в мотеле, как будто дожидаясь, когда сможет понадобится тебе.

— Что ты городишь, Элис! И вообще, откуда тебе известно, что Эд был в Лас-Вегасе?

— Не спеши, я расскажу тебе все по порядку. Я разговаривала с Ширли Д'Антонио. Она большая театралка и работала этим летом в ресторане «Пайнз» прямо напротив театра, не пропуская ни одного спектакля. Так вот, она сказала, что ни разу не видела там никого, даже близко похожего на Эда Хэмнера. То есть, он обманул тебя уже несколько раз. Я решила посоветоваться по поводу всего этого с отцом и он подсказал мне кое-что.

— Что же? — спросила Элизабет, совершенно сбиваясь с толку.

— Он посоветовал мне обратиться в частное сыскное агентство и нанять детектива.

Элизабет вскочила с кресла как ужаленная.

— Хватит, Элис! Достаточно! Ни слова больше!

Она собралась успеть на последний автобус в город и уехать ночевать к Эду. И вовсе не собиралась задавать ему какие-либо вопросы.

— По крайней мере, ты должна ЗНАТЬ об этом, — проговорила Элис. — Человек все-таки должен принимать решения САМ.

— Я не желаю знать больше ничего, кроме того, что я уже знаю — что он очень хороший, добрый...

— Любовь слепа, милочка, — произнесла Элис с горькой улыбкой. — А ты никогда не задумывалась, Лиз, о том, что я, может быть, тоже люблю тебя? Ты думаешь, я стала бы влезать во все это, если бы твоя судьба была мне безразлична? Ты об этом не подумала?

Элизабет обернулась и пристально посмотрела на нее.

— Если даже и так, то странным же ты образом выражаешь мне свое расположение...

Помолчав немного, она добавила:

— Знаешь, ты, пожалуй, продолжай. Может, ты действительно права, и мне лучше, по крайней мере, выслушать тебя. Продолжай.

— Ты знакома с ним, между прочим, уже довольно много лет, — продолжила Элис, говоря тихим спокойным голосом.

— Я... что?

— П.С. 119, Бриджпорт, штат Коннектикут.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. От неожиданности Элизабет буквально онемела. Она жила с родителями в Бриджпорте шесть лет, и переехали они оттуда туда, где живут сейчас, только когда она училась во втором классе. И их адрес был действительно П.С. 119, Бриджпорт, штат Коннектикут, но...

— Элис, ты уверена?

— Ты вспомнила его?

— Нет, конечно, нет!

Но она вспомнила то чувство, которое охватило ее, когда она увидела Эда в первый раз — чувство ДЕЖАВЮ...

— Что ж, неудивительно — хорошенькие девочки редко обращают внимание на гадких утят и, уж конечно, еще реже запоминают их. А ведь он, по-видимому, был очень сильно влюблен в тебя. Ты училась с ним вместе в первом классе, Лиз. Возможно, он сидел где-нибудь на задних партах и... глаз не спускал с тебя целыми днями. Или в школьном дворе. Просто маленький непримечательный очкарик, которого ты даже не запомнила. Но могу поспорить на что угодно, что он помнит тебя прекрасно.

— Что ты узнала еще?

— Агентство идентифицировало его личность безошибочно — по отпечаткам пальцев. После этого оставалось только найти людей, которые были так или иначе знакомы с ним, и переговорить с ними. Агент, взявшийся за эту работу, сказал, что ему кое-что непонятно из того, что удалось узнать. Мне, кстати, тоже. Кроме того, что непонятно, меня это даже испугало.

— Что же тебя испугало? — холодно спросила Элизабет.

— Не перебивай меня, пожалуйста. Эд Хэмнер старший был завзятым картежником. А вообще он довольно долгое время проработал в Нью-Йорке в каком-то рекламном агентстве. Попав в какую-то скандальную историю, он сбежал оттуда и поселился в Бриджпорте. Нанятый мной агент говорит, что этот человек не пропускал ни одной крупной игры в городе. Особенно, когда играли в покер.

— Да... Я вижу, эти люди неплохо покопались в грязном белье за твои доллары, — сказала Элизабет, устало прикрыв глаза рукой.

— Не важно, в чем они копались. Важны факты. В Бриджпорте отец Эда снова попал в довольно затруднительное финансовое положение. И снова из-за азартных игр. Он сильно проигрался, влез в большие долги, снова

проигрался и так далее до тех пор, пока положение не стало просто отчаянным. Однажды он каким-то образом умудрился сломать себе и ногу, и руку сразу.

— Что-нибудь еще, — не в силах держать себя в руках, с вызовом спросила Элизабет. — Избиение младенцев? Или присвоение и растрата чужого имущества?

— Он опять скрылся от уплаты уже совершенно фантастических долгов, переехал в 1961-м году в Лос-Анджелес и снова устроился в какое-то рекламное агентство. Уроки прошлого не пошли ему впрок, и он стал каждый уикэнд ездить играть в Лас-Вегас, был очень азартен и, как всегда, почти постоянно помногу проигрывал, отчаянно надеясь отыграться. Как-то раз он взял с собой в казино своего сына Эда и... начал выигрывать.

— Никак не могу понять, зачем ты мне все это рассказываешь. Нельзя ли как-нибудь покороче и поопределеннее?

Элис похлопала рукой по папке с собранным досье:

— Здесь есть все, Лиз. Не все эти документы имеют юридическую силу, но агент, который разговаривал с людьми, показания которых собраны здесь, считает, что у них не было никаких причин врать ему. Отец Эда называл его своим «маленьким талисманом». Поначалу на мальчика никто не обращал никакого внимания. Даже несмотря на то, что детям в игорных заведениях находиться запрещено. Его отец постепенно стал настоящим везунчиком и сущим бедствием для владельцев казино и, разумеется, для тех, кто садился с ним играть. Со временем он совсем уже разошелся и играл только по-крупному. В рулетку, например, он ставил только на чет-нечет или на красное-черное и никогда не проигрывал. К концу года их уже просто не впускали ни в одно казино, ссылаясь на то, что несовершеннолетним вход туда воспрещен. И тогда его отец начал играть в другие игры.

— В какие же?

— Он стал играть на бирже. Когда Хэмнеры приехали в Лос-Анджелес в середине 1961 года, они жили в крохотной скромной квартире за девяносто долларов в месяц, а

мистер Хэмнер ездил на дряхлом Шевроле модели 52-го года. К концу 1962 года он уволился с работы — это было ему уже просто ни к чему. Всего через шестнадцать месяцев они жили уже в собственном роскошном доме в Сан-Джоузе. Мистер Хэмнер ездил на новеньком Танเดอร์берде последней модели, а миссис Хэмнер — на собственном Фольксвагене. То есть, понимаешь? Их могли не впускать в казино, ссылаясь на закон штата Невада, запрещающий вход туда несовершеннолетним, но никто не мог запретить Эду Хэмнеру старшему давать просматривать своему сыну биржевые сводки.

— Ты имеешь в виду, что Эд... что он мог... Элис, ты просто сумасшедшая!

— Я ничего не имею в виду. Тут и так все ясно, по-моему. Эд Хэмнер просто прекрасно знал, что нужно было его отцу.

Я ЗНАЮ, ЧТО ТЕБЕ НУЖНО.

Она вздрогнула оттого, что ей показалось, что Эд Хэмнер неожиданно очутился у нее за спиной и прошептал ей эти слова на ухо.

— Практически все шесть последовавших за этим лет миссис Хэмнер провела в различных психиатрических клиниках. Вначале предполагалось, что она просто страдает сильными нервными расстройствами, но один из лечивших ее врачей, с которым разговаривал мой агент, утверждает, что она была самой настоящей душевнобольной, причем в очень тяжелой форме. Она считала своего сына заместителем Дьявола на земле. Однажды в 1964 году она пыталась убить его ножницами и сильно поранила ему плечо. Она... Лиз? Лиз, что с тобой?

— Шрам... — пробормотала Элизабет. — Однажды, около месяца назад, мы купались с ним ночью в открытом бассейне университета, и я увидела у него сильный глубокий рубец на плече... здесь, — она положила руку себе на плечо немного выше левой груди. — Он сказал... — к ее горлу поднялся тошнотворный комок, и ей пришлось подождать, пока он отступит. — Он сказал, что когда был

маленьким мальчиком, он сильно упал этим местом на острый забор.

— Продолжать?

— Да, конечно. Теперь уже поздно останавливаться.

— В последний раз его мать была выписана из роскошной психиатрической клиники Сан Джоэкуин Вэлли в 1968 году. Однажды они все втроем решили устроить семейный пикник недалеко от Дороги 101. Эд собирал дрова для костра недалеко от высокого обрыва над морем, как вдруг его мать села в машину (Эд Хэмнер старший тоже находился в это время внутри), завела ее и помчалась прямо на своего сына. Эду удалось, по-видимому, успеть отпрыгнуть в сторону, но оба его родителя погибли, упав в машине с огромной высоты на прибрежные скалы. Эду было тогда почти восемнадцать. Отец оставил ему наследство в миллион долларов наличными, не считая различных ценных бумаг, акций и так далее. И еще — прекрасный дом. Через полтора года Эд уехал на восток и поступил в тот же колледж, в котором учишься и ты. Вот, собственно, и все, что мне удалось узнать.

— Как? И никаких больше скелетов или привидений?

— А тебе что, всего этого мало?

Она медленно поднялась с кресла.

— Теперь понятно, почему он так не хотел говорить о своей семье. Да, хорошо поработали детективы, ничего не скажешь — чуть мертвецов из могилы не подняли.

— Ты просто слепая, — проговорила Элис, глядя, как Элизабет надевает пальто. — К нему, конечно, едешь?

— Да.

— Потому, конечно, что ты его любишь?

— Да.

Элис быстро подошла к ней и взяла за руку:

— Остановись, прекрати дуться и раздражаться хотя бы на секунду и ПОДУМАЙ! Эд Хэмнер способен делать такие вещи, о которых обычные люди даже не мечтают. Он подсказывал своему отцу, куда ставить на рулетке, и тот никогда не проигрывал, разве что для вида, помог ему разбогатеть на биржевых махинациях. Он просто знает,

где выигрыш. Это просто-напросто способность предвидения, наверняка связанная с каким-нибудь психическим отклонением. Я не знаю. Известны, конечно, и другие случаи, когда подобные способности проявлялись и у других людей, но, как правило, в меньшей степени. У тебя никогда не было ощущения, что он принуждает тебя любить его, что он делает это насильно?

— В жизни не слышала ничего более нелепого, — медленно повернувшись к ней, ответила Элизабет.

— Неужели? Ведь он дал тебе вопросы к экзамену по социологии точно так же, как подсказывал отцу правильные числа при игре в рулетку. Он НИКОГДА не изучал социологию. Я проверяла. Он сделал это для того, чтобы привлечь твое внимание, заинтересовать тебя, чтобы ты отнеслась к нему серьезно.

— Прекрати! — закричала Элизабет, прижав руки к ушам.

— Он просто знал эти вопросы, он знал, когда погибнет Тони, он знал, что ты полетишь оттуда домой на самолете. Он даже знал точный психологический момент, когда ему снова появиться в твоей жизни в октябре.

Элизабет высвободила руку и дернула на себя входную дверь.

— Пожалуйста, — просила ей вдогонку Элис. — Пожалуйста, Лиз, послушай! Я не знаю, как у него это все получается. Я сомневаюсь даже, что и ОН САМ это знает. Может быть, он и не хотел причинить тебе никакого вреда, но он уже причинил его тебе. Он сделал так, чтобы ты полюбила его, предупреждая каждую твою мысль и желание, даже самые заветные и потаенные. Но это не любовь, Лиз! Это самое настоящее насилие!

Элизабет хлопнула дверью и быстро побежала вниз по лестнице.

Она успела на самый последний автобус, идущий в город. Снег пошел еще сильнее. На дороге намело большие заносы и автобус пробирался сквозь них, как какой-нибудь гигантский жук. В салоне было всего шесть или

семь пассажиров. Элизабет села на самое заднее сидение. В ее голове роились тысячи самых разных мыслей.

Сигареты с ментолом. Биржа. То, как он якобы угадал, что детское прозвище ее мамы было Ди-ди. Худенький мальчик в очках, незаметно таращившийся с задней парты на маленькую девочку, сидящую перед ним и слишком маленькую для того, чтобы понять, что...

Я ЗНАЮ, ЧТО ТЕБЕ НУЖНО.

НЕТ. НЕТ. НЕТ. Я ЛЮБЛЮ ЕГО!

Любила ли она его на самом деле? Или ей просто доставляло наслаждение сознание того, что существует кто-то, кто всегда заказывает для нее в ресторанах и кафе именно то, что она любит больше всего, кто всегда водит ее именно на те фильмы, которые она больше всего хотела бы посмотреть, и не хочет ничего того, чего не хотелось бы ей? Не был ли он неким психологическим зеркалом, в котором она видела только то, что ей хотелось бы видеть? Подарки, которые он дарил ей, были именно такими, которые она хотела. Когда неожиданно похолодало, и ей срочно понадобился новый фен для сушения волос взамен сломавшегося старого, кто подарил ей его? Эд Хэмнер, конечно, кто же еще? Купил по случаю, — как он сказал, — понравился просто и купил — подумал, что, может быть, тебе нужен такой. Конечно, ей это было очень приятно.

**НО ЭТО НЕ ЛЮБОВЬ, ЛИЗ! ЭТО САМОЕ НАСТО-
ЯЩЕЕ НАСИЛИЕ!**

Она вышла на углу Мэйн-стрит и Милл-стрит и тут же отвернулась от немилосердно стегавшего по лицу ветра. Автобус обдал ее дизельным выхлопом и через несколько секунд его красные габаритные огоньки скрылись в густой темноте.

Еще ни разу в жизни она не чувствовала себя так одиноко.

Его не было дома.

Она звонила и стучала в его дверь минут пять, но все безрезультатно. Тут вдруг она впервые подумала о том,

что не имеет ни малейшего представления о том, чем занимается Эд, с кем встречается, когда они не вместе. Эти мысли не приходили ей в голову раньше никогда.

МОЖЕТ БЫТЬ, ОН ИГРАЕТ СЕЙЧАС В ПОКЕР, НАПРИМЕР, ЧТОБЫ КУПИТЬ КАКОЙ-НИБУДЬ ФЕН ИЛИ ЕЩЕ ЧТО-НИБУДЬ КАКОЙ-НИБУДЬ ДРУГОЙ ЖЕНЩИНЕ...

С неожиданной решимостью она привстала на цыпочки и пошарила рукой над дверью, где, как она знала, он иногда оставлял запасной ключ. Наконец, ее пальцы наткнулись на него, и ключ со звоном упал на каменный пол.

Она подняла его, открыла замок и вошла в прихожую.

Квартира без Эда выглядела как-то странно — как-то искусственно, что ли, ненатурально, как театральная сцена. Ее всегда удивляло, в какой чистоте и порядке содержится он свое жилище, совершенно не заботясь при этом о собственном внешнем виде. Как будто он наводил весь этот порядок и чистоту не для себя, а только для нее. Ерунда какая-то.

Она снова подумала о том — точно так же, как в первый раз, когда побывала здесь, — как ей нравятся его кресла.

Кресла, в которых они занимались или смотрели телевизор. Эти плюшевые кресла были что надо — не слишком жесткие и не слишком мягкие — именно то, что надо. Как и все, впрочем, что связано с Эдом.

В главной, большой комнате было две двери. Одна из них вела на кухню, другая — в спальню.

Ветер снаружи завывал с неистовой силой и старое деревянное здание отвечало ему тихим поскрипыванием.

Войдя в спальню, она остановила взгляд на большой кровати с медным витым изголовьем. Кровать тоже была ни жесткой, ни мягкой, а как раз такой, как нужно. Она услышала какой-то внутренний голос: **ОНА ДАЖЕ СЛИШКОМ ХОРОША, НЕ ПРАВДАЛИ?**

Она подошла к книжному шкафу и пробежала глазами по корешкам книг. Взгляд зацепился за одно из названий,

и она вытащила эту книгу. Она называлась «ПОПУЛЯРНЫЕ ТАНЦЫ ПЯТИДЕСЯТЫХ». Книга как будто сама открылась на странице почти в самом конце, на которой ее, по-видимому, не раз раскрывали раньше — на заголовке «Стролл». Это был один из самых ее любимых танцев. Название танца было жирно подчеркнуто красным карандашом, а сбоку от него — большими печатными буквами: БЕТ.

Лучше всего сейчас уйти, — сказала она себе самой. Еще можно что-то спасти. Если он сейчас вернется, я никогда не смогу посмотреть ему в глаза, и Элис окажется права.

Но она уже не могла остановиться и хорошо понимала это. Все зашло уже слишком далеко.

Она подошла к шкафу и потянула за ручку двери, но дверь оказалась запертой.

Она снова поднялась на цыпочки и стала наудачу шарить рукой над дверцей. Вскоре ее пальцы действительно нащупали ключ. Она вставила его в замочную скважину и снова услышала отчетливый внутренний голос: НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО. Она вспомнила сказку о Синей Бороде — о том, что случилось с его женой, когда она отперла запретную дверь. Но было уже действительно слишком поздно. Если она остановится сейчас, то будет потом очень жалеть об этом. Повернув ключ в замке, она открыла дверцу.

У нее появилось очень странное ощущение, что именно за этой дверцей и кроется разгадка того, кто же такой Эд Хэмнер на самом деле.

Ей сразу же бросился в глаза беспорядок, так похожий на него: сваленная в кучу одежда, теннисная ракетка без струн, пара стоптанных теннисных тапочек, старые программки для подготовки к экзаменам и тематические доклады, разбросанные там и сям, рассыпавшийся наполовину пакет с трубочным табаком «Боркум Рифф». Его старая зеленая армейская куртка валялась в самом дальнем углу шкафа.

Она взяла в руки одну из валявшихся там же книг и взглянула на название — ЗОЛОТОЙ СУК. Следующая

называлась ДРЕВНИЕ ОБРЯДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТАЙНЫ. Следующая — ШАМАНЫ С ОСТРОВА ГАИ-ТИ. И последняя, в старом потрескавшемся кожаном переплете, была настолько, по-видимому, древней и плохо сохранилась, что воняла почти как протухшая рыба. Название книги было вытиснено на коже и почти стерлось от времени — КОЛДОВСТВО. Она раскрыла ее наугад, и ей тут же ударило в нос сильное зловоние, от которого буквально перехватило дыхание. Она с отвращением отшвырнула ее прочь, но запах все равно остался.

Для того, чтобы хотя бы немного вернуть самообладание, она потянулась к хорошо знакомой зеленой поношенной куртке, стыдясь признаться себе в непреодолимом желании посмотреть, что в ее карманах. Но, подняв куртку, она увидела под ней кое-что еще — это была небольшая жестяная коробка...

Не в силах побороть любопытство, она взяла ее в руки и стала разглядывать с разных сторон, поворачивая ее к себе то одним, то другим боком. Судя по стуку внутри коробки, в ней что-то было. Это была обычная жестяная коробка из-под леденцов, в которых мальчишки хранят свои сокровища. Она прочла на крышке выдавленную надпись «Бриджпорт Кэнди Ко.» и открыла ее.

С самого верха лежала кукла. Кукла, изображавшая Элизабет.

Кукла была одета в платье, сшитое из куса красного нейлона — из куса шарфика Элизабет, потерянного ею два или три месяца назад, когда они ходили с Эдом в кино. Рукава платья были «украшены» кусочками ярко-голубого мха. Такой мох Элизабет видела когда-то на могильных камнях. На голове куклы была тщательно сделанная очень аккуратная прическа. Но волосы — не такие, как у нее. Это были светлые, почти белые льняные волосы, тщательно прикрепленные к голове куклы, искусно сделанной из розовой, цвета кожи резины. Ее же волосы были светло-русыми, но не настолько светлыми, как у куклы, а, скорее, песчаного оттенка. И намного более не то, чтобы грубые, но толстые. Волосы же на голове у куклы были...

ТОЧНО ТАКИМИ КАК, КОГДА ОНА БЫЛА МАЛЕНЬКОЙ ДЕВОЧКОЙ.

Элизабет с трудом сглотнула комок, подступивший от волнения к горлу, и отчетливо вспомнила, как однажды в детстве, как раз в первом классе, им всем раздали маленькие игрушечные детские ножницы с закругленными лезвиями, и как однажды на перемене кто-то незаметно подкрался к ней сзади и, воспользовавшись всеобщей шумливой суетой и толчеей, отхватил целую прядь ее волос. Теперь она поняла, кто сделал это — это был тот незаметный маленький мальчик в очках...

Элизабет отложила куклу в сторону и снова заглянула в коробку. Под куклой лежала голубая фишка для игры в покер. На ней красными чернилами был нарисован какой-то непонятный символ — почти правильный шестиугольник. За фишкой следовал старый выцветший от времени газетный некролог, извещавший о гибели мистера и миссис Хэмнер. С фотографии, сопровождавшей некролог, невыразительно улыбались мужчина и женщина неопределенного возраста. Вокруг их лиц были нарисованы точно такие же шестиугольники, как и на фишке, только не красными, а черными чернилами. Под вырезкой лежали еще две небольшие человеческие фигурки, имеющие поразительное, просто пугающее сходство с людьми на фотографии, которую она только что держала в руках.

За фигурками лежа...

Вначале она просто не поверила своим глазам. Пальцы ее дрожали так сильно, что она чуть не выронила то, что достала из коробки вслед за фигурками. В эту секунду щелкнул замок открываемой входной двери, но она этого даже не услышала.

Это была масштабная декоративная модель автомобиля, коллекционированием которых очень увлекаются некоторые мальчишки. «Фиат» красного цвета. На решетке радиатора висел крохотный кусочек ткани, посмотрев на который, она сразу вспомнила рабочую куртку Тони, в которой он и погиб.

— Все-таки ты нашла ее, дрянь неблагодарная.

Она вскрикнула и уронила от неожиданности и машинку, и коробку. Все его тайные сокровища рассыпались по полу.

Он стоял в дверях и с ненавистью смотрел ей прямо в глаза. Такого ненавидящего взгляда она не видела еще никогда в жизни.

— Ты убил Тони.

Его лицо растянулось в отвратительной улыбке.

— Ты думаешь, что сможешь доказать это?

— Это не важно, — ответила она, удивляясь спокойствию и твердости своего голоса. — Главное, что я знаю об этом. И я больше знать тебя не желаю! И если ты сделаешь... что-нибудь подобное... еще кому-то, я обязательно узнаю об этом, и уж тогда расплаты тебе не миновать. Я знаю это точно.

Его лицо сморщилось точно от боли.

— Так вот, значит, какова твоя благодарность? Я давал тебе все, чего бы ты ни пожелала. Я давал тебе такое, что не смог бы дать ни один другой человек. Ты была счастлива со мною, и ты не можешь не согласиться с этим.

— **ТЫ УБИЛ ТОНИ!** — пронзительно закричала она ему прямо в лицо.

Он вошел в комнату.

— Да. Но я сделал это для тебя. А что же ты, Бет?.. Ты не знаешь, что такое любовь. Я полюбил тебя с самого первого момента, как только увидел... уже больше семнадцати лет назад. Мог бы Тони сказать такое же о себе? Ты никогда не знала, чего стоит настоящая любовь. У тебя никогда не было с этим никаких проблем. Ты **КРАСИВАЯ**. Ты никогда не знала, что значит хотеть любви, что значит нуждаться в ней, что значит быть одиноким. Тебе никогда не нужно было искать ее... **ДОБИВАТЬСЯ ЕЕ**. Все это давал тебе Тони или кто-нибудь другой, который обязательно был бы на его месте. Тебе нужно было только улыбнуться — и все!

Его голос стал громче.

— Я не смог бы добиться любви таким способом **НИКОГДА**. Ты думаешь, я не пытался? Все впустую. Я из

кожи вон выворачивался, чтобы угодить в детстве своему отцу, а он хотел все большего и большего, но даже ни разу не поцеловал меня перед сном и не пожелал спокойной ночи. Разбогател он только благодаря мне, но я никогда не видел в его глазах и тени благодарности. Мать — то же самое. Я помог ей восстановить семью, делал все для того, чтобы она была счастливой. Ты думаешь, она любила меня? Она меня ненавидела! Она считала меня чудовищем, она... Бет, не делай этого! Бет... не надо! НЕ НА-А-А-ДО!..

Но она уже изо всех сил топтала ногами куклу-Элизабет.

Что-то внутри нее самой вспыхнуло и задержалось как при агонии и так же неожиданно затихло. Теперь она его не боялась. Теперь это был просто маленький тщедушный мальчишка в теле молодого мужчины. Ее взгляд упал на его как всегда непарные носки.

— Не думаю, Эд, что ты можешь теперь сделать мне что-нибудь. Теперь уже поздно. Я не права?

Он, чуть не плача, отвернулся от нее.

— Уходи, — слышался его слабый голос. — Уходи, но оставь в покое мою коробку. Сделай для меня хотя бы это.

— Коробку я оставляю. Но не то, что в ней было.

Она собрала символы его бывшего могущества и направилась мимо него к двери. Его плечи дернулись, как будто он хотел внезапно обернуться и схватить ее, но вместо этого он еще больше ссутулился и бессильно прислонился к стене.

Когда она спустилась уже до второго этажа, он вышел на свою лестничную клетку и пронзительно закричал ей вслед:

— Ты можешь уйти! И ты уходишь! Но после меня ты не сможешь быть счастлива ни с одним человеком! И когда ты поймешь, что никто не может дать тебе все, чего ты хочешь, ты снова захочешь вернуться ко мне! Ты еще не раз вспомнишь, от чего ты отказалась!

Она вышла, наконец, из подъезда и тут же попала в сильный снегопад. Лицо приятно обдало холодом. До

студгородка ей предстояло пройти мили две, но это ее не беспокоило. Напротив, она хотела этого, хотела этого холода, хотела очиститься с его помощью.

Странно, но ей было немного жаль этого маленького мальчика, которому, несмотря на его духовное убожество, была подвластна столь огромная сила. Маленького мальчика, который относился к людям как к игрушечным солдатикам и который передвигал их так же просто, как можно передвинуть солдатиков, который безжалостно расправлялся с ними, если они по каким-либо причинам не могли или не хотели исполнять его волю. Расправлялся так же просто, как просто растоптать маленького и беззащитного игрушечного солдата...

А что же она? Она просто была счастлива видеть в нем то, чего на самом деле не было. Она слепо верила ему, не чувствуя никакого подвоха. Она вспомнила о том, как резко реагировала на то, о чем рассказала ей Элис, бездумно и действительно слепо цепляясь за то, что было ей больше, чем счастье... Бездумно, просто бездумно...

И КОГДА ТЫ ПОЙМЕШЬ, ЧТО НИКТО НЕ МОЖЕТ ДАТЬ ТЕБЕ ВСЕ, ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ, ТЫ СНОВА ЗАХОЧЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ КО МНЕ!.. Я ЗНАЮ, ЧТО ТЕБЕ НУЖНО.

Но неужели она действительно настолько ничтожна, что ей нужно так немного?

О, конечно, нет.

Пройдя приблизительно половину пути между городом и студгородком, она остановилась на небольшом мосту, перекинутом через маленькую замерзшую речку, и, не колеблясь, выбросила за перила все символы мистического могущества Эда Хэмнера, один за другим. Последним в почти непроницаемой снежной завесе скрылся красный «Фиат». Он скрылся из глаз почти мгновенно, и Элизабет сразу же торопливо зашагала домой.

Содержание

БЕГУЩИЙ	6
Перевод К.Котова	
МЕТОД ДЫХАНИЯ	246
ДЕДА	318
Перевод А.Кудряшова и П.Мухина	
ГАЗОНОКОСИЛЬЩИК	334
Перевод А.Мясникова	
НОЧНОЙ ПРИБОЙ	350
Перевод А.Мясникова	
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ЦВЕТЫ	364
Перевод А.Мясникова	
ЖЕНЩИНА В КОМНАТЕ	374
Перевод А.Мясникова	
Я ЗНАЮ, ЧТО ТЕБЕ НУЖНО	396
Перевод А.Мясникова	

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг
БЕГУЩИЙ

Выпуск 12

ЛР № 061592 от 07.09.92.

Сдано в набор 23.05.93. Подписано в печать 14.09.93.

Формат 60×88¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага кн.-журн. сыктывкар.

Объем 27 п. л. Печать офсетная. Тираж 100 000 экз.

Заказ № 1211.

Издательство «Кэдмэн» 140160, г. Жуковский М.О. а/я 21.

Тел. в Москве 236-40-74

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени

ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.

198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр. 29.

СТИВЕН КИНГ

В следующем выпуске нашей
серии вы познакомитесь
с великолепным романом
Стивена Кинга «Оно»,
в котором рассказывается о борьбе
жителей американского города
со сверхъестественным чудовищем
пожирающим детей.